В. И. ТАЛАНИН

РУССКАЯ И РУССКО-ВЕНГЕРСКАЯ ЗНАТЬ X-XV вв.: ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. И. ТАЛАНИН РУССКАЯ И РУССКО-ВЕНГЕРСКАЯ ЗНАТЬ X-XV вв.

В. И. ТАЛАНИН

РУССКАЯ И РУССКО-ВЕНГЕРСКАЯ ЗНАТЬ X-XV вв.: ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Запорожье

2016

УДК [929.52 + 929.7 + 94(47) + 908 (470+571)]
ББК 63.3(2)4
Т 160

Таланин В. И.
Т 160

Русская и русско-венгерская знать X-XV вв.: историко-генеалогическое исследование. – Запорожье: ЗНУ, 2016. – 227 с.

ISBN 978-966-599-532-6

Книга является продолжением исследования автором генеалогии русского княжеского/боярского рода Нискиничей, потомков последнего князя Древлянской земли Нискини/Мала и его сына Добрыни, дяди по матери В.К. Владимира I Святославича. Восстановлена генеалогия южнорусского (галицкого) ответвления рода XI-XIII вв., основанного новгородским боярином Вышеславом (Вячеславом/Вышатой) Остромиричем. Показано, что к этому роду принадлежали известные галицкие бояре-«кормильчичи» начала XIII в. Определено, что в первой половине XIII в. часть представителей рода переселилась в Венгерское королевство. Восстановлена генеалогия венгерской ветви рода Нискиничей XIII-XV вв., основанная четырьмя сыновьями новгородского боярина Сбыслава Степанича. В частности, показано происхождение от Нискиничей венгерского графского рода *Tisza* (*Tuca*). Приведена информация о действительных и гипотетических потомках венгерских Нискиничей в XV-XVI вв.

Предназначается как для профессиональных историков, генеалогов и учащихся, так и для всех, интересующихся русской историей.

УДК [929.52 + 929.7 + 94(47) + 908 (470+571)]
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-966-599-532-6 **© В. И. Таланин, 2016**

Оглавление

1. Введение 4
2. О поиске потомков древлянских князей, основанном на топонимических наблюдениях 5
3. Феномен галицкого боярина Володислава «Кормильчича» 12
4. Происхождение галицких «Кормильчичей» 28
5. Начало галицких Нискиничей 42
6. Финальный этап галицких Нискиничей 82
7. Венгерская ветвь Нискиничей 117
8. Послесловие 185
9. Выводы 200
Перечень источников 212
Перечень литературы 216

1. Введение

В нашей предыдущей работе мы документально восстановили 15 поколений рода, основателем которого был новгородский корыстный купчина Лукьян Леонтьев, вместе с семьёй переселившийся ок. 1577/1579 гг. в Нижний Новгород и Берёзопольский стан Нижегородского уезда[1]. В Нижнем Новгороде старший брат этого купца основал Сошествия Святого Духа монастырь, став его первым игуменом (Порфирий [1579/1580 – 1600/1604])[2]. В Берёзопольском стане купец основал сельцо Подолец (ок. 1579/1580), которое затем после выстроенной им же церкви Рождества Пресвятой Богородицы (до 1587) получило – по имени церкви – название села Богородского (совр. г. Богородск Нижегородской обл.). Его потомками стали три местных рода Таланиных, Пономарёвых и Проскуряковых/Проскурниковых. Дополнительно удалось установить, что с большой степенью вероятности от указанного новгородского купца произошли также богородский род Третьяковых и один из трёх местных родов Поповых[3].

В нашей следующей работе удалось показать происхождение Лукьяна Леонтьева из древненовгородского боярства Неревского конца[4]. Также здесь была построена генеалогическая схема неревского боярского рода на протяжении X-XVI вв. Удалось показать происхождение от этого рода четырёх архангелогородских черносошных крестьянских родов (Амосовых, Кологривовых, Леонтьевых/Лентьевых, Молодых Бояр), а также установить несомненную принадлежность к нему чёлмужского обельного крестьянского рода Ключарёвых[5]. Дополнительно была показана историчность былинного «Василия Буслаева» и принадлежность его к боярскому роду Неревского конца; также показано, что ряд представителей этого рода имели непосредственное отношение к процессам русского летописания и сложения былин[6].

Как показало наше исследование, боярский род Неревского конца восходит к своему основателю – первому историческому новгородскому посаднику, дяде по матери В.К. Владимира I Святославича [980-1015], Добрыне. Также мы придерживаемся концепции Д.И.Прозоровского (1820-1894)[7], поддержанной некоторыми авторами[8], о том, что

---

[1] *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015.

[2] Здесь и далее в круглых скобках указываются даты жизни, в квадратных – служебные сроки.

[3] *Таланин В.И.* К вопросу о происхождении богородских родов Третьяковых и Поповых // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. 2016. Вып. 14. С. 97-104.

[4] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

[5] В отношении Ключарёвых родство с неревскими боярами не было доказано документально, но лишь логически.

[6] *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в развитие средневековой литературы // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы V науч. конф. 28 апреля 2016 года. Н. Новгород, 2016 (в печати).

[7] *Прозоровский Д.И.* О родстве Св. Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1.

Добрыня был сыном последнего древлянского князя Нискини/Мала. Именно последний факт обусловил необходимость написания настоящей работы.

В предыдущей работе мы указали, что существуют известные перспективы в вопросе разыскания дополнительных веток неревского боярского рода, выселявшихся из Великого Новгорода в XI-XIII вв. Южнорусским направлением этих выселений был Киев (1060-е гг., братья Вышатичи) и Галич (1217, Сбыслав Степанич, Юрий Иванкович), а также Северщина (1180-е гг., Рагуил Добрынич и его дети). В связи с этим, а также в связи с появившимися в современной украинской историографии публикациями о потомках Нискини/Мала Древлянского, возникает необходимость привести некоторые соображения на эту тему.

2. О поиске потомков древлянских князей, основанном на топонимических наблюдениях

Вынесенным в заглавие настоящего параграфа вопросам посвящён ряд работ доктора архитектуры (2014), сотрудника университета «Львовская политехника» Ю.Р.Дыбы[9]. Его концепция выглядит достаточно просто. Главной её идеей является попытка доказать, что ряд аспектов ранней русской истории X века, которые традиционно относили к Псковской и Новгородской землям, происходили на Волыни. Автор отталкивался от сообщений Никоновской и Устюжской летописей о рождении князя Владимира Святославича в «Будятиной веси», куда княгиня Ольга якобы сослала его мать. После этого автор говорил, что считать, как это делалось в русле традиции, положенной в историографии XIX в., что «Будятина весь» является селом Будником под Псковом, неверно. По мнению Ю.Р.Дыбы, таковым селом следует полагать с. Будятичи на Волыни. Доказательной базы, помимо сходства названий, автором не приводилось. Однако соответствующими доказательствами он полагал факт нахождения в непосредственной близости с волынскими Будятичами сёл Нискиничи (Низкиничи) и Калусов (совр. Гряды). Все три села ныне расположены на территории совр. Иваничевского района Волынской обл. в 22 км от Владимира-Волынского, совсем

---

[8] *Членов А.М.* Древлянське походження князя Володимира // Укр. істор. журн. 1970. №№ 9-11; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 31; *Членов А.М.* По следам Добрыни. М., 1986; *Таланин В.И.* У истоков Руси. Очерки истории IX-XI вв. Запорожье, 2001. С. 78-95; *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб., 2011. С. 127-128.

[9] *Диба Ю.Р.* Літописне Будятино (про місце народження князя Володимира Святославовича та розташування найдавнішої церкви Пресвятої Богородиці) // V «Ольжині читання». Львів; Броди, 2011; *Он же.* Історично-географічний контекст літописного повідомлення про народження князя Володимира Святославовича: локалізація Будятиного села // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2012. Вип. 6; *Он же.* Урбаністично-адміністративні реформи княгині Ольги (3) // Студії мистецтвознавчі. 2012. № 4 (40); *Он же.* Батьківщина Малковичів – «страна своя» преподобного Варлаама Печерського // Волинський благовісник. Луцьк, 2013. № 1; *Он же.* Батьківщина святого Володимира. Волинська земля у подіях X століття. Львів, 2014. С. 11-207.

недалеко от совр. польской границы; сёла Нискиничи и Будятичи в настоящее время фактически входят в состав г. Нововолынск.

Именно на тождественности названий указанных сёл с родовым именем древлянских князей (Нискиня) и сообщений указанных летописей, была построена рассматриваемая гипотеза. Дальнейшие построения автора выглядели следующим образом.

Древнейшим упоминанием с. Будятичи является 31 декабря 1450 г., когда Свидригайло, В.К. Литовский [1430-1432], князь Волынский [1431-1452], дал племяннику луцкого старосты Немире Резановича, Митку, с. Липая в Перемышльском повете, а также сс. Будятичи, Тишковичи, Дубровицу, Лишню и Стяги во Владимирском повете[10]. 03 января 1452 г. Казимир, В.К. Литовский [1440-1492] и король Польши под именем «Казимир IV» [1447-1492] подтвердил эту дарственную на сс. Будятичи, Тишковичи, Дубровицу и Лишню[11]. В 1460 г. Казимир IV утвердил в собственности Немири Резановича сс. Зимно, Бубнов, Марковичи (*Марков Став*), Будятичи и Тишковичи[12]. Дочь этого луцкого старосты – Мария Немировна (ум. 1504/1505) была замужем за князем Михаилом Васильевичем Чарторыйским (до 1401 – 1489), прямым потомком Гедимина, В.К. Литовского [1316-1341]. Впоследствии все указанные сёла, кроме Будятичей, сохранились во владении Чарторыйских.

По мнению Ю.Р.Дыбы, принадлежность с. Будятичи некоему Немире Резановичу следует считать одним из «доказательств» его гипотезы: поскольку в некоторых былинах «Добрыня Никтинич» именуется отчеством «Резанович», то Немирю Резановича следует рассматривать в качестве прямого потомка реального Добрыни Нискинича. Это, в свою очередь, должно подтверждать идею о волынском происхождении Владимира Святославича.

К сожалению, автор на этом не остановился и пошёл в своих построениях дальше. По его мнению, важную информацию даёт чешское название немецкого г. Регенсбурга – Резно (*Řezno*). Именно это название якобы породило родовое прозвище «Резановичи», что в свете тесных связей Древлянской земли с Чехией должно подтверждать связь между «Резно», «Добрыней Резановичем», волынскими Будятичами и Владимиром Святославичем.

Однако едва ли не главной сенсацией стало приурочивание известных у Ибн-Хордадбеха (ок. 820 – между 885/913) еврейских купцов «рахдонитов» к Резно-Регенсбургу. По мнению Ю.Р.Дыбы, еврейские купцы, торговавшие в VI-X вв. на пространствах от будущей Франции до Китая, получили своё прозвание именно от чешского названия Регенсбурга. Он оттолкнулся в своём построении от того факта, что

---

[10] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwow, 1887. T.1. S.45. № XLVIII.

[11] Ibid. S.47-48. № L.

[12] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / Eds.: F. Sulimierski, B.Chlebowski, J. Krzywicki, W. Walewski. Warszawa, 1895. T. 14. S. 617.

арабское название еврейских купцов должно читаться буквально как «*ар-разанийа*». Более того, «*ар-разанийа*», по мнению цитируемого автора, коррелирует не только с названием Резно, но и с отчеством «Резанович».

Следующим «доказательством» своих построений Ю.Р.Дыба полагал информацию о родовой принадлежности с. Нискиничи. Оно принадлежало волынскому роду Киселей. Основателем рода считается некий Олехно (Александр) Кисель, сын которого Микита (Никита) между 1401 и 1452 гг. получил от Свидригайло сс. Нискиничи и Дорогиничи; предположительно женой Микиты была дочь Немири Резановича[13]. От его сына, Тыхно (Тихона) (упом. 1528), происходили все позднейшие Кисели.

Поскольку родовая легенда Киселей, впервые зафиксированная письменно в начале XVII в., постулировала их происхождение от варяга Свенельда, известного в летописях воеводы в период с 940-х по 970-е гг.[14], то, ухватившись за отождествление А.А.Шахматовым этого варяга с фигурой «Малка Любечанина» (Нискини/Мала Древлянского), отца летописного Добрыни, Ю.Р.Дыба счёл это дополнительным «доказательством» своей концепции.

Более того, цитируемый автор попытался «обосновать» свои выводы тем, что нашёл им «подтверждение» не только в корреляции княжеского имени Нискини и села Нискиничи, но даже и в виде летописного «Малка Любечанина». Во-первых, предлагается увязывать «Любечанина» с селом Любче Рожищенского района Волынской обл., в окрестностях которого известно древнерусское городище X-XI вв. Причём этот вывод делается без всяких обоснований, лишь исходя из относительного сходства названий «Любеч» и «Любче». Во-вторых, Ю.Р.Дыба положительно относился к версии другого автора, который, основываясь также исключительно на сходстве топонимов, счёл «Малка Любечанина» уроженцем чешского г. Либице (*Liubuz, Lubik, Liubycz, Lubic*), который пришёл на Русь в составе миссии Адальберта[15]: эта идея находилась в русле версии Ю.Р.Дыбы о связи Нискиничей с Чехией через «Резно». В-третьих, Ю.Р.Дыба привлёк на свою сторону информацию С.Герберштейна (1486-1566),

---

[13] *Sysyn F.E.* Between Poland and the Ukraine: the dilemma of Adam Kysil, 1600-1653. Harvard, 1985. P. 258-259.

[14] Родовая легенда читала имя варяга в виде «Святольд», называя Киселей «Святольдичами». См.: *Niesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1840. T. 5. S. 95-98. Недавно автор, считающий себя потомком рода Киселей, построил совершенно фантастическую генеалогию Свенельда, выводящую его из скандинавского полумифического рода Инглингов, восходящего к богу Одину, т.е. отказался «ославянивать» Свенельда в виде «Святольда» как это делала традиционная легенда Киселей. См.: *Киселёва Г.Н.* Киевский воевода Свенельд // Вопросы истории. 2006. № 8; *Она же.* Славянская империя Инглингов. М., 2009. Учитывая, что автор этих публикаций столь же некритически относился к именам собственным, смешивая их только из-за общей похожести, как было начато А.А.Шахматовым, то достоверность подобных построений сомнительна.

[15] *Мицько І.З.* Українсько-чеські зв'язки та історія Підгір'я X-XI століть // V «Ольжині читання». Львів; Броди, 2011. С. 68-69.

который в «Записках о Московии» (1549) писал: «Правивший по смерти матери Святослав поделил области между сыновьями: Ярополк *(leropolchus)* получил Киев, Олег – древлян, а Владимир – Новгород Великий, так как новгородцы сами просили Владимира себе государем по совету некоей женщины по имени Добрыня *(Dobrina)*. Добрыня и Малуша *(Maluscha)* были двумя дочерьми новгородского гражданина по имени Калуфча Малый *(Calufcza parvus, Caluwtza der khlain)*; Малуша, будучи в услужении *(in gynaecio)* у Ольги, зачала от Святослава и родила Владимира»[16]. По мнению Ю.Р.Дыбы, имя «Калуфча», приводимого цитируемым автором в форме «Калуша», дало название селу Калусов. Это он счёл одним из самых «убедительных доказательств» своей концепции.

Наконец, «окончательным доказательством» Ю.Р.Дыба счёл так называемое «волынское происхождение» княгини Ольги[17]. Эти идеи базируются всё на том же произвольно трактуемом сходстве топонимов. Предполагается, что древнерусское городище, находящееся ныне на околице совр. с. Олежск Любомльского района Волынской обл., в имени «Олежск» сохранило принадлежность в своё время либо княгине Ольге, либо Олегу Вещему. Автор этой идеи счёл, что вся Волынь входила в политическое подчинение древнерусского г. Плеснеск (южнее совр. с. Подгорцы Бродовского района Львовской обл.), и именно из Плеснеска, а не из Пскова Олег взял в жёны Игорю Ольгу.

Таким образом, видно, что доказательная база цитированных публикаций находится в одном русле с пресловутой «фоменковщиной», где точно так же подавляющее большинство псевдо-«доказательств» строится по принципу сходства названий. В связи с этим рассмотренные нами публикации можно было бы и не подвергать дополнительной критике, поскольку их общая оценка представляется целиком очевидной. Однако мы всё же позволим себе добавить несколько штрихов в общую картину.

Увязывание имени «рахдонитов» с Резно невозможно, основываясь только на одном звучании их наименования. На иврите их прозвание выглядит как *radhanim*, откуда и «рахдониты». Это было, по-видимому, калькой с персидского «*ар-рахданийа*» = «*знающие пути*», а также было тесно связано с понятием «*ар-рабанийа*», обозначавшее иудеев (раввинистов) для их отличения от караимов[18]. Евреи-рахдониты начали свои путешествия задолго до того, как славяне прочно освоились на будущих чешских землях, и совсем неясно, почему именно славянское их название от имени города, основанного в 79 г., должно было бы отложиться в арабском произношении.

---

[16] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 62-63.

[17] *Мицько І.З.* Указ. соч.

[18] *Коновалова И. Г.* Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы 2009. М., 2010. С. 90.

Идея об их связи с некими «Резановичами» недоказуема в принципе, не говоря уже о том, что как таковых «Резановичей» не существовало. На деле вышеупомянутого луцкого старосту звали «Немиря Рожанович» - «*a pan Niemira Rożanowicz, starosta Łucki*»[19], - на чём Ю.Р.Дыба вовсе не акцентировал внимание, поскольку это находилось в явном расхождении с его концепцией. Поэтому, как минимум, нужно считать, что отчество луцкого старосты имело разночтения, что не даёт возможности для его однозначного отождествления.

Что касается прозвища исторического Добрыни – «Ре(я)занич», – надо видеть в нём не более чем литературную несообразность. Действительно, упоминание летописью о гибели в 1223 г. на Калке некоего Добрыни Рязанича Злат Пояса, якобы захороненного затем на Оке близ совр. пос. Шилово (древнерусского г. Неринска), административного центра Шиловского района Рязанской обл., никак не даёт права отождествлять богатыря 1223 года с Добрыней Нискиничем, дядей Владимира Святославича. Однако, к сожалению, после открытия в августе 2012 г. в с. Шилово памятника в честь Добрыне Злат Поясу, последний стал категорически отождествляться местными энтузиастами с былинным Добрыней Никитичем, поскольку о последнем в былинах часто указывается его якобы «рязанское» происхождение[20]. Вместе с тем вопрос о приложении к реальному Добрыне Нискиничу прозвища «Ре(я)занич» решён уже давно при анализе былины «Добрыня и змей», но этот материал почему-то не используется в литературе. В связи с последним позволим себе процитировать сделанные об этом выводы почти полностью: «*Упоминание рязанского происхождения Добрыни – как в летописи, так и в некоторых былинных текстах – даёт основание для предположений, что она возникла в пределах Рязанской земли. Существуют глухие известия о бытовании на Рязанщине преданий о богатырях, в частности, упоминающих имя Добрыни. Среди этого крайне скудного материала не найдётся ничего сходного с сюжетом былины о бое Добрыни со змеем. Эти предания доказывают лишь то, что Рязанский край знал богатыря Добрыню, но сами по себе не подтверждают предположение о рязанском происхождении былины… Версия о рязанском происхождении былины приходит в противоречие с предположением, очень основательным, что далёким прототипом былинного Добрыни был новгородский воевода Добрыня. Не может ли пролить свет на историю возникновения былины следующий исторический факт? По сообщению летописи, князь Ярослав за что-то «разгневался» на сына Добрыни Коснятина, новгородского посадника, которого он «повеле... убити в Муроме на реце на Оце». Крупный феодал Коснятин Добрынич, вероятно, прибыл в Муромо-Рязанскую землю со*

[19] Грамоты Великих Князей Литовских с 1390 по 1569 год / Под ред. В. Антоновича, К. Козловского. Киев, 1868. С. 17

[20] См., напр. местную газету: *Макагонова Н.* Легенда и быль о Добрыне Рязанском // «Дом. Строй». 2015. № 32 (19 авг. 2015).

свитой. Не были ли его «люди» распространителями преданий о Добрыне, послуживших поводом для прикрепления к традиционному змееборческому сюжету имени новгородского посадника и некоторых деталей, напоминавших его судьбу? Возникшая на Рязанской земле былина вошла в общерусский фольклор, как песня о рязанском герое. Это нашло своё отражение в прозвище Добрыни – «Рязанич»[21].

Привлечение Ю.Р.Дыбой в качестве «доказательств» сообщений Герберштейна выглядит несостоятельным. Исходя уже из того, что Добрыня выставлен в них женщиной, надо понимать, что Герберштейн записывал лишь сказки, полусказки и откровенные слухи. Основываться на таком материале, безоговорочно ему доверяя, означает не «доказывать» собственные выводы, а самостоятельно их подрывать.

Вернёмся к факту существования села, дублирующего родовое имя древлянских князей. Этот факт очень важен. Но сам по себе он говорит лишь о том, что крупные феодалы Нискиничи действительно некогда имели земельные владения на Руси, а поскольку таковое имя в истории может быть приложено только к древлянским князьям, то именно их имя следует видеть отложившимся в названии села. Но этот вывод не даёт совершенно никакой возможности рассматривать в качестве потомков Нискиничей род Киселей. Строго говоря, никакой генеалогии Киселей, которая была бы древнее Олехно Киселя, нет. Отсутствие даже мифической генеалогии, подобной, к примеру, восстанавливаемым из саг генеалогиям скандинавских монархов, не даёт никакого права считать правдоподобной родовую легенду Киселей о происхождении от варяга Свенельда. В наших публикациях 2015 года мы рассмотрели ряд подобных легенд, как дворянских, так и крестьянских, сумев показать, что подавляющее их большинство было сфальсифицировано, и лишь небольшая часть (как правило, у крестьянских родов) имела в своей основе рациональное зерно, искажённое позднейшими домыслами, постепенно превращавшими это зерно в сказку. Наконец, даже если на мгновение допустить справедливость родовой легенды Киселей, следует говорить и о том, что гипотеза А.А.Шахматова (1864-1920) об отождествлении Свенельда с «Малком Любечанином», т.е. с Нискиней/Малом Древлянским давно опровергнута. В любом случае доказать это тождество в принципе невозможно, ни фактически, ни даже чисто логически.

Кстати, в своём поиске топонимических названий, похожих на те или иные исторические имена, цитируемому автору следовало бы обратить внимание на топонимы, совпадающие с именем «Добрыня». Так в настоящее время существует с.Добрынь Ельского района Гомельской обл., которое до 1959 г. называлось селом Добрыня. Это село сейчас находится в непосредственной близости к границе с Житомирской областью, т.е. эти земли в X в. входили в орбиту Древлянского

[21] *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Добрыня Никитич и Алёша Попович. М., 1974. С. 374.

княжества. Село под именем Добрынь находится сейчас в Володарско-Волынском районе Житомирской обл. Совсем рядом с Житомирской и Гомельской областями, на территории Брянской обл. до начала 2010-х гг. существовала деревня Добрынь Климовского района, а в настоящее время ещё существует пос. Добрынька Злынковского района. Также в Брянской обл., в Брянском, Севском и Суземском районах существуют сс. Добрунь. Причём с. Добрунь Суземского района было зафиксировано в 1595 году под именем Добрыничи (в районе Путивля). Учитывая, что наши ранее цитированные исследования показали, что имя Добрыня было родовым мужским именем у древлянских князей, наличие подобного куста топонимов в бывшей Древлянской земле, расположенных достаточно близко друг к другу, вряд ли является случайностью.

Строго в соответствии с концепцией Ю.Р.Дыбы, мы имеем полную возможность на этом основании отвергнуть все его построения и заявить, что все рассмотренные персонажи должны быть привязаны вовсе не к Волыни, а к Житомирской, Гомельской или Брянской областям. Кстати, следует обратить внимание на то, что в одном случае такой подход уже реализуется. Так, сам Ю.Р.Дыба сослался на то, что в январе 2011 г. в популярной прессе Брянской обл. было опубликовано допущение о том, что летописное Будятино – это пригород древнего Гомия (совр. Гомеля) – Будатине[22].

Однако следует понимать также и то, что подобные подходы не являются историческими, а лежат строго в политической плоскости. Поэтому дело вовсе не в том, чтобы доказать, что княгиня Ольга не имеет никакого отношения к Псковщине, что, кстати, скорее всего, так и есть. В сущности, главная цель Ю.Р.Дыбы, как мы уже сказали об этом ранее, в том, чтобы показать полную невозможность претензий исторической науки Российской Федерации на фигуру Владимира Святославича, т.е. оторвать древнерусскую историю от истории современной Российской Федерации. В смягчённом виде это усматривается в следующих его словах: «*В частной беседе И.Мыцко обратил внимание на то обстоятельство, что летописи северо-восточного происхождения, в которых сохранилось упоминание о Будятиной веси, не уточняют места её расположения, и что возможно это делалось из политических соображений, вследствие размещения места рождения крестителя Руси на подлитовских землях, во враждебном Москве государстве*»[23].

Впрочем, как мы уже показали, сторонники подобного подхода имеют полную возможность, оперируя в пределах той же «доказательной базы», считать местом рождения крестителя Руси как совр. Беларусь, так и Российскую Федерацию, - через топонимы Гомельской и Брянской областей. Однако когда в решение любого

[22] *Диба Ю.* Літописне Будятино. С. 27.
[23] Там же.

исторического вопроса вмешивается актуальная политика, наука заканчивается. Понимая это, а также и то, что подобные апелляции к политике заглушают любое рациональное зерно в любых публикациях, как то и произошло в работах Ю.Р.Дыбы, нам следует обратить своё внимание на более реальных потомков древлянских князей.

3. Феномен галицкого боярина Володислава «Кормильчича»

О галицких боярах Кормильчичах известно весьма немного. Однако именно имеющаяся информация, по нашему мнению, позволяет рассматривать их в качестве вероятных потомков Добрыни Нискинича. Фактически о них известно следующее.

На рубеже XII/XIII вв. в Галицкой земле существовал боярский клан Кормильчичей. Он состоял из трёх братьев – Володислава, Ярополка и Яволода (Ясволода)[24]. В летописи только один Володислав называется со специфическим отчеством «Кормиличич», но по этой причине всех братьев сейчас причисляют к «роду Кормильчичей»[25]. Их деятельность приходится на период серьёзных усобиц в Галицкой и Волынской русских землях.

Так, известно, что после смерти (по летописным данным, 01 октября 1187) Ярослава Владимировича, князя Галицкого [1153-1187], он оставил свой трон сыну-бастарду Олегу [осень 1187]. Поскольку ранее галицкие бояре участвовали в убийстве его матери – любовницы князя Ярослава, – то, боясь расправы, они свергли его, поставив князем законного наследника – Владимира Ярославича [1187-1188, 1189-1199][26]. После этого информация источников разнится. По данным Густынской летописи, напрямую заимствованных из польской хроники М. Стрыйковского (1547-1593), Олег получил помощь от поляков, разбил в бою брата, занял Галич, однако ни один из русских источников не сообщает о походе поляков на Галич в эти годы[27]. Так или иначе, на рубеже 1187/1188 гг. Олег был отравлен, то ли сумев второй раз усесться на галицком столе, то ли будучи в изгнании.

Против князя Владимира начал интриговать тесть его сына-бастарда: Василий Владимирович ок. 1187 г. женился на дочери Романа Мстиславича, князя Волынского [1170-1188, 1188-1205]. Согласно летописям, он науськивал галицких бояр свергнуть князя и призвать на княжение его самого[28]. Интрига увенчалась успехом – бояре восстали, но с интересной летописной оговоркой: они не смели арестовать или убить

---

[24] Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.; Л., 1962. Т. 2. С. 718, 719, 724, 728-730.

[25] *Петрик А.М.* Ідеологія галицького боярства та її вплив на трансформацію Галицько-Волинської держави // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2004. Вип. 8. С. 49-50.

[26] *Войтович Л.В.* Перша Галицька династія // Генеалогічні записки. 2009. Вип. 7. С. 18-19.

[27] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 275.

[28] Ипатьевская летопись. С. 660.

князя, поскольку «*бояхоу бо ся приятелев Володимеревых*»[29]. Кем были «приятели Володимеревы», которых боялись мятежники, летопись умолчала: мнение А.В.Майорова о том, что таковыми были всего лишь дружинники, ибо никто из бояр не назван ушедшим вместе с князем[30], не может быть верным. Последнее справедливо хотя бы потому, что у каждого князя, даже князя-изгоя всегда были собственные дружинники, но никогда в летописи не указывается на боязнь их со стороны любых заговорщиков. Несомненно свои дружинники были и у Олега Ярославича, но это не помешало его свергнуть, изгнать и отравить. Поэтому надо видеть в «приятелях Володимеревых» гораздо более серьёзных лиц, нежели обыкновенных воинов.

Однако князь Владимир был вынужден бежать. В Галиче вокняжился Роман Мстиславич [1188], а Владимир бежал к венгерскому королю Беле III [1172-1196]. Последний дал ему войска, которым князь Роман не смог ничего противопоставить и бежал из Галича. Вместе с тем новым местным князем Бела III поставил вовсе не Владимира Ярославича, а собственного сына – Андраша [1188-1189]. Князь Владимир и его сыновья были увезены в Венгрию. На самом деле сыновья Владимира Ярославича лишь гипотетически предполагаются. Два бастарда, Василий (после предательства тестя он оставил жену) и Владимир-Иван, указываются в венгерском документе 1218 г. Однако этот документ является спорным, поскольку вероятнее всего содержит сведения о событиях и лицах первой половины XII в.[31]

Крайне любопытно, что вокняжение в Галиче венгерского королевича вовсе не вызвало никакого возмущения местных жителей, а равно не привело к потере Галичем независимости[32]: «*Венгерский королевич мог занять галицкий стол не силой оружия, сломив сопротивление горожан, а с обоюдного согласия, в основе которого лежала какая-то договорённость, удовлетворившая общину. Слова источника о том, что король Бела «дади весь нарядъ галичанам» можно воспринимать как свидетельство предоставления галицкой общине и её лидерам – боярам – каких-то более широких политических прав в сравнении с существовавшей ранее практикой*»[33]. При этом не менее любопытно, что причиной бегства из Галича Романа Мстиславича стало не столько приближение венгерских интервентов, сколько – по прямому летописному указанию – боязнь всё тех же «приятелей Володимеревых»[34]. Таким образом, «приятели Володимеревы» были настолько весомыми людьми в местном обществе, что их присутствие не только не позволяло убить или хотя бы арестовать опекаемого ими

---

[29] Ипатьевская летопись. С. 660.
[30] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 279.
[31] *Войтович Л.В.* Указ. соч. С. 19.
[32] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 281-283.
[33] Там же. С. 283.
[34] *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 146.

князя, но не дало возможности князю Роману их репрессировать. Повторимся также, что Роман бежал именно из-за боязни перед ними, а не перед венграми, полки которых вёл лично князь Владимир. Последний факт не даёт права полагать, что Владимир Ярославич был насильно устранён венграми от галицкого стола. Видимо, ещё в Венгрии он согласился передать свой трон королевичу Андрашу. Однако весомость «приятелей Володимеревых» должна подвигнуть нас к рассмотрению в качестве основных игроков в событиях 1188 года не Белу III, Владимира Ярославича и Романа Мстиславича, а Белу III, «приятелей Володимеревых» и Романа Мстиславича. Это справедливо хотя бы постольку, поскольку только согласие покровителей князя Владимира на венгерского королевича могло уберечь местное население от сопротивления.

Причины, по которым галичане вскоре выступили против Андраша, до сих пор остаются невыясненными в полной мере. Однако представляется вполне справедливым мнение, впервые высказанное Д.И. Зубрицким (1777-1862) и поддержанное в наше время А.В.Майоровым[35]. Подмеченные ими данные позволяют думать, что в 1189 г. Бела III пошёл на тайные договорённости с В.К. Киевским Святославом Всеволодовичем [1173, 1176-1181, 1181-1194] об отторжении в пользу Венгрии Перемышля либо Теребовля. После этого большинство галицкого боярства позвали на галицкий стол жившего изгоем в Смоленске Ростислава Иоанновича. Последний был кузеном покойного князя Ярослава Владимировича (1187) – сыном Иоанна Ростиславича *Берладника* (ум. 1161/1162), князя Звенигородского [1128-1144], Галицкого [1144-1145], т.е. имел все права на Галич. Однако венгры сумели разгромить его дружину, а сам князь раненым был пленён; по летописи, венгры отравили его. Галичане принялись тайно искать нового князя, но узнав об этом, венгры начали репрессировать местных бояр со всеми их семьями[36].

После этого весной 1189 г. в результате подкупа стражи Владимиру Ярославичу удаётся бежать из венгерского плена. Здесь следует задаться вопросом: учитывая, что в 1188 г. он добровольно уступил свой трон Андрашу, был ли он пленён сразу же в 1188 году, или, что намного вероятнее, только после того как Андраш начал репрессии в Галиче? Кроме того, учитывая, что Владимир уступил трон Андрашу с согласия своих покровителей, «приятелей Володимеревых», не они ли занимались подкупом тех венгров, кто помог бежать галицкому князю? Владимир Ярославич бежал напрямую к германскому королю Фридриху I [1152-1190], который оказал ему помощь, поручив отвоевание Галича своему вассалу – польскому князю Казимиру II [1177-1191, 1191-1194]. Согласно летописи, галичане, узнав о подходе войска Владимира Ярославича,

[35] *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1854. Т. 2. С. 126-127; *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 289-290.
[36] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 291-292.

сами изгнали венгров, присягнули Владимиру, полякам которого не пришлось воевать[37]. Разумеется, польская хроника В. Кадлубка (1160-1223) считает, что именно поляки изгнали венгров из Галича[38]. По нашему мнению, здесь вновь не обошлось без воли «приятелей Володимеревых». Учитывая их участие во всех предыдущих событиях, только их воля могла как заставить Галич принять вместо князя Владимира королевича Андраша в 1188 г., так и изгнать последнего через год в пользу князя Владимира. Так или иначе, в августе 1189 г. Владимир Ярославич вернул свой трон исключительно по воле своих неизвестных покровителей. Очень любопытно, что сразу по воцарении Владимира в Галиче были казнены бояре – сторонники Андраша[39]. Строго говоря, таковыми были и «приятели Володимеревы», но, по-видимому, именно они и стояли за этими казнями. Тем важнее оказывается выяснить происхождение главных политических игроков от имени Галицкого княжества в событиях 1187-1189 гг.

По воле последних должно было произойти и основное внешнеполитическое предприятие Владимира Ярославича. Сразу по воцарении он отправил послов в Суздаль к общерусскому В.К. Всеволоду III Юрьевичу [1176-1212], признав себя и Галицкое княжество его вассалом[40]. По существу, это сделало его неуязвимым для любых претендентов-Рюриковичей, и если бы Владимир Ярославич действительно оставил бы по себе потомство, история русской Волыни могла бы пойти по иному пути.

Владимир Ярославич умер около 1199 г.: точной даты неизвестно[41]. Как в Галиче удалось вокняжиться Роману Мстиславичу [1199-1205], отечественные источники не сообщают; данные об этом сохранились только в польских хрониках[42]. Можно говорить о том, что князь Роман одновременно пытался подольститься к В.К. Киевскому Рюрику Ростиславичу [1173, 1181, 1194-1201, 1203-1204, 1205-1206, 1207-1210] и передался в обмен на помощь в вассалитет к польскому князю Лешеку I [1194-1198, 1199, 1206-1210, 1211-1227][43]. От последнего князь Роман получил войско и повёл его на Галич. Однако ещё до того, как польские интервенты успевают дойти до своей цели, галицкое боярство присылает своё посольство в Краков, объявляя о своём желании видеть князем в Галиче не Романа, а самого Лешека: в этом тождественны все польские хроники[44]. Но поляки начали разорять галицкие веси, в результате чего галичане начали

---

[37] Ипатьевская летопись. С. 666-667.

[38] *Щавелёва Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 106.

[39] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 294.

[40] Ипатьевская летопись. С. 667; *Dimnik M.* The dynasty of Chernigov. 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 193-195.

[41] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 79.

[42] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 321-323.

[43] Там же. С. 323-328.

[44] Там же. С. 328-330.

сопротивление. Каждый город полякам приходилось брать силой, а последнее сражение было дано им под стенами Галича. Галичане успели послать посла к Рюрику Киевскому, прося в князья его сына – Ростислава Рюриковича, В.К. Киевского [1204-1205], ставшего князем Галицким [1210] позднее, но не успели дождаться ответа[45]. В результате галичане приняли князем Романа Мстиславича по следующей причине: «*Стеснили их* (галичан – *В.Т.*) *отовсюду беды: нет никакой надежды на возобновление войны, так как почти все их помощники ночью бежали*»[46].

В последнем сообщении, приводимом в хронике Кадлубка, надо, по нашему мнению, видеть главное: упоминание о бегстве «помощников галичан». Следует, как кажется, думать, что предложение Лешеку Краковскому занять галицкий стол исходило от галицкого боярства вовсе не по причине какого-то коллаборационизма. Это была отчаянная попытка не допустить к захвату власти в Галиче князя Романа Мстиславича, и эта попытка тем самым отлично коррелирует с событиями 1188 года, когда галицкий стол получил не его законный наследник, а королевич Андраш. Согласно народной мудрости, из двух зол всегда надо выбирать меньшее. Именно по этому принципу поступили «приятели Володимеревы» в 1188 году. Думается, что по такому же принципу поступили «помощники галичан» в 1199 году. Отсюда можно провести прямую связь между «приятелями Володимеревыми» и «помощниками галичан» и допустить, что и те и другие были одними и теми же людьми. Явным доказательством тому является их категорическое неприятие фигуры волынского князя. Более того, следует подчеркнуть, что «помощники галичан» в 1199 г. полностью контролировали всё галицкое боярство. О последнем прямо говорит хроника Кадлубка[47], чему вполне доверяют современные иследователи[48]. Это говорит о том, что «помощники галичан» были очень значительными людьми, что тем более роднит их с фигурами «приятелей Володимеревых» десятилетней давности.

Воцарившийся Роман Мстиславич впервые среди Рюриковичей не отказался от своего предыдущего стола, получив новый. Поэтому в 1199-1205 гг. он считался одновременно князем Волынским и князем Галицким. Следует подчеркнуть, что никакого «Галицко-Волынского княжества/государства» им не создавалось и не провозглашалось. Эта формулировка – всего лишь сугубо кабинетное название позднейших историков, носящее такой же искусственный характер как и название «Киевская Русь», категорически не известное своим современникам.

---

[45] *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 165.
[46] *Щавелёва Н.И.* Указ. соч. С. 111.
[47] Там же. С. 112.
[48] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 333.

Сразу по уходу польских интервентов, Роман Мстиславич обрушивает на галицкое боярство жесточайшие репрессии, о чём свидетельствует хроника Кадлубка[49]. Вначале автор хроники говорит о казнях политических противников Романа, затем – о возведении им ложных обвинений на своих же сторонников для проведения имущественных конфискаций и запугивания потенциальных противников; интересно, что Роман пытался даже лестью вызывать обратно многих бежавших от него, а вернувшихся также уничтожал. Когда на летописных страницах впервые появляются Кормильчичи, летопись сообщает о них: «*Иже бе загнал великыи князь Роман не веры ради*»[50]. Традиционная точка зрения исследователей трактует эти слова как указание на то, что Роман Мстиславич некогда сослал Кормильчичей за неверность себе[51]. Однако, во-первых, в скупой летописной строчке нет никакого намёка на ссылку. Во-вторых, у Кадлубка среди всех видов наказаний нет данных о ссылках: напротив, говорится только о физических, а не о политических казнях. Поэтому Кормильчичи могли быть только среди тех, кто сразу бежал от Романа, т.е. не позже 1199 г.

Собственно эпоха Кормильчичей начинается с гибелью Романа Мстиславича во время его войны с поляками близ г. Завихоста на Висле 19 июня 1205 г. Формальным князем Галицким стал его сын Даниил Романович [1205-1206, 1211-1212, 1229-1231, 1233-1235, 1239-1240, 1241-1242, 1242-1254, 1254-1264] под регентством своей матери Евфросиньи-Анны (ум. после 1253), дочери византийского императора Исаака II [1185-1195, 1203-1204]. Именно это родство подвинуло королевича Андраша на союз с князем Романом. Андраш соперничал с братом, королём Имре [1196-1204], по смерти которого перестал подчиняться его только что рождённому сыну Ласло III [1204-1205], и вскоре сам стал венгерским королём под именем Андраша II [1205-1235]. Ещё 30 ноября 1204 г. Андраш и Роман заключили соглашение о взаимопомощи и о взаимном патронате над своими детьми в случае ранней смерти любого из правителей[52]. Надо также понимать, что Даниил был князем только по названию, по причине своего малолетства. Традиционно историография считает его в момент смерти отца 4-летним ребёнком, однако сопоставление ряда иных летописных данных, указывающих его возраст в последующие годы, позволяет считать его 1/2-летним младенцем в 1205 г.[53]

---

[49] *Щавелёва Н.И.* Указ. соч. С 112.

[50] Ипатьевская летопись. С. 718.

[51] *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 341, 374.

[52] *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времён Романа Мстиславича // Древняя Русь. 2008. № 4 (34); *Он же.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь. 2010. № 1 (39). Мнение о происхождении супруги Романа Мстиславича нашло подтверждение: *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwszepokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 16.

[53] *Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. 2007. Вып. 7.

То есть, старшим, 4-летним, должен быть его брат – Василий Романович, князь Волынский [1238-1269], который традиционно считается младшим.

Во второй половине 1205 г. происходят два события вокруг Галича. Во-первых, свои претензии на его трон выдвигают черниговские Ольговичи, которых поддерживает Рюрик Киевский. Одновременно с этим в самом Галиче поднимает голову оппозиция Роману Мстиславичу, которая теперь числит своими врагами малолетних Романовичей. Для собственной безопасности княгиня-вдова Анна с детьми бежит в венгерский г.Санок (сейчас – одноимённый польский город в Подкарпатье). Здесь она встречается с Андрашем II, который признаёт галицким князем её сына Даниила и даёт ему военный отряд[54]. Этот отряд расквартировывается в самом Галиче и охраняет малолетних княжичей от свержения, как о том говорит собственно летопись и с чем соглашается ряд исследователей[55]. Рюрик и Ольговичи подступают с войсками к Галичу, но терпят поражение; причём сопротивляются им собственно галичане, тогда как венгры-наёмники в боях не участвуют[56].

Развязка наступает в 1206 г. В этом году Ольговичи для похода на Галич начинают сбор очень крупного войска, привлекая наёмников – поляков, половцев и берендеев[57]. Понимая, что Галич может не устоять, оппозиция предпринимает решительный шаг: поднимает восстание[58]. Указывается, что вождём восстания был Володислав Кормильчич[59]. Венгерский король собирается на помощь Романовичам, но восстание увенчивается успехом. Княгиня Анна и Романовичи бегут во Владимир-Волынский. После этого боярин Володислав приглашает на Галицкий трон новых князей, с чем полностью соглашается вся местная община[60]. О последнем факте замечательно высказался А.В.Майоров: «*Впервые Володислав и его братья появляются на страницах летописи как сторонники призвания в Галич князей Игоревичей. Личного авторитета Кормильчичей оказалось достаточно, чтобы их «послушали» галицкие бояре, и с ними заодно «думали» все галичане*»[61]. Это очень важное замечание, вернуться к которому мы позволим себе ниже.

На галицкое княжение Кормильчичи вызвали новгород-северских князей Игоревичей – детей Игоря Святославича, князя Новгород-Северского [1180-1198] и В.К.

---

[54] Ипатьевская летопись. С. 717.

[55] *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 96-97; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. С. 122.

[56] Ипатьевская летопись. С. 717; *Майоров А.В.* Указ. соч. С. 371-373.

[57] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962 . Т. 1. С. 426.

[58] Там же. С. 427.

[59] Ипатьевская летопись. С. 718.

[60] Там же.

[61] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 419.

Черниговского [1198-1201/1202], главного героя «Слова о полку Игореве», от Евфросинии Ярославны, дочери Ярослава Галицкого (1187)[62]. Это были Владимир, Святослав, Роман и Ростислав Игоревичи. Андраш II выступил против этого решения, но не только не настоял на возвращении Романовичей, а и сам не попытался подавить Кормильчичей. Он лишь потребовал, чтобы Галич принял себе князем Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля-Киевского [1200-1206]; однако тот медлил, дождавшись, пока в Галич прибудут Игоревичи[63]. Владимир Игоревич, князь Новгород-Северский [1198-1206] сразу занял галицкий трон [1206-1208, 1210, 1211]. Святослав Игоревич стал князем Волынским [1206-1208], затем Перемышльским [1211], в результате чего княгиня Анна и Романовичи бежали в Польшу. Роман Игоревич получил впервые созданный специально для него стол в Звенигороде (под Галичем) [1206-1208, 1211], также был князем Галицким [1208-1210, 1210]. Ростислав Игоревич был князем Теребовльским [1210-1211].

Сразу по воцарении Игоревичей, Ольговичи остановили поход на Галич. Однако спокойствия последнему это не обещало, поскольку Андраш II объявил о собственных претензиях на эту часть Руси, публично после своего поражения в 1206 г. объявив себя т.н. «королём Галиции и Лодомерии», т.е. потребовав в свою пользу одновременно Галичину и Волынь. Видимо, не имея возможности действовать военной силой, Андраш добивался своего умелыми интригами. Летописи скупо сообщают, что в 1208 г. Роман Игоревич восстал против брата Владимира, изгнал его и сел в Галиче сам. Причём есть информация, что Роману помог отряд венгерских интервентов[64]. А.В.Майоров видел причиной этого переворота лишь самомнение самого Романа и желание звенигородцев возвыситься[65]. По нашему мнению, дело именно в интригах Андраша II. Переворот 1208 года стал началом в той цепи причин, приведших к падению власти Игоревичей. Венгерский король понимал, что власть Кормильчичей, поставивших на Игоревичей, не имеет оппозиции, а такую власть трудно свергнуть. Поэтому нужно было попробовать эту оппозицию создать. Подбить не слишком опытного (около 30-летнего возраста) князя на мятеж оказалось делом несложным. А происшедший переворот и породил начало формированию внутренней оппозиции Игоревичам. Любопытно, что можно думать о вероятности совместного действия в этом направлении Андраша и Лешека Краковского. Есть сведения, что последние заключили союз в пользу малолетних Романовичей ещё в 1206 г.[66] В 1208 г. Лешек дал

---

[62] *Соловьёв А.В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). 1964. Т. 20. С. 378-382.
[63] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 375-376.
[64] Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 116.
[65] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 383-384.
[66] Там же. С. 381-382.

военную помощь Александру Всеволодовичу, князь Белзскому [1195-1207, 1210-1232, 1233-1234], который внезапным ударом выбил с Волыни Святослава Игоревича и стал князем Волынским [1208-1209, 1210-1214]. Святослав был пленён поляками (бежал из плена в 1210 г.). Интересно, что годом ранее, в 1207 г. поляки выбили из Белза князя Александра, поставив там малолетнего Василия Романовича [1207-1210], поставив тем самым Александра Белзского под свой полный контроль.

В сентябре 1210 г. ранее упомянутый Ростислав Рюрикович совершил рейд на Галич и сумел его взять. Однако галичане под руководством Кормильчичей восстали и той же осенью изгнали Ростислава. В Галиче стали одновременно соправителями оба Игоревича – Владимир и Роман. Однако, услышав об успехе Ростислава, Андраш II спешно выслал свои войска. Кормильчичи, видимо, не успели подготовиться из-за внезапности событий, и венгры сумели взять Галич, пленив в частности князя Романа[67]. Венгры повели себя в Галиче как истинные захватчики, установив режим сплошного террора. Галичане попросили о помощи княжившего в соседней Пересопнице Мстислава Ярославича *Немого* [1180-1220], ставшего затем князем Галицким [1212-1213], но тот не сумел разгромить интервентов. Весной 1211 г. Владимир, Роман (вернувшийся к тому времени из Венгрии) и Святослав Игоревичи с помощью галичан изнутри выбили венгров из Галича[68].

Прибывшие Игоревичи вновь восстанавливают Звенигородское княжество и создают новые – Теребовльское и Перемышльское. До сих пор историкам неясно, что происходит потом. Игоревичи без каких-то видимых причин начинают внутренний террор, не слабее террора покойного Романа Мстиславича или венгерских оккупантов. Братья не только казнят боярских глав, но и уничтожают их семьи, не останавливаясь в том числе перед массовыми изнасилованиями женской части боярских семейств. В этих обстоятельствах от Игоревичей отворачиваются даже их всесильные покровители: Володислав Кормильчич возглавляет оппозицию против них[69]. Володислав и его сторонники – бояре Судислав Бернатович и Филипп сумели бежать из Галича. Однако им не к кому было обратиться: Волынь контролировали поляки, а во всех галицких городах сидели Игоревичи. В этих обстоятельствах Володислав обращается к Андрашу II. Летом 1211 г. Володислав вынужденно присягает Даниилу Романовичу,

---

[67] Ипатьевская летопись. С. 721-722. Контекст летописного сообщения, впрочем, таков, что можно подозревать факт добровольного отбытия Романа в Венгрию, поскольку об его плене ничего не говорится. В случае справедливости такого подозрения можно быть уверенными и в том, что свой переворот в 1208 г. Роман действительно осуществлял по наущению венгров, а замирение братьев-князей в 1210 г. было лишь вынужденной в связи с военными действиями мерой, причина которой коренилась, скорее всего, в желании этого мира не князьями, а Кормильчичами.

[68] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 385-386.

[69] Ипатьевская летопись. С. 724.

получает венгерские войска и ведёт их на Русь[70]. Первым – без боя – ему сдаётся Перемышль, затем Теребовль и, наконец, Галич. Сражались только звенигородцы, но лишь до момента пленения князя Романа, после чего мгновенно сдались.

То, что было предпринято Володиславом Кормильчичем затем, не было инспирировано ни Романовичами, ни даже венграми. В сентябре 1211 г. над захваченными Романом, Святославом и Ростиславом Игоревичами (только Владимиру Игоревичу удалось бежать) был учинён суд, в ходе которого они ритуально были развенчаны и лишены княжеского достоинства (языческим ритуалом); после этого все три свергнутых князя были публично повешены[71]. Следует заметить: убийства князей, как иными князьями, так и в результате народных бунтов, происходили и раньше. Однако никогда в русской истории боярин не возглавлял суда над князьями из дома Рюриковичей, никогда не проводилось ритуальное лишение их сана и титулов, никогда не выносилось официального приговора, никогда не использовалось повешение, как средство казни. Таким образом, казнь Игоревичей в 1211 г. была весьма необычным предприятием. Крайне интересно, что боярин Володислав нигде в летописях не порицается за этот поступок, что создаёт стойкое ощущение того, будто бы летописцы знали, что *он имел право так поступить*.

До сих пор трудно сказать, почему Игоревичи в короткое время весны-лета 1211 г. столь круто изменили внутреннюю политику, выступив против всех, в том числе и тех, - Кормильчичей, - кто сделал их местными князьями. Однако можно предположить, что корни этого их поступка нужно искать в закулисной деятельности Андраша II и Лешека Краковского. Можно предположить, что Игоревичи ополчились на местное боярства вследствие интриг этих монархов. Опыт переворота 1208 года показал последним, что молодые князья имеют достаточно нестойкую психику и что возбудить в них своеобразный «синдром Арбенина» (лермонтовского «Маскарада») целиком реально.

После бурных событий 1211 года Кормильчичи вовсе не отказались от своей прежней политики, по-прежнему рассматривая себя истинными хозяевами Галицкого княжества. Причём, что весьма характерно, против них по-прежнему никто не восставал. То есть, каковы бы ни были интриги венгерского и польского монархов, но преуспеть в деле свержения Кормильчичей, им не удавалось.

Осенью 1211 г. Володислав изгоняет из Галича княгиню Анну, как проводника иноземной политики, чрезмерно влияющую на малолетнего сына; его решение находит безоговорочную поддержку в среде галицкого боярства[72]. Однако Анна обратилась за помощью к Андрашу II, который в ответ предпринял в начале 1212 г. интервенцию в Галич. Венгры вернули Анну в Галич, а король арестовал Володислава и увёз его с

[70] Ипатьевская летопись. С. 726.
[71] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 391-407.
[72] Ипатьевская летопись. С. 727.

собой в Венгрию. Поступок венгров не успокоил ситуацию: Володиславовы братья Яволод и Ярополк, которым так же как и их старшему брату подчинилось всё местное боярство призвали на княжение ранее упомянутого нами Мстислава Ярославича Пересопницкого[73]. Анна и Романовичи бежали, а Мстислав вокняжился в Галиче.

Дальнейшие события описаны в летописях столь же смутно, как и внезапное ожесточение Игоревичей двумя годами ранее. Согласно Ипатьевской летописи[74], Андраш II выпускает из плена Володислава и даёт ему часть своих войск. Мстислав Пересопницкий бежит из Галича, а «*Володислав же воеха в Галич, и вокняжися, и седе на столе*». Согласно Густынской летописи[75], Андраш II лично возглавил новую интервенцию в Галич, везя в обозе Даниила Романовича для его восстановления на троне. Однако «*некто Володыслав, боярин Галицкий*» вместе со всеми галичанами вышли на сражение. Король не решился на битву и ушёл обратно, а «*Владыслав, боярин, внийде в Галич и начал сам княжити*». По сведениям венгерских источников[76], Андраш II действительно выступил в поход на Галич, но в его отсутствие в самой Венгрии произошёл мятеж, в ходе которого была убита королева. После этого король вернулся и репрессировал мятежников.

Историческая правда здесь заключается лишь в том, что в сентябре 1213 г. Володислав Кормильчич действительно стал полноправным князем Галицким [1213-1214]. Это событие было сродни нонсенсу. Русь находилась в родовом управлении Рюриковичей, и с 940-х гг. все её правители принадлежали к этому роду. Более того, и после этого события вплоть до пресечения основной династической ветви в 1598 г. на русский трон никогда не посягал кто-либо, не принадлежавший к этому роду. Поэтому, если считать Володислава Кормильчича безвестным галицким боярином, выскочкой-временщиком, то его вокняжение можно было бы признать узурпацией.

Однако нужно вновь вспомнить о казни Володиславом сразу троих князей Рюриковичей, что не привело к какому-либо порицанию его ни со стороны современников, ни со стороны позднейших летописцев. Одно это уже заставляет сомневаться в его «самозванстве». Кроме того, можно заметить в его поведении интересную корреляцию с поведением боярства Великого Новгорода, ставившего себя выше Рюриковичей. Н.Ф.Котляр назвал вокняжение Володислава «*неслыханным нарушением феодальной иерархии*», но в то же время заметил, что это демонстрирует «*великую силу галицкого боярства, с которым не могло сравниться боярство никакой другой русской земли начала XIII в., за исключением разве что новгородского*»[77].

---

[73] Ипатьевская летопись. С. 728.
[74] Там же. С. 729.
[75] Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 332.
[76] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 245.
[77] *Котляр М.Ф.* Данило Галицький. Київ, 1979. С. 47.

Наконец, чрезвычайно важен тот факт, что против Володислава, как князя, не выступил никто во всём Галицом княжестве. Его власть была признана добровольно, всё княжество оказывало ему полную поддержку, он обладал полноценным княжеским достоинством[78]. Позволим себе процитировать мнение А.В.Майорова: «*Не соответствует действительности распространённое мнение, что вокняжение Володислава было делом рук одних галицких бояр, что самозванный правитель не имел никакой поддержки среди простых горожан и поэтому не смог удержаться на княжеском столе. Источники говорят об обратном. На страницах летописи Володислав въехал в город и «вокняжися» «со всеми галичаны», т.е. при поддержке всей галицкой общины. Эта поддержка видна и в дальнейшем: когда против нового галицкого правителя ополчились соседи – польский и русские князья – князь-боярин «собрався с галичаны» и вышел им навстречу. Силы были не равны, и Володислав потерпел поражение; но и тогда галичане не отступились от него и сообща отбили вражеский приступ. Павших галицких ратников летописец именует «воями» Володислава, что характеризует отношение к нему как к подлинному правителю, князю, признанному общиной*»[79].

Позволим себе также процитировать справедливое замечание О.М.Рапова: «*Уже с конца IX в. великие князья сажали в отдельных землях и крупных городах своих наместников мужей-бояр. Однако боярское правление, по-видимому, не вполне их удовлетворяло. Один из русских летописцев XII в. заметил, что боярский приказ не равносилен княжескому. Когда в 1151 г. Юрий Догорукий бился за Киев с племянником Изяславом Мстиславичем, его союзники половцы напали на передовой отряд противника у Зарубинского брода, «сторожеве же Изяславли убоявшеся, бежаша, бе бо в то время послал сына своего Мстислава в угры, да тем и не твёрд бе ему брод зане не бяше ту князя, а боярина не вси слушають». И действительно, бояре никогда не пользовались на Руси тем авторитетом, каким пользовались князья из дома Рюрика. Предводителями в военных походах, как правило, выступали князья, т.к. им были согласны подчиняться бояре всех родов, понимавшие, что родовитостью и знатностью им не сравняться с Рюриковичами*»[80].

Понимая, что в приведённых нами цитатах правы оба автора, нужно признавать только одно: коль скоро Володислав был признан законным князем, он не уступал своей родовитостью Рюриковичам, если не превосходил их.

Очень непросто, повторимся, говорить о непосредственных обстоятельствах восшествия Володислава на престол. Сложившаяся в силу традиции точка зрения предлагает считать его вошедшим в некий сговор с Андрашем II и предлагает

---

[78] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 415-420.
[79] Там же. С. 435.
[80] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 212.

рассматривать его в качестве венгерского наместника «короля Галиции и Лодомерии»[81]. Примкнувший к этой точке зрения, высказанной впервые Н.М.Карамзиным (1766-1826), А.В.Майоров тем самым противоречит сам себе. Действительно, трудно, как думается, в одно и то же время считать Володислава венгерским ставленником, принимать во внимание антивенгерские восстания 1189, 1206 и 1211 гг., двумя из которых руководил он же, а также говорить, что он был чуть ли не кумиром всего княжества. Признавать приоритет за Ипатьевской летописью перед позднейшей Густынской только потому, что Ипатьевская коррелирует своими данными с сообщениями венгерских хроник, также сомнительно. Дело в том, что как показал В.П.Шушарин, сообщения об отпуске королём Володислава и известия об антикоролевском мятеже в Венгрии проникли в Ипатьевскую летопись либо непосредственным копированием венгерских хроник, либо посредством непосредственных рассказов венгров-оккупантов[82]. Венгерские же известия свидетельствуют лишь о попытке Андраша II вторгнуться в Галицкие земли, но повернувшего обратно из-за мятежа в тылу.

Характер этого мятежа достаточно странен. Романтическая легенда, которая была сложена уже в 1260-х гг., гласила, что брат королевы Гертруды изнасиловал супругу одного из крупных венгерских вельмож Бар-Калана, за что тот, войдя в сговор с иными местными боярами, совершил убийство. 28 сентября 1213 г. уехавшая на охоту королева была убита весьма жестоким способом, а труп её был расчленён. Впоследствии было показано, что вне зависимости от того, было ли указанное изнасилование, или нет, Гертруда была в этом неповинна и ни о каком псевдо-преступлении своего брата даже не подозревала[83]. Спешно вернувшийся Андраш II сумел казнить лишь одного из местных бояр, а затем обрушил свои репрессии на крестьянство, так и не сумев расследовать преступление. Лишь его сын, наследник венгерского престола, сумел расследовать убийство матери, и только в 1228 г. остальные участвовавшие в заговоре вельможи были репрессированы[84].

В этом рассказе интересно увидеть дату гибели королевы, ко времени которой Володислав уже должен был вокняжиться. Это означает, что Андраш II шёл на Галич вовсе не против Мстислава Пересопницкого, а уже против князя Володислава. Поэтому сообщение Густынской летописи следует признать более адекватным, а извлечение из сообщения Ипатьевской летописи всех «венгерских» сведений, позволяет говорить о

---

[81] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 412-415.

[82] *Шушарин В.П.* «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 145.

[83] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* The Realm of St Stephen. A history of Medieval Hungary, 895-1526. London, 2001. P. 90; *Körmendi T.* A Gertrúd királyné elleni merénylet a külhoni elbeszélő forrásokban // Történeti Szemle. 2009. Vol. 51. P. 155-193.

[84] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 98.

полном совпадении известий обеих источников. К тому же трудно отделаться от мысли, что побег Володислава из Венгрии похож на побег оттуда же князя Владимира Ярославича в 1189 г. В обоих случаях речь шла о серьёзном кризисе в Галиче, в обоих случаях законные галицкие властители был в венгерском плену, в обоих случаях обстоятельства их освобождения весьма туманны. В первом случае мы допускали, что бегству князя Владимира способствовали его сильные галицкие покровители. Почему бы не допустить этого и во втором случае? Не следует ли видеть в странном венгерском мятеже и убийстве королевы за какие-то «прегрешения», которые не стали доподлинно известны и спустя 800 лет, влияние в Венгрии Кормильчичей? Мы не можем утверждать, что они приказали убить королеву, а венгерские вельможи выполнили их указание. Но они могли иметь те связи, нажав на которые, можно было добиться многого, а уж каковы были исполнители, либо пожелавшие убить королеву самостоятельно, либо сделавшие это случайно, зависело не от них. Во всяком случае ниже будет показано, что Кормильчичи действительно обладали в Венгрии немалым влиянием *после* рассмотренных событий. Отсюда можно поставить риторический вопрос: почему бы им не обладать таковым влиянием и *до* них?[85]

После вокняжения Володислава обстоятельства развивались следующим образом. Анна и Романовичи бежали к Лешеку Краковскому, который начал собирать войска для похода на Галич. В антигалицкую коалицию вошла его волынская марионетка – князь Александр Белзский, дав тем самым войска Волынского и Белзского княжеств. Поддержал поляков и Мстислав Пересопницкий. Князь Володислав противопоставил им войска Галицкого княжества, а также неких «угров» и «чехов»[86]. В рамках версии о том, что Володислав был ставленником Андраша II, делается допущение, что король оказал Володиславу военную помощь для защиты т.н. «наместником» якобы «королевских владений»[87]. Однако венгры и чехи у Володислава могли быть обыкновенными наёмниками. Володислав сам повёл своё войско в бой, показав тем самым, что он был ещё и военачальником: в Галиче он оставил братьев, Яволода и Ярополка. Однако в открытом бою поляки одолели, Володислав отступил к Галичу и вместе с городским ополчением сумел отбросить польских интервентов[88]. Войска

---

[85] М.М.Волощук справедливо обратил внимание на весьма существенный факт. Когда летом 1211 г. Володислав Константинович вёл венгерских интервентов для свержения Игоревичей, в числе венгерских военачальников, идущих с ним, назывался барон *Банк*. Именно этот барон был впоследствии причастен к убийству Гертруды осенью 1213 г. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ, 2014. С. 153-154.

[86] Ипатьевская летопись. С. 730.

[87] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 414.

[88] Ипатьевская летопись. С. 730.

Лешека ушли в Польшу, не сумев взять ни одного галицкого города, но основательно разграбив сельскую местность.

Вскоре после этого Лешек и Андраш II заключили союз, скрепив его обручением 6-летнего венгерского королевича Коломана и 3-летней дочерью Лешека Саломеей. После этого летом 1214 г. Андраш II «*послав вои и я Володислава в Галичи, заточи и. И в томь заточеньи оумре*»[89]. Князем Галицким Андраш II поставил своего сына Коломана [1214-1215, 1215-1219, 1219-1221], которого в 1215 г. короновал «королём Галиции», а Перемышль и Любачев отдал полякам.

Больше никаких сведений ни о Кормильчичах в целом, ни о ком-либо из них по отдельности в русских источниках нет. Существует лишь краткое упоминание о том, что у Володислава были дети, как минимум двое. В Ипатьевской летописи в статье о свержении Володислава указано, что он умер в заточении «*нашед зло племени своемоу и детем своим княжения деля, вси бо князи не призряхоу детии его того ради*»[90]. То есть летопись недвусмысленно указывает, что детей Володислава не поддержали и не пощадили никакие окрестные владетели. По этому поводу А.В.Майоров совершенно верно подметил: «*Подобное отношение к детям и другим родственникам Володислава показывает, что род Кормильчичей после вокняжения его главы стал восприниматься как княжеский, имеющий права на галицкий стол. Чтобы не допустить возникновения новой княжеской династии, против него и ополчились «все князья», начавшие преследовать наследников Володислава. Следовательно, и само вокняжение (и последующее правление) Кормильчича воспринималось не как «боярское беззаконие» или узурпация власти самозванцем, непризнанным и отвергнутым галичанами, а, скорее, наоборот, в глазах современников оно было вполне законным и оправданным*»[91]. Добавим также и наше мнение: указанная летописная фраза свидетельствует также и о том, что дети Володислава не смирились со свержением отца и пытались основать династию, поскольку только этот факт мог заставить летописца вообще упомянуть их. Ведь не упомянул же летописец Ярополка и Яволода Кормильчичей, поскольку они, судя по всему, после свержения брата прекратили своё участие в галицких делах. Следовательно, упоминание о сыновьях Володислава однозначно говорит о том, что они своего участия в галицкой политике не прекратили.

На основании краткой записи Ипатьевской летописи, сообщавшей о смерти Володислава в венгерском плену, традиционно считалось, что он был увезён пленником в Венгрию, где и умер в тюрьме. Однако, как показали недавние исследования, это было совсем не так.

---

[89] Ипатьевская летопись. С. 731.
[90] Там же.
[91] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 418.

М.М.Волощук убедительно показал, что Володислав Кормильчич не только не был уморен в венгерской тюрьме, но после своего свержения жил около 18 лет и умер своей смертью в Венгрии[92]. Его результаты базировались на обнаруженных венгерских документах 1218 и 1232 гг. и выглядят следующим образом: 1) Переговоры Лешека и Андраша II длились до рубежа августа/сентября 1214 г. 2) Князь Володислав был свергнут в течение сентября-октября 1214 г. 3) Впоследствии он стал венгерским подданным: в документе 1218 г. он зафиксирован под именем *Ladislao Rutheno*, в документе 1232 г. – *Ladislaus Ruthenus*, иначе – *Ладислав Русский*. 4) Документ 1218 г. фиксирует Володислава владельцем села Пагран в окрестностях г. Нитры (совр. с. Погранице в 4,5 км от Нитры в совр. Словакии) и приписанными к селу виноградниками. В мае 1209 г. эти земли принадлежали монастырю св. Бенедикта, который курировал Иоанн, архиеп. Эстергомский [1205-1223], а в августе 1217 г. Андраш II отбыл в крестовый поход, вернувшись только в январе 1218 г. Поскольку в февральском документе 1218 г. указывается, что указанные земли были отданы Володиславу какое-то время назад, М.М.Волощук предположил получение их галицким боярином/князем между маем 1209 и августом 1217 гг. 5) Все эти земли принадлежали ранее Эстергомскому архиепископству. Поскольку этот архиепископ занимал ведущее место в венгерской церковной иерархии, занимаясь королевскими коронациями, то отъём его земель в пользу вельможи, по мнению М.М.Волощука, должен свидетельствовать в пользу немалой значимости последнего. 6) В феврале 1218 г. пагранские виноградники были возвращены архиепископу, но село оставлено Володиславу. 7) Документ 1232 г. повествует, что пагранские виноградники вновь были отобраны уже у нового архиеп. Эстергомского, Роберта [1226-1239] и опять отданы во владение Володиславу до его смерти. Смерть его наступила незадолго до составления документа, т.е., по мнению М.М.Волощука, около 1231/1232 гг. 8) Интересно, что своими законами 1222 и 1231 гг. Андраш II запретил даровать земельные владения иноземцам; если же владения были дарованы раньше, то законы разрешали прежним владельцам выкупать или возвращать их обратно иным способом. К персоне Володислава этот закон применён не был. 9) Володиславу принадлежало 25 виноградников и около 20 семейств (100/120 чел.) сервов (фактически рабов, прикреплённых лично к господину). Эти цифры для начала XIII века говорили о серьёзной зажиточности их владельца. 10) По имущественному статусу Володислав может быть отождествлён с т.н. «королевскими баронами», новым дворянством королей Имре и Андраша II, которое в 1222 г. было уравнено в правах с магнатами

[92] *Волощук М.М.* «Вокняжение» галицьке Володислава Кормильчича (1210-1214 рр., з перервами): міфи та реальність // Вісник Прикарпатського університету. Історія. 2009. Вип. 15. С. 38-48; *Он же.* Неизвестные страницы биографии галицкого боярина Володислава Кормильчича (1214-1232 г.) // Древняя Русь. 2010. № 3 (41). С. 17-26; *Он же.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 145-174.

старых времён. Однако иные земельные владения Володислава к настоящему времени не установлены, что не даёт возможности точно установить его статус.

Весьма серьёзным недостатком работ М.М.Волощука нужно видеть его приверженность традиционной версии об «изначальном венгерофильстве» Володислава и видении его княжения в Галиче, как венгерского наместничества. Также, по нашему мнению, автор неправ, считая, что Кормильчичи впервые появляются на галицкой политической арене только в 1199 г.

Итак, для того, чтобы ответить на вопрос, что представлял собой «феномен Володислава Кормильчича», нужно попытаться рассмотреть вопросы, связанные с его генеалогическим происхождением. Разумеется, любые выводы, могущие быть сделанными в этом направлении, являются трудно доказуемыми. Однако представляется, что только с помощью подобных наблюдений можно объяснить его деятельность и статус.

4. Происхождение галицких «Кормильчичей»

Одним из важных аспектов в генеалогических разысканиях является определение точного или приблизительного возраста исследуемого лица. Относительно трёх братьев Кормильчичей летопись ничего подобного не сообщает. Можно быть уверенными лишь в том, что Володислав был старшим, поскольку именно он всё время выставляется летописью активно действующим лицом. Из двух других, поскольку Ярополк в статье о сражении в 1214 г. с поляками указывается на первом месте, можно допускать его старшинство перед Яволодом.

Дальнейшие вопросы, связанные с возрастом братьев Кормильчичей, могут быть определены только в случае ответа на вопрос: когда они впервые появляются на галицкой политической арене? По летописным данным, это происходит только в 1206 г. Однако по тем же данным, говорящим, что они бежали от Романа Мстиславича, можно заключить, как мы это сделали выше, что их бегство произошло не позднее 1199 г. Именно этот год по этой же причине указывал в качестве выхода Кормильчичей на политическую арену М.М.Волощук. Однако, по нашему мнению, активная деятельность Кормильчичей началась много ранее, а именно – в 1187 году. Как представляется, именно их нужно видеть скрывающимися под псевдонимами «*помощники галичан*» 1199 г. и «*приятели Володимеревы*» 1188 г. Действительно, ранее мы говорили, что двумя основными и неоспоримыми признаками тождества этих двух безымянных группировок была их категорическая неприязнь к Роману Волынскому, а равно полное и безоговорочное подчинение их воле всей местной элиты и свободного населения Галицкой земли. Однако именно эти признаки отличают и Кормильчичей с 1206 года. Летопись везде подчёркивает их полный контроль над Галичиной, никем и никогда не оспариваемый изнутри, а равно упирает на их категорической неприязни к

Романовичам, детям покойного Романа Волынского. Трудно сказать, почему летописец в своё время не указал имена истинных руководителей событий 1188 г. Думается, что здесь имела место та же причина, что и в случае занесения в Ипатьевскую летопись сведений из венгерской хроники об убийстве королевы Гертруды в 1213 г. Термин «помощники галичан» встречается в польской хронике, автор которой мог и не знать точных имён тогдашних исторических фигурантов. Именно по такому принципу в русской летописи появилось понятие «приятелей Володимеревых», будучи скопированным из такой же западной хроники. Таким образом, можно говорить, что «приятели Володимеревы», они же братья Кормильчичи, впервые начали свою активную деятельность в 1187 г. при первом утверждении на галицком престоле Владимира Ярославича, способствовав свержению его брата-бастарда Олега. Коль скоро так, то следует понимать, что лицо, обладавшее столь весомым авторитетом, что однажды высказываемое им мнение тотчас же принималось к исполнению всей Галицкой землёй, не могло быть слишком молодым. С 1551 г. на Руси брачным возрастом и одновременно возрастом полного социального совершеннолетия являлось 15-летие для мужчин и 12-летие для женщин[93]. С древнейших времён и до Стоглава таковыми возрастами полагались 11-летие для мужчин и 10-летие для женщин[94]. Иллюстрацией к последнему является сообщение об удалении Анны от Даниила Романовича в 1211 г.: «*Галичане же выгнаша Данилову матерь из Галича. Данил же не хоте оставити матери своеи и плакашеся по неи: млад сыи*»[95]. Эта формулировка доказывает правоту А.П.Толочко в том, что Даниил Романович родился не раньше 1203/1204 годов. Если бы он был старшим сыном Анны, т.е. ок. 1201 г.р., то в 1211 г. он бы достиг возраста социального полнолетия, и летопись бы не назвала его ребёнком. Учитывая всё изложенное, можно полагать, что солидный возраст, которым мог обладать Володислав Кормильчич в 1187 г., должен был быть не меньше 30/35-летнего. В таком случае он должен был родиться не позднее середины 1150-х гг.

В случае принятия нашей версии возраста Володислава, можно говорить о том, что наблюдение М.М.Волощука о спокойной жизни Володислава в Венгрии после 1214 г. получает дополнительное объяснение. С учётом нашей поправки, Володислав умер около 1231/1232 гг. в возрасте около 80 лет, т.е. в 1214 г. ему было около 60 лет. Показано, что в XIV-XVI вв. на Руси и на Запада термин «старость глубокая» применялся к лицам между 50 и 60 годами; термин «старость маститая» применялся к

---

[93] Стоглав 1551 г. // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 2. Гл. 18.

[94] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 409. Только в 1410 г. митрополит Киевский [1408-1431] Фотий в письме к новгородскому архиепископу запретил венчать девочек младше 12 лет; поскольку это стало строго исполняться по всей Руси, то и брачный возраст мальчиков был неофициально повышен до 14 лет. См.: *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 443.

[95] Ипатьевская летопись. С. 727.

лицам около 65 лет[96]. Следовательно, не только факт свержения Володислава, но и возрастной фактор заставили его уйти после 1214 г. на покой. И хотя примеров активной деятельности в политической и военной сферах лиц старше 70 лет можно отыскать в истории, но всё-таки эти примеры немногочисленны.

К сожалению, сделать подобные расчёты для Ярополка и Яволода Кормильчичей нельзя по причине полного отсутствия в летописях датирующих признаков в их адрес. Можно лишь обобщённо говорить об их рождении в 1150/1160-х гг. и смерти после 1214 г. Поскольку в отличие от всех предыдущих галицких переворотов летописи не упомянули о каких-либо репрессиях в адрес младших Кормильчичей в 1214 г., можно думать, что они уцелели в тех событиях. Однако на этом основании вряд ли можно пребывать в уверенности, что они вместе с Володиславом отбыли в Венгрию. Во всяком случае, как будет показано ниже, сын Володислава продолжал действовать в Галичине и на Волыни. Исходя из последнего, с равной степенью вероятности можно допустить, что его дядья либо ушли в Венгрию, либо остались с племянником, но в любом случае вынуждены были эмигрировать из Галича.

Обсуждение аспектов вероятного происхождения Кормильчичей следует начать с их статуса. Повторимся, статус Володислава был таким, что в период 1187-1214 гг. (исключая этап его эмиграции в 1199-1205 гг.) его голос был не только решающим во внутригалицких делах, но фактически и единственным. Этот неоднократно замечаемый летописью факт лучше любых историографических построений свидетельствует в пользу того, что этому боярину в пределах Галицкого княжества не существовало никакой оппозиции: ни в лице пресёкшегося в 1199 г. княжеского дома Ростиславичей, ни среди иных бояр, ни среди свободного простонародья. Кроме того, также повторимся, как князь, Володислав был также безоговорочно признан всеми городскими и сельскими общинами своего княжества: против него выступили только Рюриковичи, вовлёкшие в заговор Лешека Краковского. Последнему летописец вкладывал в уста фразу, подобную цитированной О.М.Раповым для 1151 г., о том, что не пристало боярину быть князем. Однако, поскольку этого лозунга придерживались только Рюриковичи, причём местные, волынских линий (думали ли что-либо об этом Рюриковичи в иных русских землях, неизвестно), следует думать, что именно они и беспокоились о свершившемся внезапно факте замещения их иной княжеской династией. Однако мы полагаем, что самое страшное для волынских Рюриковичей был даже не факт их свержения, а замещения их таким лицом, которое имело реальное *русское княжеское* достоинство. Летописи не оставляют никаких сомнений в том, что Русь всегда сопротивлялась вторжениям и завоеваниям извне, и временно

[96] *Усачёв А.С.* «Старость глубокая» в XIV-XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. 2014. № 1 (55). С. 58-66.

утверждавшиеся где-либо захватчики непременно терпели поражение. В случае с Володиславом и бояре, и свободное простонародье согласились принять над собой князя не-Рюриковича, не считая его узурпатором. Это был серьёзнейший прецедент, в случае утверждения которого, а тем более наследования Володиславу его сыновей, он мог бы в будущем начать своё расширение в иные русские земли. С этой точки зрения свержение Володислава и его детей было жизненно необходимо Рюриковичам. Но кем мог быть боярин/князь Володислав, чтобы иметь такой статус?

Традиционно полагается, что его искусственное отчество, на деле являющееся прозвищем от должности отца, говорит о том, что Володислав и его братья были сыновьями княжеского «кормильца», или дядьки-воспитателя, подобно известному Добрыне Нискиничу (ок. 935 – ок. 997/1001), появляющемуся впервые в русской истории в таком качестве при князе Владимире Святославиче с 970 г.[97] Эта точка зрения вполне логична и никем не может быть оспорена. В.К.Гарданов (1908-1989), а вслед за ним и прочие авторы, полагали, что отец Володислава был дядькой при Владимире Ярославиче.

Однако подобных «кормильцев»-дядек в летописях домонгольского времени известно немало. Их всех отличает один важный факт: они единственные из ближних к тому или иному князю бояр, кто может направлять, корректировать действия уже взрослого своего воспитанника, и даже порицать или обличать его. Однако нигде в истории нет примера, что какой-нибудь княжеский дядька попытался предпринять те же действия в адрес любого другого князя. Тем более нет примеров, чтобы чужие князья апеллировали к чужому дядьке-воспитателю. Напротив, есть примеры, когда собственный князь, становясь взрослым, переставал прислушиваться к своему бывшему дядьке, хотя и не гнал его от себя.

Можно, однако, привести пример упомянутого Добрыню Нискинича, который фактически с 980 г. был некоронованным соправителем Руси вместе с князем. Однако в его случае это можно объяснить тем, что матерью князя была родная сестра Добрыни, а он сам происходил из наследственного княжеского дома Нискиничей, существование которого можно проследить как минимум до рубежа третьей/четвёртой четвертей VI в.

Вторым примером является потомок Добрыни Нискинича в 6 колене – Рагуил Добрынич (р. до 1100-х гг. – ум. после 1185): ладожский посадник [1132-1134][98]. Он был дядькой и тысяцким при Владимире Мстиславиче (1132-1171), В.К. Киевском [март – май 1171], сыном В.К. Мстислава I [1125-1132] и своей троюродной сестры Любавы Дмитриевны (ум. после 1169), а затем в том же качестве подвизался при его сыне – князе Мстиславе Владимировиче (р. после 1150 – ум. после 1203). В 1185 г. он

[97] *Гарданов В.К.* «Дядьки» древней Руси // Исторические записки. 1962. № 71. С. 240.
[98] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 102-105, 119.

был тысяцким в Новгород-Северске и участвовал в известном походе на половцев Игоря Святославича, отражённом в «Слове о полку Игореве». Дополнительные исследования показывают, что именно он и его сын, находясь в Новгород-Северске, стали авторами «Слова», написанного до 1188 (максимум, до 1196) г.[99] Отличительным признаком «Слова» были призывы его автора к общерусскому единению, а равно вольное восхваление, порицание или обличение любых князей. По нашему выводу, так мог поступать только потомок Добрыни Нискинича, поскольку любой представитель рода всегда был на ступень старше любого из Рюриковичей, по причине происхождения всех последних от младшей сестры первого исторического новгородского посадника.

То есть, следует понимать, что поведение Володислава, особенно ярко выразившееся в казни им трёх князей Рюриковичей, за что он не получил ни порицания, ни наказания, сопоставимо только с указанными двумя представителями рода Нискиничей. Собственно именно поэтому мы и постулировали в начале настоящей работы принадлежность братьев Кормильчичей к этому роду.

Крайне интересно, что в поведении Володислава видна явная корреляция с автором «Слова о полку Игореве». Во время суда над Игоревичами, летописец вкладывает ему в уста следующие слова: «*Не сии ли* (Игоревичи – *В.Т.*) *избиша отци ваши и братью вашю? А инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша. А отчьствии вашими владеша инии прищельци. То за тех ли хочете душю свою положити?*»[100] В сущности, этот текст как будто бы заимствован из «Слова», настолько он похож на призывы его автора. Как показал соответствующий анализ[101], в этих словах следует усматривать классическое с древнейших времён противопоставление «мы»-«они» или «свои»-«чужие»; под понятием «*Отечества*» здесь понимается Родина в широком смысле, которая захватывается пришельцами из-за враждебной политики *«чужих» во власти*. Позволим себе вновь вернуться к популярной теме о том, что Володислав был всего лишь венгерским наместником. Думается, вряд ли «*проводник политики Арпадов*», как его нередко именовал М.М.Волощук, мог бы произносить подобные слова, поскольку в таком случае именно он бы и был обличаемым им же «пришельцем». Кстати, следует понимать, что именно наличие такой политической программы у князя – основателя новой династии на Руси, должно было стать самым страшным для Рюриковичей. Погрязшие в усобицах, регулярно пользовавшиеся иноземными интервентами, они ещё могли не обращать пристального внимания на «Слово» и его автора. Но не обратить своего внимания на начавшуюся, по сути дела, реализацию призывов «Слова», причём реализацию со стороны родственника его

[99] *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в развитие средневековой литературы.
[100] Ипатьевская летопись. С. 724.
[101] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 421-435.

автора, как лица, *имеющего право* на такую реализацию, должно было их серьёзно обеспокоить.

Наконец, именно происхождение Кормильчичей из рода Нискиничей может объяснить его успешное вокняжение. По мнению ряда авторов, в вокняжении Володислава надо видеть архаические представления о том, что казнивший князя сакральным образом берёт на себя его властные функции и статус[102]. На Руси последний пример такого рода был представлен в виде «сватовства» последнего князя Древлянского Нискини/Мала, основателя боярского рода Нискиничей, к княгине Ольге ок. 944/945 гг. Однако как в XIII веке, так и позднее, в европейской истории невозможно отыскать примеров подобного рода. То есть примера убийства властителя лицом более низкого статуса и принятия им на себя статуса убитого. Речь в эти века уже шла только о свержении одним властителем другого и отобрания в свою пользу владений проигравшего. Поэтому те авторы, которые отвергали такую архаику применительно к началу XIII в., были, думается, правы. Вместе с тем нельзя по этому поводу впадать в очередную крайность, продолжая видеть в Володиславе только лишь венгерского наместника или узурпатора. Тот факт, что княжеское достоинство Володислава было признано всеми, само по себе доказывает равенство его статуса со статусом Рюриковичей. И это можно увидеть не только в том, что на него ополчились именно Рюриковичи, но в его казни нескольких Рюриковичей. Вновь напомним, что он не удостоился никакого порицания за эту казнь ни от самих Рюриковичей, ни от иноземных монархов. Это означает лишь то, что *он на самом деле имел такое право*. В свою очередь, это право могло дать ему только *кровное родство с Рюриковичами в качестве их старшего родича*.

О последнем уже было заявлено в историографии: «*Тот факт, что «кормиличич» (сын кормилицы? потомок кормилицы? молочный брат какого-либо князя?) Володислав во время усобиц претендовал на княжеский стол наравне с Рюриковичами, более того на время был даже признан галичанами в качестве князя, на наш взгляд, может свидетельствовать и о том, что он состоял с княжеским домом в прямом родстве… Разумеется, вопрос о том, были ли «кормиличичи» Володислав, Ярополк и Яволод кровными родичами галицких князей, нуждается в дополнительном исследовании, но такое допущение могло бы объяснить и их особую роль в династической борьбе и происхождение их несколько необычных для людей некняжеского рода имён*»[103].

Цитированные авторы допускали, что Кормильчичи были бастардами кого-то из галицких Ростиславичей. Доказать это, разумеется, невозможно, но этому допущению

---

[102] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 149-150; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 416-418, 435-436.

[103] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 69.

нельзя найти даже и косвенного подтверждения. В это можно либо поверить, либо отвергнуть. В то же время принадлежность Кормильчичей к роду Нискиничей может быть усмотрена в рамках концепции родовой преемственности имён.

Согласно концепции Литвиной-Успенского, в знатном, а тем более княжеском, роду из поколения в поколение по специальному правилу повторяются одним и те же – родовые – имена, как мужские, так и женские. С учётом этого, трудно не увидеть того, что имена всех братьев Кормильчичей – княжеские. Как в рамках указанной концепции, так и посредством анализа летописных текстов, упоминающих различные боярские имена, можно говорить, что эти совпадения уникальны. Мы не будет анализировать имена Ярополка и Яволода, тем более что материала для анализа явно недостаточно. Но имя Володислава поддаётся такому анализу. Вновь позволим себе цитату: «*В наиболее типичной ситуации, называя княжича Игорем или Володимиром, родители устанавливали его связь как с первым носителем этого имени в княжеском роду, так и со всеми последующими Игорями и Володимирами, названными в его честь. Таким образом, ребёнок входил в всё нарастающий ряд тезоименитых ему князей, связанных между собой узами кровного родства… Один из приближённых галицких князей оказывается обладателем княжеского имени Ярополк, а его братьев зовут Володислав и Яволод (Ясволод, по Ермолаевскому списку). Перед нами очевидный случай варьирования родовых основ у братьев… Если варьирование ограничивается сложением двух вполне традиционных основ имени, то его действие остается неявным, не противоречащим общему строю повтора имён предков. Вариация же, создающая имя близкое к традиционному, но прежде в династии не существовавшее, выделяет своего обладателя и ставит его в особые отношения с другими носителями сходного, но традиционного имени. Иными словами, Володимир сын Всеволода правнук Володимира и родич множества других Володимиров из рода Рюриковичей объединен своим именем как с отцом, так и со всеми тёзками. Ингвар же может быть объединён со всеми князьями Игорями, жившими после Игоря Рюриковича, но может быть и противопоставлен им*»[104].

В связи с последним нужно обратить внимание на то, что в русской истории уже присутствовало лицо по имени Володислав. Речь идёт о русско-византийском договоре 944 г., в котором на четвёртом месте после В.К. Игоря, его сына Святослава, его жены Ольги, его племянника Игоря, идёт посол от некоего Володислава. В разное время его, а равно и иных перечисленных лиц, пытались трактовать по-разному: в них видели либо только Рюриковичей, либо часть из них понимали как местных киевских наместников. П.С.Стефанович в своих работах показал, что все они, помимо действительных Рюриковичей, которые в договорах 911 и 944 гг., а также в составе посольства Ольги в

[104] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 68-69.

Византию просматриваются достаточно ясно, являются теми, кто был самостоятельными правителями внутри Русской земли, признающими верховную власть Киева, представлявшие собой разные роды, помимо Рюриковичей[105].

Принимая трактовку П.С.Стефановича, мы должны видеть в Володиславе 944 г. князя Древлянского. Видимо, именно его в том же году сменил на троне известный в летописях Нискиня/Мал. Ранее, согласно концепции родовой преемственности имён, мы определили, что имя склавинского верховного князя ок. 570 г. Добряты соответствует позднейшим русским Добрыням, определив как минимум два мужских династических имени русской доваряжской княжеской династии: Нискиня и Добрыня[106]. Текущее наблюдение позволяет нам добавить сюда и третье имя – Володислав.

Также можно сделать ещё одно, хотя и косвенное, наблюдение. Вряд ли нужно сомневаться в том, что прозвище «кормильчич» образовано от должности отца его носителей. Вместе с тем можно обратить своё внимание на тот факт, что в XVII в. один из далёких потомков рода Нискиничей носил похожее прозвище. Речь идёт о прямом предке автора настоящей работы, жителе села Богородского Нижегородского уезда, местном пономаре, с полным именем *Савва Корнильев, прозвище Окомор*[107]. Этот человек фиксировался последовательно в материалах переписей 1620/1623 и 1646 гг., а также в одной из Отказных книг 1667 г. В последнем случае он был записан с дополнительным прозвищем: Савва *Кормилов*, прозвище Окомор. Можно было бы рассматривать это банальной опиской писца. Однако, наши исследования с учётом новгородского происхождения отца и деда этого человека, а также новгородского происхождения прозвища «Окомор», заставили нас попытаться найти объяснения этому именно как второму прозвищу. Такое объяснение было найдено: *кормилушка* «почтительное или ласковое обращение к более старшему мужчине» (вологод.), *кормильчик, кормилец* «домовой» (вологод.)[108]. Вполне возможно, что в применении к Володиславу могло прилагаться рассматриваемое прозвище в том числе и в этом значении. Очень любопытно бытование похожего прозвища – как имени – в веках, причём в рамках одного и того же рода.

В русле подмеченной нами связи между родственниками Володиславом и новгород-северскими авторами «Слово о полку Игореве» можно понять, что выбор Володиславом на галицкое княжение Игоревичей был не случаен. С одной стороны речь шла о

---

[105] *Стефанович П.С.* Кого представляли послы «от рода рускаго» в договоре руси с греками 944 г.? // Древняя Русь. 2011. № 3 (45). С. 109-110; *Он же.* Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института Российской истории РАН. 2013. Вып. 11. С. 19-57.

[106] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 118-124.

[107] *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска. С. 35-36.

[108] Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1978. Вып. 14. С. 336.

близком родстве Игоревичей с пресёкшимся родом Владимира Ярославича, т.е. о сугубо династической коллизии. С другой стороны, на трон приглашались дети того князя, который возвеличивался «Словом» и который, по замыслу автора «Слова», мог бы соответствовать тому образу идеального правителя, который этим автором предполагался.

Возможно, что именно связь Кормильчичей с Северщиной и может оказаться тем звеном в цепи нашего расследования, которое наведёт на путь отыскания непосредственных предков Володислава и его братьев. Эта связь была тем более тесной, что предполагается даже существование у Кормильчичей каких-то земельных владений в Северщине[109]. Как полагал Н.И.Костомаров (1817-1885), боярин Володислав жил в Северской земле в промежутке 1199-1205 гг.[110] По нашему мнению, стоит предпринять попытку отыскания в среде галицкого боярства предшествующего Кормильчичам времени таких его представителей, которые бы соответствовали тем же основным признакам, какими характеризовались сами Кормильчичи в 1187-1214 гг. В данном случае речь должна идти, во-первых, о приверженности таких бояр династии Ростиславичей в лице князей Ярослава Владимировича и Владимира Ярославича, во-вторых, о связи этих же бояр с Северщиной, в-третьих, эти бояре должны были тотально контролировать остальное галицкое боярство и всю местную ситуацию в целом.

По нашему мнению, отыскать такого боярина в предшествующее Кормильчичам время можно. Речь идёт о боярине *Константине Серославиче*. Впервые он появляется в летописи под 1157 г.[111] Он был послан Ярославом Галицким в Суздаль с требованием от своего князя выдать в Галич княжеского кузена Иоанна Ростиславича *Берладника*, служившего суздальским князьям с 1149 г. Посольство не преуспело, но не по вине посланника, а по нежеланию Суздаля. В 1157 г. Константин Серославич предстаёт не только послом, но и воеводой во главе «*многой дружины*».

Вторично боярин упоминается под 1170 г.[112], когда командовал галицкой ратью, воевавшей на стороне Мстислава Изяславича, В.К. Киевского [январь – апрель 1159, 1167-1169, март – апрель 1170] против Давыда Ростиславича, князя Витебского [1165-1166], Вышгородского [1167-1175], Смоленского [1180-1197], который был на стороне

---

[109] *Петрик А.М.* Боярські двори та економічне становище бояр Галицько-Волинської держави // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2008. Вип. 11-12. С. 70. Вспомним, что в районе Путивля существовало село Добрыничи, название которого совпадает с одним из родовых имён Нискиничей. Любопытно также, что в рассматриваемые годы Путивль был вотчиной, специально данной Владимиру Игоревичу. Летопись называет его держателем Путивля ещё в 1185 г., именно в Путивль он бежит в 1208 и 1211 гг. См.: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 119.

[110] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С 241.

[111] Ипатьевская летопись. С. 509.

[112] Там же. С. 548.

Андрея *Боголюбского* в 1169 г. и помог взойти на киевский трон Владимиру Мстиславичу (1171), при котором дядькой-тысяцким был Рагуил Добрынич из Нискиничей. Ипатьевская летопись сообщила, что боярин Константин вдруг перестал поддерживать киевского князя по собственной воле. Он даже подделал грамоту от Ярослава Галицкого, предписывавшую ему якобы уйти, что он вместе с войском и сделал. Это событие необыкновенное. Боярин, воевода нарушает волю своего князя и, согласно летописи не только не получает за это наказание, но даже не порицается. Налицо полная корреляция со «своеволием» Володислава Кормильчича. Можно также задуматься о том, что Константин Серославич, - если он происходил из Нискиничей, - отказался воевать с князем Рюриковичем, помогавшему князю, воспитаннику Нискинича, и будущему автору «Слова о полку Игореве». Кроме того, этот князь был сторонником Суздаля, а именно Суздалю в 1189 г. присягнули Володислав Кормильчич и князь Владимир.

Третий раз боярин Константин указывается летописью под 1173 г. В этот год разгорелся конфликт между Ярославом Галицким и местным боярством. Речь шла о том, что князь сошёлся с любовницей-половчанкой, от которой прижил сына Олега. Родственники любовницы, войдя в фавор, начали своенравничать. В результате законная жена князя Ольга Юрьевна (в замужестве с 1149, дочь Юрия *Долгорукого*) с сыном Владимиром, Константином Серославичем и «*мнози бояре*» бежали в Польшу. Они сидели там 8 месяцев, а в это время в самом Галиче вспыхнуло восстание, руководимое неким Святополком: любовница Ярослава была казнена через сожжение, все её родственники перебиты, сын князя от любовницы – Олег – арестован и заточён, а сам Ярослав приведён к крестному целованию перед законной супругой, чтобы более ей не изменять[113].

В событиях 1170 года[114] боярин Константин выступает главным действующим лицом. Все бояре, как бежавшие вместе с ним и княжеской семьёй, так и оставшиеся, контролировались им. А.В.Майоров специально замечал, что летописная фраза «*мнози бояре*» коррелирует с подобными фразами позднейшей галицкой истории[115], относившимся именно к Кормильчичам. Именно он руководил Святополком, поднявшим восстание. Восстание уничтожило «пришельцев»: вспомним, что именно этот термин употребил Володислав Кормильчич на суде над Игоревичами. В событиях 1170 года Константин Серославич выставлен хозяином положения: это он руководит

[113] Ипатьевская летопись. С. 564.

[114] Показано, что в этом случае летописная датировка неверна, и события, датированные 1173 годом, на деле происходили в 1170 году. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 159.

[115] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 316.

действиями своего князя и даже наказывает его за неправедную жизнь[116]. Это отлично коррелирует с действиями Володислава, наказавшего Игоревичей. Наконец, имя боярина Святополка чрезвычайно знаменательно: перед нами опять княжеское имя у боярина. Согласно концепции родовой преемственности имён, мы имеем полное право говорить о том, что боярин Святополк должен принадлежать к тому же роду, что и Кормильчичи. В этом контексте его связь с Константином Серославичем весьма существенна и позволяет думать о родстве между ними (дополнительно это будет обосновано ниже). К сожалению, Святополк упоминается летописью в 1170 г. единственный раз, поэтому говорить об его происхождении достоверно невозможно.

Кстати, можно думать, что самостоятельность проявляется боярином Константином не только дважды в событиях 1170 г., но в событиях 1157 г. Можно допустить, что неуспех его посольства в Суздаль заключался не только в нежелании тамошних властей. Если причислять Константина к Нискиничам, то следует видеть, что их главный клан, базирующийся в Великом Новгороде, в 1141-1159 гг. являлся сторонником Суздаля[117]. Следовательно, как и в событиях вокруг Вышгорода в 1170 г., Константин в 1157 г. мог действовать не в воле своего князя, а в воле общерусского боярского клана, к которому он принадлежал.

Больше информации о Константине Серославиче в летописях нет. Именно после его исчезновения с летописных страниц фиксируется ранняя связь Владимира Ярославича с Северщиной. В 1173 (по летописи, в 1174) г.[118] в галицкой княжеской семье вновь вспыхнул конфликт. Мать и сын вновь бежали от Ярослава Галицкого в Луцк к князю Ярославу Изяславичу [1157-1174/1180], также В.К. Киевскому [1173, 1173-1174][119]. Причина бегства остаётся неизвестной, поскольку ни о каких иных любовницах галицкого князя не сообщается, равно как и о каком-либо его конфликте с местным боярством. Вместе с тем, как минимум после этого бегства, конфликт имел место. Ярослав повёл войско на Луцк, требуя вернуть ему родственников, но войско это было не галицким, а состояло из поляков-наёмников. А.В.Майоров по этому поводу справедливо замечал, что отказ галицкого боярства помочь князю войском и неучастие в походе на Луцк даже княжеской дружины свидетельствовали о поддержке таковыми именно бежавших, а не князя[120]. Вместе с тем в отличие от событий 1170 г. летопись ничего не сообщает о собственно местных боярах. Строго по летописи, княгиня с сыном бегут сами, без участия бояр и без их сопровождения. Этот разительный

---

[116] Впервые руководителем восстания 1170 года назвал боярина Константина В.Т.Пашуто. См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 160.
[117] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 115.
[118] *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 160.
[119] Ипатьевская летопись. С. 571.
[120] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 257-258.

контраст с предыдущим бегством может косвенно свидетельствовать о том, что в период с 1170 по 1173 гг. могла наступить смерть Константина Серославича. Кто бы ни возглавил галицких Нискиничей в результате этого, он не обладал ещё тем весом, что был у Константина. Теоретически можно считать этим главой ранее упомянутого боярина Святополка, которого на этом, очень шатком основании, можно видеть младшим братом Константина. Поэтому об оппозиции Ярославу со стороны вновь *всего галицкого боярства* в этом случае можно лишь догадываться.

Боясь наёмников, луцкий князь выдворил беглецов из своей волости, и они бежали к Михаилу Юрьевичу, князю Торческому (Поросье) [1172-1174] и будущему Великому Князю [1174, 1175-1176], родному брату галицкой княгини. Оттуда они в том же году переехали в Чернигов по приглашению Владимирова тестя – Святослава Всеволодовича, тогда ещё до получения Киева бывшего В.К. Черниговским [1164-1180]. По летописям, Владимир был женат на его дочери Болеславе с 1167 г., но детей с ней не прижил. Однако княжич стал разменной монетой: Святослав Черниговский и Михаил Торческий обменяли его на свою родню, бывшую в плену у иных князей, а Владимира сдали отцу. Его мать, княгиня Ольга, в Галич уже не вернулась: через некоторое время она отбыла в Суздаль, ко двору брата Всеволода III Юрьевича, где и умерла в июле 1182 г.[121] В том же году (в мартовском 1182/1183 г.), согласно Ипатьевской летописи, Владимир был изгнан отцом из Галича. Он отправился вначале к Роману Волынскому, но тот выслал его. Затем княжич ушёл к Ингварю Ярославичу, кн. Луцкому [1180-1220], В.К. Киевскому [1201-1203, 1204, 1212], Волынскому [1209-1210] в принадлежавший тому Дорогобуж, но Ингварь также выслал его. Затем княжич ушёл к Святополку Юрьевичу, кн. Туровскому [ок. 1170 – 1190], но тот, не желая ссориться с Ярославом Галицким, переправил княжича к Давыду Смоленскому. Тот также не захотел приютить его, невзирая на ранее имевшиеся отношения с его покровителем, Константином Серославичем. Последнее свидетельствует о том, что к 1182 году боярин Константин однозначно почил. Давыд отправил княжича в Суздаль, откуда Владимир уже по собственной воле ушёл в Путивль, принадлежавший Игорю Новгород-Северскому, который был женат, как указывалось, на родной сестре княжича, и «*прия с любовью, и положи на нём честь великоу, и за две лете держа и оу себе, и на третье лето введе и в любовь с отцемь его и посла с ним сына своего.. Святослава*»[122]. То есть, после долгих скитаний галицкий княжич приходит в Путивль, в окрестностях которого были земельные владения Нискиничей вообще, а где-то в Северщине были и земельные владения Кормильчичей; при этом Рагуил Добрынич уже находился с семьёй при князе Игоре. Также отметим характерную деталь, что именно Святослав Игоревич,

[121] Ипатьевская летопись. С. 624. В летописи неверно – в 1183 г. См.: Лаврентьевская летопись. С. 389; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 170.
[122] Ипатьевская летопись. С. 634.

позднее казнённый Володиславом в 1211 г., будучи ещё совсем ребёнком (ок. 8 лет в 1184/1185 г.), стал почётным посланником своего отца в Галич.

Таким образом, рассмотренное позволяет предположить, что отцом братьев «кормильчичей», – *Константиновичей*, – резонно видеть боярина Константина Серославича (р. не позже 1120-х гг. – ум. ок. 1170/1173). Князь Владимир Ярославич родился до 1156 г., о чём свидетельствует дата его женитьбы; сейчас общепринята дата его рождения под 1151 г. Тем самым можно говорить о том, что князь Владимир и Володислав Константинович «Кормильчич» были ровесниками, и княжич воспитывался боярином Константином вместе с его собственными детьми. Именно поэтому боярин Константин становится на защиту законного наследника в 1170 г., а его преемники во главе галицких Нискиничей продолжают ту же политику в 1173 и 1182-1184/1185 гг. Именно по причине одинакового возраста и совместного воспитания, «кормильчичи» называются «приятелями Володимеревыми». Наконец, последнее доказательство того, что «кормильчичи» есть «приятели Володимеревы» 1187/1189 гг. усматривается в свержении ими бастарда Олега в 1187 г. Вспомним, что бояре свергали его, опасаясь мести за убийство его матери. А убивали его мать по указанию бояр Константина и Святополка, следовательно, бояться мести могли только их прямые наследники.

Интересно, что Константин Серославич также носил княжеское имя. Во-первых, имя «Константин» несколько раз использовалось в роду бояр Нискиничей: 1) Константин Добрынич, сын Добрыни Нискинича, новгородский посадник [ок. 1014-1030][123]; 2) его правнук, Константин Моисеевич, новгородский посадник [1118-1119][124]; 3) другой его правнук, Константин Микулинич (Николаевич), новгородский посадник [28.I.1136 – 07.III.1137, 1146-1147][125]; 4) глава неревского боярского клана Константин Прокшинич (ум. 27.I.1219)[126]; 5) Константин Вячеславич (ум. 1247)[127]. Во-вторых, имя «Константин» первым у Рюриковичей принял при крещении Мстислав Владимирович, считающийся первым удельным князем Черниговским (ум. 1036)[128]. Затем имя «Константин» было популярно именно в Черниговской ветви Рюриковичей, т.к. князь Мстислав-Константин рассматривался ими в качестве своеобразного покровителя[129].

---

[123] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 83-86.
[124] Там же. С. 96.
[125] Там же. С. 109.
[126] Там же. С. 61.
[127] Там же. 63.
[128] *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 32; *Войтович Л.В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Довідник. Київ, 1992. С. 29, 127.
[129] *Черненко О.Є.* Династичні імена нащадків Святослава Ярославича (XI – середина XIII ст.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 293-294.

По нашему мнению, можно допустить, что именно от Нискиничей это имя проникло к Рюриковичам. Мы не будет рассматривать в рамках настоящей работы аргументацию политического характера (союз Нискиничей и Мстислава против Ярослава I) по причине её большого объёма и вследствие того, что это было сделано нами ранее[130]. Поэтому имеет смысл обратить внимание только на генеалогическую составляющую вопроса. Согласно летописям, единственного сына Мстислава-Константина звали в крещении Евстафием; он умер около 1032/1033 гг., будучи совершеннолетним и, вероятно, участником некоторых военных действия отца на Кавказе[131]. Однако чрезвычайно любопытно, что одним из внуков новгородского посадника Константина Добрынича был Евстафий Остромирич (р. ок. 1020/1030-х гг. – ум. после 1094), носивший почётный византийский титул протопроэдра[132]. Впервые указал на безусловную связь между сочетаниями имён *Константин* и *Евстафий* в разных родах, боярском и княжеском, А.Поппэ[133]. Учитывая тот факт, что Константин Добрынич (р. не позже 970-х гг. – ум. 1037/1039) родился много раньше Мстислава-Константина, а также положение Добрыни Нискинича при князе Владимире I, не мог ли Константин Добрынич быть крёстным отцом Мстислава-Константина? Отсюда вполне могло произойти взаимопроникновение двух указанных имён в оба рода[134].

Обратим внимание на ещё один аргумент в пользу принадлежности «кормильчичей» к роду Нискиничей. Учёт этого аргумента позволит объяснить сразу два немаловажных аспекта: 1) почему вокняжение Володислава Константиновича в 1213 г. не вызвало никакого протеста у соседних монархов, пока к ним за помощью не обратились волынские Рюриковичи, и 2) почему, вопреки летописному сообщению, венгерский

---

[130] *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 183-269.

[131] *Войтович Л.В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. С. 24-25.

[132] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 91-92, 119.

[133] *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 123.

[134] Резкий всплеск популярности у Рюриковичей имён *Константин* и *Евстафий* приходится на монгольский период, XIII-XIV вв. Поскольку имя *Константин* здесь использовалось чаще, обратим лишь внимание на появление второго имени, гораздо более редкого: 1) сын Фёдора Юрьевича, кн. Ржевского и Фоминского (ум. 1348), Евстафий, кн. Изборский (гг. неизв.), Псковский [1349-1356, 1358-1360]; 2) сын псковского воеводы Юрия Витовтовича (ум. 1349), Евстафий (ум. 1367), сыновья которого поступили в службу к В.К. Василию I [1389-1425]. См.: *Кузьмин А.В.* Происхождение и генеалогия служилых князей из Западной и Центральной Руси и Великого княжества Литовского в Пскове в XIV – начале XV в. (в свете данных письменных источников и древнерусской сфрагистики) // Древняя Русь. 2015. № 3 (61). С. 68-69. 3) кузены Евстафии Андреевич и Григорьевич, князья Козельские в XIV в. Они восходят по прямой линии к Михаилу Всеволодовичу, В.К. Черниговскому [1223-1246], Галицкому [1235-1238], В.К.Киевскому [1238-1239, 1241-1243]. См.: *Коган В.М.* История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993. С. 126, 179, 196, 217, 222, 230, 246. В то же время Евстафий Изборский и Псковский происходит по прямой линии от Мстислава I (ум. 1132). См.: Там же. С. 166, 206, 234, 260.

король не только не казнил свергнутого Володислава, но наделил его землями и крупным социальным статусом.

Речь идёт об упомянутом нами ранее браке Мстислава I Владимировича, В.К. Киевского [1125-1132] с Любавой Дмитриевной (1102/1107 – ум. после 1169) в 1122 г., дочерью Дмитрия Завидича, новгородского посадника [1117-1118]. Помимо сына Владимира, супруги имели дочь Евфросинию (1130-1193). Она с 1146 г. стала законной женой венгерского короля Гезы II [1141-1162], и от этого брака, в частности, родились два следующих венгерских короля – Иштван III [1162, 1163-1172] и Бела III [1172-1196][135]. Таким образом, Андраш II был родным внуком Евфросинии (Фружины по-венгерски), т.е. по женской линии он был родственником русских Нискиничей. Это означает, что и в его глазах и в глазах иных монархов вокруг Руси князь Володислав Константинович тоже был *законным* галицким князем. Этот генеалогический аспект может также объяснить, почему королевич Андраш в 1188 г. стал *законным* галицким князем, а, став венгерским королём, провозгласил свои притязания на «Галицию и Лодомерию», как на собственную вотчину.

Полностью коррелирует, по нашему мнению, с этим наблюдением то прозвище, которое Володислав имел в Венгрии после 1214 года, - «Ладислав Русский». М.М.Волощук заметил: «*Лишь в одном случае галичского вельможу Володислава Кормильчича акты Венгерского королевства называют Ladislaus Ruthenus. Связь других бояр (галицких выселенцев в Венгрию – В.Т.) с венгерскими родами устанавливаются по другим признакам, например, предикатам детей или внуков*»[136]. Иначе говоря, Володислав на покое в Венгрии именовался так, как обычно именовались только монархи, соответствующее прозвище которых указывало на регион, которым они правили.

Вопрос о том, в какой именно степени родства находились Андраш II и Володислав Константинович, требует дополнительного исследования.

5. Начало галицких Нискиничей

Если анализировать внутриполитическую обстановку в Галиче, можно с уверенностью говорить о том, что как минимум в 1144 г. их местное всевластие проявляет себя в полной мере. Речь идёт об известном галицком восстании 1144 г. Его история заключается в следующем.

В 1078 г. В.К. Всеволод I Ярославич [1076-1077, 1078-1093] отдал в удел Волынь и Турово-Пинскую землю своему племяннику Ярополку Изяславичу, князю Волынскому

---

[135] *Sokop B.* Stammtafeln europäischer Herrscherhäuser. Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 37; *Louda J. MacLagan M.* Lines of Succession: Heraldry of the Royal Families of Europe. London, 1999. Table 89.

[136] *Волощук М.М.* «Русь» в чешских землях (Богемия, Моравия, Силезия) XI-XIV вв.: избранные проблемы // Rossica Antiqua. 2014. № 2 (10). С. 5.

и Туровскому [1078-1085, 1086]. Вместе с ним он отправил на Волынь безудельных кузенов Ярополка – братьев Рюрика, Володаря и Василия Ростиславичей. Они, как будет показано ниже, обладали всеми правами на Волынь, поэтому, по существу, Всеволод I отправил их ко двору их кузена для того, чтобы они сами на месте померялись силой. На Пасху 1084 г. Ростиславичи бежали из Владимира-Волынского в Перемышль, где получили местное войско и объявили о свержении Ярополка. Всеволод I направил на Волынь карательную экспедицию во главе со своим сыном. Тот восстановил порядок, но отобрал у Ярополка Дорогобуж, отдав его в удел ещё одному кузену Ярополка, жившему при его дворе, Давыду Игоревичу [1084-1085, 1100-1112]. При этом Рюрику Ростиславичу разрешено было стать князем Перемышльским [1084-1092], Володарю Ростиславичу – князем Звенигородским [1084-1092]. Ярополк выказал такому разделу категорическое несогласие, за что Всеволод I сверг его, посадив князем Волынским и Туровским Давыда Игоревича [1085-1086, 1086-1099, 1099-1100]. В следующем году Ярополк вернул себе власть, но был убит в ноябре 1086 г. собственным дружинником Нерадцем, бежавшем затем в Перемышль к Рюрику. Волынь вернул себе Давыд, а Василий Ростиславич [1086-1124] получил впервые созданное Теребовльское княжество.

В 1088 г. Всеволод I отобрал у Давыда Турово-Пинскую землю, выделив её в отдельное от Волынского княжество. Волынь Ростиславичи впоследствии получить никогда не смогли. После смерти Рюрика бездетным, новым князем Перемышльским стал Володарь [1092-1124], посадивший в Звенигороде сына, Ростислава Володаревича [1092-1124]. Затем Ростислав Володаревич стал князем Перемышльским [1124-1128], а новым князем Теребовльским стал Ростислав Васильевич [1124 – 1127/1141]. Точная дата смерти последнего бездетным неизвестна, но после его смерти Теребовль был присоединён к Звенигородскому княжеству, в котором правил Владимир Володаревич [1124-1128], а затем Иоанн Ростиславич *Берладник* [1128-1144].

В 1125-1126 гг. Владимир Звенигородский выступил против Перемышля, где правил его брат, но стал князем Перемышльским [1128-1141] только по смерти последнего. В 1141 г. он перенёс свою столицу в Галич, став тем самым вторым князем Галицким [1141-1144, 1145-1153]. Первым князем Галицким [1124-1141] был Иоанн Васильевич, которому брат выделил в удел Галич из состава Теребовльского княжества. После его смерти бездетным, Галич был присоединён к своим владениям Владимиром Володаревичем.

Таким образом, в 1141 г. Перемышль и Галич контролировал Владимир Володаревич, а Звенигород и Теребовль – Иван Ростиславич. В этом же году весьма усилилась власть В.К. Всеволода II Ольговича [1139-1146], который фактически присоединил Волынь к Киеву, посадив князем Волынским своего сына, Святослава

[1141-1146]. Его дальнейшим желанием стало покорение Галичины. При этом Владимир Перемышльский считался византийским[137] и венгерским союзником. Причина этого была династической: в 1104 г. его сестра Ирина была выдана замуж за сына императора Алексея I [1081-1118] Исаака (ум. после 1152), отца императора Андроника I [1183-1185]; при этом сам князь Владимир с ок. 1117 г. был женат на неизвестной по имени дочери венгерского короля Коломана [1095-1116][138].

Спровоцировав пограничный конфликт, Всеволод II двинул на владения Владимира Перемышльского, а конкретно – на Галич, осенью 1144 г. большую армию[139]. В момент, предшествующий битве, летопись скупо намекает на серьёзный конфликт галицкой общины со своим князем. Формально князь решил не защищать свою столицу, а ушёл с войсками, в том числе и с галицким ополчением на защиту Звенигорода и Теребовля. В политическом аспекте это являлось защитой своей прежней столицы – Перемышля[140] с принесением Галича в жертву. Галичане, неделю сдерживавшие противника на переправах через р. Серет, взбунтовались, узнав, что их начали обходить с тыла, и отказались оставлять свой город на уничтожение. Фактически галичане заставили Владимира вступить в мирные переговоры и заключить мир ценой уплаты большой контрибуции[141]. Однако конфликт на этом только начинался: галицкое боярство низложило Владимира и призвало на княжение Иоанна *Берладника*[142]. Характерно, что в этом Галич поддержал Всеволод II, о чём летопись сообщает фактически прямо[143]. Как писал А.В.Майоров, это было впервые отмеченное летописью взятие галицким боярством в свои руки судьбы галицкого престола.

Галичане сопротивлялись войскам Владимира ожесточённо даже после того как в начале 1145 г. Иван *Берладник* бежал в Киев к Всеволоду II. Только в масленичную неделю 1145 г. Галич удалось взять. Что происходило далее в точности неизвестно. По летописи, Владимир многих казнил, а многих убил на месте без обвинений. Однако можно думать, что руководители антивладимирова восстания 1144-1145 гг. остались ненаказанными. Во-первых, это видно из того, что все последующие рассмотренные нами события подобного рода с 1170 года также оставались безнаказанными для их

---

[137] Польские и византийские данные об этом можно трактовать и как то, что Галич был вассалом Византии, и как то, что Галич был её партнёром. См.: *Щавелёва Н.И.* Указ. соч. С. 93, 106, 131-132; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 132.

[138] *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 153.

[139] Ипатьевская летопись. С. 315-316.

[140] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 199-200.

[141] Там же. С. 197-199.

[142] *Котляр Н.Ф.* Формирование территории. С. 137; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Указ. соч. С. 135; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 201.

[143] Ипатьевская летопись. С. 316-317.

руководителей, которым с указанного года были именно Нискиничи. Во-вторых, и после галицкого восстания в Галиче происходил ряд событий удивительно схожих с позднейшими, проходившими под руководством Нискиничей.

Победой князя Владимира в 1145 г. была ликвидация независимости владений князя Иоанна и присоединение Звенигорода и Теребовля, в результате чего было создано единое нераздробленное Галицкое княжество. В первой половине 1146 г. Всеволод II двинул на Галич новую армию. При подходе этого войска, в Звенигороде произошёл бунт, в ходе которого звенигородцы отказались выступать на стороне Владимира и решили передаться Киеву[144]. На этот раз Владимир остался в Галиче, а в Звенигород отправил галицкого боярина-воеводу Ивана Халдеевича, который на месте казнил троих зачинщиков бунта и удержал тем самым Звенигород под властью Галича. Потерпев поражение под Звенигородом, нападавшие ушли. Звенигородское восстание 1146 г. вполне можно рассматривать как продолжение галицких событий 1144-1145 гг.

С 1149 г. византийский император Мануил I [1143-1180] начал период длительных войн с Венгрией. Несмотря на свои более близкие родственные связи с Венгрией, Владимир Галицкий поддержал Византию. В те же годы он стал союзником Суздаля в лице Юрия *Долгорукого* в его бытность В.К. Киевским [1149-1150, 1150-1151, 1155-1157]. В этом союзе можно увидеть то же стремление к ориентации на Суздаль, которую выказывал Галич под руководством Нискиничей в 1157 и 1170 гг. (неофициально), и в 1189 г. (официально). То есть, можно говорить о том, что руководители восстания 1144-1145 гг., коль скоро надо видеть в них Нискиничей, явно уцелели в ходе репрессий, и их политика привела к союзу Галича и Суздаля с 1149 г.

Однако на киевском троне вскоре сел Изяслав II [1146-1149, 1150, 1151-1154], сын Мстислава I. Именно на его сестре был женат Геза II Венгерский, а потому Венгрия была его союзницей. В апреле 1151 г. именно венгры помогли Изяславу взять Киев, в результате чего Владимир Галицкий начал с Венгрией войну. Осенью 1151 г. он захватил на Волыни гг. Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу. В 1152 г. венгры с одной стороны и киевляне с другой вторглись в Галицкое княжество: Перемышль был взят, и Владимир запросил мира. Он заключил союз с Гезой II. Интересно, что Геза II уже был его союзником в 1144 г.[145], однако затем Владимир рассорился с Венгрией из-за влияния Мануила I и Юрия *Долгорукого*. Впрочем, можно думать, что галицко-венгерский союз 1152 г. мог быть заключён не только из-за военного поражения Владимира, но и из-за Нискиничей, женщина из рода которых была в это время венгерской королевой. Во всяком случае, боярская группа Галича в этот год была весьма сильна. По мирному договору Владимир обязался отдать

[144] Ипатьевская летопись. С. 320.
[145] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 197.

волынские города, но не сделал этого. Как писал Н.И.Костомаров: «*Не исполнил обещания и не мог его исполнить, потому что дело было народное: бояре галицкие не дозволяли ему – хотели расширить свою землю*»[146]. Эти города были возвращены Волынскому княжеству только после военного разгрома Ярослава Галицкого в феврале 1154 г. при Теребовле.

Наконец, ставка *всего* галицкого боярства на фигуру Иоанна *Берладника* в 1144-1145 годах и, вероятно, в 1146 г., отлично коррелирует со ставкой *всего* галицкого боярства на его сына – Ростислава Иоанновича в 1188 г. Само по себе это говорит в пользу того, что события 1146 г. в Звенигороде были, скорее всего, связаны с предшествующими галицкими. Кроме того, между этими двумя крайними точками существует ещё одна, в которой опять *всё* галицкое боярство поставило на фигуру *Берладника*. В ходе военных действий с Изяславом II галичане отказали своему новому князю Ярославу Владимировичу в праве руководить своими полками. Формально летопись сообщает, что они отправили его домой по причине его молодости и беспокойства о том, что же им делать в случае его гибели; после этого они сражались сами[147]. Однако в свете полной самостоятельности галицкого боярства как минимум в 1144-1214 гг. это летописное объяснение выглядит целиком несостоятельным. На деле мы должны видеть в этих словах сознательное умаление в Галиче власти Рюриковича посредством отъёма у него права руководства местными войсками. В 1159 г. *Берладник* попытался вернуться в Галич, однако имел слишком мало сил, сумев разорить только крайнее галицкое пограничье[148]. Однако несмотря на это галичане послали к нему послов, предложив идти под Галич даже с малыми силами, а как только он явится, они обещали ему отложиться от Ярослава и сделать князем его[149]. Однако он не согласился, из-за чего потерял свой последний шанс вернуть вотчинные земли.

Таким образом, в галицких событиях 1144-1159 гг. мы видим абсолютно все те характерные признаки, которые отличали внутреннюю обстановку в Галиче в эпоху Константина Серославича и его детей – Константиновичей-«кормильчичей». Можно быть уверенными в том, что попытка переворота 1159 г. проходила под полным контролем Константина Серославича, тем более что именно он двумя годами ранее не арестовал *Берладника*. Интересно обратить внимание на дополнительный аспект деятельности этого боярина, намеренно оставленный нами ранее. Речь идёт о событиях, помеченных в летописи под 1169 г. Перед этим, в 1167-1169 гг. Ярослав Галицкий поддерживал нового В.К. Мстислава II, хотя и не посылал ему военной силы,

---

[146] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 91.
[147] Ипатьевская летопись. С. 466-468.
[148] Там же. С. 497.
[149] Там же. С. 498-499.

поддерживая, своего рода, морально[150]. Вместе с тем, старший в роду Мономашичей, Владимир Мстиславич, сумевший получить Киев лишь на 2 месяца в 1171 г. (см. выше), отказался признать его. Очень любопытно, что, согласно Ипатьевской летописи, к заговору его склонили Чагровичи – половецкий род, женщина из которого в это самое время была любовницей Ярослава Галицкого[151]. Получив план действий от Чагровичей, он изложил его своим ближним боярам: уже упомянутому нами Рагуилу Добрыничу, Михалю и Завиду. Первый был несомненным Нискиничем, происхождение второго неизвестно. Завид, скорее всего, также был Нискиничем, поскольку это чисто новгородское имя, причём являвшееся родовым именно в той ветке новгородских Нискиничей, из которой происходила мать Владимира Мстиславича. Однако, поскольку единственный раз Завид упоминается летописью в рассматриваемом контексте, и у него неизвестно ни отчества, ни прозвища, вряд ли когда-нибудь будет возможно найти его точное местоположение в родословном древе новгородских Нискиничей. Ответ трёх бояр князю выглядел практически так: мало ли что ты, князь, решил замыслить, а мы с этим не согласны и с тобой не пойдём. Владимир Мстиславич оскорбился и заявил, что сделает своими новыми боярами младших дружинников, т.н. *детских*. О развитии и окончании этого конфликта летопись не сообщает. Однако о замысле Владимира Мстиславича стао известно Мстиславу II. Он лишил своего дядю стола в Дорогобуже, и тот бежал в Суздаль, а затем в Рязань. В марте 1169 г. после взятия Киева Андреем *Боголюбским*, Владимир Мстиславич пришёл на Волынь, но ушёл оттуда и сумел вновь в 1170 г. овладеть Дорогобужем. По мнению ряда авторов, Чагровичи предложили Владимиру Мстиславичу стать волынским князем[152]. Чрезвычайно интересно связать между собой предложение Чагровичей о захвате Волыни и отказ помочь в этом со стороны Рагуила Добрынича (из Нискиничей), рейд Владимира Мстиславича на Волынь без каких-то результатов этого рейда, восстание в Галиче Константина Серославича (из Нискиничей) и полное уничтожение им рода Чагровичей вместе с княжеской любовницей. С одной стороны, можно видеть в этом пресловутое всевластие Нискиничей над Рюриковичами: Рагуил Добрынич повёл себя точно так же, как Константин Серославич и Володислав Константинович-«кормильчич». То есть, он отказывает своему князю в своей помощи, и князь без таковой терпит полный неуспех. С другой стороны, авантюра Чагровичей могла быть связана как с попыткой Ярослава Галицкого незаконно захватить Волынь, так и, успешно завершив это несостоявшееся предприятие, свергнуть на волне успеха галицких Нискиничей с помощью новых выдвиженцев – Чагровичей. Таким образом, галицкие события 1170 года можно рассматривать отнюдь не только как внутрисемейный княжеский конфликт, но как

[150] *Пятнов А.П.* Киев и Киевская земля в 1167-1169 гг. // Древняя Русь. 2003. № 1 (11). С. 14-23.
[151] Ипатьевская летопись. С. 356-357.
[152] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 46, 148.

достаточно крупное политическое событие: по сути, внутренний контрпереворот, помешавший Ярославу Галицкому совершить собственный переворот. Очень интересно, что в противодействии Чагровичам и Ярославу Галицкому в этих событиях сошлись галицкие Нискиничи в лице Константина Серославича и не меньший по важности клан южнорусских Нискиничей, представленных семьёй Рагуила Добрынича.

Учитывая приблизительно реконструированный нами возраст Константина Серославича, вряд ли можно полагать его ответственным за события 1144-1146 гг. Как максимум, он мог стоять во главе галицкого боярства не раньше 1152 г., когда бояре запретили Владимиру Володаревичу отдавать волынские города; здесь Константину Серославичу могло быть около 30 лет, т.е. теоретически он мог уже иметь силу и авторитет. За события 1140-х гг. следует признать ответственность предыдущего поколения галицких Нискиничей, т.е., по всей вероятности, отца Константина Серославича.

Можно попробовать сделать некоторые предположения относительно его фигуры. Прежде всего, необходимо уточнить его подлинное имя. В первом приближении считается, что «Серослав» (*Sirosław, Sierosław*) это «*старопольское имя*», могущее означать «*лишённый (siro-) славы*»[153]. Интересно, что топонимы *Sirosław* и *Sierosławiec* сохранились на всём пространстве Польши, от Волина до Прикарпатья, до наших дней.

Однако есть данные, позволяющие видеть в этих топонимах принадлежность к древнему общеславянскому миру, а вовсе не к позднейшему западнославянскому миру. Так, В.Л.Васильев показал, что вокруг оз. Ильмень, в дельте р. Ловать существует ряд топонимов *Жирослав/Жирославль*. Изначально эти топонимы относились к некоторым объектам человеческой жизнедеятельности, например, к рыбным ловлям, принадлежавшим некоему Жирославу, а впоследствии по этому имени получили свои названия и географические объекты. Автор показал тождественность русского *Жирослав* с польским *Żyrosław/Sirosław/Sierosław*, а также с чешским *Žiroslav*[154]. Полная тождественность имён *Жирослав* и *Си(е)рослав* в их различных вариациях показана М.Я.Морошкиным (1820-1870)[155].

По нашему мнению, отыскать отца Константина Серославича/Жирославича оказывается возможным. Следует только понимать, что никаких прямых указаний для такого розыска летопись не даёт. Мы можем твёрдо определить, что галицкие Нискиничи действовали уже с 1144 г., однако ни одного конкретного имени вплоть до боярина Константина в 1157 г. не указывается. Поэтому, все следующие размышления следует рассматривать исключительно дискуссионными.

---

[153] *Bubak J.* Księga naszych imion. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993. S. 345.

[154] *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 51-53.

[155] *Священник М.Я. Морошкин*. Славянский именослов. СПб., 1867. С. 85.

В качестве исходной посылки к рассуждениям, надо указать на то, что при поиске галицких Нискиничей до 1157 года оперировать только концепцией родовой преемственности имён нельзя. Имя *Жирослав* было достаточно популярно, и в летописях встречается нередко. Поэтому считать тех или иных летописных бояр находящимися в прямом родстве лишь на основании тождественности имён и отчеств не следует. По нашему мнению, в этом случае обязательным условием предлагаемых отождествлений является обязательная их поверка на общность политической ориентации.

Сочетание двух последних факторов даёт, с нашей точки зрения, следующий результат. Первое упоминание отца Константина Серославича/Жирославича приходится на 1146 г.: это посадник в Турове *Жирослав Иванкович*[156]. В этом году в ходе бушевавших усобиц Изяслав II отобрал Туров у своего дяди, Вячеслава Владимировича, князя Смоленского [1113-1127], Туровского [1127-1132, 1134-1142, 1143-1146], Переяславля-Киевского [1132-1134, 1142-1143], В.К. Киевского [февраль – март 1139, июль 1150, 1151-1154], Пересопницкого [1146-1149], Вышгородского [1149-1150, 1150-1151]. В Турове при этом были арестованы местный епископ Иоаким и упомянутый посадник. Очень характерно, что в княжеской столице посадник функционировал одновременно с князем. П.П.Толочко указал, что для Южной Руси этот случай уникальный: кроме Великого Новгорода иных примеров совместного нахождения в одном городе князя и посадника на Руси не было, за исключением Турова 1146 года[157]. Ранее мы показали, что феномен «новгородской вольности» возник из-за «феномена Нискиничей», которые имели, по существу, наследственное посадничество с 970-х по 1130-е гг.; стремление Владимира II *Мономаха* и его сына Мстислава I (при нём впервые и возникло новгородское соправительство князя и посадника) создать им внутреннюю оппозицию и породила последующее стремление этой оппозиции к всё большей «вольности»[158]. Таким образом, единственное известное в Южной Руси княжеско-посадническое соправительство является маркером, указывающим нам на принадлежность туровского посадничества представителю рода Нискиничей.

Дополнительным подтверждением этому можно видеть наблюдения относительно политической ориентации этого боярина. Она полностью совпадала с ориентацией новгородских и галицких Нискиничей в 1141-1159 гг. и своим остриём была направлена на Суздаль. Дело в том, что с февраля 1139 г. старшинство среди Мономашичей приобрёл именно Вячеслав Владимирович. Именно по этой причине Изяслав II и удалил его в 1146 г. от главных городских центров. Однако после взятия Киева Юрием *Долгоруким* в 1149 г., Изяслав II потребовал от Вячеслава взойти на киевский трон,

[156] Ипатьевская летопись. С. 330.
[157] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 140.
[158] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 90-91.

угрожая в противном случае разорить Туровскую землю. В ответ на это Вячеслав объединился с младшим братом, которым был для него Юрий, и получил от него Вышгород, который являлся важным стратегическим центром для контроля над Киевом. В 1150 г. стремительным рейдом Изяслав II изгнал Юрия из Киева, но Вячеслав вокняжился в столице сам. Однако Изяслав присягнул Вячеславу как старшему князю, т.е. соправителю. Тот перешёл на его сторону, а в апреле 1151 г. Изяслав II официально сделал его своим соправителем. Таким образом, посадника туровского Жирослава Иванковича в 1146 г. можно видеть при Вячеславе Владимировиче как проводника суздальского влияния.

После первого летописного упоминания, Жирослав Иванкович встречается в летописи под 1148 г.[159] как главный советник Глеба Юрьевича, сына *Долгорукого*, князя Курского [1147-1148], Каневского [1149], Переяславля-Киевского [1155-1169], В.К. Киевского [1169-1170, 1170-1171]. По общепринятой точке зрения, Жирослав Иванкович перешёл на службу к суздальским князьям в 1147 г.[160] В 1149 г. Жирослав командовал войском, высланным Юрием *Догоруким* и Вячеславом Владимировичем против половцев[161]. В 1155 г. Жирослав командовал отрядом, посланным *Долгоруким* для изгнания из Пересопницы одного из сыновей Изяслава II[162].

Другой информации о Жирославе Иванковиче, ставшим суздальским боярином, нет. В ряде работ считается, что он в 1159 г. он был послом от князя Святослава Ольговича в Киев, а в 1171 г. даже стал новгородским посадником[163]. Это неверно. В летописной статье 1159 г. лишь упоминается черниговский посол Жирослав Иванкович, но, как мы уже отмечали, совпадение имени-отчества не должно давать повода для автоматического отождествления тех или иных лиц. Учитывая, что сын и внук *суздальского Жирослава* продолжают оставаться суздальскими и владимирскими боярами, объяснить, почему их дед и отец ушёл в Чернигов, невозможно. Упоминание о новгородском посаднике Жирославе выглядит вовсе неуместно, поскольку некритически воспроизводит точку зрения, бытовавшую в историографии XIX в. На самом деле, посадник Жирослав [1170-1171, 1171-1172, 1175] был новгородским боярином, представителем Людина конца, что подтверждается археологически[164].

С.Б.Веселовский (1876-1952) прослеживал дальнейшую генеалогию потомков Жирослава Иванковича, которых он назвал Жирославичами[165]. Он называл сыном

---

[159] Лаврентьевская летопись. С. 319.
[160] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 141.
[161] Лаврентьевская летопись. С. 323.
[162] Там же. С. 345.
[163] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 141.
[164] *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту… М., 1998. С. 104-105; *Он же.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 149-151, 169-173.
[165] *Веселовский С.Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 44.

суздальского боярина приближённого Андрея *Боголюбского* Бориса «Жирославича», упоминаемого в летописях между 1169-1177 гг. Далее он проводил связь к боярину Михаилу Борисовичу, служившему Всеволоду III и Юрию II и упоминаемому летописями между 1204 и 1215 гг. Это построение потребовалось для того, чтобы провести связь с воеводой В.К. Юрия II Всеволодовича [1212-1216, 1218-1238] Жирославом Михайловичем, главой великокняжеского войска с 1 января по 4 марта 1238 г., который погиб вместе со своим князем в битве на р. Сить против монголов. Эти генеалогические построения были бы целиком справедливы, если бы не нарушались в самом начале. Дело в том, что во всех летописных списках боярин Борис имеет отчество *Жидиславич*. С.Б.Веселовский отождествил его вслед за В.Н.Татищевым (1686-1750) с новгородским боярином Борисом Жирославичем, упоминаемым в 1195 г. и являющимся сыном новгородского посадника Жирослава 1170-х гг. Поскольку В.Н.Татищев ошибочно назвал этого боярина новгородским посадником, эта ошибка затем проникла и к С.Б.Веселовскому, а оттуда в ряд некритически составленных справочников по персоналиям домонгольского периода отечественной истории[166].

Итак, как бы ни хотелось вслед за столь крупным учёным авторитетом, которым был С.Б.Веселовский, проводить генеалогическую связь между Жирославом Иванковичем 1146-1155 гг. и Жирославом Михайловичем 1238 г., это сделать невозможно.

Объяснить появление отца Константина Серославича/Жирославича в Турове в 1146 году и его последующий уход в Суздаль можно достаточно просто. Несмотря на то, что Владимир Володаревич явно не имел ни сил, ни возможностей для ликвидации галицких Нискиничей после подавления восстания 1144-1145 гг., исход руководителя боярского клана был нужен для установления компромисса. При этом есть все основания полагать, что, помимо сына Жирослава Иванковича в Галиче остались и некоторые старшие родственники боярина Константина.

После разгрома Владимира Володаревича в 1152 г., летопись указывает, что князь сумел бежать среди множества вражеских войск только благодаря своему боярину Избыгневу (Збигневу, Сбыгневу) Ивачевичу[167]. Учитывая, что в этом же году, как указывалось выше, Владимир Галицкий находился под полным контролем Нискиничей, следует думать, что Избыгнев Ивачевич был младшим братом Жирослава Иванковича. Вторично под именем «Избигнев» (без отчества) этот боярин упомянут в летописи под 1159 г., когда Ярослав Галицкий отправлял его послом в Киев[168]. Именно факт этого

---

[166] В последних указывается: Борис Жидиславич «*в некоторых источниках – Жирославич*». См., напр.: *Пятнов А.Н.* Борис Жидиславич // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4; *Баженова А.* Славян родные имена. Словарь исторических родокоренных имён и прозваний славян и русов за два тысячелетия. М., 2006. С. 168.

[167] Ипатьевская летопись. С. 449.

[168] Там же. С. 497.

посольства позволяет нам получить дополнительное доказательство того, что боярин Избыгнев принадлежал к Нискиничам.

Помочь в определении последнего факта может понимание политической ситуации в этот момент времени. Согласно летописи, послы от ряда князей и поляков присылались к В.К. Изяславу III Давыдовичу [январь – март 1155, 1157-1159, февраль – март 1161]. Именно этот князь вторично после Суздаля отказался в 1158 г. выдать Ярославу Галицкому Иоанна *Берладника*, ушедшего из Суздаля к этому времени. Галич сумел привлечь на свою сторону Волынь и Пересопницу, а также против Изяслава III выступили черниговские Ольговичи. В результате он бежал, а трон был передан поддержанному Галичем и Волынью старшему из потомков Мстислава I – В.К. Ростиславу Мстиславичу [1154-1155, 1159-1161, 1161-1167]. В том, что в 1157 г. Галич не ополчался против Суздаля, не отдавшего *Берладника*, а в 1158 г. ополчился против Киева, сделавшего то же самое, можно усматривать деятельность Нискиничей, причём их старшей, новгородской ветви. В 1157-1159 гг. новгородские Нискиничи отворачиваются от Суздаля в пользу Мстиславичей, а именно Ростислава Мстиславича и его сыновей, поддерживая последних до 1180-х гг.; за эту стойкую поддержку, они в результате переворота лишаются посадничьей власти в 1186-1215 годах[169]. Таким образом, как ранее мы видели полное согласие галицких и новгородских Нискиничей в их общей ориентации на Суздаль, так с конца 1150-х гг. они одновременно переориентируются на другую ветвь Мономашичей. Избыгнев Ивачевич возглавлял галицкое посольство как враг Изяслава III и сторонник Ростислава Мстиславича. Таким образом, этого галицкого боярина можно рассматривать принадлежащим к общему роду Нискиничей, причём, по-видимому, как главу галицких Нискиничей и галицкого боярства вообще. Тот факт, что в 1170 г. явным главой галицкого боярства демонстрируется Константин Серославич/Жирославич, свидетельствует о смерти Избыгнева, очевидно, родного дяди Константина, в 1160-х гг.

Можно сделать некоторые допущения относительно возраста Жирослава и Избыгнева. Коль скоро сын Жирослава рождается около середины 1120-х гг., то минимальный возраст его отца по чисто физиологическим соображениям мог составлять от 12 до 16 лет. При этом, чтобы быть руководителем галицкого боярства уже в событиях 1144-1145 гг., Жирославу должно было быть, как мы ранее допускали и для его сына, не менее 30/35 лет. Учитывая эти аспекты, следует думать, что Жирослав и Избыгнев родились не позднее 1100-х гг.

Можно ли сделать какие-либо предположения относительно более ранней истории галицких Нискиничей? В первую очередь, надо заметить, что употребление эпитета «галицкие» применительно к этим боярам, уже будет неуместно. Первое достоверное

[169] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 56-59, 115.

упоминание Галича как города относится только к 1141 г.: сообщение о смерти местного князя Иоанна Васильевича и переходе Галича под власть Владимира Володаревича с перенесением сюда столицы из Перемышля. Даже сведений о том, что Иоанн Васильевич в 1124 г. сел княжить в Галиче нет: этот факт восстанавливается историками ретроспективно, исходя только из того, что он должен был получить какой-то удел после смерти отца. Таким образом, до 1141 г. Галич являлся мелким провинциальным городком и предполагать, что именно в нём издавна жил боярский род, который уже в 1144 г. позиционирует себя, как распорядителя всей Галицкой земли, невозможно.

Последнее следует признать первым аспектом, который не позволяет нам видеть отцом Жирослава и Избыгнева боярина Ивана Халдеевича, разгромившего звенигородский бунт 1146 г. Уже рассматривание звенигородских событий 1146 г. в качестве продолжения галицкого восстания 1144-1146 гг. говорит нам о том, что фигура боярина, подавившего звенигородское возмущение, не может принадлежать к роду бояр, инспирировавших галицкое восстание. Не в меньшей степени убеждает в этом и отчество рассматриваемого боярина. Отчество Ивана Халдеевича вовсе не является патронимом. Перед нами отчество, происходящее, как это очень часто бывало на Руси до XVII в. включительно, от отцовской должности и/или занятия.

«Халдейская» должность/занятие имела две ипостаси[170]. Первая ипостась – это т.н. «пещное действо», специальная мистерия, которая совершалась за неделю перед Рождеством Христовым, в воскресенье, во время заутрени. Суть её заключалась в том, что посреди храма ставилась импровизированная печь, куда помещали трёх отроков. Двое «халдеев» начинали ритуально «сжигать» отроков живьём за то, что они не поклонялись «златому тельцу». Однако в последнюю минуту с небес спускался ангел, который изымал отроков из печи и ввергал туда самих «халдеев». Впервые этот обряд и награждение актёров, исполнявших роль «халдеев», зафиксированы в бумагах Новгородской архиепископии в 1548 г. и в Расходной книге Тихона, архиеп. Ростовского, Ярославского и Белозёрского [1489-1503] в 1489 г. Именно к этому обряду возводил отчество Ивана Халдеевича историк Русской Церкви Е.Е.Голубинский (1834-1912). Несмотря на то, что никаких документальных доказательств существования «пещного действа» на Руси до 1489 года не существует, он полагал, что отчество-прозвище «Халдеевич» свидетельствует о бытовании мистерии уже в середине XII в.[171]

---

[170] См.: *Красносельцев Н.Ф.* О пещном действе (чин воспоминания сожжения трёх отроков). Замечания и поправки к статье М. Савинова // Русский филологический вестник. 1891. Т. 26; *Парфентьев Н.П.* Из истории древнерусской церковно-обрядовой культуры: «певцы» и «халдеи» в чине архиерейского поставления XV-XVII веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 10 (269).

[171] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1881. Т. 1. С. 781.

Из мистерии «пещного действа» выросла её позднейшая скоморошья интерпретация. По мемуарам иноземцев, некоторое время живших на Руси, Дж. Флетчера (1548-1611) и А.Олеария (1599-1671), указывается на одну из скоморошьих забав, зафиксированных в XVI-XVII вв. В зимнее время, с декабря по февраль, когда собственно скоморохам и дозволялось устраивать представления, комедианты, называемые в цитируемых мемуарах «*проходимцами*», бегали с импровизированными зажжёнными факелами по городским улицам и «*угрожали*» ими людям, требуя «*откупаться*» от них мелкой монетой. По иноземным мемуарам, этих скоморохов тоже именовали «халдеями», и они якобы имели разрешение за эту беготню от самого Патриарха. Между тем относительно последнего никаких сообщений ни в одном отечественном источнике не существует, поэтому не может быть проверено и удостоверено.

Второй ипостасью старорусского «халдейства» было участие «халдеев» в Чине поставления русских архиереев. Официально эти люди назывались «*огненниками*». Их функция заключалась в том, чтобы в огненно-красных одеждах, символизируя языки пламени, стоять вокруг амвона во время хиротонисания, а затем сопровождать архиерея к Государю и при его благословении народных масс. В документах 1489 и 1539 гг. фиксируются 4 «огненника», а в 1619 г. – уже 12. Этих «огненников» называли «халдеями», что засвидетельствовано мемуарами Павла Алеппского (ок. 1627 – 1669), сына Макария III, патриарха Антиохийского [1647-1672], хотя причина смешения названия участников «пещного действа» и архиерейского хиротонисания неясна.

Таким образом, мы полагаем возможным присоединиться к мнению Е.Е.Голубинского, внеся в него необходимые коррективы. Судя по отчеству Ивана Халдеевича, отец последнего должен был принимать участие в архиерейском хиротонисании. Это было самым важным его достижением, по какой причине оно и стало псевдо-патронимом его сыну. Именно по такому принципу образовывались такие русские отчества, ставшие фамилиями, как *Пономарёвы* или *Проскурниковы*. Однако в этом случае невозможно допустить, чтобы представитель виднейшего отечественного боярского рода, к тому же ведшего своё происхождение от одного из последних русских доваряжских князей, считал своё участие в хиротонисании в качестве «огненника»/«халдея» чем-то таким, что можно было бы рассматривать самым главным достижением его карьеры. Напротив, отчества и фамилии, образованные от отцовских/дедовских должностей носили изначально незнатные, происходившие из низов лица. Именно так, к примеру, образовалась дворянская фамилия *Челядниных*. Поэтому Ивана Халдеевича 1146 г. нужно рассматривать как боярина в первом, максимум во втором поколении, княжеского выдвиженца, а не представителя родовой знати. Справедливо именно в таком качестве его рассматривал П.П.Толочко[172].

[172] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 100.

С одной стороны, маловероятно применять к Ивану Халдеевичу возможность его скоморошьего происхождения. С другой стороны, сохранившиеся сведения говорят о том, что в придворных спектаклях при Царе Фёдоре II [1676-1682] актёрами были князья, княгини, самое меньшее полковники. Поэтому, теоретически можно допускать происхождение отца Ивана Халдеевича даже из скоморохов. Примером реальности последнего можно найти в эпохе В.К. Иоанна III [1462-1505]. Известно, что в 1490 г. к его Двору выписали монаха-августинца, специалиста органной игры, получившего имя Иван *Спаситель* (переделанное личное имя итальянца – *Сальваторе*), который в 1493 г. перешёл в Православие, женился и получил в вотчину подмосковные земли в совр. Щёлковском районе, где основал дер. Фрязинову (совр. г. Фрязино) и село Гребнево; его сын Гавриил Спасителев до 1542 г. основал в своей вотчине деревню Горки[173]. Таким образом, если монаршья прихоть позволяла иноземному монаху расстричься, жениться и стать русским дворянином в XV в., по какой причине то же самое могло быть невозможным в XII веке? То есть можно полагать, что версия о происхождении Ивана Халдеевича от отца или деда – скомороха, не может быть отброшена.

Интересно заметить, что до сего дня в современных, к примеру, Московской, Можайской, Ярославской, Томской и др. областях сохранились деревни и сёла, называемые Халдеево/Холдеево. В случае их древнего (как минимум, допетровского) происхождения, надо видеть в них бывшие земельные владения тех или иных «Халдеевичей». Последнее говорит о том, что функции «огненников»/«халдеев» были достаточно почётными, раз в честь их отправителей складывались фамильные прозвания в разных, не связанных друг с другом случаях. Так или иначе, связывать происхождение всех возможных древнейших основателей таких населённых пунктов со скоморохами, разумеется, нельзя, тогда как с «огненниками» чина архиерейского хиротонисания вполне реально.

Наиболее вероятной кандидатурой в отцы Жирослава и Избыгнева нужно видеть боярина *Иванко Вячеславича*, упоминаемого Лаврентьевской летописью единственный раз под 1128 годом, а Ипатьевской – под 1127 годом.[174] К сожалению, в историографии его ошибочно рассматривают как «Иванко» тысяцкого Вячеслава Владимировича Туровского[175]. Это неправомерное мнение выдвигается из прочтения чёткой летописной фразы: «*Воротислав Андреев тысяцкий и Иванко Вячеславль*». Допускается, что летописец опустил ещё одно слово «тысяцкий», что должно было давать выражение «Иванко Вячеславль тысяцкий». Однако летопись недвусмысленно указывает, что некий Воротислав был тысяцким Андрея Владимировича, князя Волынского [1119-1135], Переяславля-Киевского [1135-1141]. Что же касается Иванко,

[173] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. С. 205-208.
[174] Лаврентьевская летопись. С. 298; Ипатьевская летопись. С. 293.
[175] См., напр.: *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 116, 195.

то «Вячеславль» является отчеством. Именно на примере Иванко Вячеславля показано, что в летописи был использован т.н. йотовый суффикс, прекрасно отвечающий на вопрос «чей»[176]. Кстати говоря, именно в роду Нискиничей, их главной – новгородской – ветви, есть пример использования такого суффикса, причём достаточно поздний. В их роду известен боярин Ксенофонт (Селифонт) Игнатьевич (Твердиславич) (ум. после 1415/1421), который в документе 1410-х гг. указан как «Селифонт Твердиславль»[177]. Кстати, вновь возвращаясь к концепции родовой преемственности имён, следует уточнить, что имя «Вячеслав» бытовало и среди главной, новгородской ветви Нискиничей: Вячеслав Прокшинич (ум. 04.V.1243), новгородский тысяцкий [1228-1229], сыном которого был упомянутый нами ранее Константин (ум. 1247)[178]. Следует, с нашей точки зрения, обратить внимание на связку имён «Вячеслав» (отец) и «Константин» (сын) в новгородской ветви, и имен «Вячеслав» (прадед) и «Константин» (правнук) в галицкой ветви одного и того же боярского рода.

Между тем, даже авторы цитированных нами лингвистических работ, включая даже Н.М.Тупикова, считали Иванко Вячеславля туровским тысяцким, на основании того, что летопись указывала о штурме г. Изяславля в Полоцком княжестве отрядами князя Андрея Волынского и князя Вячеслава Туровского. Поэтому, поскольку Воротислав указывался тысяцким князя Андрея, то Иванко Вячеславль автоматически считался тысяцким князя Вячеслава. По нашему мнению, это неверно. Действительно, было бы очень соблазнительно считать Иванко Вячеславля именно туровским тысяцким, поскольку в этом случае туровского посадника Жирослава Иванковича автоматически можно признавать его сыном. Однако коль скоро Жирослав Иванкович оказался в Турове, уйдя туда из Галича, то его отец вряд ли действовал бы в Турове. Если же считать, что западнорусские Нискиничи изначально имели своим центром Туров, то зачем им потребовалось перебираться в середине XII в. в Галич?

Следует правильно вчитаться в летописный контекст: «*В то же лето посла князь Мстислав братью свою на кривиче четырми пути: Вячеслава ис Турова, Андрея из Володимеря, а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича из Клечьска. Тем повеле ити к Изяславлю, а Всеволоду Олговичу повеле ити с своею братьею на Стрежев к*

---

[176] *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1991. С. 153-154; *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М., 1998. С. 38; *Мезенка Г.М., Дзервяга Г.М., Ляшкевіч В.М., Семянокова Г.К.* Беларуская антрапанімія. Вучэбні дапаможнік. Брест, 2009. С. 61. В белорусской работе на примере «Иванко Вячеславля» разбирается факт использования йотованых суффиксов. Ещё раньше, в классической работе по древнерусской ономастике Н.М.Тупикова (1869-1900) без всяких отсылок к правилам написания суффиксов «Иванко Вячеславль» рассматривался как конкретный человек с именем и отчеством. См.: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб., 1903. С. 513. Тем страннее, что в советской историографии это было забыто без всякой аргументации.

[177] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 46-49.

[178] Там же. С. 55, 62, 63.

Борисову и Ивана Войтишича туже посла с торкы, и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла на Логожеск, а другаго сына своего Ростислава посла с смольняны на Дрютеск… Изяславци почаша битися с Вячеславом и с Андреем… Изяслав же.. иде пакы Изяславлю к стрыева своима, водя с собою и Брячислава, зятя своего.. и логожаны приведе.. и логожаны яже бес пакости дашася Вячеславу… И бывшю вечеру: Воротислав Андреев тысячьский и Иванко Вячеславль всласта отрокы свое в город и светающе увидевше вси вои и тако взяша и на щит и едва Мьстиславны товар соблюдоша и то с нужею бьющеся и тако взвратишася со многым полоном. Потом же и новгородци придоша со Мстиславичем со Всеволодом к Неклочю».

Прочтение этой фразы говорит о следующем. В.К. Мстислав I послал на Полоцкое княжество своих родных братьев – Вячеслава Туровского, Андрея Волынского, Всеволода Городенского (Гродненского), а также Вячеслава Ярославича Клеческого. Одновременно Всеволоду Ольговичу Черниговскому со всеми его родными братьями было приказано нанести удар на г. Борисов. Вместе с черниговцами Мстислав I послал своего воеводу Ивана Войтишича, который вёл киевских данников – торков. Своего сына – Изяслава Курского – Мстислав I послал на Логожск, другого сына – Ростислава Смоленского – на Друцк. Войска Вячеслава Туровского и Андрея Волынского подошли к г. Изяславлю, который оказывал ожесточённое сопротивление. Изяслав Курский взял с собой Брячислава Давыдовича, князя Изяславского [1116-1128], перешедшего на сторону Мономашичей, который был его зятем – мужем родной сестры, Ксении Мстиславны. К последнему присоединилось ополчение Логожска, также добровольно передавшегося Мономашичам; под Изяславлем логожцы влились в войска Вячеслава Туровского. Вечером Вратислав, тысяцкий Андрея Волынского, и Иванко Вячеславич сумели тайно ввести в город своих воинов. Наутро они были обнаружены, и началось жестокое сражение: едва удалось отстоять стан (в смысле – местопребывание, поскольку перевод термина «товар» в значениях «имущество» или «обоз» здесь неприменим) Ксении Мстиславны. В итоге Изяславль был взят, и войска с победой возвратились. После взятия Изяславля новгородское войско, ведомое Всеволодом Новгородским, сыном Мстислава I, пошло брать г. Неключ.

Таким образом, надо видеть, что роль тысяцкого Вратислава и Иванко Вячеславича свелась к тому, что тайно засланные в город их воины, явно могущие быть уподобленными современному спецназу, были предназначены исключительно для защиты княгини Ксении Мстиславны, дочери Мстислава I. Теоретически, Иванко Вячеславича можно рассматривать как воеводу ВячеславаТуровского, Изяслава Курского, Брячислава Изяславского или члена логожского ополчения. Однако, по нашему мнению, если воины Иванко использовались только для защиты княгини Ксении, значит, они были приданы изначально наступавшим на Изяславль войскам.

Поскольку Изяслав, Брячислав и логожцы подошли к городу позже, их войска можно дальше не рассматривать. Кроме того, указано, что логожцы присоединились к войску Вячеслава Туровского после прямых переговоров с ним. Скорее всего это означает, что туровский князь вёл свои отряды лично, иначе бы летописцу ничего не мешало указать имя и его тысяцкого.

В связи со сказанным, нужно правильно увидеть роль в полоцком разгроме киевского воеводы Ивана Войтишича. По нашему мнению, он не столько был воеводой, ведшим ополчение торков, сколько надзирателем за поведением в походе черниговских князей. Иван Войтишич был последовательным сторонником Мономашичей. Он упоминается в летописях с 1116 (воевода Владимира II *Мономаха*) по 1146 гг. В 1139 г. он упоминался послом Всеволода II Ольговича в Новгород. В 1146 г., когда Всеволоду II наследовал его брат – Игорь II Ольгович [1-13 августа 1146]. Однако Иван Войтишич и другие бояре призвали на княжение Изяслава II и предали Игоря II в самом начале так и несостоявшегося сражения.

Можно допустить, что Иванко Вячеславич выступал в роли, аналогичной роли Ивана Войтишича. Он вряд ли выступал соглядатаем, поскольку здесь в поход шли родные братья Мстислава I, в отличие от черниговцев, находящихся в оппозиции и лишь временно покорившихся сильной руке. Поэтому здесь он должен был выступать в качестве воеводы, возглавлявшего отряд профессиональных воинов, некоего подобия военного спецназа, предназначенного исключительно для взятия под защиту и доставления в Киев Ксении Мстиславны. Его военная сила была третьим участником битвы при Изяславле: войска Вячеслава Туровского с присоединившимся к ним позднее логожцами, войска Андрея Волынского и его тысяцкого Вратислава, отряд Иванко Вячеславича.

Кстати, следует подчеркнуть, что военачальники такого рода, специализирующиеся именно на подготовке и проведении специальных операций силами «войск специального назначения», были и в среде новгородской ветви Нискиничей. Во-первых, это Нездила Прокшинич (ум. после 1230), назначенный в 1200 г. воеводой в г. Луки (совр. Великие Луки) и успешно проведший карательную операцию против литовцев, а также репрессировавший местных изменников[179]. Он в летописи носил прозвище «*Пьхичиниць*». Мы показали, что это прозвище указывает на военную профессию его носителя и происходит от названия судовой рати «пешцев», позднее названных «ушкуйниками», - наиболее профессиональных воинов своего времени. Столетие спустя его потомок, Лука Варфоломеевич (ум. зимой 1342/1343) организовал отряд профессиональных воинов, с которыми в 1320 г. совершил набег в Норвегию: именно этот отряд был назван первыми в истории «ушкуйниками» и положил начало

[179] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 54-55.

знаменитому ушкуйническому движению XIV века[180]. Раньше их обоих в роли руководителя условного «военного спецназа» можно видеть былинного «Василия Буслаева» - реального «Василия» Богуслаевича[181]. Таким образом, основная профессия Иванко Вячеславича в 1128 г. отлично коррелирует с профессиями его родственников в пределах общего рода.

Тот факт, что Иванко Вячеславич принадлежал, вероятнее всего, к роду Нискиничей, косвенно вытекает и из того, что первые Мономашичи и в особенности Мстислав I, были очень тесно связаны именно с этим боярским родом. Практически всё время новгородского княжения Мстислава Владимировича [1088-1094, 1096-1117], его сына Всеволода Мстиславича [1117-1125, 1127-1136] и внука Иоанна Всеволодовича [1125-1127] посадничий пост в Новгороде принадлежал представителям рода Нискиничей: в 1088-1094, 1096-1120, 1126-1129, 1131-1134, 1135-1141 гг.[182] В годы посадничества киевских наместников (1120-1125 и 1129-1131(?)) фактическая власть в Новгороде также принадлежала Нискиничам.

Возникает, таким образом, лишь один, но весьма существенный, вопрос: откуда прибыл под Изяславль Иванко Вячеславич с собственным воинским отрядом? По логике летописного сообщения, можно думать только о трёх местах: из Великого Новгорода, из Киева, из Галичины.

По нашему мнению, два первых варианта следует отвергнуть. Да, Владимир II *Мономах* и его сын действительно опирались на новгородских Нискиничей. Однако эта опора была вынужденной, поскольку этот боярский род в междукняжеских усобицах вплоть до 1060-х годов стоял на стороне полоцких князей, а до 1080-х годов – на стороне черниговских князей[183]. По существу, только посредством признания правления Нискиничей в Новгороде фактически наследственным, *Мономах* сумел успокоить Нискиничей; однако, боясь их всевластия, вытекавшего из их происхождения, *Мономах* с сыном породили внутриновгородскую оппозицию Нискиничам, которая в итоге окончательно свергла их всевластие в 1180-х гг., а равно привела в качестве «побочного эффекта» к знаменитой «новгородской вольности»[184]. Кроме того, Всеволод Новгородский включился в активную фазу войны с Полоцком в том же году: маловероятно, во-первых, чтобы в его войске не было Нискиничей, и во-вторых, маловероятно, чтобы Мстислав I ослаблял войско собственного сына путём изъятия из его состава наиболее боеспособного соединения. Что же касается Киева, то,

---

[180] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 20-21,

[181] *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в развитие средневековой литературы.

[182] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 76, 91, 105-110, 116, 119.

[183] *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 183-269; *Он же.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 88-95.

[184] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 88-91.

поскольку Нискиничи были враждебны ему в течение фактически всего XI века, летописи не дают нам сведений об их добровольном в нём присутствии. Правнуки ранее упомянутого посадника Константина Добрынича – Ян (р. 1030/1040-е гг. – ум. 24.VI.1106) и Путята (р. 1030/1040-е гг. – ум. после 1113) Вышатичи – оказались там насильно, захваченные как пленники или заложники[185]. Они, разумеется, могли иметь свои семьи и основать в Киеве свои родовые ветви общего рода. Однако, во-первых, об их потомках неизвестно ничего даже на уровне гипотез. Во-вторых, причислять Иванко Вячеславича к их потомкам нет никаких оснований, хотя бы даже на уровне логических рассуждений. Наконец, летопись недвусмысленно указывает главным киевским воеводой после братьев Вышатичей Ивана Войтишича, действующего на протяжении не менее 30 лет. Его политические пристрастия явно расходятся с пристрастиями Нискиничей. Кроме того, заметим, что ещё Владимиру II, при котором и начинается карьера Ивана Войтишича, ничто не мешало заменить свергнутого в ходе киевского восстания 1113 г. воеводу Путяту Вышатича на его детей, внуков, племянников, как киевского происхождения, так и выписанных из Великого Новгорода. Однако, поскольку в самом Новгороде Владимир II сам же и раскачивал внутреннюю обстановку против Нискиничей, он никак не мог поставить на них в таком деле, как обеспечение собственной безопасности. Кроме того, братья Вышатичи захватывались в заложники В.К. Изяславом I Ярославичем [1054-1068, 1069-1073, 1077-1078], а затем служили его сыну – В.К. Святополку II Изяславичу [1093-1113]. Киевское восстание 1113 г. вспыхнуло после смерти Святополка II, будучи инспирированным именно Владимиром *Мономахом*, и его основными целями было свержение всех приверженцев предыдущего княжения, а также приглашение в Киев для самого *Мономаха*. Очевидно, что свержение Вышатичей в 1113 г. никак не могло способствовать тому, чтобы на их потомков делали ставку в 1128 г.

Таким образом, строго логически единственным местом происхождения боярина-воеводы Иванко Вячеславича могла быть Галичина, а именно Перемышльское,

---

[185] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 95-96. Кстати, следует заметить, что в этом случае вновь налицо корреляция между княжескими и боярскими именами. В роду Рюриковичей такое имя существовало лишь однажды: у Святослава Владимировича, князя Древлянского, под 1002 годом сообщается о рождении сына по имени Ян. См.: Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9. М., 1965. С. 68. Любопытно также, что под 992, 1001 и 1004 гг. сообщается о пребывании в Киеве богатыря по имени Ян Усмошвец. См.: Там же. Применительно к отечественной истории это всего три упоминания имени «Ян» в её истории. Поскольку «Ян Усмошвец» (он же сказочный «Никита Кожемяка») является, скорее, чисто фольклорным персонажем, следует усматривать несомненную связь между Яном Святославичем и Яном Вышатичем. Учитывая также тесную связь Нискиничей с землями Чехии и Словакии (см. ниже), где и бытовали эти имена, а также чешское происхождение (согласно летописи) супруги Святослава Древлянского, нужно видеть, что использование этих имён в двух основных русских родах было не случайным.

Звенигородское или Теребовльское княжества. Формально летописи не сообщают об участии этих княжеств в походе Мстислава I на Полоцк в 1128 г. Однако этого участия не могло не быть. Власть Владимира II и Мстислава I в 1113-1132 гг. на Руси была всеобъемлющей, не дозволяющей никакой оппозиции себе или даже инакомыслия. Поэтому нельзя допустить, чтобы западнорусские княжества отказались повиноваться Киеву в 1128 г. и не получили за это ни наказания, ни даже летописного порицания.

Их трёх западнорусских княжеств старшим считалось Перемышльское, поскольку в 1084 году в нём сел старший из Ростиславичей, Рюрик. Затем шло Звенигородское и на последнем месте по старшинству стояло Теребовльское княжество. Именно Перемышльское княжество при Владимире Володаревиче [1092-1124] заключает союз с Владимиром II. В 1114 г. он выдаёт свою дочь, оставшуюся в летописи неизвестной по имени, замуж за сына *Мономаха*, Романа Владимировича[186], князя Волынского [1117-1119]. Несмотря на то, что Роман Волынский умер рано, и его потомство неизвестно, союз сохранился: во всяком случае разорвать этот союз до 1132 года было невозможно, иначе западнорусские княжества постигла бы кара, как минимум сопоставимая с разгромом Полоцкого княжества в 1128 г. Следовательно, Перемышльский князь в событиях 1128 г. не мог не послать Мстиславу I воинский контингент. По всей видимости, это и был отряд Иванко Вячеславича. Целиком логично, кстати, что боярский род, полностью контролировавший Галицкую землю с момента переноса столицы из Перемышля в Галич (1141), и не могущий поэтому обитать в захудалом Галиче до этого события, должен был изначально отправлять свою деятельность именно в столичном городе старшего западнорусского княжества, каким и был Перемышль.

То есть, Иванко Вячеславич, по всей видимости, был перемышльским боярином. Пример привлечения Киевом на временную службу боярина из рода Нискиничей можно увидеть в 1043 г., когда Вышата Остромирич, сын новгородского посадника, командовал новгородским ополчением, а киевской войско возглавлялось сыном Ярослава I Владимировича и киевским воеводой Иваном Творимиричем. Предполагаемый год рождения Иванко Вячеславича, учитывая его активную деятельность в 1128 г. и сроки рождения его сыновей в середине 1120-х гг., надо называть не позднее конца 1080-х гг.

Именно минимальный возраст рождения Иванко Вячеславича позволяет нам сделать достаточно серьёзные предположения о фигуре его отца. Летописи с 1084 года, т.е. со времени образования первых двух галицких княжеств, не сообщают никаких реальных имён, которые могут быть сопоставлены с фигурой Иванко Вячеславича. Однако отчество этого боярина, как кажется, даёт нам искомую разгадку.

---

[186] Ипатьевская летопись. С. 295.

Имя *Вячеслав* имеет ряд разночтений: *Вечеслав, Вещеслав, Вящеслав, Вяцеслав, Вятслав, Вачьслав, Вацеслав, Вецеслав, Венцеслав, Венцель, Вацлав, Вицлав, Вислав, Верхуслав, Велислав, Выслав, Вышеслав*[187]. Смысл всех этих разночтений одинаков: от *вяче-* «больше» и *слав-* «слава», т.е. «*более славный*». В нашем случае самым важным является подчёркивание того факта, что имена *Вячеслав* и *Вышеслав* тождественны[188].

Важность этого отождествления тем серьёзнее, что первым боярином при отце галицких Ростиславичей был боярин Вышата Остромирич, сын новгородского посадника Остромира Константиновича [ок. 1052 – после 1064] и его супруги Феофано, дочери Владимира I Святославича [980-1015] и византийской принцессы Анны[189].

Имя *Вышата* является уменьшительным разговорным вариантом от *Вышеслав*. В этом аспекте очень интересно обратить внимание на очередное взаимопроникновение имён между родами Нискиничей и Рюриковичей. В первую очередь мы замечали это в связи с тем, что новгородский посадник Константин Добрынич вполне мог быть крёстным отцом князя Мстислава Владимировича (ум. 1036): как А.Поппэ, так и мы полагали, что существование у Мстислава сына по имени *Евстафий*, а равно сына у посадника Остромира по имени *Евстафий*, вряд ли является случайным совпадением. В данном случае налицо совпадение того факта, что Владимир I в качестве князя-наместника посадил в Великом Новгороде своего сына – Вышеслава Владимировича [ок. 980-х гг. – 1010][190]. Вышата/Вышеслав Остромирич родился не позднее середины 1020-х гг., будучи старшим сыном своего отца, поэтому, учитывая временную близость обоих имён, надо признавать их прямую связь.

Дата рождения Вышаты Остромирича устанавливается достаточно ясно, т.к. его первый выход на политическую арену фиксируется летописью в июле 1043 г., а Остромир Константинович родился ок. 990-х гг. В 1043 г. Ярослав I Владимирович предпринял военные действия с Византией, природа которых до сих пор не выяснена в историографии[191]. Как показано нами в приведённых ссылках, причина этого военного набега для Ярослава I заключалась в необходимости обезглавить оппозицию его власти, руководимую новгородскими Нискиничами. Так, около 1034/1036 гг. в Новгороде был арестован Константин Добрынич, который около 1037/1039 гг. был убит в тюремном заточении в Муроме. По-видимому, сын Остромира тогда же был забран в Киев в

---

[187] См., напр.: *Суслова А.В., Суперанская А.В.* Указ. соч. С. 41; *Баженова А.* Указ. соч. С. 78-79; *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён. Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005. С. 69.

[188] *Суперанская А.В.* Указ. соч. С. 69.

[189] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 86-88, 92-95; *Он же.* У истоков Руси. С. 236-244.

[190] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 35.

[191] *Поппэ А.* Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011. С. 362.

качестве своеобразного заложника. В походе 1043 г. Вышата Остромирич возглавлял новгородское ополчение. Военные действия были преднамеренно проведены таким образом, что именно новгородцы потерпели поражение, тогда как киевская княжеская дружина вовсе не вступила в бой, отказалась принимать на свои корабли высадившихся на побережье новгородцев и бежала обратно в Киев. Вышата высадился к своим войскам, которые были пленены византийцами и все, кроме самого Вышаты, подвергнуты наказанию, обычному для внутривизантийских мятежников, - ослеплению. Спустя 3 года заключения Вышаты в Византии, он был отпущен греками на Русь около 1046 г. Возвращался он, видимо, не через Киев, а окружными путями в Новгород, куда прибыл не ранее 1050 г. В 1050-е гг. Новгород был вычищен Нискиничами от Ярославовых ставленников, в том числе и в местной епископии. В 1064 г. Нискиничи начинают войну против братьев Ярославичей, детей Ярослава I, целью которой было их замена на киевском троне полоцкой ветвью Рюриковичей. Эта война увенчалась даже временным успехом: киевским вокняжением Всеслава Брячиславича [1068-1069], князя Полоцкого [1044-1067, 1071-1101]; однако удержать свой успех это князь не смог.

Мы не будем вдаваться в подробности войны 1060-х гг., тем более что это уже изложено нами в предыдущей работе[192]. Нашей текущей целью является изучение генеалогии неизвестной доселе ветви Нискиничей. В этой связи нужно придать определяющее значение тому факту, что на южнорусском направлении войну против Ярославичей курировал именно Вышата Остромирич. Летопись сообщает об этом под 1064 годом следующим образом: «*Бежа Ростислав к Тмутороканю, сын Володимирь, внук Ярославль. И с ним бежа Пореи и Вышата сын Остромирь, воеводы новгородьского, и, пришед, выгна Глеба изь Тмуторокана, а сам седе в него место*»[193].

Ростислав Владимирович был сыном Владимира Ярославича (1020-1052) и внуком Ярослава I. Владимир Ярославич был князем Новгородским [1034/1036 – 1052] и именно с его посажением в Новгороде связывается арест Ярославом I посадника Константина Добрынича[194]. Именно он предводительствовал вместе с киевским воеводой над княжеской дружиной, предавшей новгородцев, в походе на Византию 1043 г. Только после его смерти, наступившей, согласно летописям, 4 октября 1052 г., власть в Новгороде переходит к посаднику Остромиру Константиновичу, и уже в 1055 году в Новгороде свергается местный епископ – ставленник Киева. Согласно закону т.н. «лествичного престолонаследования» (от брата к брату, а не от отца к сыну), впервые введённому на Руси Ярославом I, чтобы закрепить киевский престол за своими

---

[192] *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 183-269.

[193] Ипатьевская летопись. С. 152.

[194] *Рыбаков Б.А.* «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 57; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 69-70.

наследниками и отодвинуть от него полоцких Рюриковичей, имевших на него законные притязания по праву прямого нисходящего наследования, если отец умирал раньше сына и сын не успевал занять отцовский престол, то он навсегда лишался прав на таковой. Такие князья становились т.н. «изгоями» и вынуждены были добывать себе какой-нибудь престол оружием. Собственно именно по этой причине в отечественной истории и наступил тот исторический период, который в советской историографии именовался «феодальной раздробленностью». «Лествичное престолонаследование» ударило и по самим Ярославичам. Потомки троих из них стали изгоями, поскольку их отцы умерли раньше, чем смогли занять киевский трон: упомянутого Владимира Ярославича, Вячеслава Ярославича (1033/1036 – 1057) и Игоря Ярославича (1036 – 1060, или после 1077).

Нас сейчас интересует потомство Владимира Ярославича. Считается, что у него было двое сыновей. Младшим был Ярополк Владимирович. Однако он упоминается летописью только однажды и то, можно сказать, мельком[195]: никаких данных об его жизни, в том числе и о владениях, нет[196]. Последнее может даже говорить о вымышленности этой фигуры, либо ошибочной его записи летописцем из более позднего времени. Однако, учитывая постоянно наблюдаемое нами взаимопроникновение княжеских имён в родах Нискиничей и Рюриковичей, может говорить и о подлинности фигуры этого князя. О последнем может говорить факт того, что один из братьев Константиновичей-«кормильчичей», родившийся, как указывалось, в 1150/1160-х гг., носил имя *Ярополк*. Можно допускать, что это имя проникло в родовой именослов галицких Нискиничей именно из-за их близости к *двум* братьям Владимировичам.

Старшим сыном Владимира Новгородского был Ростислав Владимирович. Сколько-нибудь точная дата его рождения приводится у В.Н.Татищева – 1038-й год[197]. По Татищеву, Ростислав сначала остался на княжении в Новгороде и Ростове, но уже в 1052 г. был переведён княжить в Ростово-Суздальскую землю (с 1052 по 1060 гг.), после чего, по смерти Игоря Ярославича, получил на княжение Волынь[198]. В настоящее время считается, что князем Ростовским [1052/1054 – 1057] Ростислав был до смерти в Смоленске Вячеслава Ярославича. На место последнего был переведён Игорь Ярославич, который, как считается, был вторым князем Волынским [1054-1057][199]. В 1057 г. новым князем Волынским стал Ростислав [1057-1064].

---

[195] Воскресенская летопись. С. 232.
[196] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 69.
[197] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 78.
[198] Там же. С. 81, 83.
[199] Первым князем Волынским предполагается сын Владимира I Всеволод [ок. 988 – ок. 995, или до 1008/1013].

Таким образом, Ростислав начал войну со своими дядьями, находясь в статусе князя Волынского. Учитывая, что основным игроком в этой войне был князь Полоцкий, добывавший себе киевский трон, на который имел все законные права, то надо говорить о том, что Ростислав Владимирович лишь поддержал Полоцк. То есть надо понимать, что князь Ростислав не был самостоятельным игроком, и его выход в Тмуторокань не мог быть обусловлен тем, что его кто-то изгнал с Волыни, и уж тем более тем, что Тмуторокань была привлекательнее Волыни. Своим появлением в Тмуторокани и княжением там [1064-1065, 1065-1067] он попросту запер выход Ярославичам в Крым, т.е. прямой доступ к византийским владениям. Стратегически это было весьма важным предприятием, поскольку именно Византия была главным союзником как Ярослава I, так и Ярославичей.

Очень важным надо признать ответ на вопрос: откуда Ростислав Владимирович бежал в Тмуторокань? Сразу четыре летописных списка указывают, что он бежал туда из Великого Новгорода[200]. Более того, Тверская летопись в статье, посвященной поставлению в Новгород нового епископа (Стефана) в 1061 г. сообщает: «*А в Новегороде лета того ещё князь Ростислав Владимиричь*»[201]. В одной из достаточно серьёзных работ предлагалось полностью доверять этой информации и полагать, что Ростислав княжил в Новгороде в 1061-1064 гг.[202] В.Н.Татищев, а вслед за ним С.М.Соловьёв (1820-1879)[203], полагали, что Ростислав пришёл в Тмуторокань с Волыни.

Ранее мы упоминали, что галицкие Ростиславичи имели все права на Западную Русь. Факт княжения там их отца подчёркивает это их право, причём право по линии нисходящего родства, а не «лествичного права». Никакой источник, кроме Тверской летописи, не сообщает о том, что Ростислав Владимирович находился в Новгороде в 1061-1064 гг. Поэтому равновероятны два предположения: 1) Ростислав ушёл в Тмуторокань в 1064 г. с Волыни, оставив там малолетних сыновей; 2) Ростислав ушёл в 1061 г. княжить в Новгород, оставив княжить на Волыни сыновей, а в 1064 г. из Новгорода ушёл в Тмуторокань. При этом нужно понимать, что в состав владений Ростислава входила вся т.н. «Большая Волынь», т.е. собственно Волынь, Галичина, Поднестровье, Погорынье, Турово-Пинскую земля[204].

В обоих случаях неизвестно, сколько детей было у Ростислава в 1064 и тем более в 1061 годах. Учитывая возраст Ростислава, он мог иметь первых детей после

---

[200] Никоновская летопись. С. 92; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 154; Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 374; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 22.

[201] Тверская летопись. С. 154.

[202] *Куза А.В.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 302.

[203] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. 1. М., 1988. С. 341-342.

[204] *Плахонін А.Г.* Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X – перша половина XI ст.) // Укр. істор. журн. 2000. № 4. С. 127-144.

1050/1053 гг. По В.Н.Татищеву, Ростислав женился в начале 1060-х гг. на некоей венгерской княжне, предположительно дочери венгерского короля. Эту мысль развил генеалог Н.А.Баумгартен (1867-1939), указывавший, что Ростислав женился только в 1063/1064 гг. на *Ланке*, дочери венгерского короля Белы I [1060-1063][205]. К этой идее полностью примкнули М. Димник[206] и А.Г.Плахонин[207]. Последний, впрочем, указывая на наличие у Ростислава троих сыновей, предлагал относить этот брак к периоду 1057-1061 гг. Л.В.Войтович также полагал, что брак состоялся, когда Бела был ещё герцогом, а не королём, т.е. до декабря 1060 г.[208] Однако тот факт, что после убийства (отравления) Ростислава в Тмуторокани 3 февраля 1067 г. его супруга упросила В.К. Изяслава I *отпустить её обратно в Венгрию к отцу*, что, согласно В.Н.Татищеву, тот и сделал, позволяло и позволяет сомневаться в том, что Ланка принадлежала к семье Белы I, который умер в сентябре 1063 г. Таким образом, сопоставляя все данные, можно лишь говорить о том, что Ростислав женился на знатной венгерской женщине, возможно и происходившей из королевского рода. В таком случае это могло произойти только после начала его волынского княжения, следовательно, он не мог иметь первого ребёнка ранее 1058 г. Таким образом, к 1061 году Ростислав имел как минимум одного ребёнка, вероятнее всего это был старший из Ростиславичей – Рюрик. В любом случае к 1064 году самому старшему из его сыновей не могло быть более 6 лет. Теоретически возможно, что младший сын мог родиться и в Тмуторокани. Однако, по мнению О.М.Рапова, если княгиня-вдова после 1067 г. хотела уехать в Венгрию, и Изяслав I её отпустил, но детей ей не отдал, это значит, что Ростислав был в Тмуторокани без семьи[209]. Как кажется, это справедливо. Но, с нашей точки зрения, О.М.Рапов неправ, думая, что княгиня и Ростиславичи находились в Киеве с самого начала выступления Ростислава. Представляется целиком логичным, что, покинув Волынь, Ростислав оставил на волынском княжении старшего сына, при котором осталась мать и кто-то из княжеских бояр. Только впоследствии, когда военное счастье улыбнулось Ярославичам, они могли захватить Волынь и юных Ростиславичей. По нашему мнению, это могло произойти только между тем как зимой 1066/1067 гг. Ярославичи сумели взять штурмом и разорить Минск, затем 3 марта 1067 г. разгромить Всеслава Полоцкого на р. Немиге и пленения самого Всеслава 10 июля 1067 г. на р. Орше. Нанести удар со стороны Минска на Волынь было весьма просто. Поэтому, скорее всего, Волынь была захвачена Ростиславичами не позднее весны 1067 г., и волынское княжение Рюрика

---

[205] *Баумгартен Н.А.* Первая галицкая династия // Летопись историко-родословного общества. 1907. Т. 3. С. 13-16.

[206] *Dimnik M.* Op. cit. P. 58-60.

[207] *Плахонин А.Г.* Потомство Владимира Ярославича и Волынь // Вестник Удмуртского университета: серия «История». 2003. С. 98-107.

[208] *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи. С. 155.

[209] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 69.

Ростиславича [1061/1064 – 1067] было упразднено. К моменту пленения старшему из Ростиславичей не могло быть более 9 лет.

Решить вопрос, вернулся ли Ростислав в 1061 г. в Новгород, думается, невозможно при текущем состоянии источников. Однако если война начинается тем, что Ростислав уходит в Тмуторокань из Новгорода, то выступление Всеслава Полоцкого летопись приурочивает только к 1065 г. Что в таком случае мешало Ярославичам покарать мятежников и взять Волынь ещё между 1061 и 1064 гг.? Можно думать, что война началась ещё раньше, с предполагаемого восстания в Новгороде. Так, Ипатьевская летопись сообщает, что в 1063 г. весь Новгород выгорел в результате пожара[210]. Можно допустить, что это – отражение восстания, поднятого Вышатой Остромиричем и, может быть, специально для этого приехавшим туда Ростиславом. Однако и в этом случае между сообщениями Тверской и Ипатьевской летописей остаётся около двух лет бездействия Ростислава, который, уйдя с Волыни, ещё в 1061 г. должен был стать в глазах Ярославичей мятежником. Вместе с тем, всё-таки вероятность ухода Ростислава в Новгород около 1061 г. нельзя полностью сбрасывать со счетов. Можно допустить, что Ярославичи не могли до 1063/1065 гг. пройти на Волынь в том случае, если в событиях 1060-х гг. на стороне новгородских Нискиничей, Всеслава Полоцкого и Ростислава Волынского-Тмутороканского играл какой-то достаточно сильный геополитический игрок. Учитывая глухие сведения о венгерском браке Ростислава, этим игроком могла быть только Венгрия. Если Ярославичи знали, что в случае их атаки на Волынь, туда вторгнутся венгры, это могло их сдерживать как минимум до сентября 1063 года. Это не означает, что Ростислав был женат на королевской дочери. Но это означает, что статус его брака был настолько высок, что означал и заключение одновременно с ним волынско-венгерского союза. Ситуация в Венгрии после смерти Белы I была некоторое время нестабильна, и только в декабре 1063 г. с помощью немецкой интервенции трон обеспечил себе его племянник Шаламон [1063-1074]. Его короновали 11 апреля 1064 г., а дети Белы I вынуждены были признать его сюзеренитет. Учитывая, что матерью Шаламона была Анастасия Ярославна (ум. 1074/1094), родная сестра Ярославичей, которая начала править вместо 10-летнего сына, венгерская опасность для них с весны 1064 г. была устранена. Вместе с тем, ещё не ранее чем через три года после этого Ярославичи вошли на Волынь. Причину этой задержки, возможно, следует видеть в фигуре Вышаты Остромирича.

Мы уже указывали, что положение Вышаты при князе Ростиславе соответствовало, по всей видимости, положению старшего боярина. После событий 1064 года Вышата больше не упоминается в летописях. Это логично по отношению к мятежнику, каким себя выставил Вышата. Но это вовсе не означает, что он должен был умереть или

[210] Ипатьевская летопись. С. 152.

погибнуть в 1060-х гг. Уверенным здесь можно быть, по крайней мере, в том, что он уже никогда не возвращался в Новгород. Следовательно, выступая старшим боярином при князе, он должен был уходить из Новгорода не один, а со всей семьёй. К 1064 г. Вышате Остромиричу должно было быть около 40 лет, то есть его сыновья, Ян и Путята, оказавшиеся затем в Киеве, должны были быть совершеннолетними. Но при этом они должны были быть ещё достаточно юными, чтобы, будучи захваченными Ярославичами, присягнуть и служить затем им. Это позволяет говорить об их рождении не ранее второй половины 1040-х гг. и не позднее рубежа 1040/1050-х годов.

Таким образом, впервые будущая ветка галицких Нискиничей оказалась в западнорусских землях около 1057 г., т.е. с началом волынского княжения Ростислава Владимировича. Это понятно из того, что Ростислав был ещё молод ко времени смерти своего отца. Вся жизнь его отца и молодость Ростислава прошли в Новгороде. Поэтому только из Новгорода он мог черпать своё окружение. Поэтому, если Ростислав действительно княжил до 1057 г. в Ростове, то Вышата Остромирич уже тогда был с ним как старший боярин. Разумеется, что боярин отправился со своим князем и на Волынь.

Интересно здесь обратить внимание на фигуру второго бежавшего в Тмуторокань боярина – Порея. Летописный контекст сообщения 1064 года таков, что можно предполагать Порея братом Вышаты. Впервые об этом утвердительно сказал В.Н.Татищев[211]. С тех пор эта версия время от времени озвучивалась в тех или иных публикациях, как правило, публицистического характера. Мы не примыкали к этой версии в наших работах 2001 и 2015 годов. Однако теперь можно допустить её правомерность. Действительно, старшим боярином при князе всегда был его дядька-кормилец. Им вполне мог быть Вышата, однако с 1043 г. его в Новгороде не было. В предполагаемое время его возвращения княжичу Ростиславу было уже около 10-12 лет, т.е. в 1040-х гг. его воспитывал иной боярин. Именно в качестве такого воспитателя и можно видеть Порея. Возможно, именно по этой причине Порей в сообщении 1064 г. поставлен на первое место перед Вышатой, хотя по возрасту тот должен был быть явно старше, ибо его деятельность началась за 21 год (по летописной хронологии) до этого.

После ухода Вышаты в 1064 г. в Тмуторокань (или ещё раньше, в 1061 г. в Новгород), его сыновья и Порей должны были остаться на Волыни. Поэтому, когда весной 1067 г. Ярославичи захватили Волынь, они должны были, помимо Ростиславичей и их матери, пленить также Порея Остромирича, Яна и Путяту Вышатичей. Что могло способствовать тому, что их не казнили? Только их ближайшее родство к роду Рюриковичей? Но этот же факт отнюдь не помешал Ярославу I убить Константина Добрынича в 1030-х гг. Причина, помешавшая наказанию захваченных

[211] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 42.

Нискиничей, могла быть той же, которая впоследствии помешала Андрашу II наказать Володислава Константиновича в 1214 г. Эта же причина могла мешать Ярославичам вторгнуться на Волынь в 1064-1066 гг. Ситуация в Венгрии после весны 1064 г. продолжала оставаться нестабильной. Дети Белы I продолжали претендовать на престол. Старший из его сыновей, Геза, стал князем Нитранским [1063-1074], а затем в ходе возобновившейся распри сверг Шаламона, став королём Гезой I [1074-1077]. Вспомним, что Андраш II наделил Володислава Константиновича земельными владениями именно в окрестностях Нитры. Можно ли допустить на основе такой, чрезвычайно косвенной и шаткой преемственности, что уже Вышата и Порей Остромиричи могли иметь какие-то владения в Венгрии? Если их князю покровительствовал Бела I, то его дядькам-кормильцам венгерский король тоже мог выдать некие преференции. Можно предполагать даже, что один из старших Нискиничей либо одновременно со своим князем, либо несколько позднее тоже заключил венгерский брак с особой достаточно знатной, чтобы Ярославичи впоследствии отказались от наказания не только лица, заключившего этот брак, но и всех его родственников.

Следует также заметить, что столь же вероятным может быть предположение о том, что кто-то из Нискиничей заключил не венгерский, а польский брак. Польский князь и с 1076 г. король Болеслав II [1058-1079] подчёркнуто поддерживал в Венгрии детей Белы I и помог герцогу Гезе в 1074 г. свергнуть Шаламона. При этом польский монарх был сыном Добронеги/Доброгневы Владимировны, дочери Владимира I Святославича, то есть приходился Вышате и Порею Остромиричам четвероюродным братом. После его свержения в 1079 г. новым польским князем стал ещё один четвероюродный брат Остромиричей – Владислав II [1079-1102].

Действительно, Ян и Путята Вышатичи/Вышеславичи/Вячеславичи практически сразу делают неплохую карьеру в Киеве: уже в 1071 г. Ян выступает в роли самостоятельного воеводы. Но не менее любопытен тот факт, что в августе 1078 г. летописью упоминается и Порей. 25 августа 1078 г., ещё при Изяславе I, произошла битва с половцами на р. Сожице (совр. Оржица, приток Сулы). Сражение было проиграно русскими: «*И побидиша половце роусь, и мнози уобьени беша тоу. Оубьен быть ту Иван Жирославичь, и Тукы Чудин брат, и Пореи и ини мнози*»[212]. Нигде в летописях сведений ни о каких «Пореях» больше нет. Учитывая уникальность имени, а

[212] Ипатьевская летопись. С. 191. К фигуре Ивана Жирославича 1078 года пытался возводить С.Б.Веселовский ошибочную генеалогию Иванко 1128 г., Жирослава Иванковича 1146-1155 гг., а также не имеющих к ним никакого отношения владимирских бояр начала XIII в. Как видим, в реконструируемой нами генеалогии начального этапа ветки галицких Нискиничей для Ивана Жирославича 1078 г. места не находится. Только на основании тождественности имён причислять этого воеводу к роду Нискиничей не следует.

также фактическое отсутствие хронологического разрыва между двумя упоминаниями этого имени (1064 и 1078 гг.), можно, по нашему мнению, отождествлять Порея 1078 г. и Порея Остромирича 1064 г.[213] Характерно также, что именно в 1078 г., когда Всеволод I воссоздаёт Волынское княжество, он посылает туда Ростиславичей, которые до этого времени явно жили в Киеве. Логично допустить, что они были отпущены на самостоятельное житьё именно после смерти своего дядьки-воспитателя.

Вышата Остромирич, вне всякого сомнения, избежал пленения в 1067 г. Он должен был находиться в Тмуторокани как минимум до смерти своего князя в феврале 1067 г. Вряд ли он мог остаться в Тмуторокани при Глебе Святославиче [1064, 1065, 1067-1068] и Романе Святославиче [1068-1079]. Однако с другой стороны, по В.Н.Татищеву, Болеслав II был женат на их сестре, Вышеславе (ум. после 1089) между 1065/1067 гг. Однако ряд иных источников, в том числе польских, считает её дочерью Вячеслава Ярославича Смоленского[214]. Если версия В.Н.Татищева справедлива, отношение Святославичей к Вышате было бы более спокойным, чем могло быть, если он рассматривался исключительно мятежником.

Впрочем, со своей стороны мы можем предложить ещё одну, весьма неожиданную на первый взгляд версию. Обзор всех точек зрения о русском происхождении Вышеславы приводится в ряде работ[215]. Я. Длугош (1415-1480) назвал её *Вышеслава* или *Вышеславна*, добавляя, что она «*дочь князя Руси, единственная у отца*», т.е. «*отцовская наследница в большой части Руси*». Густынская летопись, написанная в начале XVII в. назвала её отцом Вячеслава Ярославича. И. Гюбнер (1668-1731) в «Генеалогических таблицах», опубликованных в 1725-1728 гг., назвал её дочерью *Выслава*. М.В.Ломоносов (1709-1765) исправил *Выслав* на *Вячеслав*. В.Н.Татищев решил, что её отцом был Святослав I Ярославич. Сопоставление всех данных о ней позволяет говорить об её рождении не раньше 1047 г. и браке с Болеславом II не позже рубежа 1068/1069 гг. В браке она родила сына Мешко (1069-1089). По свержению Болеслава II он с семьёй бежал в Венгрию, где обитал при Дворе Ласло I [1077-1095], сына Белы I. В 1081 г. Болеслав умер, и вдова с сыном вернулись в Польшу в 1086 г. В 1089 г. Мешко был убит (отравлен); о судьбе Вышеславы более ничего не известно.

---

[213] Впервые отождествил Порея 1064 года и Порея 1078 года М.Б.Свердлов. См.: *Свердлов М.Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 226.

[214] *Zakrzewski S.* Bolesław Śmiały // Rocz. Pam. Uniwersytetu Lwowskiego. l901. S.31-54.

[215] См., напр.: *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1. Киев, 1884.С. 53; *Zakrzewski S.* Op. cit.; *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. 1927. N 35. P. 13-20; *Satała Z.* Poczet polskich królowych, księżnych i metres. Szczecin, 1990. S. 33-34; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001. С. 580-582.

А.В.Назаренко показал, что брак Болеслава II с дочерью Святослава Ярославича был маловероятен из-за близкородственности супругов. Однако в истории бывали и более близкородственные браки. По нашему мнению, ключевыми здесь являются описания отца Вышеславы, данные Я. Длугошем, а также имя её и её отца, данные тем же Я. Длугошем, И. Гюбнером и М.В.Ломоносовым. По словам А.В.Назаренко, «*это описание не подходит ни к одному из древнерусских князей того времени*»[216]. Однако и с точки зрения именования и с точки зрения Длугошева описания, всё полностью совпадает, если счесть Вышеславу дочерью Вышаты/Вышеслава/Вячеслава Остромирича. Здесь Длугошев «*князь Руси*» - это то же самое, что и наименование Володислава Константиновича в Венгрии после 1214 года «Володиславом *Русским*». «Единственность» дочери у отца может говорить о том, что она осталась единственным ребёнком Вышаты от первого брака, поскольку её братья были арестованы и увезены в Киев в 1067 г., и вплоть до осени 1068 г., т.е. до вокняжения Всеслава Полоцкого, отец мог ничего не знать об их судьбе. Это допущение позволяет нам сузить хронологические границы бракосочетания Вышеславы с Болеславом II: не ранее весны 1067 г. (арест Ярославичами на Волыни братьев Вышатичей) и не позже осени 1068 г. (когда после взятия Всеславом Киева о судьбе Вышатичей стало известно). Был ли польский брак самого Вышаты Остромирича заключён одновременно с браком дочери или ранее (что вероятнее), утверждать затруднительно.

О том, где мог обретаться Вышата Остромирич после февраля 1067 г. можно лишь гадать. Однако можно думать, что его судьба не была слишком тяжёлой, хотя бы потому, что мы рассматриваем Иванко Вячеславича в качестве его сына. То есть Вышата основал ветку галицких Нискиничей, что может означать в том числе и то, что он не эмигрировал из Руси. По нашему мнению, именно он мог заключить иностранный брак, и Иванко Вячеславич родился у него от новой жены. Косвенно в пользу того, что это был именно польский брак, говорит то обстоятельство, что внук Вышаты носил имя Избыгнева, то есть фактически польское. В этом аспекте любопытно, что сын-бастард Владислава I Польского носил имя Збигнев (ок. 1070 – ок. 1113) и, воюя с отцом, сумел даже некоторое время занимать польский трон [1102-1107].

На основании нашего предположения о новом браке Вышаты и основании им династии галицких Нискиничей, срок жизни Вышаты можно продлить как минимум до 1070/1080-х гг. Теоретически его сын мог появиться на свет уже в 1060-х гг., либо в промежутке 1060-1080-х гг. Разумеется, Иванко Вячеславич мог быть не единственным ребёнком Вышаты от нового брака. Однако источники не дают нам никаких имён, могущих быть сопоставленными с Вышатой и Иванко.

---

[216] *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 581.

Возвращаясь к вопросу о месте пребывания Вышаты с новой семьёй, можно думать об их миграции между Тмутороканью и Волынью. В самом деле, после того как народное восстание в сентябре 1068 г. освободило Всеслава Полоцкого из тюремного заключения и он был провозглашён В.К. Киевским, ему присягнули все Ярославичи, кроме сбежавшего на Запад Изяслава I[217]. Собственно, и Б.А.Рыбаков (1908-2001), и В.А.Кучкин, и наши работы, утверждая это, исходили их анализа известных строк «Слова о полку Игореве»:

«*Всеслав князь людям судяше,*
князем грады рядяше,
а сам в ночь влъком рыскаше:
из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя,
Великому Хръсови влъком путь прерыскаше».

Факт признания власти Всеслава Всеволодом и Святославом Ярославичами вытекает, по мнению всех цитированных авторов, из первых двух строк настоящего отрывка поэмы. Однако отсюда может вытекать и нечто иное. В.Н.Татищев без лишних уточнений сообщал, что Ростиславичи имели княжение на Волыни уже в 1077 г. Под этим годом у него говорилось: «*Изяслав* (Изяслав I – *В.Т.*)*, уведав о смерти брата Святослава* (умер 27 декабря 1076 г. – *В.Т.*)*, вскоре выпрося у поляк войска, которому и Ростиславичи обесчали в помочь их полки прислать, и тако собрався, пошёл к Киеву* (Всеволод I уступил княжение в Киеве Изяславу I 15 июля 1077 г. – *В.Т.*)»[218].

По этому поводу О.М.Рапов писал: «*Вполне вероятно, что уже в 1077 г. Ростиславичи во главе с Рюриком имели владения на западном порубежье Руси и пытались войти в соглашение с Изяславом Ярославичем и поляками, чтобы с их помощью расширить свои владения*»[219]. Надо, конечно, подчеркнуть, что в цитированных словах В.Н.Татищева нет ни малейшего намёка на то, что Ростиславичи желали или пытались расширять свои владения. Напротив, главное в этих словах заключается в том, что Ростиславичи имели какое-то княжение ещё при Святославе I Ярославиче [1073-1076]. Никакими другими источниками информация В.Н.Татищева не подтверждается. Однако если ей доверять, то надо говорить, что либо судьбой Ростиславичей распорядился Святослав I, либо Всеслав Полоцкий. Первый вариант невозможен, поскольку князем Волынским Святослав I поставил своего сына – Олега [1073-1077]. В таком случае остаётся лишь один вариант: в числе тех князей, которым

---

[217] *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 305; *Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11; *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 262-269; *Он же.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 111-114.

[218] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 92.

[219] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 70.

Всеслав Полоцкий «грады рядяше», были и Ростиславичи. Если так, то Рюрик Ростиславич должен был вторично стать князем Волынским осенью 1068 г.

Вполне вероятно, что и Вышата Остромирич в это время вновь оказался на Волыни, тем более что братья Ростиславичи были ещё очень юны и нуждались в опекуне. Стоит обратить внимание на последние три строки цитированного нами отрывка «Слова о полку Игореве». Ещё Б.А.Рыбаков показал, что в них зашифрован военный поход Всеслава Киевского на Тмуторокань осенью 1068 г.[220] В частности, он обратил внимание, что после того как в год правления Всеслава Святослав Ярославич пленил половецкого хана Шарукана, вплоть до 1078 г. Русь перестают беспокоить половецкие набеги. Учитывая, что накануне сентябрьского восстания 1068 г. половцы стояли почти под Киевом и вдруг ушли после вокняжения Всеслава, а также, что у Полоцка были какие-то связи в Половецкой земле до начала XII в.[221], мы допускали, что Всеслав заключил мир со Степью, быть может, в обмен на освобождение Шарукана, который и производил новые набеги на Русь в 1078-1107 гг.[222] Впрочем, «Слово о полку Игореве» сообщает нам не о половцах, а исключительно о походе на Тмуторокань. Учитывая, что «Слово» писали Нискиничи, они вполне могли таким художественным приёмом показать поход Всеслава осенью 1068 г. на Тмуторокань с целью освобождения Вышаты Остромирича.

Вновь возвращаясь к словам В.Н.Татищева о некоем княжении Ростиславичей в 1076-1077 годах, стоит задаться вопросом: могло бы сохраниться это княжение после возвращения Изяславом I Киева в мае 1069 г.? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Коль скоро мы поверим В.Н.Татищеву, надо видеть, что воссоздавая Волынское княжество в 1078 г., Всеволод I отправлял туда троих Ростиславичей и Давыда Игоревича, сына Игоря Ярославича, как безудельных князей-нахлебников. Если допустить, что именно он упразднил их княжение, возникает вопрос, зачем он возобновил оное в 1084-1086 гг.? Следовательно, если поверить, что Ростиславичи имели княжение на рубеже 1076-1077 гг., они однозначно были лишены его в 1077 г. Ретроспективно распространяя эти наши выводы на ситуацию 1069 года, можно говорить о том же самом. Изяслав I не мог сохранить волынское княжение Ростиславичей хотя бы из мести за своё свержение.

Если мы можем предполагать, что в 1067-1068 гг. Вышата был в заточении в Тмуторокани, а в 1068-1069 гг. он вновь фактически управлял Волынским княжеством, то где он находился и чем занимался после мая 1069 г., неизвестно. Однако известно, что после гибели в августе 1079 г. Романа Святославича Тмутороканского, крымские

---

[220] *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. С. 95-96; *Он же.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 454-455, 470.
[221] *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 205.
[222] *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 263.

владения Руси переходят под прямое управление Киева. Всеволод I сажает в Тмуторокани своего посадника, Ратибора [1079-1081]. Если соглашаться как с польским браком самого Вышаты, так и с тем, что женой Болеслава II Польского была его дочь, можно думать, что как минимум до свержения Болеслава II (весна/лето 1079 г.) он мог обитать в Польше. В Тмуторокань он мог уехать в течение 1079/1081 гг., как показывают события первой половины 1080-х гг. в Тмуторокани и на Волыни.

В.Н.Татищев сообщал под 1081 годом: «*Давыд Игоревич, бывшей в Турове, согласясь с Володарем Ростиславичем перемышльским, пришед во Тмуторокань внезапно, посадника Всеволожа Ратибора маиа 18 поимали и Туторокань обладали*»[223]. О.М.Рапов замечал по этому поводу: «*Таким образом, согласно В.Н.Татищеву, Володарь в 1081 г. был перемышльским владетелем. Эти сведения не проверяются другими источниками… Что заставило Давыда и Володаря бежать на юг из своих городов – тоже не ясно. Возможно, что после смерти отца Ростиславичам была выделена на содержание Перемышльская волость, которую они считали для себя недостаточной и стремились расширить свои владения*»[224]. Как видно, в этом сообщении В.Н.Татищева путаница. Давыд стал владеть всей Волынью (и вместе с нею Туровом) только в 1085 г., а Володарь получил в удел Звенигород в 1084 г. Никаких данных о том, что Давыд владел Туровом, а Володарь – Перемышлем до 1081 г., нет. Поэтому в этом тексте В.Н.Татищева более поздняя информация поставлена не под свой год. Здесь можно лишь допускать, что Ростиславичи попытались поднять мятеж: Давыд Игоревич попытался захватить Туров, а Володарь Ростиславич – Перемышль. В результате провала, они бежали и в мае 1081 г. добежали до Тмутороканя, который взяли, что называется, с налёту. Однако надо понимать, что эта версия также ничем не может быть подтверждена. Единственная реальность, которая подтверждается иными источниками, заключается в том, что в мае 1081 г. Давыд и Володарь действительно захватили Тмуторокань и вокняжились там соправителями.

Они просидели в Тмуторокани около двух лет. В 1083 г. в Тмуторокани высадился ранее упомянутый нами бывший волынский князь Олег Святославич. Тмутороканские князья сдали город Олегу то ли без боя, то ли по предварительному соглашению и были тотчас им отпущены восвояси, а Олег стал последним в русской истории князем Тмутороканским [1083-1094]. А.Н.Слядзь указал, что факт того, что сразу по возвращении Давыда и Володаря из Тмуторокани, на Пасху 1084 г. происходит мятеж, и Ростиславичи захватывают Владимир-Волынский, вряд ли является простым совпадением; они получают там военную помощь либо даже действуют в прямой связке

[223] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 94.
[224] *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 70.

с Олегом Святославичем[225]. Представляется вполне справедливым наблюдение о связи сидения в Тмуторокани в 1081-1083 гг. и открытым выступлением Ростиславичей в 1084 г. Быть может, именно в Тмуторокани до 1083 г. находились потомки Вышаты Остромирича и/или он сам. Разумеется, доказать это допущение при нынешнем состоянии источников невозможно. Однако оправдать тмутороканское сидение Володаря Ростиславича можно только получением там не только прямой военной помощи, но и сношениями оттуда с нужными для возвращения себе власти силами.

Таким образом, по нашему мнению, Нискиничи, потомки Вышаты/Вышеслава/Вячеслава Остромирича, вернулись на Волынь вместе с Володарем Ростиславичем в 1083/1084 гг. и стояли у истоков возникновения в 1084 г. Перемышльского и Звенигородского княжеств. Иванко Вячеславич был в это время достаточно молод: ему могло быть не более 20 лет, но он в эти годы мог быть и совсем ребёнком. Поэтому вряд ли именно он помогал Володарю в Тмуторокани, а затем в 1084-1086 гг. на Волыни. Поскольку Порей Остромирич погиб в 1078 году, а о судьбе Вышаты Остромирича ничего не сообщается, «по летописному умолчанию» это может косвенно говорить о том, что в ходе волынских событий 1080-х гг. он был ещё жив. Его возраст – в 1084 г. ему должно было быть около 60 лет – ему вполне позволял вести в эти годы активную жизнь. Доказать этого, разумеется, невозможно. Однако, как мы уже говорили в нашей предыдущей работе, при выборе между чем-то заведомо невозможным и условно возможным, следует выбирать второе. В нашем случае, если принять все наши построения, появляется возможность некоторым образом объяснить ряд достаточно тёмных и неясных событий отечественной истории. В противном случае всё остаётся по-прежнему, и то, что было неясно, непонятно или неизвестно, так и останется таковым. В любом случае мы не полагаем наше исследование, что называется, «истиной в последней инстанции», а напротив, рассматриваем его вполне дискуссионной попыткой построения дополнительного ответвления генеалогического древа рода Нискиничей и объяснения на фоне этого некоторых исторических вопросов.

Следует также заметить, что, помимо Польши, местом пребывания Вышаты Остромирича и его семьи до 1079 г. могла быть и Венгрия. Равновероятными могут быть предположения о польском и о венгерском браке Вышаты. Вместе с тем можно допустить, что с Венгрией род Нискиничей могли связывать более давние связи, нежели сиюминутный политический брак, заключённый около рубежа 1050/1060-х гг. Действительно, если полагать, что покровителем Волыни до декабря 1063 г. был Бела I, то уже с апреля 1064 г. руки у противной его союзникам венгерской партии были развязаны. Польский брак Вышеславы состоялся уже после захвата Волыни

[225] *Слядзь А.Н.* Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII века). СПб., 2014. С. 140-141.

Ярославичами. Можно лишь гипотетически допускать связи Нискиничей с Нитранским княжеством вообще и с князем Гезой. Однако можно привлечь данные, которые могут показать также и прямое родство Нискиничей с любыми Арпадами в XI в., что и могло стать причиной задержки Ярославичей с их волынским походом после смерти Белы I.

Речь идёт о следующем. Венгерский князь Такшонь [955-972] впервые в венгерской истории оставил свой титул и трон своему сыну, т.е. пошёл против практиковавшегося у венгров, как и у всех кочевников, «лествичного престолонаследования». При этом у Такшоня, по официальным данным, известно о существовании двоих сыновей. Старшим и наследником был венгерский князь Геза [972-997]. Младшим был Михаль (ок. 960 – 997), который стал князем автономного Нитранского княжества [971/977 – 995/997][226]. Около 972 года Геза и Михаль приняли католическое крещение из рук папского эмиссара. Языческим именем Михаля, которое официально считается неизвестным, было, видимо, имя *Бела*, поскольку именно это имя становится родовым для его потомков[227]. Между братьями, как считается, никогда не было противоречий[228]. По этой причине Геза и поставил его Нитранским князем: именно Михалю удалось полностью подавить продолжавшееся здесь с 910/920-х гг. славянское сопротивление[229]. Несмотря на видимое отсутствие противоречий, около 995/997 гг. по приказу Гезы Михаиль был убит[230]. Однако сыну Михаля, Владиславу/Ладиславу/Ласло *Лысому* удалось наследовать Нитранское княжество [995/997, ок. 1001 – 1029/1039][231]. У Владислава был брат по имени Вазул (Василий) (ок. 976/978 – 1031/1037). Оба они после убийства отца вынуждены были бежать из Нитры, причём бежали они на Русь, к Владимиру I Святославичу [980-1015][232].

Попытка уничтожения Гезой семьи своего брата понятна. У самого Гезы был единственный наследник, Иштван I [997-1038], ставший первым венгерским королём. Остальными детьми Гезы были дочери: Юдита, выданная за будущего польского князя и короля Болеслава I [992-1025], Маргарита, выданная за будущего болгарского царя Гавриила-Радомира [1014-1015], Жизель, выданная за будущего венецианского дожа Оттона Орсеоло [1009-1026], Шарлотта, выданная отцом за одного из его вельмож, Шамуэля Аба, которого он возвёл в сан «палатина» (вице-короля). После того как Иштван I пережил обоих своих сыновей и умер бездетным, муж его сестры и сын другой сестры – короли Пётр Орсеоло [1038-1041, 1044-1046] и Шамуэль Аба [1041-

---

[226] *Steinhübel J.* The Duchy of Nitra // Slovakia in History. Cambridge, 2011. P. 19-20.
[227] *Györffy G.* István király és műve. Budapest, 2000. P. 98.
[228] Ibid. P. 96.
[229] *Lukačka J.* The beginnings of the nobility in Slovakia // Slovakia in History. Cambridge, 2011. P. 32.
[230] *Steinhübel J.* Op. cit. P. 19; *Lukačka J.* Op. cit. P. 33.
[231] *Segeš V.* Nitra Appanage Duchy // Slovak history: chronology & lexicon. Bratislava, 2002. P. 278.
[232] *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo: počiatky stredovekého Slovenska: rozprávanie o dejinách nášho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12 storočia. Bratislava, 2004. S. 200-205.

1044] – воевали за венгерский престол. Вместе с тем, пока ещё было неизвестно, как повернётся судьба потомства Иштвана, Геза решил разгромить семью Михаля, имевшего сразу двух сыновей, теоретически могущих оспаривать в будущем венгерский трон.

Насмешкой судьбы в данном случае следует признать, что именно сын Михаля продолжил в Венгрии династию Арпадов. Большинство венгерских хроник указывает, что Владислав *Лысый* имел троих сыновей, Андраша, Белу и Левента; именно они затем и стали венгерскими королями Андрашем I [1046-1060] и Белой I [1060-1063][233]. Однако две средневековых хроники (в противовес как минимум четырём) говорят о том, что точное имя их отца неизвестно, но вероятно им был Вазул[234]. На основании этого, ряд современных авторов предлагают доверять этим двумя хроникам в противовес прочим[235].

При этом судьба Владислава *Лысого* остаётся истории неизвестной. Он либо умер между 1029 и 1039 гг., либо был покорён Иштваном I в эти же годы и уморен затем. Кроме того, по некоторым данным Нитранское княжество с ок. 1001 г. стало независимым от Венгрии, либо вошло под польский протекторат, либо вошло под польский протекторат только в 1018 г., либо вообще никогда под польский протекторат не входило. Судьба Вазула известна больше: между 1031 и 1037 гг. люди Иштвана I убили его путём ослепления и заливания в уши расплавленного свинца.

По нашему мнению, большинство венгерских хроник, свидетельствующих о том, что королевский дом Арпадом продолжился именно от детей Владислава *Лысого*, справедливы. Убедиться в этом позволяет информация о браках Михаля и братьев Михалевичей. Исключительно на основании «болгарского произношения» имени *Вазул* гипотетически предполагается, что женой Михаля была болгарыня из рода Комитопулов[236]. Доказательств тому нет никаких, однако в отсутствие иных версий, «болгарская версия» считается сейчас общепринятой. Однако, почему «болгарское произношение» имени *Вазул* должно доминировать над «славянским произношением» имени *Владислав*? С не меньшей степенью вероятности можно говорить о том, что матерью обоих братьев была местная славянка. Косвенное подтверждение тому мы находим в указании на то, что именно Михалю удалось успокоить славянское сопротивление Нитры, продолжавшееся всё время после уничтожения мадьярами Моравского государства. Известное славянское восстание против варяжской династии, обозначенное в русских летописях под видом восстания древлян в 944-945 гг., было усмирено княгиней Ольгой [944/945 – 969] сначала военной силой, а затем женитьбой

---

[233] *Kristó G., Makk F.* Az Árpád-ház uralkodói. Budapest, 1996. P. 68.
[234] *Györffy G.* Op. cit. P. 378.
[235] *Györffy G.* Op. cit.; *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo.
[236] *Györffy G.* King Saint Stephen of Hungary. New York, 1994. P. 71-72.

сына Святослава Игоревича на дочери последнего древлянского князя, волею судьбы ставшей родоначальницей всех последующих Рюриковичей[237]. Вполне возможно, что усмирение полувекового непрерывного сопротивления мадьярам на землях Нитранского княжества было осуществлено Михалем таким же способом, т.е. породнением его с представительницей местного знатного славянского рода. Имя его старшего сына – исключительно славянское – свидетельствует в пользу нашего допущения.

Не менее интересными являются и браки обоих сыновей Михаля. В случае с Вазулом у исследователей, полностью доверяющим в этом случае сообщениям старых хроник, особенных вопросов не возникает. В настоящее время общепринятым считается, что жена Вазула происходила из венгерского рода *Tátony*[238]. В противоположность этому, информация о супруге Владислава *Лысого* оказывается весьма знаменательной в свете наших исследований. По данным старых хроник, во время пребывания Владислава у Владимира I Русского, т.е. около 995/997…1001 гг., он женился на некоей русской княжне. Хроника говорит об этом весьма лаконично: «*Некоторые утверждают, что эти три брата были сыновьями герцога Вазула от некоей девицы из рода Татун, а не от истинного брака, и что из-за этой связи их знатность происходит от Татун. Это определённо ложь и очень плохое предание. Они знатны и без того, так как являются сыновьями Ладислава Лысого, который, говорят, взял жену из Руси, от неё и родились эти три брата*»[239]. На основании этого сообщения, казалось бы, нельзя сделать далекоидущих выводов. Однако ещё В.Н.Татищев ухватился за одно из гипотетических имён якобы дочери Владимира I в поздних летописях – *Премиславы* – и назвал её супругой Владислава. Эту идею подхватил Н.А.Баумгартен, который счёл невозможным, чтобы крупный венгерский герцог мог жениться на Руси на особе неизвестного происхождения; также он исходил того, что на рубеже 990-х/1000-х гг. никакие источники не сообщают ни о каких князьях на Руси, кроме Владимира I и его детей[240]. Эта точка зрения разделяется рядом современных венгерских авторов[241]. К настоящему времени, в отсутствие иных версий, эта версия остаётся общепринятой и включается во все генеалогические справочники.

Против этой версии выступал А.В.Назаренко, полагая, что будущие короли были детьми Вазула от наложницы, т.е. бастардами. Однако он же обращал внимание, хотя и

---

[237] *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 81-95.
[238] *Swoboda W.* Andrzej I // Słownik Starożytności Słowiańskich. 1986. T. 7. Cz. 2. S. 361.
[239] Chronici Hungarici composition saeculi XIV, cap. 87 // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque ex stripe Arpadiana gestarum. Budapest, 1937. T. 1. P. 344; The Hungarian illuminated chronicle: chronica de gestis Hungarorum / Ed. by D. Dercsényi. New York, 1970. P. 113.
[240] *Baumgarten N.* Op. cit. P. Table I. N 17.
[241] *Kristó G., Makk F.* Op. cit. P. 33; *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. S. 220-227.

не мог этого объяснить, что умерший раньше отца сын Иштвана I Имре (1000/1007-1031) носил титул *dux Ruizorum*, т.е. *герцог Руси*[242].

Разумеется, вопрос о происхождении супруги Владислава *Лысого* был дискуссионным и останется таковым даже после предложения нашей версии. Мы не склонны соглашаться с позднейшими трактовками супруги Владислава в качестве дочери Владимира I. Это трудно принять хотя бы потому, что нигде в источниках не сохранилось информации о такой его дочери, а тем более об её венгерском браке. Вместе с тем титул королевича Имре однозначно свидетельствует о том, что он имел какие-то связи с Русью. Этот факт говорит о том, что русский брак Владислава *Лысого* имел место. Вероятно, именно благодаря этому браку Владислав получил необходимую ему помощью для возвращения власти в Нитранском княжестве. Во всяком случае, одна из основных версий о том, что он, женившись на Руси, отправился затем в Польшу и получил помощь там, по меньшей мере непонятна. Если он женился на женщине из знатного рода на Руси, почему он не получил помощи? Если он заранее знал, что помощи не будет, зачем он женился? Видимо, после возвращения себе Нитры, Владислав действительно стал если не юридически, то фактически независимым от Иштвана I. Поэтому последний, судя по всему, пошёл на замирение как с ним, так и с новыми родственниками из Руси. Свидетельством такого замирения является *русский титул* королевича Имре. Владислав *Лысый* был родным дядей Имре, следовательно его супруга стала ему неродной тёткой. Фактически, такое родство можно смело именовать «седьмой водой на киселе», поскольку кровная связь в данном случае отсутствует. Однако, по-видимому, такого родства хватило, чтобы сделать Имре *русским герцогом*.

Отоголоском этих событий и замирения всех сторон следует, по-видимому, признавать лаконичное сообщение русских летописей, помещённое под 997 годом, о том, что Владимир I «*жил в мире*» с окрестными правителями, в частности «*со Стефаном Угорским*»[243].

Интересно, кстати, увидеть разительный контраст с провозглашением Андрашем II себя в 1206 г. «королём Галиции и Лодомерии». В этом случае венгерский король объявлял себя сувереном сразу двух русских земель. В случае же с королевичем Имре, именно королевич признавал себя вассалом правителя Руси[244]. Как минимум в этом

---

[242] *Назаренко А.В.* Рюриковичи и Арпады в XI-XII веках // Россия и Венгрия на перекрёстках европейской истории: альманах. 2014. Вып. 1. С. 54.

[243] Ипатьевская летопись. С. 111.

[244] Для объяснения титула королевича Имре в разное время выдвигалось несколько версий. См. обзор этих версий: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 103-111. Почти все они привязывались к тому, что на территории Венгерского королевства было место компактного расселения русского населения, т.н. «Русская марка», над которой главенствовал Имре. Суть этих версий кратко сводилась к следующему: 1) Это были восточные комитаты королевства (скорее всего, Бихар). 2) Это не венгерские владения, а часть либо всё Галицкое княжество. 3) Это какая-то

надо увидеть полное отсутствие какой-либо оппозиции Владимиру I на Руси и его полное всевластие. Весьма важно, что поскольку только Владимир I был единственным правителем на Руси, то никто другой не мог наделить Имре *русским титулом*. Однако если не признавать того, что Владимир I дал в жёны Владиславу свою дочь, возникает вопрос: кто обладал на Руси при Владимире I такой знатностью, чтобы при браке с его дочерью Владимир I наделил неродного племянника этой женщины титулом *герцога Руси*? Разумеется, можно выдвинуть предположение о том, что в это время на Руси могли оставаться какие-то родственники Владимира I по иным веткам Рюриковичей. Однако история не сохранила не только их имён, но даже и гипотетического факта существования таких родословных веток. Вместе с тем, мы уже дважды видели в отечественной истории подобный титул, причём прикладывающийся неизменно к представителям одного и того же знатного рода: 1) Володислав Константинович-«кормильчич», он же «Владислав *Русский*»; 2) Вышеслава Вячеславна, «*дочь князя Руси*». Поэтому можно полагать, что и титул Имре, по аналогии с двумя последующими, должен иметь такое же приложение. В таком случае его следует прилагать только к одному роду на Руси – к роду Нискиничей, которые обладали генеалогическим старшинством перед Рюриковичами (как происходящие от младшей сестры Добрыни Нискинича). Кроме того, поскольку Нискиничей нужно рассматривать как минимум в качестве наследственных правителей Древлянской земли с VI по X вв., их родовитость следует считать не менее знатной, нежели у Рюриковичей.

Таким образом, супругу Владислава *Лысого* можно считать двоюродной сестрой Владимира I, дочерью Добрыни Нискинича, либо двоюродной племянницей Владимира I, дочерью Константина Добрынича. Последнее, на наш взгляд, вернее, поскольку самый старший из троих сыновей Владислава – Левент – родился, как считается, между 1010 и 1015 годами. Принятие нашей версии объясняет *русский титул* королевича Имре. Если все венгерские короли после 1046 г. являлись родственниками Нискиничей, то это объясняет тот факт, что Ярославичи очень долго медлили с нападением на Волынь, боясь реакции, которая может последовать с венгерской стороны. Наконец, это во многом объясняет взаимоотношения Володислава Константиновича и Андраша II.

местность на венгеро-польской границе, которую получил Имре после своей женитьбы на дочери польского короля. 4) Это древняя территория ругов между Савой и Дунаем, или на землях будущей Австрии, или на верхнем Дунае. 5) Без привязки к территории полагалось, что Имре командовал отрядом русов/варягов-наёмников. Автор этого обзора отвергал все «территориальные» концепции, что, с нашей точки зрения, вполне справедливо, но склонялся к идее руководства Имре наёмниками. Несмотря на то, что на территории Венгрии действительно есть ряд археологических находок скандинавского вооружения, это может быть только доказательством *присутствия* варягов. Однако доказывать, что именно это присутствие стало причиной появления у Имре соответствующего титула, оснований нет. Поэтому мы полагаем нашу гипотезу как минимум равнозначной всем предыдущим и в первом приближении достаточно аргументированной.

Действительно, если считать поколения от Добрыни Нискинича до галицкого боярина Володислава Константиновича, а равно от Малы (жены Святослава I [969-972]) до Андраша II, то боярин Володислав и Андраш II являлись восьмиюродными братьями. Если считать поколения от Вышаты Остромирича до Володислава Константиновича, а равно от Завида Остромирича до Андраша II, то Володислав и Андраш II являлись пятиюродными братьями. Вышата Остромирич в схеме этого родства был двоюродным братом Белы I. Если считать поколения от Остромира Константиновича до Володислава Константиновича вместе с линией от Завида Остромирича до Андраша II, то Володислав и Андраш II также были пятиюродными братьями. В этом же случае, Геза II приходился своей жене Евфросинье (из Нискиничей, дочери Мстислава I) шестиюродным племянником.

В выявляемой тесной связи Нитранского княжества с Русью вообще и с родом Нискиничей в частности следует усмотреть ряд тем, нуждающихся в дополнительной проработке. Во-первых, как бы те или иные авторы ни писали о взаимоотношениях Владислава *Лысого* с Польшей, все они сходятся в том, что как минимум в 1018 году временное занятие Нитры польскими войсками имело место. По нашему мнению, здесь можно увидеть корреляцию с польской интервенцией на Русь именно в этом году. Во-вторых, нужно, как представляется, провести прочную связь между: 1) Нитрой, как важной составной частью Моравского государства (до 910/920-х гг.); 2) Нитрой, которая после полувекового сопротивления венграм, вдруг покоряется им в 970-х гг. и перестаёт сопротивляться; 3) вероятным славянским браком Михаля Нитранского; 4) славянским именем его сына (Владислава *Лысого*), именем вероятного предпоследнего князя Древлянского (Володислава 944 года), дальнейшим использованием этого имени у Нискиничей (Володислава Константиновича-«кормильчича»), русским браком Владислава *Лысого* на дочери, судя по всему, Константина Добрынича; 5) глухими сообщениями о том, что Русь якобы была какое-то время в составе Моравского государства[245]; 6) известиями из западнославянских

[245] У Мартина Бельского (ок. 1495 – 1575) указывается, что Сватоплук I Моравский [870-871, 871-894] (ок. 867-870 гг. был Нитранским князем) «держал русские земли». Эней Сильвио Пикколомини (папа Пий II (1405-1464)) называл среди подданных Сватоплука I «руссанов». Вацлав Гайк (ум. 1553) писал, что «Руссия» прежде входила в состав Моравии. Разумеется, этим поздним данным не следует доверять в полной мере: это сродни тем псевдо-данным А.Олеария о «халдеях», сжигавших на улицах возы сена у мужиков, которые только радовались этому. Поэтому те или иные авторы пытались и пытаются говорить в этом случае или о Карпатской Руси, или о гипотетической «Дунайской Руси». В реальности надо говорить, что единое целое территории будущего Моравского и Русского государств составляли в эпоху Пражской культуры (V-VII вв.) и Лука-Райковецкой культуры (VII-VIII вв.). Возможно, что отголоски именно этого сосуществования и отразились в сильно искажённом виде в приведённых легендах. По-видимому, оно же привело к сильным археологическим корреляциям в моравской и русской культурах IX-X веков. О последнем см., напр.: *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и

источниках о бегстве сына Олега *Вещего* в Моравию и восстановление её независимости, а также о связях Олега Святославича, князя Древлянского [ок. 970-977], с Чехией и Моравией посредством бегства туда его сына и основании им там местного рода Жеротинов[246]. В качестве очень грубой рабочей гипотезы можно говорить о том, что скорее словацкие земли тяготели к Руси после краха Моравского государства[247]. Ещё одной рабочей гипотезой можно видеть предположение о том, что Михаль Нитранский мог жениться на дочери местного славянского вождя, каковой вождь вполне мог представлять собой одной из генеалогических ответвлений общего рода Нискиничей (об этом косвенно могут свидетельствовать имена *Володислав* у сына Михаля и в роду Нискиничей).

6. Финальный этап галицких Нискиничей

В настоящем параграфе следует высказать ряд соображений о непосредственных потомках галицкого боярина Володислава Константиновича и ближайших родственниках галицких Нискиничей.

Помимо Константина и Святополка, боярин Жирослав Иванкович имел ещё одного сына. 30 мая 1171 г. умер неоднократно упоминаемый нами в настоящей работе В.К. Киевский Владимир Мстиславич [март – май 1171]. Его старший сын, Мстислав Владимирович (ум. после 1203), унаследовал родовое владение отца, став князем Дорогобужским [1171-1173], Трепольским [1173 – после 1183], Каневским [1194-1203]. Под 1180 г. Ипатьевская летопись называет его боярином-воеводой Сдеслава (Здеслава) Жирославича, который возглавлял полк своего князя, пришедший из Треполя, для сражения с половцами[248]. Вторично это боярин упоминается под 1193 г., когда он служил уже Мстиславу Мстиславичу *Удатному*, князю Трепольскому [1193-1203], Торчесскому [1203-1206, 1226-1228], Торопецкому [1206-1213], Новгородскому [1209-1215, 1216-1217], Галицкому [1215, 1219, 1221-1226]. В 1193 г. он вместе со своим

Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978; *Ширинский С.С.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Там же.

[246] См., напр.: *Флоровский А.В.* Русское летописание и Я.А.Коменский // Летописи и хроники. М., 1974.

[247] Разумеется, это нуждается в серьёзном обосновании. Однако уже сейчас подкрепить эту посылку могут данные о том, что в IX-XI вв., т.е. задолго до окончательного включения в орбиту Киева, вся Древлянская земля и Дреговичская земля (Пинская), а также Волынь (Туровская земля) составляли единое административное целое. См.: *Милютенко Н.И* Древлянская земля в IX-XI вв. (по летописным источникам) // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993. Тем самым, административные границы Древлянского государства к моменту краха Моравского государства смыкались с границами последнего. Учитывая, что границы тогдашней Польши были ещё очень далеко от территории совр. Словакии, ориентация нитранских славян на ближайшее к ним крупное славянское государство более чем вероятна.

[248] Ипатьевская летопись. С. 621.

князем также ведёт полки против половцев[249]. Причём в статье 1193 г. указывается, что князь Мстислав пошёл с боярином Здеславом, «*мужем своим*», т.е. он указан здесь старшим боярином.

В том, что Здеслав Жирославич был старшим боярином при Мстиславе *Удатном*, сопровождавшем его на такую же авантюрную вылазку против половцев, какую предпринимал Игорь Новгород-Северский в 1185 г., не сомневались и другие авторы[250]. В том же, что один и тот же боярин упоминался в обеих летописных статьях, 1180 и 1193 гг., не сомневался ещё С.М.Соловьёв[251]. Интересно также, что в отношении Здеслава Жирославича предполагалось его новгородское происхождение; это ни на чём ином не основывалось, иначе как на частом бытовании в Новгороде имени *Жирослав*[252].

Впрочем, допущение о связи Здеслава с Новгородом сближает его с новгородскими Нискиничами. Но на самом деле его следует сближать с веткой галицких Нискиничей. Он несомненно являлся младшим сыном ушедшего после 1145 г. в Суздаль Жирослава Иванковича. Общепринятой, к сожалению, является ошибочное отождествление Здеслава с боярами Нажиром Переяславичем (1162) и его сыном Жирославом Нажировичем (1160): он считается внуком Нажира[253]. В действительности рассматривать внуком Нажира можно другого боярина – Сбыслава Жирославича (1171). Принадлежность боярина Здеслава к роду Нискиничей устанавливается не только из отчества. Налицо его политическая ориентация. Во-первых, боярин Здеслав в 1180 г. служил при том князе, дядькой отца которого был Рагуил Добрынич, который начинал и при Мстиславе Владимировиче. Кстати, определение боярина Здеслава принадлежащим к роду Нискиничей, позволяет точнее определить временной интервал ухода Рагуила Добрынича в Новгород-Северск. Так, если раньше мы полагали, что его уход состоялся после потери Мстиславом Владимировичем трепольского княжения, т.е. после 1183 г.[254], то теперь можно говорить, что это произошло в 1170-х гг. Во-вторых, Мстислав *Удатный* был сыном Мстислава Ростиславича *Храброго*, князя Белгородского [1161-1163, 1167-1171], Смоленского [1175-1177], Новгородского [1179-1180]. Именно смоленских Ростиславичей активно поддерживали в 1159-1187 гг. новгородские Нискиничи[255]. Здеслава Жирославича можно гипотетически рассматривать в качестве дядьки-воспитателя Мстислава *Удатного*[256]. В качестве

---

[249] Ипатьевская летопись. С. 677.
[250] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 299.
[251] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 609.
[252] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 299, 694.
[253] *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. С. 129.
[254] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 104.
[255] Там же. С. 56-58, 115.
[256] Можно обратить внимание на одно интересное совпадение, целиком понятное только нам, как автору настоящей работы. Как указывалось в предыдущих наших работах, наш собственный род,

времени рождения боярина Здеслава можно рассматривать широкий диапазон в пределах 1120/1140-х гг.

Прочие представители галицких Нискиничей отыскиваются почти только в Галицкой земле. Исключением можно полагать только Яволода Константиновича, следы которого, по нашему мнению, можно разыскать в Смоленске. Так, Новгородская четвёртая и Троицкая летописи помещают под 1216 годом обширный рассказ о Липицкой битве 1216 г., в которой смоленские князья и Новгород, ведомые Мстиславом *Удатным*, разгромили войска Всеволода III. В этих двух летописях указывается, что смоленским боярином Владимира Рюриковича, князя Переяславля-Киевского [1206-1213], Смоленского [1214-1219], Овручского [1219-1223, 1236-1239], В.К. Киевского [1223-1235, 1236], был Яволод, которого князь Владимир отправлял послом к своему союзнику Константину Всеволодовичу, князю Новгородскому [1205-1208], Ростовскому [1208-1216], В.К. [1216-1218], в Ростов[257].

Под нашему мнению, смоленским боярином Яволодом являлся прежний галицкий боярин Яволод Константинович-«кормильчич». Во-первых, налицо уникальное имя. Нигде более в летописях бояре не носили такого имени. Поэтому, если ещё в 1214 г. Яволод действовал в Галичине, а в 1216 г., спустя незначительный временной отрезок, какой-то Яволод появляется в Смоленске, есть все возможности для их отождествления. Во-вторых, резонно, что после свержения с галицкого трона в 1214 г. Володислава Константиновича, поражение потерпел не только он, но и весь клан галицких Нискиничей. Ранее мы допускали, что, помимо самого Володислава, в Венгрии могли оказаться и его братья. Летописная статья 1216 г. даёт нам право убедиться в том, что в результате событий 1214 г. в среде галицких Нискиничей произошёл некий раскол. Володислав Константинович, которому, напомним, было около 60 лет, что считалось в то время весьма преклонным возрастом, согласился на уход в Венгрию и добровольно прожил там ещё около 18 лет местным магнатом баронского ранга. Однако его младший брат, возраст которого в 1214 г. должен был бы колебаться в районе 50-60 лет, либо оказался венграм не нужен (хотя он тоже был пятиюродным братом Андраша II),

---

Таланиных, происходит от одной из веток новгородских Нискиничей, трансформировавшейся в род Малышевичей (XII-XIII вв.), затем Мишиничей-Онцифоровичей-Григорьевичей (XIII-XVI вв.), Таланиных и др. (с XVI в. до настоящего времени; см. Введение к настоящей работе). В частности, наше исследование показало, что прозвище «*Талан*», давшее начало нашей фамилии, означало в севернорусских диалектах «Удача, Счастье, Везение». Весьма любопытно, что – в переносном смысле, разумеется, – первым в истории *Таланиным* следует назвать Мстислава *Удатного*. Его прозвище целиком тождественно именованию *Таланин*. В самом деле, В.И.Даль (1801-1872) ясно указывал, что *таланный, таланливый* тождественно *удатный* и *счастливый*; *удачник* же целиком тождественно понятию *таланник*. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 2001. С. 220, 283.

[257] Троицкая летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. Ч. 2. С. 212; Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 1. С. 187.

либо добровольно сбежал от их милостей. Тот факт, что он эмигрировал в Смоленск, целиком понятен. Во-первых, его причастность к политике, ведомой Мстиславом *Удатным*, означает его ориентацию на смоленских Рюриковичей и поддерживавших их новгородских Нискиничей. Во-вторых, в 1186 г. в Новгороде произошёл серьёзный переворот. В ходе переворота старшая ветвь новгородских Нискиничей в лице посадника Завида Неверонича [1175-1176, 1177-1180, 1184-1186] была отстранена от власти, а посадничий брат – Гавриил Неверонич – и вовсе был убит; свергнутый посадник Завид бежал в Смоленск и навсегда перестал фигурировать на летописных страницах[258]. После этого старшая ветвь новгородских Нискиничей была отстранена от руководства Новгородом до 1215 г. Таким образом, с учётом этих данных, появление галицкого беглеца Яволода именно в Смоленске не выглядит чем-то необычным не только с точки зрения политической обстановки. Он ушёл в Смоленск, где уже находилась к тому времени семья бывшего новгородского посадника Завида Неверонича или его потомки (если этот боярин к тому времени уже умер). То есть Яволод уходил в Смоленск к собственному родственнику. Этот факт следует признать серьёзным подтверждением факта принадлежности галицких «кормильчичей» к роду Нискиничей.

Если анализ летописных и иных данных 1214-1218 гг., как наш собственный, так и с учётом результатов иных исследователей, позволяет установить хотя бы в общих чертах судьбы Володислава и Яволода, то судьба третьего брата «кормильчича» – Ярополка – остаётся неизвестной. В летописях нигде не сообщается о боярине с таким именем. Однако мы полагаем, что он был тем из трёх братьев, кто должен был остаться в Галицкой земле. Доказать этого невозможно. Больше того: это допущение нельзя подкрепить даже и логическими выводами. Однако мы полагаем, что Ярополк Константинович остался жив после 1214 г., как остались живыми и оба его брата. Кроме того, поскольку в 1220-х гг. летописи фиксируют существование сына Володислава Константиновича, то можно допустить, что его родной дядя остался с ним в качестве некоего советника и помощника.

Сын Володислава фигурирует в летописи лишь единожды: под 1223 годом накануне Калкской битвы с монголами. Сбор русских отрядов для участия в схватке с монголами был намечен у острова напротив устья р. Трубеж (сейчас затоплен Каневским водохранилищем; в 10 км от совр. г. Трахтемиров Черкасской обл.). К сожалению для исхода грядущей битвы, дружина каждого военачальника подчинялась только ему, общего командования не было. Помимо официальных войск Галича и Владимира-Волынского, ведомых Мстиславом *Удатным* и Даниилом Романовичем, тогда князем Волынским [1215-1229, 1231-1233, 1235-1238], в Калкской битве принимало участие

[258] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 58.

ещё одно галицкое войско, о котором говорится особо. Летопись говорит, что «галицкие выгонцы» спустились по Днестру в Чёрное море, оттуда зашли в устье Днепра и поднялись по Днепру к южной оконечности о. Хортица[259]. Их вели собственные военачальники *Юрий Домамерич* (Домамелреч, Домажирич) и *Держикрай Володиславич*. Их войско было очень большим: летописью указывается 1000 лодий, из которых высадилось очень много стрелков и пешцев. Уже прибывшие сюда же ранее князья дивились числу этого войска, причём, что специально подчёркивается летописью, Даниил Романович специально приехал посмотреть на это войско. Армия «галицких выгонцев» присоединилась к галицким отрядам Мстислава *Удатного*. Битва завершилась, как известно, сокрушительным поражением русских войск: причём первыми были разбиты именно галичане и Мстислав *Удатный*, поскольку их отряды составляли авангард. Однако в числе погибших не назывались ни Юрий Домажирич, ни Держикрай Володиславич. Мстислав *Удатный* и часть его дружины также уцелели. Однако если о Мстиславе дальнейшая информация, вплоть до его смерти в 1228 г., существует, то о предводителях «галицких выгонцев» никаких сведений больше никакие источники не предоставляют.

В своё время ещё В.В.Мавродин (1908-1987) указывал, что оба предводителя «галицких выгонцев» не были связаны ни с какими князьями: «*Они не были воеводами галицкого князя… Может быть, они сами были «выгонцами», а может быть и боярами, изгнанными из Галицком земли.. во время феодальных войн князей с боярами*»[260]. Затем А.В.Майоров указал: «*Выгонцами» или «выгнанцами» в Древней Руси называли тех, кто был изгнан из своей страны, т.е. людей, отторгнутых своей общиной, не являвшихся более её членами – галичанами в нашем случае… Галицкие «выгнанцы» оседали в Понизье (нижнее течение Днестра), вели активную торговлю и.. даже поставили собственные города – Плав, Кучелмин и др. В первой половине XIII в. они составляли уже весьма значительную часть населения Понизья и под именем «русских беглецов» были известны в Болгарии и Византии*»[261]. Далее он намекал, что имена предводителей «галицких выгонцев» позволяют видеть в них «*представителей тех самых опальных боярских фамилий, что бежали из Галича ещё при Романе Мстиславиче*»[262]. А.М.Петрик (1975-2016) в своих предположениях пошёл дальше осторожных намёков А.В.Майорова: «*Летописец неоднозначно намекает на горькую долю «выгонцев» - его* (Володислава Кормильчича – *В.Т.*) *детей. Возможно, что сыном или близким родичем боярина Володислава Кормильчича был воевода галицких «выгонцев» и противник князя Романа Мстиславича Держикрай Володиславич,*

[259] Ипатьевская летопись. С. 742.
[260] *Мавродин В.В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949. С. 84.
[261] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 446-447.
[262] Там же. С. 447.

участник битвы на Калке»[263]. В отличном обзоре о «галицких выгонцах» Р.А.Рабинович показал, что скорее всего «выгонцы» действительно были беглецами из Галичины, а Держикрай – сыном Володислава «кормильчича»[264]. Дополнительно было показано, что Юрий Домамирич/Домажирич был галицким воеводой и возглавлял галицкое ополчение, тогда как «галицких выгонцев» возглавлял только Держикрай[265].

Разумеется, летописи не говорят, что Держикрай был сыном Володислава Константиновича. Цитированные авторы, которые говорили об этом родстве, никак не аргументировали свои заключения, исходя, видимо, только из отчества Держикрая. Вместе с тем, эти авторы совершенно правы в своей догадке. Дело здесь даже не в политических пристрастиях Держикрая, вновь совпавших с политической линией Нискиничей[266]. Дело, по нашему мнению, прежде всего в имени этого боярина. Вне всякого сомнения, наименование *Держикрай* – это псевдоним. Реального имени сына Володислава Константиновича история не сохранила. Псевдоним этот довольно прозрачен. Фактически это калька с понятия «автократор». Действительно, если последний термин разлагается на *αὐτός* «сам» + *κρατέω* «властвовать», то *держи* соответствует «властвовать». Слово *Край* здесь намекает на регион, управляемый этим, по существу, *Самодержцем*. В данном случае речь идёт о Галичине. То есть, предводитель «галицких выгонцев» являлся лицом, псевдоним которого указывал на то, что именно он управляет своей землёй. Кто мог носить такой псевдоним? Никакому Рюриковичу он был не нужен, т.к. любой из них рассматривал себя властителем *a priori*. Славянское прозвище и отчество говорят, что перед нами не иноземец. Таким образом, не может быть никого, кто мог бы претендовать на такой псевдоним-титул, кроме законного наследника новой династии, основанной Володиславом Константиновичем. Тот же факт, что Держикрай Володиславич главенствовал над «выгонцами», только подтверждает ранее приведённую информацию о том, что все Рюриковичи ополчились на наследников Володислава. Андраш II и Лешек Краковский стали гарантами невозвращения на престол ни самого Володислава, ни его сына. Поэтому при жизни этих соседних с Галичем монархов наследник Володислава не мог

---

[263] *Петрик А.* Ідеологія галицького боярства. С. 50.

[264] *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А.* «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI - XIII вв. Кишинев, 2002. С. 132-200.

[265] *Юсупович А.* Галицкие «выгнаньцы» или «выгонци»? // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 119.

[266] После 1186 г. Нискиничи сумели прорваться к новгородскому посадничеству в лице Юрия Иванковича [1215-1216] только благодаря содействию Мстислава *Удатного*. Однако в 1216 г. Нискиничи утеряли посадничий пост на весьма длительный срок, вплоть до 1272 г. Вся старшая ветвь новгородских неревских бояр, - собственно Нискиничи, - в 1217 и 1219 гг. ушла вместе с Мстиславом *Удатным* в Галич. Младшая ветвь новгородских Нискиничей была известна уже как Малышевичи, а затем – Мишиничи-Онцифоровичи-Григорьевичи. См. об этом: *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 60-61, 63.

бы занять галицкий трон, а даже если бы он сумел это сделать, то был бы свергнут новой интервенцией.

В этих обстоятельствах Держикраю и его сторонникам можно было надеяться только на следующее. Во-первых, логично было бы им сделать ставку на какого-то из Рюриковичей, который хотя и не мог бы прямо помогать сыну Володислава, но помогал бы ему косвенно, в том числе и тем, что своим сидением на галицком престоле, сохранял бы таковой для самого Держикрая, ожидая благоприятного стечения обстоятельств. Во-вторых, наследнику Володислава нужно было собирать войска. Что касается последнего, то наличие у Держикрая мощной армии к 1223 году видно из приведённой нами летописной информации. По оценкам, приведённым в работе Р.А.Рабиновича, армия «галицких выгонцев», ведомая Держикраем, накануне Калкской битвы могла насчитывать около 10 тыс. чел., не считая, разумеется, тех, кто не вышел в этот поход. Тот факт, что галичане оказались в авангарде сражения, приняв на себя первый, самый мощный удар противника, привёл к гибели большей части войска «выгонцев». Не может быть сомнений в том, что в калкский поход вышла наиболее боеспособная часть «выгонцев». Её потеря должна была вновь отсрочить желание Держикрая вернуть себе галицкий трон. Никакие источники не упоминают о нём больше ничего, однако, как представляется, косвенные сведения о том, что он продолжал действовать в западнорусских землях вплоть до конца 1240-х гг. существуют.

Здесь надо вернуться к нашему постулированию того факта, что с точки зрения Держикрая и его ближайших сторонников (среди которых вполне мог быть и Ярополк Константинович, чего, однако, доказать невозможно), для сохранения престола за потомками Володислава был необходим галицкий князь-Рюрикович, готовый поддерживать местных Нискиничей. По нашему мнению, такого князя следует видеть в лице Мстислава *Удатного*. С одной стороны, он появился в Галицкой земле отнюдь не случайно. Он имел право претендовать на Галич на тех же правах, что и когда-то выдвигали Игоревичи Северские. Показано, что Мстислав *Удатный* родился между 1166 и 1173 гг., причём ближе к первой дате; его матерью была неизвестная по имени дочь (р. ок. 1150 – ум. ок. 1173) Ярослава Галицкого [1153-1187][267]. В своё время именно такую же степень родства с пресёкшимися галицкими Ростиславичами выдвигали для собственной легитимности Игоревичи Северские. В этом совпадении надо усматривать тот факт, что силы, стоявшие за приглашением в Галич Мстислава *Удатного* и Игоревичей Северских, были одинаковы. Разница была лишь в отсутствии Володислава после 1214 г. Но лицо, приглашавшее Мстислава, должно было быть

[267] *Лукомський Ю.В.* Загадкове жіноче поховання в Успенському соборі давнього Галича // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 310-321.

достаточно значительным, чтобы на приглашение откликнулся князь, который успешно возвращал к власти в Великом Новгороде местных Нискиничей. Надо сказать, что в последнем он весьма преуспел: Юрий Иванкович занял посадничий пост [1215-1216] ещё при Мстиславе в Новгороде. Кроме того, Мстислав *Удатный* в союзе с Нискиничами обеспечил последним более, пожалуй, важную новгородскую должность, нежели пост посадника. Один из представителей младшей ветки Нискиничей (Малышевичей) – Добрыня Ядрейкович, – постригшийся в монахи около рубежа 1208/1209 гг., был поставлен князем Мстиславом в новгородские архиепископы под именем Антония [1210-1218, 1226 – весна 1228, осень 1228 – май 1229][268]. Вполне вероятно, что именно из-за успехов по восстановлению у власти новгородских Нискиничей, Мстислав *Удатный* был приглашён галицкими Нискиничами. Вряд ли инициатива в этом приглашении исходила от Держикрая. Если продолжать считать, что уровень полноценного властителя, не нуждающегося в дополнительных авторитетных советниках, достигается около 30/35-летнего возраста, впервые упоминаемый летописью Держикрай, родился около рубежа 1180/1190-х гг. Можно думать, что в 1214/1215 гг. приглашать князя Мстислава должен был кто-то из старшего поколения. Вполне вероятно, что приглашение могло быть передано через Яволода Константиновича, ушедшего в Смоленск. Однако можно и полагать, что оно исходило от Ярополка Константиновича.

В первый раз Мстислав *Удатный* берёт Галич весной/летом 1215 г., изгоняя оттуда королевича Коломана. Как верно писал А.В.Майоров: «*Его вокняжение здесь стало возможным вследствие мощного движения галичан против правления венгерского королевича Коломана*»[269]. Однако он очень скоро ушёл из Галича обратно к Великому Новгороду, которому угрожал Всеволод III. Отстояв Новгород в Липицкой битве 1216 года, князь Мстислав принимает решение уйти в Галич окончательно. Кроме того, внезапно потерпела фиаско его попытка вернуть новгородских Нискиничей к полноценной власти: посадник Юрий Иванкович скомпрометировал себя ставкой на суздальцев в течение годичного отсутствия Мстислава *Удатного*. И хотя посадник был обманут суздальцами, обещавшими одно, а сделавшими обратное, по возвращении князя Мстислава, Юрий добровольно ушёл с посадничьего поста. Мы уже говорили, что в той борьбе, которую вынуждены были с 1090-х гг. вести новгородские Нискиничи с порождённой в качестве политического эксперимента Владимиром II *Мономахом* и Мстиславом I оппозицией против них, старшая ветвь новгородского рода потерпела поражение. Основное поражение произошло ещё в событиях 1186 г., когда посадник-неревлянин из Нискиничей бежал в Смоленск, а его брат был убит. Однако эти события

[268] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 63, 66.
[269] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 441.

не привели ещё к отказу старшей ветки новгородских Нискиничей от продолжения борьбы. Помимо того, что они сумели провести своего представителя на высший *de facto* властный пост (архиепископа), они на год вернули себе и посадничью должность. Интересно и то, что в самом начале XIII в. новгородские Нискиничи имели какие-то дипломатические сношения с Галичем.

Так, известно, что ещё до своего пострижения в монахи Добрыня Ядрейкович предпринял паломничество в Иерусалим. Уточнённые данные об этом путешествии Добрыни позволяют говорить о следующем[270]: 1) Добрыня прибыл в Галич к князю Роману Мстиславичу; 2) вместе с Романовым посольством в Константинополь, либо даже входя в состав этого посольства, Добрыня отправился в Византию, и уже в мае 1200 г. был в Царьграде; 3) он вернулся из Константинополя в Галич до взятия византийской столицы крестоносцами (13 апреля 1204 г.); 4) в Новгород Добрыня возвратился после смерти Романа Мстиславича (19 июня 1205 г.) и до рубежа 1208/1209 годов; 5) за время пребывания в Галиче по его заказу был написан Служебник, который затем Добрыня привёз в дар своему дяде Варлааму Хутынскому, первому игумену основанного им Хутынского монастыря [ок. 1180-х гг. – 1208/1209].

Интересно, что Роман Мстиславич недолгое время был князем Новгородским [1168-1170]. Прологом к его новгородскому княжению стал мятеж в 1167 году и убийство посадника и его родного брата: оба они были из неревских бояр-Нискиничей[271]. Князя Романа не было в городе, когда происходил этот переворот, князем его позвали силы, стоявшие за этим переворотом. Поэтому в цитируемой нами нашей же книге мы допустили, что к моменту прихода Добрыни Ядрейковича в Галич новгородские Нискиничи помирились с Романом Мстиславичем.

Так или иначе, в свете всего изложенного нами вызывает немалый интерес: почему Добрыня Ядрейкович пошёл в Константинополь именно через Галич? Только ли потому, что князь Роман имел личные сношения с императорской династией Комнинов, и попасть с регулярными посольствами в Царьград из Галича было проще всего? Или палестинское паломничество изначально не было главной целью Добрыни Ядрейковича? Учитывая, что в 1199 г. галицкие Нискиничи вынуждены были бежать из Галича, не было ли появление Добрыни в Галиче своеобразным новгородским посольством Нискиничей к князю Роману? Очень интересно, что Добрыня Ядрейкович продолжал находиться в Галиче всё время княжения Романа Мстиславича, до самой его гибели. Только ли потому, что он ожидал завершения изготовления Служебника? Вряд ли, хотя бы потому, что Служебник могли бы ему затем прислать. Последнее заставляет нас склоняться к мысли, что столь длительное пребывание Добрыни в Галиче, никак не

[270] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С.67.
[271] Там же. С. 57, 67.

зависящее от его палестинского паломничества, говорит о том, что он исполнял функции, подобные посольским. Во всяком случае, в 1199-1205 гг. именно галицкие Нискиничи, которые были враждебны Роману Мстиславичу более всех прочих местных бояр, никак не пострадали от княжеских репрессий. Таким образом, рассмотренный нами факт своеобразной посольской деятельности Добрыни Ядрейковича в Галиче позволяет с достаточной степенью уверенности повторить, что все ранее упомянутые нами отождествления галицких бояр с Нискиничами на основе тождественности их действий с действиями новгородских Нискиничей, справедливы.

Согласно летописям, Мстислав *Удатный* уходит из Новгорода в Галич в 1217 г. Вместе с ним в Галич уходит несколько новгородских бояр рода Нискиничей: бывший посадник Юрий Иванкович, дядя архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича) Сбыслав Степанич и некто Алексей Путилович[272]. Никто из них, согласно летописям, в дальнейшем в Новгород не возвратился. При этом Алексея Путиловича мы не полагаем неревским боярином, т.е. Нискиничем. Следует подчеркнуть: согласно летописи, два крупных неревских боярина-Нискинича уходят с князем в Галич добровольно. Кроме того, никого из них невозможно рассматривать в качестве княжеского дядьки-воспитателя. Надо, по-видимому, думать, что эти бояре стали для Мстислава *Удатного* заменителями Здеслава Жирославича, т.е. как минимум советниками и тем, кто согласовывал и направлял княжескую политику в русле, необходимом прежде всего роду Нискиничей. Этот факт тесной зависимости Мстислава *Удатного* от Нискиничей говорит о том, что наше предположение о том, что именно этот князь должен был попытаться обеспечить возвращение власти в Галиче Держикраю Володиславичу, оказывается верным.

Следует понимать, что галицких Нискиничей в самом Галиче уже не было. Во-первых, это понятно по той причине, что, как указывалось, все местные Рюриковичи ополчились против наследников Володислава Константиновича, и те попросту не могли бы удержаться в городе даже вне своего участия в политике. Во-вторых, на это прозрачно намекает летопись. Говорится, что «все галичане» теперь контролировались боярином Судиславом Бернатовичем. Он когда-то был союзником Володислава, а теперь стоял за Романовичей: он послал к Даниилу Романовичу, зовя его в Галич, но тот остерёгся[273]. Целиком понятно, что если бы Нискиничи вызвали в Галич Мстислава *Удатного*, находясь в самом Галиче, то именно они бы полностью контролировали местную общину.

Мстислав взял Галич вторично в 1217 году. За время своего второго галицкого княжения он успел предпринять один политический шаг: женить Даниила Романовича

[272] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 61; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 257.
[273] Ипатьевская летопись. С. 732.

на собственной дочери Анне. Как верно указывал Ю.В.Лукомский, только благодаря этому браку, от которого родились все известные дети Даниила, последний смог узаконить свои претензии на Галич[274]. Трудно сказать, кто был инициатором этого политического брака: сам Мстислав, сам Даниил, или Нискиничи. Казалось бы, последним это было совсем невыгодно, если полагать, что они стремились только к восстановлению на галицком троне Держикрая Володиславича. Однако, с другой стороны, они могли осознавать невозможность этого как минимум при жизни Андраша II Венгерского и Лешека Польского. Поэтому они могли пытаться предусмотреть дополнительные обстоятельства. В конечном счете, они могли рассчитывать на то, что с неугодным князем можно будет поступить также как некогда с Игоревичами Северскими.

Мстислав *Удатный* пребывал в Галиче недолго: венгры и поляки двинули против него свои армии, и князь бежал из города, куда вновь ввезли королевича Коломана. А.В.Майоров писал: «*Мы не ошибёмся, если причиной бегства князя сочтём нежелание галичан за него сражаться*»[275]. Это так, но тот же А.В.Майоров, говоря о троекратном взятии Мстиславом Галича в 1215, 1217 и 1221 гг., указывал: «*Во всё это время в происходящем ясно видна активная роль земских сил, городской общины, добивавшейся собственных политических интересов*»[276]. По нашему мнению, А.В.Майоров прав в обеих своих фразах. Если во вторую цитату вместо безликих «земских сил» мы поставим слово «Нискиничей», всё сразу становится на свои места. Галицкие Нискиничи были по-прежнему очень сильны, и Галич всё равно слушался их, даже находящихся в изгнании. Мы видели примеры, когда захватчики не могли взять Галич или получали ожесточённое сопротивление. Однако в случае троекратного вхождения в город Мстислава *Удатного* никогда не было ни того, ни другого. Судислав Бернатович и его группа могли контролировать Галич только при поддержке венгров, и то, даже в этих обстоятельствах, Галич не сражался за королевича Коломана, и силы, поддерживавшие последнего, ничего не могли с этим сделать.

В литературе очень часто можно встретить упоминание о том, что Мстислав *Удатный* воспользовался отсутствием основных венгерских сил в V крестовом походе (1217-1221) и только поэтому смог взять Галич окончательно. Однако Андраш II, как уже указывалось, отбыл в поход в августе 1217 г., но возвратился в январе 1218 г. Между тем, только в 1219 г. в союзе с зятем Даниилом Волынским Мстислав начал активные военные действия. Сумев вначале нанести поражение полякам, он поручил Даниилу сдерживать польско-венгерское совместное наступление. Однако развивать наступление Мстислав не решился, приказав Даниилу уйти от Галича. Венгры

[274] *Лукомський Ю.В.* Указ. соч. С. 311.
[275] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 443.
[276] Там же. С. 442.

попытались вторгнуться на Волынь, но Мстислав в союзе с половцами отбросил их, а Даниил разгромил польское наступление.

К 1219 году относится крупный политический успех Мстислава *Удатного*. В этом году он поставил нового епископа Перемышльского [1219-1225], которым стал свергнутый в 1218 г. в Новгороде бывший местный архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович). Он стал третьим крупным новгородским Нискиничем, пришедшим на помощь Мстиславу и галицким Нискиничам. Характерно, что Перемышль в 1219 году контролировался князем Мстиславом и политически: там сидел тысяцким Мстиславов воевода Ярун, впоследствии командовавший союзными Мстиславу половцами в Калкской битве 1223 г.

Зимой 1220/1221 гг. Мстислав вновь штурмовал Галич, но безуспешно. Весной 1221 года он, наконец, преуспел. Венгерский авангард был разбит в открытом сражении, и по головам отступавших войска Мстислава ворвались в Галич. Одновременно в городе вспыхнуло восстание против венгров[277]. Королевич Коломан был арестован, а Мстислав в третий раз вокняжился в Галиче. Галицкое восстание 1221 г. подтверждает факт того, что галичане по-прежнему тяготели к Нискиничам. Объяснить факт этого восстания иначе, чем предшествующей длительной закулисной его подготовкой со стороны последних, невозможно. После успешного взятия Галича, Мстислав *Удатный* помирился с Андрашем II тем, что обручил свою дочь, Марию, с его сыном – королевичем Андрашем (1210-1233), будущим князем Галицким [1226-1229, 1231-1233].

Из крупных предприятий Мстислава *Удатного* в бытность его галицким князем известно лишь сдерживание собственного зятя, Даниила Волынского, от уничтожения Белзского княжества около 1223-1224 гг. На стороне Даниила был Лешек Краковский, ставший уже союзником Волыни, а против этой коалиции Мстислав привлёк Смоленск и половцев. Обе стороны дважды готовились к военным действиям, но сумели удержаться.

Трудно сказать, что могло бы быть, если бы главные силы «галицких выгонцев» не погибли в 1223 г. История не знает сослагательного наклонения, поэтому рассуждения о том, когда бы мог князь Мстислав отдать Галич Держикраю Володиславичу, будут бессмысленными. Однако надо признать тот факт, что и сам Мстислав признавал то, что он является лишь временным держателем галицкого трона. Это показали события 1226 года.

Этот год наилучшим образом иллюстрирует приведённое нами ранее мнение о случившемся после 1214 года раскола среди Нискиничей. В 1226 г. в Галиче начинается мятеж, поднятый одним из ближайших бояр Мстислава *Удатного*. Летопись говорит об

[277] Ипатьевская летопись. С. 738.

этом так: 1) был некий боярин Жирослав, который, как лжец и предатель, изменил памяти своего «*всеименитого доброго отца*» и оклеветал князя Мстислава перед галицким боярством тем, что якобы князь захотел с помощью половцев их всех перебить; 2) галицкие бояре бежали в Перемышль; 3) князь послал к ним своего духовника, тот сумел обличить Жирослава во лжи; 4) бояре вернулись в Галич, а Жирослав был удален из ближнего княжеского круга[278]. Интересно, что ещё под 1221 г. этот Жирослав указан как освободитель и организатор тайного бегства схваченного в Галиче венгерского воеводы Фильния (ум. 1245)[279].

Нет сомнения в том, что сведения о предательстве Жирослава ещё в 1221 г. вставлены в летопись, что называется, «задним числом». Если бы о предательстве Жирослава стало известно сразу, его бы уже не было и в 1226 г. Поэтому только после предательства 1226 г. летописец сопоставил выступление Жирослава с бегством в 1221 году Фильния и соединил оба события одним действующим лицом.

Важно определить, кем был Жирослав 1221-1226 гг.? По этому поводу в историографии уже высказана гипотеза, которую мы полагаем справедливой. Показано, что «*память всеименитого отца*» Жирослав мог предать только в том случае, если его отец был в своё время очень близок к Мстиславу *Удатному*. Исходя из собственной концепции родовой преемственности имён, авторы гипотезы указывают, что Жирослав был, скорее всего, сыном Здеслава Жирославича[280], которого мы ранее обозначили, как вероятного кормильца князя Мстислава.

Правота А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского в определении происхождения Жирослава Здеславича доказывается фигурой покровителя Жирослава в событиях 1226 года. Им назван Изяслав Владимирович, князь Новгород-Северский [? (после смерти отца) – 1232], Вышгородский [1232-1235, 1236-1239], В.К. Киевский [май 1235 – март 1236, апрель – май 1236], Галицкий [1254], сын Владимира Игоревича, единственного уцелевшего из Игоревичей Северских. Причина, по которой Жирослав Здеславич предал интересы своего рода, навсегда останутся неизвестными.

Однако нет сомнений в том, что предательство Жирослава происходило в тесной связке с Венгрией. Именно в 1226 г. Мстислав *Удатный* выдал свою ранее обручённую дочь за королевича Андраша и дал ему в приданое Перемышль. По сообщению летописи, Андраш тотчас же начал собирать войско и потребовал себе Галич[281]. В состоявшейся схватке венгры, сначала захватив Перемышль, потерпели поражение, и Жирослав ушёл в Венгрию вместе с Изяславом Владимировичем[282]; больше никакого

---

[278] Ипатьевская летопись. С. 747-748.
[279] Там же. С. 737.
[280] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 305.
[281] Ипатьевская летопись. С. 748-749.
[282] Там же. С. 750.

упоминания о Жирославе в источниках не существует[283]. Однако мятеж продолжался: бояре отложились от князя Мстислава, как когда-то откладывались по велению Нискиничей от иных князей. Устами бояр до князя было доведено требование отдать Галич королевичу, поскольку «*не можешь бо держати сам, а бояре не хотять тебе*»[284]. Мстислав попытался предложить вместо себя Даниила Волынского, но бояре отказались. В результате Мстислав добровольно уступил Галич королевичу Андрашу, а сам сел в Понизье (территории совр. Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой областей, а также прилегающие небольшие районы совр. Житомирской, Львовской, Черновицкой, Одесской, Черкасской и Кировоградской обл.). В том же году Мстислав стал официально княжить в Торческе (Поросье), однако Понизье из рук не выпустил. Очень характерно, что это было то же самое Понизье, где господствовали «галицкие выгонцы» Держикрая Володиславича.

В 1227 г. Мстислав с Даниилом Волынским начали готовить поход для отвоевания Галича, но этому помешала смерть Мстислава в 1228 году.

В дальнейшей войне в западнорусских княжествах основным действующим лицом становится Даниил Романович. Поскольку Нискиничи по-прежнему оставались ему враждебными, вычленить из летописей столь же стройную повествовательную картину, которую удавалось прослеживать до 1226 года, оказывается невозможным. Однако, по нашему мнению, в летописях можно найти косвенные свидетельства о деятельности остатков галицких Нискиничей вплоть до 1240-х гг.

Во-первых, во время захвата Перемышля в начале 1226 г. венгры изгоняют оттуда назначенного Мстиславом *Удатным* тысяцкого Юрия[285]. Сам по себе этот факт незначителен. Можно лишь говорить, что неким Юрием князь Мстислав заменил на посту перемышльского тысяцкого своего личного воеводу Яруна. Однако интересно, что смена тысяцкого происходит в те годы, когда в Перемышле был епископом Антоний из рода Нискиничей. Чем плох был бы при нём личный Мстиславов воевода?

---

[283] Однако вероятность того, что он продолжил свою родовую ветку в Венгрии, весьма высока. В г. *Spiš* актом от 26 июня 1305 г. упоминается местный судебный чиновник *Valint filius Gyroslai* (Валинт сын Жирослава). См.: Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislava, 1971. T. 1. S. 177. Как верно замечал М.М.Волощук, это имя – Жирослав – было уникальным и более в документах не встречалось. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 184. Именно на этом основании исследователь видел в Валинте потомка галицкого Жирослава, но сомневался в том, сын ли он Жирослава, учитывая возраст Валинта. Теоретически он мог быть сыном Жирослава. Последний бежал в Венгрию в 1226 г. и если его сын родился хотя бы в 1227 г., ему было бы в 1305 г. 78 лет. В этом возрасте он вполне мог ещё быть чиновником. В противном случае мы лдолжны были бы допускать наличие у галицкого Жирослава сына по имени Жирослав (тогда Валинт был бы внуком галицкого Жирослава). Однако доказать существование «Жирослава Жирославича» невозможно, вследствие чего при нынешнем состоянии источников надо считать Валинта сыном галицкого Жирослава.

[284] Ипатьевская летопись. С. 750.

[285] Там же. С. 748.

Вероятно, замена тысяцкого произошла из-за желания или князя, или епископа поручить охрану последнего, а равно и города представителю одного с епископом рода. Антоний ушёл из Перемышля обратно в Новгород в 1225 г., ещё до свержения князя Мстислава. Однако тысяцкий Юрий остался. Если тысяцкий Юрий, как можно предполагать, был одного рода с епископом Антонием, почему он не ушёл вместе с ним? Почему Антоний стал единственным новгородским Нискиничем, сначала ушедшим в Галицкую землю, а затем вернувшимся обратно в Новгород? Куда подевались в истории двое других новгородских бояр-Нискиничей, ушедших в Галич в 1217 г.?

Учитывая, что Юрий Иванкович и Сбыслав Степанич ушли в 1217 г. из Новгорода, как то сообщает летопись, добровольно, им ничто не должно было мешать вернуться. В Новгороде борьба была в самом разгаре, и семья Малышевичей (младшая ветвь новгородских Нискиничей) в 1228-1229 гг. сумела прорваться к должности местного тысяцкого. В этой обстановке бывшему новгородскому посаднику уместнее всего, казалось бы, вернуться домой и помогать своим родственникам в более знакомой с детских лет обстановке. Однако назад идёт и принимает активное участие в последующих новгородских событиях только церковный иерарх. Это говорит о том, что борьба в Галицкой земле продолжалась, и галицкие Нискиничи вовсе не собирались сдаваться.

Нет сомнения, что ближние бояре Мстислава *Удатного* вместе с ним отступили в 1226 г. в Понизье. Безусловно, там должен был оказаться и бывший перемышльский тысяцкий Юрий. Тем характернее, что некоторое время спустя в Понизье появляется боярин, отчество которого происходит от имени перемышльского тысяцкого, а имя соответствует родовому именослову Нискиничей.

К 1229 году Даниил подчинил себе всю Волынь[286]. В 1229 г. он действия выбить королевича Андраша из Галича[287]. Он сумел обеспечить свою победу тем, что разгромил силы противника, когда те разделились. По летописи, боярин Судислав Бернатович, фактически управлявший Галицкой землёй от имени королевича Андраша, «*шёл есть в Понизье*»[288]. Даниил получил об этом весть из Галича с предложением воспользовавшись обстановкой нанести рассекающий удар. Сам поход Судислава в Понизье А.В.Майоров справедливо связывал с войной королевича с «галицкими выгонцами»[289]; можно думать, что эта война началась сразу в 1226 г. и не прекращалась до свержения королевича в 1229 г. Князь Даниил отправил почти все свои силы во главе с тысяцким Демьяном против армии Судислава, а сам с «малой дружиной» осадил

[286] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 501-502.
[287] Ипатьевская летопись. С. 758-760.
[288] Там же. С. 758.
[289] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 503.

Галич. Однако Судислав, вероятно потрёпанный Демьяном, успел вернуться в город до его падения, чем сильно осложнил задачу Даниилу. В войско Даниила влилась помощь из Луцка и волынское ополчение. Тысяцкому Демьяну в это время удалось почти невозможное: он сумел привлечь на сторону Даниила «выгонцев»[290]. Очень важно, что летописью указываются в данном случае руководители «выгонцев». Существенный комментарий А.В.Майорова об этом выглядит следующим образом: «*Летописец особо подчёркивает тот факт, что в ходе борьбы на сторону Даниила перешли галицкие бояре: «И приде же Дьмян со всими бояры галичькыми: со Милославом, и со Володиславом, и со многими бояры галичкыми». С какими именно боярами пришёл Демьян и сколько их было? Источник говорит об этом как-то сбивчиво и противоречиво. Сначала в тексте фигурируют «вси бояры галичькыи», но затем, как бы спохватившись, летописец поправляется – «многии бояры галичкыи», однако назвать по именам он смог только двоих – Милослав и Володислав… Современные историки не сомневаются в правдивости данного известия и с удовлетворением отмечают переход на сторону Даниила бояр, стремясь при этом сгладить наиболее очевидные противоречия… Ещё более затемняют положение имена предводителей упомянутых бояр, особенно первого из них. В более исправных списках Ипатьевской летописи – Хлебниковском и Погодинском – вместо «со Милославом» читается «с Мирославом». Мирослав – фигура достаточно известная. Это преданный Романовичам владимирский воевода, некогда бывший «дядькой» малолетнего Даниила. Его никак нельзя отнести к числу галицких бояр… В действительности владимирский воевода Мирослав не мог принимать участия в рассматриваемых событиях. Он, как свидетельствует летопись, перед самым походом Даниила на Галич отправился сопровождать князя Василька в Суздаль… [на свадьбу Великого Князя]… Свадьба состоялась 14 апреля 1230 г… Упомянутые в летописи Мирослав и Володислав могут быть с большим основанием отнесены к числу галицких бояр, но связанных не со стольным городом, а с землёй, точнее – с отложившимися от Галича «пригородами», прежде всего, с Понизьем. Недаром ни Мирослав, ни Володислав никогда ранее не упоминались среди галицких бояр, их вообще не было в Галиче. Да и к Даниилу они переходят не из осаждённого города, а из Понизья, откуда их привёл победивший Судислава тысяцкий Демьян. Нам представляется, что «галицкими боярами», ставшими на сторону волынского князя, летописец, судя по всему, именует понизовцев и понизовских бояр, с которыми только что начали воевать галичане во главе с Судиславом и которые теперь, разбив вместе с волынскими войсками галичан в Понизье, продолжили борьбу с Галичем, встав в ряды воинства Даниила*»[291].

---

[290] Ипатьевская летопись. С. 759.

[291] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 504-506.

Во всяком случае, из летописи и комментария А.В.Майорова явственно видно, что союз Понизья с Даниилом Романовичем был вынужденным и временным. Он состоялся по двум причинам. Во-первых, волынские войска удачно вклинились в войну Галича с Понизьем против Галича. Во-вторых, волынских войск было, скорее всего, больше, а к войне с любым противником надо готовиться заранее. Наконец, уже в 1230 г. ряд галицких бояр восстал против Даниила, призвав обратно королевича Андраша[292]. В 1231 г. Даниил вновь начал распрю с Белзским княжеством, во время которой галицкие бояре восстали в очередной раз и без боя сдали Галич подошедшему к нему с войсками королевичу. Ещё до сдачи города летопись вторично упоминает галицко-понизовского боярина, приводя в этом случае его отчество: «*неверныи Володислав Юрьевич*»[293].

Таким образом, учитывая имя-отчество предводителя «выгонцев», надо видеть в нём, по нашему мнению, сына перемышльского тысяцкого 1226 года Юрия. Больше того, мы можем, как представляется, поставить знак тождества между тысяцким Юрием и новгородским пришельцем в стан Мстислава *Удатного*, бывшим новгородским посадником Юрием Иванковичем. Во всяком случае, сопоставление летописных данных демонстрирует нам только одного Юрия, ушедшего с князем в Галич в 1217 г., и только одного его тысяцкого Юрия в 1226 г. Юрий Иванкович родился до 1175 г., поскольку в этом году умер его отец[294]. Следовательно, в 1226 г. ему было уже не менее 50 лет, а вероятно и больше. Вполне резонно, поэтому, что он уже не фигурирует в летописи впоследствии. Резонно также и то, что именно он оказался перемышльским тысяцким в перемышльское же епископство Антония. Можно полагать, что Володиславу Юрьевичу в 1229 г. было около 35/40 лет, т.е. он родился не позднее рубежа 1180/1190-х гг., являясь сверстником Держикрая Володиславича.

Вероятность того, что Володислав Юрьевич мог бы быть сыном соратника Держикрая, галицкого боярина Юрия Домажирича, следует отмести. Во-первых, Юрия Домажирича нельзя уложить в реконструируемую нами генеалогическую схему никакими натяжками. В случае же больших затруднений в таких реконструкциях, следует, думается, признавать их ошибочность. Во-вторых, Володислав Юрьевич явно «понизовец», не связанный с Галичем, а Юрий Домажирич, как указывалось ранее, напротив был галичанином. В-третьих, одним из противников Даниила под 1239 г. называется Лазарь Домажирич, присягнувший боярину, «вокняжившемуся» в Понизье[295]. Это явно брат Юрия Домажирича, который явно не происходил из Понизья, иначе ему незачем было специально присягать новому суверену: это явно галичанин, перешедший на сторону очередного претендента. В-четвёртых, Лазарь Домажирич

[292] Ипатьевская летопись. С. 760-763.
[293] Там же. С. 764.
[294] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 56, 73.
[295] Ипатьевская летопись. С. 789.

называется летописью происходящим из смердов. С одной стороны, это могло быть намеренным уничижением княжеским летописцем оппозиционного боярина. С другой стороны, существует вполне реальная точка зрения о том, что отчество «Домажирич» является топонимическим псевдонимом: от села Домажир близ посёлка Яново (с 1945 г. – пос. Ивано-Франково); отчество «Домамерич» тот же автор трактует производным от села Домаморич под совр. Тернополем[296]. Это свидетельствует о том, что братья Юрий и Лазарь были недавними княжескими выдвиженцами, боярами если не в первом, то максимум во втором поколении. Это опровергает их принадлежность к роду Нискиничей, а равно в известной степени коррелирует с их летописным «смердьим» происхождением.

Впоследствии, согласно летописным характеристикам, именно Володислав Юрьевич становится главнейшим врагом Даниила Романовича. Однако повторимся, есть ещё ряд имён, вызывающих подозрения в их вероятной принадлежности к галицким Нискиничам.

Обратим внимание на боярина из г. Ярослав, Давыда Вышатича. Он упоминается во время вторжения в 1231 г. венгров. Когда княжеский воевода бился с венграми, он, как местный посадник, сдал город венграм[297]. Мы не имеем никакой возможности предполагать, что Давыд Вышатич мог происходить из рода Нискиничей. В сущности, единственной зацепкой здесь является только его отчество: имя его отца совпадало с именем основателя галицкой ветки Нискиничей. Однако это нельзя считать сколько-нибудь весомым аргументом: не могли какие-то имена быть «узурпированы» конкретными семействами. Однако применительно к Давыду Вышатичу летопись сообщает редкую подробность его генеалогии: его тёща, «*кормильчья/кормилчиа*» Нездилова, была сторонницей Судислава Бернатовича. Это более чем характерный пассаж. Ни о Давыде, ни о его тёще, ни о «кормильче» Нездиле летопись больше никогда ничего не сообщает. Однако надо понимать, что на момент происходящих событий, а равно для описывавшего эти события летописца, всё происходящее и все действующие лица были ясны и понятны. В 1230-х гг. все прекрасно знали, кто такой «*кормильч*» Нездила. Из летописного контекста ясно, что он несомненный боярин. В галицкой истории вообще и в первой трети XIII в. в частности был только один человек, к которому прилагался подобный эпитет: Володислав Константинович. По нашему мнению, эпитет «*кормильч*» целиком тождественен эпитету «*кормиличич*», которым наделялся Володислав. Поэтому, Нездилу следует причислять к семейству братьев Константиновичей-«кормильчичей». Во всяком случае, доселе его личность в историографии не выявлена. Невозможно выдвинуть никакой гипотезы о том,

[296] *Юсупович А.* Указ. соч. С. 120.
[297] Ипатьевская летопись. С. 764-765.

кормильцем какого из князей мог быть Нездила. Однако если полагать, что он был из уже известной нам семьи «кормильчичей», все вопросы к его происхождению снимаются.

Надо думать, что Нездила Константинович-«кормильчич» изначально был приверженцем венгерской ориентации. Вероятно, он даже не приветствовал вокняжение своего брата в 1213 году. Скорее всего, через его семью шла связь венгров с семьёй уцелевшего Игоревича Северского, а равно к его семье политически тяготел предавший Мстислава *Удатного* Жирослав Здеславич. Наконец, вспомним, что на раннем этапе своей деятельности Володислав Константинович и Судислав Бернатович были союзниками и вместе приглашали в Галич венгерского королевича. Давыд Вышатич был зятем Нездилы Константиновича. Вероятнее всего, самого Нездилы к 1231 году уже не было в живых, поскольку летопись не говорит о нём, как о ныне живущем, а лишь атрибутирует тёщу Давыда. Именно вдовой Нездилы полагал тёщу Давыда М.С.Грушевский (1866-1934)[298]. Вместе с тем нельзя принять его же атрибуцию вдовы Нездилы как матери Судислава Бернатовича и даже матери самого Володислава Константиновича[299].

Взятие венграми Галича в 1231 г. носило принципиально иной характер, нежели это было ранее. Андраш II постепенно отходил от дел, а силу всё больше набирал его сын и соправитель с 1214 г., т.н. «младший король», Бела IV [1214-1270, фактически с 1235]. Именно по его решению и с совета Судислава Бернатовича венгры взяли Галич уже без всяких договоров с местной общиной, как военный трофей[300]. Это предпринималось для того, чтобы лишить галицкого княжения именно Даниила Романовича, как проигравшего военным путём; в то же время в годы вторичного пребывания в Галиче королевича Андраша против него не возникало никаких внутренних возмущений[301].

Таким образом, нужно понимать, что разногласия между той частью галицких Нискиничей, что поддерживала венгерских Арпадов – своих родственников – и той, что хотела вокняжиться в Галиче самостоятельно, – не носили принципиального характера. И те и другие сходились в главном: резком неприятии братьев Романовичей и их политики. Судя по всему, во время вторичного галицкого княжения королевича, обе группировки галицких Нискиничей окончательно сошлись на почве неприятия Даниила.

Во-первых, это явствует из уже упомянутого нами факта отсутствия внутренней оппозиции королевичу с 1231 г. Во-вторых, это можно усмотреть в попытке войны

---

[298] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 3. Киев, 1993. С. 50, 382.
[299] Там же. С. 50.
[300] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 527-528.
[301] Там же. С. 530-531.

королевича с Даниилом. В 1231 и 1232 гг. королевич ходил походами на Волынь[302]. В союз против Волыни, кроме Галича и Венгрии вошло также Белзское княжество и неизвестные до сего дня в истории некие «*болоховские князья*».

На самом деле, как показал А.В.Майоров, королевич ходил не на Волынь: однако его версия о том, что целью походов был Киев[303], по нашему мнению, не вполне корректна. В 1231 г. произошло значительное усиление Даниила Романовича: В.К. Киевский Владимир Рюрикович отдал ему в управление Поросье с центром в Торческе; к этой же территории юридически относился и Треполь. С одной стороны, Владимир Киевский сделал это по причине угрозы ему со стороны Чернигова: поросские города надёжно защищали Киев с южного и частью восточного направления. С другой стороны, следует вспомнить, что именно этот регион взял в управление Мстислав *Удатный*, отступивший в Понизье в 1226 г. Это означает, что отсюда легко было ударить в южное подбрюшье Галицкой земли, т.е. собственно Понизье. Наконец, боевые действия в 1231 и 1232 гг. происходили на территории Погорынья, некогда древней составляющей Древлянской земли, а ныне – т.н. «Болоховской земли». Походы королевича Андраша фактически привели к возникновению Болоховской земли, как политической единицы, а равно отстояли её независимость как от Киева, так и от Волыни. Если поход 1231 г. завершился поражением королевича под Шумском, то на следующий год против Даниила выступил вышеупомянутый Изяслав Владимирович, который выбил волынян из Тихомля.

Летом 1233 г. королевич потерпел очередное поражение, не сумев взять г. Перемиль. Даниил тут же перешёл в контрнаступление, и осенью 1233 г. осадил Галич. Несколько бояр переметнулись от королевича к Даниилу, однако в целом Галич остался верен Андрашу. Галичане сопротивлялись 9 недель, но внезапная смерть королевича заставила их сдаться, после чего Даниил вокняжился в Галиче на следующие два года. Уже весной 1234 г. Даниил на волне собственного успеха покорил Белзское княжество.

Вернёмся к вопросу о Болоховской земле, поскольку, по нашему мнению, она должна быть прямо связана с Нискиничами. Н.И.Костомаров писал о них так: «*В нашей истории являются мимоходом загадочные и до сих пор необъяснённые бологовские князья, владевшие берегами Буга. Так как край этот совершенно ускользает из летописных повествований о прежних событиях, и нет возможности отыскать происхождения этих князей в разветвлении Рюрикова дома, то по всему видно, это были князья иных древних родов, остававшиеся неподвластные Рюриковичам. В этом нас убеждает ещё и то, что сам Данило в переговорах о них с поляками называет их «особными» князьями. Овладевши Понизьем, Данило хотел подчинить их своей власти;*

[302] Ипатьевская летопись. С. 767-768.
[303] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 533-535.

они были постоянно его противниками и при всяком случае принимали сторону его врагов»[304]. Добавим сюда слова Н.Ф.Котляра: «*Болоховские «князья», так же как и сама Болоховская земля, в которой они, наверное, правили, принадлежат к числу загадок древнерусской истории XII–XIII в. Согласно свидетельствам Галицко-волынской летописи (с учетом актового материала XVI–XVII в.), Болоховская земля простиралась в верховьях Южного Буга, бассейнах рек Горыни, Случа и Тетерева. Летописцы XII–XIII в. называют восемь болоховских городов: Болохов, Деревич, Губин, Кобудь, Кудин, Городище, Божьскый и Дядьков. Это были в основном замки с немногочисленным населением и слаборазвитым хозяйством. Самим болоховским князьям посвящена немалая научная литература. Одно время их считали волохами или торками, но большинство историков уверены в их принадлежности к славянам. Следует считать упрощенным взгляд на болоховских князей как на местных, главным образом галицких, бояр, которых помиловали татары, и за это они признали власть Орды и служили ей. Близким к истине представляется мнение М.С. Грушевского, согласно которому болоховские князья возглавляли независимые от какого бы то ни было князя городские и сельские общины. Ученый называл их поборниками областной самостоятельности и противниками централизованного государственного строя. Ему принадлежит тонкое высказывание: «Представителями княжеско-дружинного строя они не были, а были князьями в значении преддружинном… Болоховская земля.. лежала там, где сходились Киевская, Галицкая и Волынская земли. Поэтому есть основания считать, что Болоховская земля оставалась независимой и в XII, и в первом сорокалетии XIII в. и пребывала вне структуры какого бы то ни было княжества, пока на нее не распространили власть Романовичи. В этой земле, можно думать, сохранялись социальные отношения, свойственные поздней фазе существования родоплеменного строя. Не случайно летописцы ни разу не называют по имени ни одного из болоховских «князей»: общество находилось на стадии, когда власть вождя ещё не стала наследственной, а сам вождь («князь») ещё не возвысился над племенной верхушкой. Нельзя принять и часто высказывавшуюся мысль, будто бы болоховские князья были какими-то провинциальными Рюриковичами. Если бы они были Рюриковичами, то летописи обязательно назвали бы их всех по имени, отметили бы время рождения, женитьбы и кончины*»[305].

Мы согласны с этими мнениями, но с рядом оговорок. С нашей точки зрения, отдельной Болоховской земли в XII в. не было, как не было в ней ни в XII, ни в XIII веках никакого «*родоплеменного строя*». Достаточно увидеть на карте, как упомянутые города и их окрестные области вклиниваются между Галицкой, Волынской и Киевской

[304] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 247.

[305] *Котляр Н.Ф.* Княжеская администрация в Древней Руси // Древняя Русь. 2010. № 2 (40). С. 37-38.

землями, чтобы не допускать, будто бы в XII в., когда княжеская власть была ещё достаточно крепкой, в центре Руси было бы какое-то совершенно не зависящее от Рюриковичей государственное образование. А вот применительно к бурным событиям в Южной Руси первой половины XIII века это уже может выглядеть правдой. Самым важным мы полагаем тот факт, что вся эта территория была древнейшей частью Древлянской земли, а равно то, что южные границы Болоховской земли плавно переходили в галицкое Понизье. Здесь надо видеть главное: Болоховская земля возглавлялась не Рюриковичами, и не подчинялась никакому из окрестных княжеств. Вспомним, что первый прецедент в русской истории, когда Рюриковичи были свергнуты, казнены, а княжество возглавил не-Рюрикович, состоялся в Галиче. Вспомним, что вокняжившийся Володислав Константинович был Нискиничем, т.е. представителем древнейшей династии, правившей в Древлянской земле до Рюриковичей. Вспомним, что после 1214 г. галицкое Понизье фактически отложилось от Галича, возглавляемое Держикраем Володиславичем. Вспомним, что ещё одним важнейшим врагом Даниила Романовича был другой Нискинич – Володислав Юрьевич, который возглавлял Понизье и «выгонцев» уже в 1229 г. Соединяя вместе все эти данные, мы должны видеть в Болоховской земле государственное образование, возглавляемое кем-то из Нискиничей. Поскольку в дальнейшем летопись фиксирует деятельность Володислава Юрьевича, то его кандидатуру здесь нужно отмести. Следовательно, единственной фигурой, могущей претендовать на верховное руководство Болоховской землёй в 1230/50-х гг., надо признать Держикрая Володиславича. В 1220-х гг., вероятнее всего, сразу после отхода Мстислава *Удатного* в Понизье и Поросье и произошла перегруппировка сил, оппозиционных Романовичам. Мстислав перешёл в Торческ, поскольку в Понизье был свой руководитель. В 1223 г. им назван Держикрай Володиславич, в 1229 г. – Володислав Юрьевич. Как произошла смена предводителя «галицких выгонцев», учитывая, что Держикрай выжил в Калкской битве? В любом случае, никакого переворота здесь быть не могло: впоследствии Володислав Юрьевич не претендовал на княжеское достоинство, тогда как само имя Держикрая свидетельствует об его претензиях. Можно, конечно, допустить, что Держикрай скоропостижно умер. Но в таком случае, если мы продолжаем придерживаться мнения о том, что Болоховскую землю возглавлял некий Нискинич, нам следует либо выдумать неизвестного Нискинича, что называется, «из воздуха», либо считать его неизвестным. В последнем случае мы не сможем даже гипотетически предположить его расположение в общем генеалогическом древе. Поэтому, вновь повторимся, что при выборе между неизвестностью и гипотетически вполне вероятным объяснением, надо выбирать второе. Да, мы не можем доказать, что именно Держикрай

Володиславич основал и возглавил независимую Болоховскую землю. Но мы имеем полное право считать это предположение рабочей гипотезой.

Очень важным подтверждением нашего допущения следует видеть тот факт, что в 1236 г., когда Св. Михаил Всеволодович, князь Переяславский [1206], Новгородский [1224, 1229], В.К. Черниговский [1223-1246], Галицкий [1235-1238], В.К. Киевский [1238-1239, 1241-1243] и вместе с ним Изяслав Владимирович вызволили из галицкого плена болоховских князей, назвав их «*нашими братьями*»[306]. Поскольку любые Рюриковичи, согласно единодушному мнению современных историков, из числа болоховских князей исключаются, то единственными реальными *братьями* Рюриковичей, потомков княгини Малы, были Нискиничи, потомки её старшего брата Добрыни Нискинича.

При этом не следует думать, будто кроме предполагаемого нами Держикрая, там не было никаких иных властителей. Само употребление множественной формы – болоховские князья – свидетельствует об обратном. По всей видимости, здесь было больше Нискиничей, нежели один Держикрай. Вспомним: говорилось о том, что Рюриковичи отказались от помощи *детям* Володислава Константиновича, а не *одному* его сыну. В нашем рассмотрении удалось выявить очень немного боковых линий галицких Нискиничей, т.е. братьев и их потомков лиц, находящихся в основной родовой линии. Однако это вовсе не означает, что их не было. «Болоховскими князьями» могли стать многие из наличных в то время галицких Нискиничей из иных их линий. Наконец, могут быть правы и многие авторы, которые видели в этих князьях представителей и Рюриковичей-изгоев и даже половцев – эмигрантов из Степи. Можно говорить о том, что в этом смысле Болоховскую землю надо рассматривать как *новую Тмуторокань XIII века*.

Нискиничи Понизья и Болоховской земли продолжали придерживаться основной своей линии: непримиримого противостояния с братьями Романовичами. Однако они не забывали и о не менее важной для себя цели: возвращение себе галицкого престола. На этом пути они, возможно, и ошибались. Так, во время боевых действий 1231 года с королевичем, его войска были изрядно потрёпаны Володиславом Юрьевичем[307]. Летопись специально указывает, что Володислав действовал «*в стороже от Даниила*», т.е. был против волынского князя, но при этом указывает, что шёл он из Киева. В том факте, что Володислав Юрьевич мог иметь политические сношения с Владимиром Рюриковичем, нет ничего неожиданного. Именно при этом князе в Смоленске подвизался Яволод Константинович. Поэтому, можно было бы видеть Володислава киевским воеводой, каковой взгляд можно обнаружить в историографии вопроса.

[306] Ипатьевская летопись. С. 775.
[307] Там же. С. 766.

Однако всё же непонятны действия Володислава в 1231 г.: будучи враждебен Даниилу Романовичу, он не должен был приветствовать замирение с ним киевского князя. Вполне вероятно, что упоминание того, что Володислав шёл из Киева, означает его разрыв с Владимиром Рюриковичем. Тот факт, что он нанёс попутно поражение королевичу, тоже понятно: его задачей, действуя в связке с Держикраем Володиславичем, было освобождение Галича от любых конкурентов. Однако при этом королевич также был крайне враждебен Даниилу Романовичу. Логичнее было бы объединиться вместе с ним для противодействия Даниилу. Победив же Даниила, можно было бы начать войну и с венграми. Вести же войну на два фронта, не имея достаточного количества сил, было явной политической ошибкой последнего поколения галицких Нискиничей.

После покорения Даниилом Белза, с ним заключает союз Владимир Рюрикович против Чернигова и примкнувшего к нему Изяслава Владимировича Вышгородского. В декабре 1234 г. войско Даниила пришло под Киев и отбросило стоявшие здесь полки Михаила Черниговского[308]. Преследуя черниговского князя, начавшего отступление, Даниил и Владимир вторглись в Черниговскую землю. Однако Михаил Черниговский смог подкупить некоторых галицких воевод, и успешной вылазкой разгромил галичан, после победы над которыми киевляне побежали сами[309]. Между тем галичане не успели уйти к себе, когда Владимир Киевский вновь запросил у них помощи: Михаил с черниговцами и Изяслав, приведший половцев, подступили к Киеву. В ходе сражения, развернувшегося под Торческом, в галицком боярстве начался мятеж против Даниила[310]. В результате галицкие полки вышли из боя, покинув Даниила, а он сам с волынскими отрядами укрылся в Торческе. Тем временем Владимир Рюрикович был пленён половцами и лишён киевского престола в пользу Изяслава Владимировича. Обманным для противника путём, оставив на уничтожение волынские полки и воевод, Даниил сумел прорваться и бежать[311]. Когда Даниил добежал до Галича, он застал там собственного брата с волынскими полками. По справедливому мнению А.В.Майорова, это означает, что Галич тоже выступил против Даниила, и Василий Романович пытался сдержать это возмущение[312].

Тем самым видно, что летописный намёк на подкуп галичан под Торческом был не главной причиной их измены Даниилу. Вряд ли гонец победителей успел доехать до Галича быстрее, чем бежал разгромленный князь, тем более бежавший налегке, оставив собственные полки на погибель. То есть возмущение в Галиче и измена под Торческом

---

[308] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 561.
[309] Там же. С. 562-564.
[310] Там же. С. 567; Ипатьевская летопись. С. 774.
[311] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 568.
[312] Там же. С. 571.

происходили одновременно, а значит, были подготовлены загодя. Это по-прежнему говорит о том, что до той поры, пока продолжали оставаться реальные галицкие вожди, к которым тянулась вся местная община, галичане упорно сопротивлялись любой иной власти. Противоречия возникали лишь тогда, когда оные противоречия имели место и среди этих вождей: часть Нискиничей, как мы указывали, стояли за венгров, часть – сами за себя.

В событиях 1235 г. в Галиче вторично появляется боярин Доброслав Судьич. Впервые он объявился в 1233 г., будучи одним из тех, кто пришёл на службу к Даниилу во время его вторжения в Галицкую землю и ещё до смерти королевича[313]. По мнению А.В.Майорова, его происхождение можно отождествлять с происхождением такой же «тёмной лошадки» 1229 года, Володислава Юрьевича: т.е. Доброслава Судьича исследователь числил среди «понизовцев»[314]. В 1235 г. интрига Доброслва Судьича и примкнувших к нему иных бояр заключалась в фабрикации ложного слуха о движении половцев на Волынь[315]. В результате Василий Романович с волынскими полками спешно уходит из Галича защищать Волынь. После этого бояре, что называется, «предложили» Даниилу уйти прочь, и тот ушёл в Венгрию. В бескняжеский Галич спокойно затем вошёл Михаил Черниговский и вокняжился, не встретив никакого сопротивления[316]. По словам А.В.Майорова: «*Вокняжившись в Галиче, Михаил Всеволодович, в отличие от своего предшественника, располагал твёрдой поддержкой галичан, в том числе военной, позволившей ему успешно противостоять натиску Романовичей*»[317]. В свою очередь, эта поддержка могла быть обеспечена ему только в том случае, если Володислав Юрьевич и Держикрай Володиславич, т.е. Болоховская земля, согласились признать его галицким князем. Видимо, спустя четыре года после столкновения с королевичем под Шумском, последнее поколение галицких Нискиничей сообразило, что врага нужно бить одного за другим, заручаясь для разгрома предыдущего поддержкой следующего, чтобы оставшегося последним разбить уже без лишних проблем.

Даниил ушёл в Венгрию не случайно. 21 сентября 1235 г. скончался Андраш II, и в руках Белы IV сконцентрировалась вся полнота власти. 14 октября того же года состоялась коронация нового венгерского короля, на которой присутствовал Даниил Романович. А.В.Майоров убедительно доказал, что Даниил принёс Беле IV присягу вассала[318]. По его славм: «*Целью Даниила являлось именно получение венгерской*

---

[313] Ипатьевская летопись. С. 771.
[314] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 546-553.
[315] Ипатьевская летопись. С. 774.
[316] НПЛ. С. 74, 284.
[317] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 573.
[318] Там же. С. 585-588.

помощи, без этого вести борьбу за Галич с черниговскими князьями было бы крайне трудно. Распространённое среди исследователей мнение, будто Романович всего лишь хотел добиться от короля невмешательства в галицкие дела, выглядит неосновательно. Согласно известиям В.Н.Татищева, после смерти королевича Андрея и новой победы русских войск над венграми (рубеж 1233/1234 годов – *В.Т.*) *король сам отрёкся от Галича… Миссия Даниила прошла не.. успешно: венгерский король, как полагают исследователи, ничего не сделал для своего новоиспечённого вассала*»[319].

Уже на исходе 1235 г. Романовичи предприняли отчаянную попытку похода на Галич, приведя с собой наёмных поляков[320]. Но их силы были разбиты Михаилом Всеволодовичем на марше, задолго до подхода к самому Галичу. Весной 1236 г. в качестве ответной меры галичане и с ними «*вси Болоховьсции князи*» вторглись на Волынь, разорив земли вплоть до Каменца. А.В.Майоров указывал: «*Не вызывает сомнения, что галичане отдавали предпочтение черниговскому князю перед волынским*»[321]. Однако понять причину этого предпочтения можно только увидев совместные действия в 1236 г. Галича и Болоховской земли. Это доказывает, хотя и косвенно, наши посылки о том, что Болоховская земля возглавлялась Нискиничами, и галицкий переворот 1235 года направлялся ими же.

В мае 1236 г. Владимиру Рюриковичу удалось вернуть себе киевский престол. Он тотчас послал помощь Даниилу в виде наёмных торков и своего воеводы[322]. С помощью присланных сил, Даниилу удалось отбросить галичан и болоховцев из-под Каменца, причём «*вси князи Болоховсьции изоимани быша, и приведоша е Володимеръ ко князю Данилови*»[323]. А.В.Майоров замечал, что по летописи, именно все болоховские князья были пленены, тогда как галичан пленять не стремились[324]. Это говорит о том, что Болоховская земля была для братьев Романовичей гораздо более опасным врагом, нежели вся совокупность галицких бояр. Это в очередной раз подтверждает сделанные нами ранее допущения. В частности, получает косвенное подтверждение посылка, что Болоховская земля возглавлялась Держикраем Володиславичем, единственным Нискиничем, кто сражался за восстановление на троне собственной династии. Володислав Юрьевич и иные, по-видимому, на трон не претендовали, не будучи прямыми наследниками Володислава Константиновича. Однако, как указывалось, Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович потребовали от Даниила не трогать «*нашоу братью или придемь на тя воиною*». Даниил повиновался, и болоховские

---

[319] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 588-589.
[320] Ипатьевская летопись. С. 774.
[321] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 589.
[322] Ипатьевская летопись. С. 774-775.
[323] Там же. С. 775.
[324] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 591.

князья получили свободу. В этом мы видим важнейшее подтверждение факта того, что Чернигов и галицкие Нискиничи с 1235 г. действовали в союзе.

Уже летом 1236 г. Михаил Всеволодович повёл галичан, наёмных поляков, половцев на Волынь. Однако в самом разгаре похода половцы вдруг изменили Михаилу и напали на самих галичан[325]. Скорее всего, они были подкуплены Даниилом[326]. Не получившие помощи, были разгромлены поляки, и осенью 1236 г. поход провалился.

Весной-летом 1237 г. Даниил повёл войска на Галич. Однако Михаилу Всеволодовичу была предоставлена венгерская помощь[327]. Одновременно с помощью состоялось обручение Ростислава Михайловича, сына Михаила Всеволодовича, с дочерью Белы IV[328]. Даниил был разбит, но сумел захватить Перемышль[329]. Волынские Романовичи успели в 1235-1236 гг. заручиться поддержкой австрийского герцога Фридриха II [1230-1246], который враждовал с Белой IV. Последний, чтобы не осложнять собственное положение, стал посредником при заключении мира Михаила Всеволодовича и Даниила, по которому Даниил получал Перемышль, а венгерский король официально отказывался от вмешательства в западнорусские дела; более того, Бела IV расторг помолвку своей дочери с Ростиславом[330].

Очень любопытно, что одновременно с тем, как Даниил в 1235-1236 гг. добился австрийской поддержки, Михаил Всеволодович обратился к общерусскому сюзерену – во Владимир-на-Клязьме. Именно по его приглашению и его стараниями[331], летом 1236 года в Киев въехал новый В.К. Киевский [1236-1238, 1243-1246] Ярослав Всеволодович, затем Великий Князь [1238-1246]. В контексте основной темы нашего исследования важно обратить внимание на то, что вместе с Ярославом в Киев пришло, как сообщает летопись на одну неделю, несколько крупнейших новгородских бояр. В числе этих бояр был Константин Вячеславич (ум. 1247), сын главы неревского боярского клана (новгородских Нискиничей) Малышевичей. Несмотря на сложные взамоотношения неревскго боярства с Суздалем и Владимиром, этот клан был одним из основных, на которых в Великом Новгороде опирался Владимирский великокняжеский престол: в похоронах Вячеслава Прокшинича (ум. 1243), отца Константина Вячеславича, участвовали Спиридон, архиеп. Новгородский [1229-1249] и Александр Ярославич *Невский* в свою бытность князем Новгородским [1228-1229, 1230-1240, 1241-1252, 1257-1259][332]. Деятельность новгородских Нискиничей – Малышевичей – в 1228-1230

[325] Ипатьевская летопись. С. 775.
[326] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 593.
[327] Там же.
[328] Там же. С. 594.
[329] Ипатьевская летопись. С. 776.
[330] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 595-597.
[331] Там же. С. 599-603.
[332] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 55.

гг. способствовала удержанию Новгорода за Владимиром-на-Клязьме, а в более глобальном масштабе, - позднейшим победам князя Александра над немцами[333]. В нашей предыдущей работе мы не придавали никакого особенного значения поездке Константина Вячеславича в Киев, рассматривая её как почётное посольство. Однако в свете южнорусских событий, активными участниками которых были галицкие Нискиничи, поездка в Киев в 1236 году сына главы новгородских Нискиничей может иметь более глубокий смысл. Вполне вероятно, что, с одной стороны, Константин Вячеславич на месте координировал и направлял политику своих галицких родственников, с другой, - способствовал освобождению болоховских князей из волынского плена. Тем самым налицо ещё одно косвенное подтверждение того, что Болоховской землёй управляли именно Нискиничи.

Весной 1238 г. Ярослав ушёл во Владимир-на-Клязьме, заняв общерусский престол, а Киев передал Михаилу Всеволодовичу. Тот, сохранив за собой Чернигов, стал В.К. Киевским, а в Галиче посадил сына, Ростислава Михайловича [1238-1239, 1242], затем бывшего князем В.К. Черниговским [1241-1243], баном Славонии [1247-1248], баном Мачвы [1248-1262]. Уже весной-летом 1238 г. военным путём в состав Галицкой земли был возвращён Перемышль[334].

В самом конце 1238 г. Ростислав Михайлович ушёл в поход на Литву, которая в то время была союзником Романовичей. В поход выступили «все бояре» (по летописи) и фактически все галицкие войска[335]. Это было непростительной ошибкой галицкого князя. Воспользовавшись отсутствием галицких войск, Даниил со своими войсками подступил к Галичу. Осада длилась, вопреки летописной информации, долго, и боевые действия были ожесточёнными, но всё-таки Галич пал[336].

Последний виток южнорусских событий был ускорен монгольским вторжением на Русь. Осенью 1240 г. в Венгрию бежали как Даниил Романович, так и Михаил Черниговский. Ростислав Михайлович находился в Венгрии с 1239 г. Бела IV по-прежнему отказался помочь черниговцам, и они уехали в Мазовию, где Михаил заключил мир с Даниилом, обязавшись от своего имени не претендовать на Галич. 06 декабря 1240 г. Киев был уничтожен монголами, а зимой 1240/1241 гг. монголы разорили гг. Галич, Владимир-Волынский, Ладыжин, Каменец и Берестье. В январе

---

[333] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 55-63.

[334] Ипатьевская летопись. С. 777.

[335] Там же.

[336] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 580-582. П.В.Лукин пытался отстоять традиционный летописный взгляд на события 1238/1239 гг., говорящие о том, что никакой борьбы не было, а галичане «очень любили» Даниила. См.: *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 105-107. Однако, как А.В.Майоров, так и согласившийся с ним М.В.Несин, ясно показали неправоту трационного взгляда. См.: *Несин М.В.* Галицкое вече в 1235-1240-х гг. // Русин. 2012. № 4 (30). С. 95.

1241 г. монголы ушли в свой западный поход, пройдя кровавым катком по Польше, Венгрии, Сербии, Хорватии, Боснии, Болгарии, и в марте 1242 г. через Болгарию и Северное Причерноморье ушли обратно.

Во время отсутствия Романовичей в западнорусских землях произошли разительные перемены. В Галиче появился новый князь, фигура которого оказалась достаточно неожиданной. Это был боярин Доброслав Судьич [1240-1241]. Летопись говорит об этом так: «*Доброслав же вокняжился бе и Судьич, попов внук, и грабяше всю землю, и вшед во Бакотоу всё Понизье прия*»[337]. Итак, предприятие Володислава Константиновича 1213 года повторилось в 1240 году. Очень важным надо признать, что без какой-либо войны Доброслав Судьич взял город Бакоту, являвшийся административным центром Понизья. Тем самым «галицкие выгонцы» перестали быть таковыми: Галицкая земля и Понизье воссоединились. С одной стороны, это подтверждает догадку А.В.Майорова о том, что Доброслав изначально имел отношение к Понизью. С другой стороны, Понизье после 1214 года неизменно контролировалось галицкими Нискиничами. Отсюда вытекает, что и Доброслава нужно рассматривать принадлежащим к этому роду. Подсказка, где его место в общем генеалогическом древе содержится в информации о том, что он был «*поповым внуком*». Можно было бы полагать, что это всего лишь попытка летописью уничижить нового галицкого князя. Однако можно счесть Доброслава Судьича сыном Сбыслава Степанича, ушедшего из Новгорода в Галич ещё с Мстиславом *Удатным*. В этом случае он оказывается из семьи новгородских Малышевичей, отличавшейся успешной деятельностью на ниве священнослужения. Его двоюродными дедами оказываются один монах, один инок, один игумен (Ксенофонт, игумен новгородского Хутынского монастыря [1210-1230], основатель и игумен Робейского монастыря [1230-1262]); его двоюродными дядьями были упомянутые нами Св. Варлаам Хутынский и Антоний, архиеп. Новгородский и еп. Перемышльский[338]. Уже из одного этого видно, что летописец мог иносказательно именовать его «поповым внуком», не проводя разницы между родным его дедом и дедовыми братьями. Эпитет «*Судьич*» может быть таким же иносказательным отчеством, как и ранее рассмотренные нами топонимические отчества *Домамерич/Домажирич*. Почему бы эпитетом «Судьич» нельзя было наградить ближайшего родича перемышльского епископа (не говоря уже о новгородском архиепископе, двух игуменах и одном местночтимом новгородском святом)?

По нашему мнению, летопись содержит ещё одно указание на родовую принадлежность боярина Доброслава, причём сообщает его настоящее отчество. Однако отчество сообщается так же, как в 1240 г. говорится об его псевдо-отчестве, т .е.

---

[337] Ипатьевская летопись. С. 789.

[338] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 74 (схема 6).

с частицей «и», позволяющей видеть здесь перечисление двух разных человек (*Доброслав и Судьич, попов внук*). В событиях 1235 г., где интрига Доброслава удалила из Галича Даниила Романовича, сказано: «*Борис же Межибожьскый светомъ Доброславьлимь и Збыславлимъ посла к Данилови, рекый: Изяслав и половци идуть к Володимеру*»[339]. То есть, строго по аналогии с 1240 годом, где имело место наименование *Доброслав и Судьич, попов внук*, ещё в 1235 г. боярин именовался *Доброслав и Збыслав*. Таким образом, рассмотрение нами Доброслава Сбыславича/Судьича (1233/1241) в качестве сына Сбыслава Степанича (1217) является целиком правомерным, с нашей точки зрения.

Вместе с тем принадлежность боярина Доброслава к галицким Нискиничам может усматриваться и в ряде других признаков. Во-первых, это уже упомянутый сам факт его вокняжения. Никто, кроме Нискиничей вообще и галицких Нискиничей в частности не имел на это ни прав, ни возможностей. Во-вторых, то, как летопись представляет его деятельность на престоле, свидетельствует о полном принятии его местной общиной: никакого сопротивления Галич никогда не оказывал именно местным Нискиничам. По летописи, даже Даниил Романович признавал его власть, прислав ему посла Якова, который «*с великою жалостию*» пытался уговорить его покориться Романовичам[340]. Однако Доброслав раздавал в управление (кому именно, не сказано) галицкие волости, а присягнувшему ему боярину Лазарю Домажиричу дал во владение соляные копи в Коломые[341]. Появление Лазаря Домажирича мы полагаем третьим фактом, доказывающим как принадлежность Доброслава к «понизовцам», так и к Нискиничам, державшим Понизовье. Мирное воссоединение Галича с Понизовьем является четвёртым таким фактом. Наконец, в-пятых, можно привлечь на нашу сторону концепцию родовой преемственности имён: Доброслав, он же уменьшительное *Добрыня*, есть родовое имя Нискиничей вообще и той ветви новгородских Нискиничей, к которой причислялась семья Сбыслава Степанича, в частности.

Заметим, что в современной историографии существует иная точка зрения о генеалогическом происхождении боярина, именовавшегося *Доброслав Судьич*. Впервые идею о том, что Доброслав Судьич был сыном Судислава Бернатовича, последовательного сторонника Венгрии в Галицкой земле, высказал А.М.Петрик[342]. Он назвал этот род «Доброславичами», и решил, что *Судьич* потому произошло от *Судислав*, т.к. *Судислав* это *тот, кто судит*. К этой версии примкнул М.М.Волощук,

---

[339] Ипатьевская летопись. С. 774.
[340] Там же. С. 789.
[341] Там же. С. 789-790.
[342] *Петрик А.М.* До історії боярських родин Кормильчичів, Доброславичів та Дядьковичів // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2001. Вип. 5. С. 37; *Он же.* До історії боярства та боярських родів Перемишльської землі // Там же. 2002. Вип. 6. С. 111.

который попытался укрепить это совершенно голословное мнение[343] рядом дополнительных наблюдений[344]. М.М.Волощук обратил внимание, что в актах королевской канцелярии Венгрии в 1220-60-х годах сохранились упоминания о лице по имени *Subislao (Subislai, Zubuslay, Zubuzlou)*. Этого человека цитируемый автор отождествлял с Судиславом, галицким венгерским приспешником, отказывая ему в отчестве «Бернатович»: полагая, что это отчество принадлежало не ему, а его отцу, единственный раз упомянутому в 1210 г. именно как «Судислав Бернатович», тогда как потом даётся только упоминание про Судислава (без отчества). Далее автор показывал, что этот *Subislao* является представителем венгерского рода *Ludan*, и венгерский воевода Фильний был его зятем. Думается, что с учётом нынешнего состояния источников, эта часть построений М.М.Волощука выглядит достаточно аргументированной.

Однако затем цитируемый автор полагал, что *Доброславом Судьичем* надо считать наблюдаемого в венгерских актах сына *Subislao* по имени *Bogomerius*. Это мнение является категорически непонятным, хотя бы потому, что совсем неясно, почему вдруг *Богомир* венгерских актов начал в русских летописях именоваться *Доброславом*? Смысловое наполнение обоих имён категорически различное. Эпитет *попов внук* автор пытался объяснить с ещё большей натяжкой. По его мнению, *Subislao* = *Судислав* якобы был бастардом какого-то сандомирского католического священника, который присутствовал в Галиче ещё в 1188-1189 гг.

Надо видеть, что вторая часть построений М.М.Волощука не выдерживает никакой критики[345]. Сам М.М.Волощук говорил, что в среде галицкой знати мужские имена

---

[343] Он же указал по поводу этого мнения следующее: «*Однако доказать этого фактами невозможно*». См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 287.

[344] *Волощук М.М.* До питання про етнічне та соціальне походження Судислава (Бернатовича?) // Прикарпатський вісник Наукового товариства ім. Шевченка. 2008. № 1 (1). С. 127-145; *Он же.* Судислав de genere ludan. Спроба генеалогічно-біографічної реконструкції // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 2010. Т. 260. Кн. 1. С. 257–273; *Он же.* Доброслав Суддич: спроба біографічного нарису // Карпати: людина, етнос, цивілізація. Івано-Франківськ, 2010. Вип. 2. С. 20–31; *Он же.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 287-359.

[345] Следует заметить, что в своей работе 2014 года М.М.Волощук отошёл от отождествления Богомира и Доброслава, предложив считать их родными братьями, детьми всё того же Судислава из рода Лудан. Кроме того, автор выдвинул допущение, что упоминания Доброслава в 1233 и в 1240 гг. относятся к разным Доброславам, и из рода Лудан происходил «попов внук», тогда как первый – остаётся неизвестным. Наконец, он допустил, что эпитет «попов внук» появился не от отца, а от матери боярина, которая якобы и была дочерью священнослужителя. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 295-296, 330-350. Очень характерно, на наш взгляд, что цитируемый автор в работе 2014 года совершенно не обращал внимания на галицкое вокняжение Доброслава, а полагал, что имел место только захват им власти в Понизье и Коломыйской волости. А ведь именно факт вокняжения позволяет многое объяснить в поведении, а соответственно и в происхождении Доброслава. Таким образом, надо указать, что генеалогические допущения

передавались в поколениях с известной периодичностью. Но он же в цитированных работах показал, что имён *Судислав* и *Доброслав* в галицком боярстве в следующие века больше нет. Это уже говорит о том, что с гибелью боярина Доброслава Судьича его родовая ветка (в пределах Русского государства, как минимум в Галичине и на Волыни) пресекается, и ни о каких Доброславичах (по А.М.Петрику) в данном случае говорить не приходится. Далее сам М.М.Волощук говорил, что есть разночтения одного и того же имени: *Судислав* и *Сулислав (Sulislaus)* в ряде случае были взаимозаменяемы. Однако этим М.М.Волощук опровергал сам себя, поскольку *Сулислав* означает *обещающий/сулящий славу* и для эпитета *Судьич* в его якобы значении *того, кто судит*, места не находится вовсе. Кроме того, *Сулислав* в качестве варианта давало *Себеслав (Sebeslaus),* т.е. *себе/своя славу/слава*[346]. Наконец, ни А.Петрик, ни М.М.Волощук не обратили никакого внимания на именование *Доброслава Судьича* ещё и *Доброславом Збыславичем*. Таким образом, наше объяснение происхождения боярина Доброслава представляется нам более точным.

Единственный вопрос заключается в следующем: почему именно этот Нискинич, а не старший Володислав Юрьевич или более законный Держикрай Володиславич, заняли осенью 1240 г. галицкий престол? Вероятно, дело в том, что только Доброслав был на тот момент в Галиче и успел взять инициативу в свои руки. Думается, однако, что он спокойно передал бы власть Держикраю, и Болоховская земля воссоединилась бы с Галичем, усиди Доброслав на троне дольше. Это подтверждается тем, что после ареста Доброслава, Даниил обвинил его в том, что он хотел передать власть кому-то другому[347]. Никого другого из Нискиничей, кого бы боялся Даниил, помимо прямого наследника Володислава Константиновича, быть в то время просто не могло. Поэтому он должен был приложить все силы для ликвидации Доброслава. Интересно, кстати, отметить, что Болоховская земля не сопротивлялась монголам, согласившись платить им дань сельскохозяйственной продукцией, за что не была разорена[348]. Важно увидеть здесь полную корреляцию с такой же политикой Александра *Невского* в 1240-60-х гг., который для успешного противостояния латинскому Западу вынужденно признал Русь данницей Орды, чем спас Русь как таковую. Это вновь, хотя опять-таки косвенно, подтверждает, что болоховское руководство было представлено Нискиничами.

Одновременно с Доброславом власть над Перемышлем захватил боярин Григорий Васильевич[349]. По мнению Н.И.Костомарова, они враждовали и даже жаловались друг

М.М.Волощука о Доброславе, строго словами самого М.М.Волощука, «*доказать фактами невозможно*».

[346] Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 1. S. 258, 420.

[347] Ипатьевская летопись. С. 787.

[348] Там же. С. 792.

[349] Там же. С. 789.

на друга Даниилу[350]. На деле послание Доброслава Даниилу выглядит, скорее, требованием забрать себе своего воеводу и отдать Перемышль обратно в состав Галицкой земли[351].

Весной-летом 1241 г. Даниил вернулся. Видимо, Доброслав не смог вовремя собрать силы, и был арестован. Сведений о нём в летописях более не приводится, поэтому можно думать о том, что он был казнён. Даниил отправил своих людей в Понизье, описывать там имущество и людей[352]. Это Даниил мог делать исключительно применительно к только что присоединённой территории. Поскольку о присоединении Понизья говорится только в качестве результата политики Доброслава Сбыславича/Судьича, надо думать, что в 1241 г. Понизье не успело восстать и вновь отложиться от Галича. То есть, захват Даниилом галицкого трона был внезапен и состоялся, видимо, не без содействия внутригалицких изменников Доброславу.

В этой ситуации Нискиничи предпринимают отчаянную попытку свержения Даниила. Ростислав Михайлович с наёмными венграми вместе с болоховцами, взяв «*останок галичан*», ведомый Володиславом Юрьевичем, пошёл в Понизье, начав штурм Бакоты[353]. Однако сил у него было мало, и он вынужден был отступить. Даниил в ответ пошёл на Болоховскую землю и разорил шесть её городов[354]. Однако Ростислав с Володиславом Юрьевичем, обойдя войска Даниила, подошли к Галичу, где им помогли уцелевшие Домамеричи/Домажиричи, и Ростислав весной 1242 г. вокняжился в Галиче. Даниил спешно вернулся, что спасло Болоховскую землю, и осадил Галич. Сил у Ростислава было очень мало, и он вынужден был, пойдя на прорыв, оставить город[355]. Даниил не преследовал его, поскольку опасался возвращавшихся с Запада монголов. Это говорит о том, что Даниил, помимо прочего, опасался наказания за своё только что состоявшееся нападение на Болоховскую землю, ордынскую данницу. Однако, по данным Густынской летописи, Даниил в 1242-1245 гг. провёл массовые репрессии галицкого боярства, полностью, по-видимому, вычистив его от оппозиции своей персоне[356].

В 1243 г. Бела IV, окончательно рассорившийся с Австрией, вернулся к союзу с черниговцами и женил Ростислава Михайловича на своей дочери[357]. Собрав силы, Ростислав решился на последнюю попытку взять власть в Галиче. Весной 1245 г. он

---

[350] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 96, 251.
[351] Ипатьевская летопись. С. 790.
[352] Там же. С. 791.
[353] Там же.
[354] Там же. С. 792.
[355] Там же. С. 793.
[356] Густынская летопись. С. 340; *Несин М.В.* Указ. соч. С. 104-105.
[357] Ипатьевская летопись. С. 794.

вторгся в Галицкую землю и взял Перемышль[358]. К нему присоединились отряды Володислава Юрьевича, с которыми он осадил г. Ярослав. 17 августа 1245 г. состоялась битва при Ярославе, в которой Даниил одержал победу. Венгерский воевода Фильний и Володислав Юрьевич попали в плен и в тот же день были казнены по приказу Даниила[359]. Ростислав бежал в Венгрию и более не участвовал в событиях на Руси, став местным дворянином. По словам С.М.Соловьёва: «*Ярославская победа окончательно утверждала Даниила на столе галицком: с этих пор никто из русских князей уже не беспокоил его более своим соперничеством; венгры также оставили свои притязания; должны были успокоиться и внутренние враги народа, бояре, не имея более возможности крамолить, не находя соперников сыну Романову*»[360]. Это надо понимать как тот факт, что галицких Нискиничей более не осталось, после казней Доброслава Сбыславича/Судьича в 1241/1242 г. и Володислава Юрьевича в 1245 г. Единственным средоточием сопротивления Романовичам осталась Болоховская земля.

Последняя погибла очень скоро. В течение двух лет 1255-1256 гг. карательная экспедиция Даниила уничтожила Болоховскую землю в принципе: войска шли, уничтожая всё на своём пути, не щадя городов и людей[361]. Лишь малая часть пленников в г. Возвягль была обращена в рабство, болоховские князья погибли. Вероятнее всего, этот поход надо признать ответом на последнюю попытку выступления против Даниила в 1254 г. В этом году Изяслав Владимирович сумел штурмом взять Галич, но был пленён Даниилом и, видимо, убит[362]. Вероятнее всего, ему помогли болоховцы, за что и были уничтожены. Жестокое и бескомпромиссное их уничтожение в очередной раз, хотя и вновь косвенно, доказывает их непосредственное отношение к главным соперникам Романовичей – Нискиничам.

Интересно, что уничтожение Болоховской земли совпало по времени с двумя иными событиями: коронацией Даниила и полным отстранением в Великом Новгороде от власти новгородских Нискиничей. Ранее мы регулярно видели полную корреляцию политических устремлений новгородских и галицких Нискиничей. Однако после смертей в Новгороде Вячеслава Прокшинича (1243) и Константина Вячеславича (1247), которые уже не занимали никаких существенных должностей, но хотя бы упоминались летописью, информация о представителях Нискиничей вообще и их потомков Малышевичей исчезает с летописных страниц. Только в 1268/1269 гг. упоминается двоюродный брат Вячеслава Прокшинича, Михаил Мишинич, который вскоре становится новгородским посадником [октябрь – ноябрь 1272, 1273 – август 1280]; при

---

[358] Ипатьевская летопись. С. 797.
[359] Там же. С. 804.
[360] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 168.
[361] Ипатьевская летопись. С. 838-840.
[362] Там же. С. 829-830.

этом вошедшая в новгородский политикум семья Мишиничей отказалась от своих прежних стремлений, направленных на отстаивание общерусского единства, и стала играть в новгородские политические игры по местным правилам[363]. Именно на период полного ухода новгородских Нискиничей из местной политики и приходится безнаказанное для Даниила Романовича уничтожение Болоховской земли.

Очень важно увидеть отмеченное нами совпадение во времени уничтожение болоховцев и коронации Даниила. Действительно, около декабря 1253, но не позднее января 1254 гг., папа Иннокентий IV [1243-1254] даровал Даниилу титул «короля Руси», причём Даниил резко развернул свою политику в сторону Запада ещё с 1246 г.[364] Исходя из уточнённого титула его внука – Юрия I Львовича [1301-1308] – «король Руси, князь Лодомерии» («король Галицкий и князь Владимирский»), понятно, что это было калькой с титула Андраша II, которым он сам наделил себя ещё в 1205 г. Однако в современной украинской историографии утвердилось неверная, сугубо политическая, интерпретация этого титула как «короля всей Руси». Можно полагать, что подобная трактовка появилась только при Юрии II Болеславе, последнем короле Галиции и предпоследнем князе Галицком и Волынском [1325-1340]: в 1334 г. он титуловал себя «*князем всей Малой Руси*»[365]. Учитывая, что Юрий II был чистым поляком, сыном Тройдена I, князя Черского и Сохачевского [1310-1341], Варшавского и Ливского [1313-1341], и дочери Юрия I, то такое именование должно было закрепить претензии Польши на русские земли[366]. В цитируемой нами работе Л.В.Войтович провёл прямую связь между призывом папы Иннокентия IV избавиться от монгольского владычества и уничтожением Даниилом Болоховской земли[367]. Он же указал, что Даниил выбрал для этого самое удобное время: в 1255 г. умер хан только что созданной Золотой Орды Бату [1243-1255], а его сын и преемник Сартак [1255-1256] поехал в монгольскую столицу для утверждения своих претензий на трон, но был отравлен по дороге. Именно в эти годы Даниил и уничтожил болоховцев, бывших данниками Орды: война с ними после ордынского междуцарствия привела бы к спасению болоховцев и ответным карательным мерам в адрес Даниила.

---

[363] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 18, 74, 89-90.

[364] *Войтович Л.В.* Королівство Русі: реальність і міфи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. 7. С. 66.

[365] Об этом титуле см.: Там же. С. 68.

[366] Поскольку термин «Малая Русь» был образован по кальке «Малая Греция», то он обозначал то же, чем была «Малая Греция» в VII в. до Р.Х.: древней метрополией, к которой должны были тяготеть все разошедшиеся по Средиземноморью древнегреческие колонии. Господство Польши над якобы «древней русской метрополией» давало ей юридическую возможность претендовать на остальные русские земли, считая их только лишь «колониями», долженствующими тяготеть к своей «метрополии».

[367] *Войтович Л.В.* Королівство Русі. С. 66.

Выше мы провели линию связи между совместной политикой в начале XIII в. общерусского сюзерена – Владимирского великокняжеского престола – и новгородских Нискиничей. Благодаря этой политике Русь отразила от своих границ натиск Запада, но временно вынуждена была покориться Орде. Несмотря на последний неприятный факт, благодаря этой политике была сохранена собственно *русская идентичность* как народа, так и государства. Можно ли – строго по аналогии – провести такую же линию связи между тем, что Даниил Романович всю свою жизнь старался уничтожить галицких Нискиничей, преуспев в итоге в этом, и его западной ориентацией? Именно этот его подход привёл к тому, что с 1325 г. его земли возглавил поляк, в 1340 г. – литовец[368], а в течение 1349-1390 гг. Волынь и Галиция были по частям включены в состав Польши. Не знающая, как уже указывалось, сослагательного наклонения история всё же даёт нам право допустить, что при Володиславе Константиновиче и его династии, или хотя бы при Ростиславе Михайловиче, полностью опирающемся на Нискиничей, Галицкая и Волынская Русь повторили бы судьбу Владимиро-Суздальской Руси, оставшись в едином общерусском поле.

По нашему мнению в призыве Иннокентия IV избавиться от монголов надо видеть несколько иной смысл. Война с Ордой, находящейся в расцвете своего могущества, силами одного Даниила, даже в союзе с иными русскими князьями, была невозможной. Собственно, после окончания ордынского междуцарствия, в 1259 г. Даниил без всякого сопротивления признал себя ордынским вассалом и уничтожил оборонительные укрепления собственных городов. Если бы его целью в 1255-1256 гг. было сопротивление Орде, он продолжал бы это и позднее, в конце концов вплоть до повторения подвига Св. Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. Таким образом, видно, что целью его якобы «антиордынского» выступления в 1255-1256 гг. было исключительно уничтожение Болоховской земли. Возможно, что истинный смысл призыва Иннокентия IV заключался также именно в этом.

7. Венгерская ветвь Нискиничей

Строго логически, вести дальнейший родословный поиск галицких Нискиничей было бы бесперспективно. После гибели в 1241 и 1245 гг. основных Нискиничей, не являвшихся урождёнными галичанами, а пришедшими со своими отцами в 1217 г. новгородцами, а также после исхода в 1242 г. из Галича «многих галичан» вместе с

[368] Любарт Гедиминович, князь Галицкий и Волынский [1340-1349], Волынский [1349-1366, 1370-1383], Галицкий [1353-1354, 1376-1377], Луцкий [1323-1324, 1340-1383]. Галиция была завоёвана поляками в 1349 г., затем Любарт дважды пытался её вернуть, но безуспешно. В 1366-1370 гг. завоёвана поляками была и Волынь. Сын Любарта Фёдор, князь Волынский [1383-1390] был уже польским вассалом, которого изгнали поляки с Волыни в 1390 г. В 1372-1387 гг. Галиция в силу династических коллизий временно входила в состав Венгерского королевства.

епископом Галицким Артемием [до 1239 – 1242(?)], галицкие Нискиничи, как таковые, и их опорная база перестали существовать. Если бы это было не так, то брожения против Романовичей, происходили бы и после 1245 г., однако таковое отсутствовало. Если кто-то из них и уцелел после 1245 года, то он, вне всякого сомнения, должен был уйти в Болоховскую землю. С её гибелью в 1255-1256 гг. история южнорусских Нискиничей, по нашему мнению, завершается. Можно, конечно, допустить, что кто-то из боковых ответвлений местных Нискиничей присягнул новой власти, начав играть по новым правилам. Однако, учитывая ожесточённость, с какой происходило противостояние Нискиничей с Романовичами, полагать последнее затруднительно. В Галиче, таким образом, могли остаться только их потомки по женской линии, каковые несомненно были, что демонстрирует нам пример боярина Давыда Вышатича 1231 года, женатого на племяннице Володислава Константиновича. Однако перспективы разыскания хотя бы таких потомков галицких Нискиничей довольно туманны: после того как на 1292 году обрывается галицко-волынская летопись, информации о местных делах в истории практически нет.

Вместе с тем есть основания полагать, что потомки Нискиничей сумели уцелеть в ходе событий 1240-50-х гг. Как показывает наше дальнейшее исследование, из собственно галицких Нискиничей известно только о потомках Жирослава Сдеславича. Прочие Нискиничи, найденные нами в XIII-XV вв. являются потомками пришлых в Галицкую землю новгородцев. Выход на венгерскую ветвь Нискиничей оказался возможен благодаря упоминанию одного члена их рода в Дубницкой хронике[369]. Причём это упоминание весьма характерно.

В июне 1338 (в ином варианте датировки – 1339) г. в Вышеграде (резиденции венгерских королей в 20 км от венгерской столицы Буды) состоялась встреча венгерского короля Карла I [1301/1308-1342] и польского короля Казимира III [1333-1370]. Помимо ряда иных вопросов, на этой встрече, как считается в историографии, обсуждался вопрос о наследстве Галицкого и Волынского княжеств. Их судьба была незавидна. По смерти Юрия I, западнорусскими землями правили братья-соправители, Лев II Юрьевич [1308-1323] и Андрей Юрьевич [1308-1323]. Они оба считались и титуловались князьями обеих княжеств, но строго официально Андрей сидел во Владимире-Волынском, а Лев – в Галиче. Линия Андрея оказалась выморочной: его единственная дочь вышла замуж за Любарта Гедиминовича, что и обеспечило ему впоследствии оба престола. После гибели братьев-соправителей в одном бою с литовцами, местным князем стал единственный сын Льва II – Владимир Львович [1323-

[369] Дубницкая хроника была составлена в Венгерском королевстве (в г. Варадин (совр. Орадя, Румыния)) в 1470-х гг., как компиляция более ранних текстов. Единственный сохранившийся её список нашёлся в Дубнице (совр. Словакия), откуда и её название. См.: *Майоров А.В.* К спорам о времени возникновения Молдавского княжества // Русин. 2013. № 3 (33). С. 44.

1325]. Он был лишь номинальным князем. Реальным некоронованным правителем вместо него стал местный боярин Дмитрий Детько, который и отстранил Владимира Львовича, пригласив поляка Болеслава, сына Марии Юрьевны, сестры Льва II и Андрея[370]. Этому же боярину принадлежала сомнительная «честь» приглашения в 1340 г. на оба престола Любарта Гедиминовича. После смерти Дмитрия Детька в 1349 г. Казимир III аннексировал Галицкую землю, пользуясь тем, что боярин Дмитрий всё это время был польским вассалом, тайно принёсшим соответствующую присягу.

Таким образом, в 1338/1339 гг. вопрос о будущем Галицкой и Волынской земель стоял очень остро: особенно в свете того, что Болеслав, ставший править под искусственным именем «Юрий II», будучи женатым с 1331 г., был бездетен, а король Карл I был тяжело болен и желал договориться по беспокоившему ему со стороны Польши вопросу. Польша же желала заручиться венгерской поддержкой в деле претензий на Западную Русь в противовес Литве. При этом сам Карл I не принадлежал к династии Арпадов, лишь его бабка была дочерью Арпада – Иштвана V [1270-1272]. Поэтому на Вышеградской встрече Карл I удовлетворил просьбы Казимира III. Такова общепринятая ныне версия событий.

Однако, согласно документам, 29 июня на королевскую встречу прибыл – лично к Карлу I – некто *Lothka dux Ruthenorum* со своей вооружённой свитой, обещая венгерскому королю «всяческую дружбу»[371]. В кратком, но достаточно неплохом обзоре О.К.Мазура показаны все точки зрения, которые с XIX в. выдвигались по поводу того, кем мог быть неизвестный «Лотка, князь Русский»: 1) Болеслав (он же Юрий II); 2) некий галицкий боярин; 3) некий «Владимир» (сокращённо «Лотка»); 4) Любарт Гедиминович[372]. Все эти версии были в указанной работе отвергнуты. Дополнительно к этому Л.В.Войтович показал, что Юрий II не был в Вышеграде на этой встрече королей, хотя бы потому, что об этом нет никакой официальной информации. Кроме того, не было бы никакой нужды именовать Болеслава сокращённым именем-прозвищем, да ещё и с ошибкой в одной букве[373].

О.Мазур провёл сопоставления данных лингвистов об употреблении в регионе соответствующих имён и показал, что сокращение *Лотка* могло произойти только от двух имён: *Владислав* и *Владимир*[374]. Затем он писал: «*Таким образом, «русский князь*

---

[370] Высказывается мнение, что Владимира Львовича не существовало вовсе, а Юрий II был приглашён на трон в том же 1323 г. См.: *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи.

[371] Historiae Hungaricae Fontes Domenici / Ed. M. Florianus. Vol. 3. Lipsiae, 1884. P. 128.

[372] *Мазур О.К.* «Лотка князь Руський прибув до Вишеграда»: гіпотетична ідентифікація особи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. 7. С. 72-74.

[373] *Войтович Л.В.* Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII – XVI ст. Львів, 1996. С. 101.

[374] *Мазур О.К.* Указ. соч. С. 74-75. Вместе с тем, гораздо раньше президент Румынской Академии наук [1920-1923] D.Onciul (1856-1923) лингвистически показал, что уменьшительные сокращения

Лотка» Дубницкой хроники мог быть князем, который носил имя Владимир, поскольку нам неизвестен никакой представитель дома Рюриковичей с именем Владислав»[375]. Также он полагал, что его вывод подкрепляется тем, что до середины XIII в. в каждом поколении западнорусских князей был кто-нибудь по имени «Владимир», а стольный город Волыни в латинских источниках писался и произносился как *Ladomer*, откуда, по его мнению, было быстрее всего породить сокращение *Лотка*. Однако затем цитируемый автор ступил на почву беспочвенного фантазирования, сказав, что наверное князь Андрей Юрьевич имел сына Владимира, который почему-то никогда и нигде не упоминался ни в одном источнике, и этот самый никому не известный «Владимир Андреевич» был князем *Лоткой*.

Высказанная параллельно с О.К.Мазуром версия, что загадочным князем *Лоткой* был Владимир Иоаннович, князь Киевский, который ещё в 1333 г. стал вассалом польского князя и короля Владислава I [1306-1333], а в 1338 г. якобы переприсягнувший Карлу I Венгерскому[376], и вовсе прошла мимо внимания историков. Это понятно, т.к. упомянутый князь фигура в высшей степени мифическая. Равновероятно допускается, что это – кто-то из Гедиминовичей, либо из потомков черниговских Ольговичей. В последнем случае допускается, что братья Иван-Владимир, Станислав и Фёдор Иоанновичи захватили с помощью татар Киев на рубеже 1300/1301 гг., потеряли его в пользу литовцев в 1321 г., вернули обратно до 1331 г. и потеряли окончательно в 1362 г. Однако это недоказуемая версия.

Ещё одна версия, приведённая в своей работе О.К.Мазуром, была высказана достаточно давно М.М.Кордубой (1876-1947)[377]. Последний из двух равновероятных имён, от которых произошло сокращение *Лотко*, выбрал, что совершенно правильно, имя *Владислав*. Однако он отказался искать соответствия этому имени среди Рюриковичей, тем более что таковых на самом деле нет. Он решил искать это имя среди западных современников. Никакой иной аргументации в пользу такого варианта поиска у него не было. Поэтому, строго научно, его результат нужно считать даже не версией, а *очень осторожным допущением*, которому нельзя найти доказательств. М.М.Кордуба отыскал среди современников изучаемого события Владислава *Горбатого* (1303/1305 – 1351/1352), князя Добжинского [1312 – 1327/1328, 1343 – 1351/1352] и Ленчицкого [1327/1328 – 1351/1352]. Он был сыном Земовита, князя Куявского [1267-1287],

---

типа *Лацко = Латцко = Латко = Владислав*. См.: *Onciul D.* Scrieri istorice / Ed. A. Sacerdoţeanu. Bucureşti, 1968. Vol. 1. S. 303-304.

[375] *Мазур О.К.* Указ. соч. С. 76.

[376] *Мицько І.З.* Давній унівський пом'яник // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20). Львів, 2011. С. 493.

[377] *Кордуба М.М.* Болеслав-Юрий II. Останній самостійний володар Галицько-Волинської держави з нагоди 600-ліття його смерті. Львів, 1940. С. 19-20.

Добжинского [1287-1293, 1295-1303, 1305-1312] – брата короля Польши Владислава I – и Анастасии Львовны (ум. 1335), дочери Льва I Даниловича, князя Перемышльского [1240-1301], Белзского [1245-1269], Галицкого [1264-1301], Волынского [1292-1301]. Теоретически, будучи родственником пресёкшейся в 1325 г. династии Даниила Романовича по женской линии, Владислав Добжинский имел права и возможности для претензий на галицкий и волынский престолы. Однако, как совершенно верно заметил О.К.Мазур: «*Всё известное нам об этом князе убеждает, что он никогда не интересовался делами Русского королевства*»[378]. На самом деле это действительно так: фигура Владислава Добжинского может рассматриваться в качестве князя *Лотки* 1338/1339 гг., но нигде не сообщается, что Владислав Добжинский когда-либо претендовал на Галич или Волынь, а равно ни в одном источнике не сообщается, чтобы он имел титул *князя Русского*.

Однако Л.В.Войтович решил поддержать допущение М.М.Кордубы, согласившись с ним в том, что князь *Лотка* есть Владислав Добжинский, сын Земовита Куявского и Добжинского. Интересно, при этом, что Л.В.Войтович не привёл для этого никаких дополнительных аргументов, а работу О.К.Мазура вначале указывал в числе работ, поддерживавших старую польскую версию о сокращении *Лотка* из *Болеслав*[379], а затем отвергал в пользу Владислава Добжинского, специально оговаривая это обстоятельство[380].

Точку зрения тех, кто отвергает предположение О.К.Мазура, понять можно: доказательств этому предположению нет даже на чисто логическом уровне. Но, учитывая вышесказанное о Владиславе Добжинском, согласиться с его кандидатурой также невозможно. Его можно отождествить с князем *Лотка* только в том случае если вслед за уверенностью польской историографии считать *a priori*, что Владислав Добжинский в 1323-1325 гг. добивался галицкого и волынского тронов, хотя на самом деле *об этом нет достоверных упоминаний*. Наконец, вспомним, что Владислав Добжинский был родным племянником короля Владислава I. Почему в таком случае сыну Владислава I Казимиру III, т.е. двоюродному брату Владислава Добжинского, не отдать бы оба или один западнорусские престолы своему кузену? Вместе с тем престол после отравления Юрия II в 1340 г. отдаётся литовцу, у которого Казимир III и его преемники буквально «по кускам» выкусывают затем часть за частью западнорусских земель. В то же время Владислав Добжинский умер бездетным около 1351/1352 гг., и

---

[378] *Мазур О.К.* Указ. соч. С. 76.

[379] *Войтович Л.В.* Тевтонський орден у політиці Галицько-Волинського князівства // Укр. істор. журн. 2010. № 6. С. 11; *Он же.* Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 2 (8). С. 11.

[380] *Войтович Л.В.* Польща, Мазовія, Литва та Угорщина у боротьбі за спадщину Романовичів // Проблеми слов'янознавства. 2010. Вип. 59. С. 61; *Он же.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 361.

это дало бы идеальную возможность для польской короны получить Галицию и Волынь в свой состав на целых полвека раньше, чем это состоялось в реальности.

Таким образом, отвергая как построения М.М.Кордубы и Л.В.Войтовича, а равно и О.К.Мазура, мы вынуждены остаться только с тем исходным материалом, что имя *Лотка* является сокращением от *Владислав*. Стоит задаться вопросом, с какой целью князь *Лотка* пришёл на Вышеградской встрече к Карлу I? Только затем, чтобы обещать ему «всяческую дружбу»? С какой стати, венгерскому королю нужна была бы «дружба» этого князя?

«Всяческую дружбу» венгерскому королю мог предложить либо суверенный правитель того времени, либо лицо, претендующее стать суверенным правителем с помощью венгерского короля, обещая ему за это потом эту самую «дружбу». Отсюда само собою вытекает, что *Лотка, князь Русский* приходил к Карлу I с просьбой помочь ему в получении искомого для него престола. Во всяком случае реальный суверенный правитель того времени с таким именем, не являющийся при этом иным вассалом, неизвестен. В этом случае главным в идентификации исследуемого нами лица является его титул, по-видимому, тождественный с тем титулом, на который он, собственно, и претендовал: *князь Русский*. Этот титул уже несколько раз встречался нам на протяжении всего нашего изложения: 1) *герцог Руси* Имре, сын Иштвана I Венгерского; 2) *дочь князя Руси* Вышеслава Вячеславна; 3) Владислав *Русский*, Константинович-«кормильчич». Во всех случаях, как мы помним, эти специфические титулы относились к представителям рода Нискиничей или – в случае с королевичем Имре – давались как почётное наименование некровному родственнику Нискиничей. Скорее всего, перед нами – четвёртый случай употребления этого титула. Но если это так, то князь *Лотка* должен быть кровным Нискиничем, а в этом случае он действительно должен носить имя *Володислав*. Из Нискиничей на галицком троне были только Володислав Константинович-«кормильчич» [1213-1214] и Доброслав Сбыславич-«судьич» [1240-1241]. Поэтому Нискинич, претендующий на галицкий трон в 1338/1339 гг., должен быть потомком кого-то из них. В любом случае он не мог быть самозванцем, иначе в этом случае он не пришёл бы напрямую к венгерскому королю со своей просьбой.

Определить степень родства очень непросто, по причине отсутствия, - на первый взгляд, - какой-либо дополнительной информации о человеке, единственный раз упоминаемом пришельцем на Вышеградскую встречу 1338/1339 гг. Его попытка, кстати, не удалась: «*О дальнейшей судьбе… Лотка сведений нет. Возможно, вернувшись в Галицкую землю, он был репрессирован со стороны Юрия II (был убит) или же нашёл пристанище при дворе других Рюриковичей. Во всяком случае, он не принимал участия в разделе владимирско-галицкого наследства после 1340 г.*»[381] Мы

[381] *Мазур О.К.* Указ. соч. С. 78.

должны поправить эту цитату, учитывая, что её автор неверно полагал *Лотку* Рюриковичем. Он не мог вернуться в Галицкую землю: как реальный претендент на престол, живя на Руси, он должен был возглавлять там независимый анклав, однако подобного факта после ликвидации Болоховской земли в истории неизвестно. Он не мог пребывать при дворе кого-либо из Рюриковичей, поскольку, они не могли приютить того, кто имел законное право свергнуть любого из них. Следовательно, надо думать, что Лотка-Владислав *Русский* и его ближайшие предки с 1240/50-х гг. должны были проживать за пределами Руси. На самой Руси – теоретически – они могли обитать только в Новгородской земле, на которую юрисдикция никого из Рюриковичей не распространялась. Учитывая, что там продолжали обитать и занимать главенствующие в местной власти должности их ближайшие родичи, это допущение не выглядит столь уж невероятным. Однако доказать его нельзя. Нужно лишь понимать, что если законный претендент на Галицкое княжество пришёл к венгерскому королю с вооружённой свитой, то где бы он не обитал, он был достаточно богат. Для этого он должен был быть либо суверенным правителем, либо мелким правителем – чьим-то вассалом. В противном случае он должен был быть достаточно крупным магнатом, каковые были в ряде славянских государств, а на Руси, повторимся, только в Новгородской земле.

Если русский Новгород исключить из рассмотрения, то можно предположить, что галицкие Нискиничи укрылись за пределами Руси у того человека, чьи претензии на Галич они активно поддерживали в 1230-40-х гг. и кто до своей смерти титуловал себя *князем Русским (Галицким)*. Речь идёт о князе Ростиславе Михайловиче, который, как указывалось, после поражения 1245 г. перестал претендовать на галицкий трон вооружённым путём и, будучи мужем дочери Белы IV – Анны, стал крупным венгерским магнатом. Сначала Бела IV посадил его наместником Славонии, а в 1247 г. создал для него *банат* (наместничество) Мачвы (Центральная Сербия), которым он управлял до своей смерти в 1262 г.

У Ростислава Михайловича было 6 детей: Бела (1243/1245 – 1272), Михаил (1243/1245 – 1266/1270), Анна-Елизавета (1243/1246 – 1296/1298), Кунигунда (1245-1285), Агриппина (ок. 1248 – 1303/1309), монахиня Маргарита (1250-1290).

Елизавета была выдана замуж за: 1) Михаила I Асеня (ок. 1238 – 1256), царя Болгарии [1246-1256] в 1255 г.; 2) его двоюродного брата, Калимана II Асеня, царя Болгарии [1256]; 3) венгерского магната *Mojs Dárói* (ум. 1280/1281) в 1260 г. Только в третьем браке она имела единственного ребёнка – дочь. Деятельность Ростислава в Болгарии исключила возможность для кого-либо из его сторонников осесть в этой стране. В 1255 г., после того как Болгария разгромила в войне Никейскую империю, Ростислав от имени зятя заключил с Никеей мир, по которому отдал ей все захваченные

болгарами земли. Из-за этого царь, его зять, был убит, а новый царь взял насильно в жёны жену предыдущего царя. Ростислав вторгся в Болгарию, Калиман II бежал и погиб. Ростислав взял болгарскую столицу и провозгласил себя «царём Болгарии», но не был признан в этом качестве болгарами. Новыми болгарскими монархами стали ставленник местной знати Константин I [1256-1277] и ставленник Ростислава – муж сестры Михаила I Болгарского – Мицо Асень [1256-1263]. По причине ухода Ростислава с войсками в Чехию, до 1261 г. Константин I Болгарский вернул себе захваченные венграми и Ростиславом земли. В 1261 г. Ростислав вновь попытался вмешаться в болгарские дела, но вскоре скончался.

С 1257 г. Ростислав воевал в Чехии по велению Белы IV против чешского короля [1253-1278], герцога Австрии [1250-1276], герцога Штирии [1251-1254, 1260-1276], герцога Каринтии [1269-1276], герцога Крайны [1269-1276] Пржемысла Отакара II. Война вскоре завершилась поражением Венгрии в 1260 г., а в 1261 г. Ростислав выдал свою дочь – Кунигунду за чешского короля. Сыном Пржемысла Отакара II и Кунигунды был Вацлав II, король Чехии [1283-1305], князь и король (с 1300) Польши [1290-1305]. Внук Ростислава – Вацлав III был королём Чехии и Польши [1305-1306], королём Венгрии под именем Ласло V (или Венцеля) [1301-1305]. На Вацлаве III пресеклась чешская династия Пржемысловичей в мужской линии.

Агриппина Ростиславна в 1265 г. была выдана за будущего князя Краковского [1279-1288] Лешека II. Однако их брак был бездетен, и в 1288 г. Агриппина стала монахиней.

Двое сыновей Ростислава наследовали владения отца: Бела Ростиславич стал баном Мачвы [1262-1272] и Боснии [1266/1270-1272], Михаила Ростиславич – баном Боснии [1262 – 1266/1270][382]. Они приняли участие в венгерской усобице, переросшей в гражданскую войну.

Ещё в 1246 г. Бела IV короновал своего сына Иштвана V [1246-1272] как соправителя – «младшего короля», однако властью его не наделил. В 1258 г., собрав войска, сын вынудил отца дать ему воеводство Трансильвании. В том же году Бела IV сделал сына герцогом Штирии [1258-1260], захваченной в 1254 г. и утерянной в пользу Чехии затем в июне 1260 г. После потери Штирии, Иштван вернулся к трансильванскому воеводству, и в 1261 г. король-отец, король-сын и Ростислав Михайлович совместно воевали против Болгарии. В 1262 г. Бела IV вновь уступил сыну, даровав ему в управление всю часть Венгерского королевства к востоку от Дуная. Однако в 1264 г. Иштван изъял в свою пользу все владения собственных матери и сестры (матери банов Ростиславичей) в своей части государства. Так началась война, которая завершилась в военном отношении поражением войск Белы IV в марте 1265 г. По мирному соглашению Иштван V вновь получил все земли королевства к востоку от Дуная. В

[382] *Vaníček V.* Velké dějiny zemí Koruny české III. 1250-1310. Praha, 2002. S. 92.

марте 1266 г. короли-соправители вновь подтвердили условия мира, а в 1267 г. проведённый в Эстергоме съезд знати торжественно ратифицировал эти решения. Известно, что Михаил Ростиславич принял активное участие в описанной войне на стороне Белы IV. За это около 1266/1268 гг. Иштвану V удалось свергнуть его, а около 1268/1270 г. Михаил был убит, оставшись бездетным: Босния были присоединена к владениям Белы Ростиславича[383].

В самом начале 1268 г. войска сербского кроля Стефана Уроша I [1243-1276] внезапно вторглись в Мачву[384]. Бела Ростиславич, получив военную помощь Белы IV, разгромил весной 1268 г. сербов и пленил сербского короля. Затем оба государства помирились, и старший сын сербского короля, будущий король Стефан Драгутин [1276-1282] женился на дочери Иштвана V.

В самой Венгрии продолжались внутренние проблемы. После смерти летом 1269 г. своего любимого сына Белы (1243/1249 – 1269), король Бела IV решил, не доверяя Иштвану V, передать Венгрию своей дочери, Анне, матери Ростислава Михайловича. В королевском завещании указывалось, что управление Венгрией поручается Анне *Венгерской* под эгидой её зятя – Пржемысла Отакара II: Бела IV умер 3 мая 1270 г.[385] Однако Иштван V сумел перехватить власть в свои руки, и Анна вместе с частью казны и коронационной короной Венгрии бежала в Прагу. В августе 1270 г. Иштван V заключил античешский союз с князем Краковским Болеславом V [1243-1279], который был женат на другой сестре нового венгерского короля. Однако в октябре 1270 г. на личной встрече венгерского и чешского королей было заключено двухлетнее перемирие. Уже в декабре 1270 г. Иштван организовал провокационные стычки на границе, и чешские войска в апреле 1271 г. вторглись в Венгрию. Победив в двух сражениях, чехи были разбиты в генеральной битве 21 мая 1271 г. В июле 1271 г. оба королевства заключили мир, восстановив территориальное статус-кво, а Иштван пообещал не претендовать на увезённые его сестрой ценности.

Интересно, что Бела Ростиславич, также как и в 1260-е гг., сохранил верность именно Иштвану V: его войска участвовали в сражении с чехами в 1271 г.[386] Однако в июне 1272 г. против Иштвана вспыхнул баронский мятеж: его 10-летний сын и наследник был пленён. Не успев начать военные действия, 06 августа 1272 г. король умер от потрясения, и бароны объявили королём несовершеннолетнего Ласло IV [1272-1290].

---

[383] Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Eds.: G. Kristó, P. Engel, F. Makk. Budapest, 1994. P. 137, 342; *Zsoldos A.* Családi ügy – IV. Béla és István ifjabb király viszálya az 1260-as években. Budapest, 2007. P. 123.

[384] *Fine J.V.A.* The Late Medieval Balkans: a critical survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor (Michigan), 1994. P. 203. В 1284 г. новый венгерский король добровольно отдал Мачву Сербии.

[385] *Kristó G., Makk F.* Op. cit. P. 265.

[386] *Vaníček V.* Op. cit. S. 130.

Однако Бела Ростиславич выдвинул свои претензии на трон: его сторонники напали на жилище королевы-вдовы, обвиняя её в предательстве покойного Иштвана, но были отбиты. Уже 3 сентября 1272 г. была проведена спешная коронация Ласло IV, а в ноябре 1272 г. Бела Ростиславич был убит баронами во время длительных коронационных торжеств, поскольку по предварительной договорённости именно он вместе с королевой-матерью должен был стать регентом[387]. Земли Белы Ростиславича разделили между собой барон-убийца и его ближайшие сторонники[388]. Следует заметить, что благодаря своей приверженности Иштвану V, в 1270-1272 гг. Бела Ростиславич стал весьма крупным магнатом: молодой король дал ему в управление все сербские земли, находящиеся в составе Венгерского королевства. В ноябре 1272 г. убийцы поделили между собой не только Мачву и Боснию, но также банат Браничево (*Braničevo*), банат Кучево (*Kučevo*), банат Усора и Соли (*Usora-Soli*), принадлежавшие Беле Ростиславичу[389]. О браках и потомстве Белы Ростиславича никакие источники не сообщают: раздел его земель между иными баронами может косвенно свидетельствовать об отсутствии у него детей.

Таким образом, если полагать, что прямая ветка потомки южнорусских Нискиничей находилась при Ростиславе Михайловиче и его сыновьях в Венгерском королевстве в качестве *служилых дворян-вассалов*, надо видеть, что искать их корни следует в Венгрии, Польше или Чехии. Болгария исключается из-за слишком одиозной политики там Ростислава Михайловича. В Польшу и/или Чехию служилые дворяне могли сопровождать дочерей своих сюзеренов, выдаваемых замуж, но основная ветвь рода должна была, при этом, остаться в Венгрии. Русь мы исключаем, поскольку неясно было бы появление из Руси лица, которое бы просила венгерского короля обеспечить ему галицкий трон в 1338/1339 гг. По этой же причине мы должны исключать Польшу и Чехию. Если там и осели какие-то потомки Нискиничей, то они должны были действовать либо на свой страх и риск по овладению каким-нибудь престолом, либо обращаться за помощью в этом к своим монархам. То, что князь *Лотка* обратился за помощью к венгерскому королю, означало, что он был его подданным.

Отсюда, как представляется, вытекает факт того, что после гибели Белы Ростиславича и раздела его земель, его дворяне-вассалы должны были разойтись по иным сюзеренам. Однако политическая обстановка в Венгрии последней четверти XIII в. и особенно в течение 1270-х гг. была такова, что выбор между соответствующими группировками был невелик. Расслоение в среде местного баронства произошло во время гражданской войны 1260-х гг. Большее число баронов

---

[387] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 108; *Zsoldos A.* Op. cit. P. 132.

[388] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 108; Magyarország történeti kronológiája. Vol. 1 / Ed. L.Solymosi. Budapest, 1981. P. 166.

[389] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 108.

встало за Анну *Венгерскую* и вместе с нею бежало в Польшу в 1270 году. Специально уточняется, что Анна, несмотря на то, что была матерью Белы Ростиславича, серьёзно рассорилась с ним из-за его нежелания изменить Иштвану V[390]. Главой баронов, бежавших вместе с Анной в Польшу, был *Henrik Kőszegi* (ум. 1274), который и стал затем главным убийцей Белы Ростиславича. Главой тех баронов, что до времени остались в Венгрии, но примыкали к Анне, был *Joachim Gutkeled* (ум. 1277), который начал мятеж в 1272 г., лично похитив наследника престола. Помимо кланов Kőszegi и Gutkeled, включавших в себя ряд знатных фамилий, в эту баронскую группировку входил также клан Geregye. Противостоял им клан Csák, в особенности его ветвь Trencsén, и Бела Ростиславич; только после первого отстранения от власти клана Kőszegi летом 1274 г. на сторону клана Csák стали переходить иные бароны, например *Roland I Rátót* (ум. 1277/1278)[391]. Последний был венгерским палатином («вице-королём») [1248-1260, 1272-1273] и был в числе убийц Белы Ростиславича, став после него баном Мачвы [1272-1273].

Следует заметить, что руководство заговором против короля и убийство Белы Ростиславича могут иметь более глубокий смысл, нежели тот, что вкладывался в эти события ранее. С одной стороны, можно говорить о банальном баронском мятеже, каковой, безусловно, имел место. С другой, можно привлекать версию о том, что *Joachim Gutkeled* был любовником королевы. Однако эта версия совершенно недоказуема, что указывается всеми серьёзными венгерскими историками. Но, на наш взгляд, есть очень существенный фактор, который становится явственен в свете нашего исследования.

По нашему мнению, если антикоролевский мятеж, возглавленный на первых порах *Joachim Gutkeled*, был действительно баронским своеволием, то убийство Белы Ростиславича имело под собой отнюдь не только боязнь его регенства. Дело в том, что летом-осенью 1270 г. *Joachim Gutkeled* женился на внучке Даниила Романовича, князя Волынского и Галицкого. Она была дочерью его сына – Романа Даниловича (ок. 1230 – 1258/1260)[392]. Даниил Романович и его потомство не могли не рассматривать вегерских Ростиславичей как претендентов на галицкий трон, причём претендентов законных. Находящиеся в окружении Белы Ростиславича Нискиничи должны были вызывать у Даниила Романовича ещё большие опасения, нежели сам князь Бела. Если бы князь Бела действительно стал регентом, ничто бы не помешало ему впоследствии претендовать не только на венгерский трон, но и на западнорусские княжества.

---

[390] *Vattai F.E.* A Margitszigeti korona és gyürü // Folia Archaeologica. 1966/1967. Vol. 18. P. 130-131.
[391] *László M.* A magyar állam főméltóságai Szent Istvántól napjainkig: Életrajzi Lexikon. Budapest, 2006. P. 250.
[392] *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. S. 360-361.

Поэтому переворот против Белы Ростиславича был необходим прежде всего для Даниила Романовича.

Вернёмся к отысканию корней галицких Нискиничей в Венгрии. В клан Csák входило 12 ветвей; ветвьTrencsén была основана *Máté I* (ум. 1245/1249). Во время рассматриваемых событий фамилия возглавлялась его тремя сыновьями (жена *Máté I*, Маргарита, не идентифицирована в генеалогии): *István I* (ок. 1235 – 1279/1283), *Máté II* (ок. 1235 – 1283/1284), *Péter I* (ок. 1240 – 1283/1284). *Máté II* [1278-1280, 1282-1283] и *Péter I* [1275-1276, 1277, 1278, 1281] занимали должность палатина, причём признанным главой фамилии был младший из братьев, *Péter I*. Именно он был близок с Белой Ростиславичем. Последний был обязан ему жизнью: когда в битве с чехами в 1271 г. Бела был ранен и под ним погиб конь, именно *Péter I* спас его с поля боя. Этот факт отмечался королём Ласло IV в 1274 г. специальной грамотой[393].

Таким образом, надо учитывать, что вряд ли дворяне-вассалы убитого сюзерена могли остаться в прежних его владениях, отошедших убийцам, если только они не были предателями. Также надо учитывать, что скорее всего такие дворяне должны были перейти на службу к тому барону, который был ближайшим союзником убитого сюзерена. В краткий временной период с ноября 1272 по лето 1274 гг. таким венгерским бароном был только *Péter I Csák*. Очень любопытно, при этом, увидеть, что именно этот венгерский барон был весьма близок со славянами, входившими в состав Венгерского королевства. Его сестра была выдана замуж в Моравию: её супругом стал местный землевладелец-славянин *Zdeslav Sternberg* (ум. ок. 1263/1265)[394]. Таким образом, можно допустить, что и мать *Péter I* могла быть славянкой: во всяком случае, если бы она происходила из знатного венгерского рода, её происхождение было бы отмечено в документах. Интересно, что в июне 1273 г. Ласло IV даровал *Péter I* земельные владения в Нитранском княжестве, дав ему в частности, г. Сеницу[395]. Около 1277/1278 г. он получил во владение г. Комарно в Нитранском княжестве; на 1281 г. дворяне Падани (Пожоньское графство) были насильно обращены в его вассалов[396]. Наконец, родовые земли ветви Trencsén граничили с Нитранским княжеством с востока. Сын *Péter I – Máté III* (1252/1265 – 1321) был одним из крупнейших венгерских баронов своего времени, а его владения были фактически независимы от королевской власти. Он также занимал должность палатина [1296-1297, 1302-1310], лорда казначейства [1310-1311] и унаследовал все владения обоих своих дядей, которые были бездетными: в частности, г. Топольчани в Нитранском княжестве, г. Тата (близ Эстергома). После смерти ок. 1300 г. бездетного брата он унаследовал и его земли, а также, пользуясь

[393] *Kristó G.* Csák Máté. Budapest, 1986. P. 43.
[394] Op. cit. P. 50.
[395] Op. cit. P. 45.
[396] Op. cit. P. 50.

любыми возможностями, расширял свой домен, захватывая ряд земель в годы усобиц с 1290-х по 1311 годы. Ему везло также вовремя угадывать будущего победителя в усобицах иделать ставку на него. Так, в 1301 г. он поддержал чешского короля, а в 1304 г. стал на сторону Карла I, который тогда был ещё одним из многих претендентов на венгерскую корону. В результате на 1311 г. в состав его домена входило 50 замков и 15 графств. До 1315 г. Вышеград также входил в домен *Máté III*.

В 1310 г. *Máté III* был оскорблён своим понижением с должности палатина до лорда-казначея. В следующем году он покинул новый пост и вскоре начал войну с королём, которому сам помог прийти к власти. Война была упорной и разорительной, но король не мог справиться с *Máté III* только военным путём. В сентябре 1315 г. специальным распоряжением король лишил всех земельных владений троих наиболее активных дворян-вассалов *Máté III* (отдав эти земли клану *Rátót*), а в 1316 г. инспирировал восстание против него еще нескольких его же дворян-вассалов. Но до своей смерти, наступившей 18 марта 1321 г. *Máté III* оставался для короля неуязвим. Его домен был унаследовал его двоюродным братом *Stephen Sternberg*, поскольку *Máté III* пережил своего сына и внука, умерших в том же году. Однако новый магнат, не успевший обрасти сторонниками, уже не представлял опасности для короля. Осенью 1321 г. королевские войска заняли земли бывшего домена *Máté III*, и они были отобраны в казну[397].

Таким образом, тесные связи этой ветви рода Csák со славянами и особенно с Нитранским княжеством, позволяют нам, хотя и косвенно, допускать, что подвизавшиеся до 1272 года при банах Ростиславичах Нискиничи перешли дворянами-вассалами к *Péter I Csák* и его наследникам. Мы, конечно, не имеем никакой возможности для гипотетического предположения, что Маргарита, жена *Máté I Csák*, могла быть из Нискиничей. Но мы полагаем, что можно обратить внимание на использование детьми этой женщины любопытного топонима. Центром владений *István I Csák* стал построенный им же замок *Hrussó (Hrušov)* в Нитранском княжестве (близ совр. г. Скицов (Словакия) в 165 км от Будапешта). После его смерти замок перешёл во владение *Máté II*, а затем – к *Máté III*; в 1321 году в числе прочих владений замок был отобран на короля[398].

Эти варианты можно иметь в виду. Но гораздо важнее тот факт, что в средневековых актах Венгерского королевства упоминается венгерский дворянин по имени *Lo(a)thka*. В акте № 227 от 18 августа 1318 г. указывается следующее: 1) в Эстергомском округе «*по ту сторону реки*» *Goron*, т.е. Грон (левый приток Дуная, естественная граница с востока Нитранского княжества в составе Венгерского королевства), умер, не оставив

[397] *Kristó G.* Csák Máté. P. 199.
[398] Op. cit. P. 40-41.

наследников *Myko fia Lathka*, владелец имений *Hurth* и *Tata*; 2) его же имения находились на реке *Sytua* (совр. *Sučí*, левый приток р. Слатина, тогда как Слатина есть левый приток Грона) – *Vrs* и *Heten*; 3) имения *Vrs* и *Heten* находились в совладении умершего и его брата (ныне живущего); 4) по просьбе троих сыновей покойного графа *Lőrinc Beke*, король признал недействительными и изъял владения умершего *Myko fia Lathka*, а равно и перешедшие к нему имения некоего *Pál fia István*, как таких, кто присоединился к врагам короля[399].

Это чрезвычайно любопытный документ. Перед нами доказательство существования венгерского дворянина *Lathka* сына Мики/Миклоша/Николая[400], умершего в 1318 г. По нашему мнению, разночтения в одной гласной букве в сравнении с князем *Lothka* здесь несущественно. Более того, мы видим, что покойный дворянин *Lathka* и его брат владели имениями, часть которых находилась на землях *Máté III Csák* (в частности, речь идёт о г.Тата) фактически на границе Эстергомского округа и Нитранского княжества. Таким образом, двое дворян, детей *Myko* явно были вассалами *Máté III Csák* ещё в 1318 году. Причём они на это время стояли на стороне, противной королю.

Чрезвычайно интересной является также информация о местах протекания реки *Sučí*. Река длиной 6,3 км текла от истока вначале на юго-запад, и через около 900 м протекала мимо деревни *Látky* в округе *Detva*. В соседнем округе *Rimavská Sobota* как минимум с 1278 г. известно село *Hrušovo* (венг. *Hrussó*, 1285/1526); разночтения названия: *Horossou* (1278), *Huruso* (1285/1369), *Huruswa* (1297), *Hurson* (1312), *Hursou* (1321), *Hruso* (1342), *Hrwssow* (1378/1506), *Hrussow* (1388), *Horaso* (1388), *Hrwswa* (1427), *Hrwso* (1482), *Rwso* (1500/1503), *Rwsowa* (1511), *Russo* (1516/1525)[401].

Мы не знаем иных, помимо перечисленных в документе 1318 года владений покойного *Lathka* и его ныне живущего брата, поэтому не можем утверждать, что сёла *Látky* и *Hrušovo* также принадлежали им. Однако название первого села фактически совпадает с уменьшительным именем *Lathka*. Название второго села, фактически копирующее название главного замка *István I Csák*, фактически совпадает с прозвищем князя *Lothka* 1338/1339 гг. – *Русский*. Название обсуждаемого населённого пункта под 1511 годом и вовсе совпадает с этим эпитетом. Однако и среди владений неназванного по имени брата *Myko fia Lathka* присутствовало имение *Vrs*, находящееся на реке *Sučí*. Учитывая множественные разночтения в названии села *Hrušovo*, надо думать, что в

---

[399] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristo. Budapest, 1998. T. 5: 1318-1320. P. 95-96.

[400] В венгерском языке на первое место ставится патроним, т.е. фамилия или имя отца, а затем через слово *fia* «сын» указывается имя его сына. Поэтому старовенгерская запись типа *Myko fia Lathka* означает *Lathka, сын Myko*; *Pál fia István* означает *Иштван, сын Пала/Павла*. С учётом полного родительного падежа читать это надо как *Павла сын – Иштван*.

[401] *Bakács I.* Hont vármegye Mohács előtt. Budapest, 1971. P. 128, 448, 453.

документе 1318 года оно было зафиксировано под названием *Vrs*, каковое название полностью идентично эпитету *Русский*.

Таким образом, мы полагаем, что целый ряд совпадений позволяет нам утверждать об обнаружении семьи, из которой произошел *Lothka dux Ruthenorum*. Во всяком случае, иных венгерских дворян с подобным именем не фиксируется на всей территории Венгерского королевства ни в предшествующие, ни в последующие годы, что, согласно концепции родовой преемственности имён, позволяет нам сделать соответствующий вывод. По всей видимости, *Lothka dux Ruthenorum* был племянником *Myko fia Lathka*, т.е. сыном его неназванного по имени брата.

Кстати, об этой семье есть ещё одно небольшое упоминание. В актах №№ 777, 868 от 8 мая и 27 июля 1320 г. указывалось, что имение *Hurth*, упомянутое ранее под 1318 годом, принадлежавшее *Myko fia Lathka*, располагалось слева от августинского монастыря Св. Анны в Эстергоме[402]. В документах 1320 г. это имение указывается как *ранее принадлежавшее Myko fia Lathka*.

Сохранившиеся документы позволяют говорить о том, что некоторые потомки галицких Нискиничей были весьма активными и близкими вассалами *Máté III Csák*. Об этом свидетельствует акт № 48 от 3 марта 1318 г.[403] Здесь излагаются результаты набега *Máté III* в 1317 г. на Нитру, на владения епископа Нитранского Яна III [1302-1328]: владения были разграблены, а епископская резиденция сожжена. Готовясь к финальной стадии войны с *Máté III*, по указанию короля епископ Нитранский отлучил от Церкви всех сторонников *Máté III*, причём важнейшие были перечислены в цитируемом документе: 1) Desoh, 2) Loránd Coscha, 3) Ablanch, 4) Endreh Litwa, 5) *Orrus Miklós*, 6) Detncus Gymes, 7) János Zulduar, 8) Pál fia István. Здесь *Desoh* был зятем *Máté III*, а прочие являлись т.н. *кастелянами*, т.е. администраторами замка/замков вышестоящего феодала и прилегающей округи. Фактически кастелян был управляющим замка, верховным командиром местного гарнизона, распорядителем местного обслуживающего персонала, а также управлял окрестной территорией: собирал подати и дани, вершил суд и т.п.

Miklós Orrus списка 1318 года, по нашему мнению, является отцом *Myko fia Lathka*. Доказательством тому следует видеть повторное одновременное упоминание «врага короля» из акта № 227 *Pál fia István* и земли которого затем изымались из владений *Myko fia Lathka*. Таким образом, последним доказательством того, что *Lothka dux Ruthenorum* был представителем обнаруженной нами венгерской дворянской семьи, следует полагать прозвище Myko – *Orrus* – т.е. *Русский*.

---

[402] Documenta Res Hungaricas. T. 5. P. 299-300, 333.
[403] Op. cit. C. 28-31.

Этот человек встречается в старых актах ещё раз: в актах №№ 327-328, 331 от 26 сентября 1316 г. приводится список лиц, клятвенно выразивших верность своему сюзерену, *Máté III Csák*. Среди них упомянут дворянин *Miklós Orros (Nasutus)*[404]. Поскольку все прочие имена практически идентичны списку 1318 года, нет сомнений, что дворянин 1316 и 1318 гг. тождественны. Здесь наличествует дополнительное прозвище *Nasutus*, что пытаются перевести как *Носатый* либо *Остроумный*[405].

Доказательством того, что мы верно определили тождественность *Myko* и *Miklóst Orrus*, является, помимо идентифицирующего признака в лице дворянина *Pál fia István*, выявление нами брата *Myko/Miklóst*. Его имя целиком соответствует имени *La(o)thka*. Он фигурирует в акте № 615 от 30 октября 1317 г.[406] Королевский акт здесь говорит о ближайших сторонниках короля Карла I, пострадавших от карательных действий по отношению к ним со стороны *Máté III*. Документ подтверждает все их прежние дипломы и пожалования в награду за службу королю. В числе прочих упоминается *Hurusow-i (dict.) László c.* или по-латыни *comitis Ladislai dicti de Hurusow*[407], т.е. *комес* (он же *граф*) Владислав из (по прозвищу) *Hurusow*. В акте особо указывается на то, что граф Владислав пострадал более прочих: он был пленён *Máté III*, подвергнут пыткам (в частности, ему был отрезан палец), но после уплаты выкупа в 3 тыс. марок был выпущен из плена.

Принадлежность его к изучаемому нами роду определяется нами, исходя из упоминаемого владения. Причём название этого владения говорит о том, что его владелец фактически носил прозвище *Русский*[408]. Подчёркивается, что речь идёт именно о ранее рассмотренном нами словацком селе[409]. Однако с не меньшей вероятностью может указываться и замок, принадлежавший семье Csák с середины XIII века. Вполне вероятно, что потомки галицких Нискиничей, перейдя на службу к семье Csák после гибели Белы Ростиславича, подвизались вначале именно в качестве кастелянов. Их специфическое прозвище *Русский*, видимо, и дало название и замку и собственным владениям впоследствии; лишь затем с добавлением одной буквы в

---

[404] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristo. Budapest, 1996. T. 4: 1315-1317. P. 127-129.

[405] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации «прозванных Русскими» в королевстве Венгрия XIV в. Magister Nicolaus «dictus» Orrus de genere Pech // Rossica Antiqua. 2013. № 1 (7). С. 110.

[406] Documenta Res Hungaricas. T. 4. P. 232-233.

[407] Regesta diplomatica nec non epistolaria Slovaciae / Ed. V.Sedlák. Bratislava, 1987. T.2. S. 126.

[408] В случае старовенгерской формы записи «топоним + окончание –*i*» речь шла о фамилии, образованной от названия топонима (владения дворянина). В данном случае топоним *Русский* совпадает с прозвищем прочих родственников – *Русский*.

[409] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 112.

местном произношении село *Русов* стало селом *Грушов*: разночтения в названии населённого пункта, как мы помним, имели место в течение нескольких веков[410].

Упоминание Владислава *Русского* в 1317 г. графом и сторонником короля позволяет нам, некоторым образом, воссоздать историю семьи в самых общих чертах. В начале XIV в. они повторили, по-видимому, судьбу своих прежних соратников – банов Ростиславичей. Те в своё время разделились: Михаил стоял за Белу IV, а Бела – за Иштвана V. Здесь же мы видим, что один из братьев, граф, остался верен королю, за что был схвачен, пытан, но откупился. Его брат, напротив, был ревностным сторонником *Máté III*, т.е. антикоролевских сил. Во время набега на Нитру в 1317 г. в акте № 48 (1318 г.) указывается, что *László Hurusoh/Hrussó* понёс убытков на 60 марок, его урожай был потравлен, а пять крепостных убиты[411]. Таким образом, в 1317 году братья воевали друг с другом: вероятно именно с помощью Миклоша граф Владислав и был пленён. Поэтому совершенно понятно изъятие в королевскую казну имений, оставшихся у умершего без наследников *Lathka*, тогда как имения, бывшие в совладении его и его неназванного по имени брата, не были изъяты. Можно гипотетически определить старшинство братьев: *Miklóst* должен быть старше, поскольку на 1318 г. не он, а его брат назван совладельцем с ним указанных имений.

Кстати говоря, рассмотренное позволяет говорить, что речь всё-таки должна была идти в первую очередь о *замке Hrussó*, а не о словацком селе. На эту мысль наталкивает то, что граф Владислав потерпел убытки и был пленён из-за нападения *Máté III* на Нитру. Если *Máté III* наносил удар со стороны своих родовых земель – *Trencsén,* – то из Северо-Восточной Словакии нужно были идти на юг: тогда на пути сначала вставал замок *Hrussó*, затем – Нитра и много юго-восточнее лежало село *Hrussó*. Замок *Hrussó,* Нитра и село *Hrussó* составляли чёткий треугольник. Если измерять расстояния по прямой на современной карте, то от Скицова (замок *Hrussó*) до села *Hrussó* будет 62,79 км, от Скицова до Нитры – 34,23 км, от Нитры до села *Hrussó* – 76,20 км. В то же время от современного Тренчина до Скицова 50,92 км, от Тренчина до Нитры – 64,89 км, от Тренчина до села *Hrussó* – 113,11 км. Следует также заметить, что в

---

[410] Вместе с тем есть серьёзные основания полагать, что либо замок, либо село с названием *Hrussó* существовало уже в 1272 г. Именно под этим годом в акте № 39 упоминается некто *Horussou-i Miklós fia Adrianus*. См.: A Balassa család levéltára (1193-1526) / Ed. I. Borsa. Budapest 1990. P. 21. Согласно записи, Адриан сын Миклоша был владельцем указанного имения. Автор комментариев к актам указывал, что названия *Hrussó, Horussou* и *Hrušov* следует отождествлять. См.: Op. cit. P. 234. Если видеть в этой исторической фигуре этнического венгра, надо говорить о существовании рассматриваемого имения (о замке или о селе идёт речь в акте № 39, неясно) до того, как Нискиничи получили его во владение. Однако, строго гипотетически, можно видеть в дворянине Адриане члена рода Нискиничей.

[411] Documenta Res Hungaricas. T. 5. P. 29. В латинском написании этого же документа он назван *Ladislaus de Hunysch*. См.: Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Feyer. T. 8. Vol. 2. Budae, 1832. S. 174.

непосредственной близости от этих имений находилось и открытое М.М.Волощуком венгерское имение Володислава Константиновича-«кормильчича» - *Pagran/Pogran*, являющееся сейчас предместьем Нитры.

По нашему мнению, именно приверженность графа Владислава королю и могло позволить его сыну – тоже Владиславу приехать к Карлу I в Вышеград и просить вернуть ему галицкий трон: принадлежность к мятежным сторонникам *Máté III* не позволила бы ему общаться с королём на подобные темы. Имя предполагаемого отца *Lothka dux Ruthenorum* подтверждает, что сокращение *Lathka/Lothka* произошло именно от имени *Владислав*. Графское достоинство отца *Lothka dux Ruthenorum* подтверждает сделанные нами ранее предположения, что князь *Лотка* должен был быть подданным венгерского короля, а равно достаточно богатым и значительным лицом, чтобы приезжать к своему королю с вооружённой свитой и, собственно, иметь с королём какие-то беседы.

Интересно, что в историографии существуют попытки по-другому идентифицировать дворянина по имени *Miklós Orrus*. Впервые *Miklós Orrus* акта № 48 (1318 г.)[412] и *Miklós Orros (Nasutus)* актов №№ 327-328, 331 (1316 г.) были отождествлены венгерским учёным Д.Кристо (1939-2004) в примечаниях к цитированным нами документам. При этом этот серьёзный венгерский историк и генеалог не отождествлял этого исторического персонажа ни с кем иным. Однако М.М.Волощук предпринял специальное исследование, посвящённое полному тёзке обсуждаемого исторического персонажа: *filius Aladari magister Nicolaus «dictus» Orrus de genere Pech* (сын Аладара, магистр Николай «прозванный» Русским из рода Печ) упоминался в актах королевским чиновником с 1323 по 1344 гг.[413] Здесь цитируемый автор предположил, что *Miklós Orrus* акта № 48 (1318 г.) теоретически может быть отождествлён с Николаусом из рода Печ[414]. Справедливости ради, следует заметить, что М.М.Волощук не настаивал на своём предположении и привёл аргументацию против собственного допущения: 1) «*Поскольку список персон, выступавших на стороне Матвея Тренчанского* (Máté III – *В.Т.*), *в указанных актах* (1316 и 1318 гг. – *В.Т.*) *почти идентичен, мы «по умолчанию» могли бы действительно согласиться с версией известного ученого Дьюлы Кришто о тождестве упомянутых особ* (Miklóst Orrus и Miklós Orros (Nasutus) – *В.Т.*)»[415]. 2) «*Проблема индивидуализации сына Аладара Николая «прозванного» Русским de genere Pech и союзника палатина Матвея* (Máté III – *В.Т.*) – *Николая прозванного Русского (Nasutus) – усложняется… Теоретически*

[412] В латинском написании этого же документа он назван *Nicolaum dictum (прозванный) Orus*. См.: Codex diplomaticus Hungariae. T. 8. Vol. 2. S. 180.
[413] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 105-125.
[414] Там же. С. 110-114.
[415] Там же. С 110.

вполне возможно, что в начале XIV в. в землях подконтрольных королевской оппозиции могло проживать две персоны с идентичными прозваниями. Однако при этом местонахождение и родословную этого «другого» Николая исследовать просто нереально вследствие недостаточности данных документов»[416].

Однако, как видно из нашего исследования, на самом деле исследовать и местонахождение и родословную «*этого «другого» Николая*» оказывается вполне возможным. Кроме того, М.М.Волощук показал, что, вероятнее всего, Николай «Русский» из рода Печ не был этническим русским, а получил такое прозвище по своим служебным функциям: являясь кастеляном крепости Дрегей, в окрестностях которой проживали русские переселенцы[417]. Подобным образом следует очень тщательно анализировать все прозвища «*русский*» применительно к тому или иному персонажу венгерских древних актов. К примеру, также было показано, что трансильванский вице-воевода [после 1338 – до 1355/1358] Пётр из рода Балог, «*прозванный русским*», также не был этническим русским, а получил своё прозвище либо по служебной деятельности[418], либо от своей матери русского происхождения[419].

Возможно, фигура *Miklós Orrus* впервые появляется в документах в 1305 г. В акте № 771 от 21 сентября 1305 г. упоминается, что *Rouoz (dict.) Miklós c.* вёл какую-то тяжбу[420]. Его прозвище здесь можно трактовать только как *Русский*, но в ином написании.

Дальнейшее изучение документов выявляет ещё одного родственника изучаемого рода. Дворянин *Orros (Nasutus) Ders fia Tamást*, владелец имений *Nyek* и *Hursou*, указан свидетелем экономической сделки в акте № 362 от 23 августа 1312 г.[421] Убедиться в том, что этот человек был ближайшим родичем уже рассмотренных нами лиц, позволяют следующие факты: 1) его прозвание – *Orros (Nasutus)* – сразу в двух наименованиях тождественно предыдущим лицам; 2) он назван владельцем имения *Hursou* или *Hurson*, которое отождествляется Д.Кристо с селом *Hrussó*[422]; 3) имение *Nyek* называется также «замком» (*Nyekvar*) и отождествляется с имением *Neek*[423];

---

[416] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 114.
[417] Там же. С. 121-122.
[418] *Kovács W. A.* Széczényi Tamás erdélyi vajda familiárisairól (Néhány kiegészítés az Archontológiához) // Erdélyi Múzeum. 2005. № 67. Füz. 3-4. P. 78–85.
[419] *Волощук М.М.* Віце-воєвода Трансільванії Петро, син Миколи, прозваний руським, з роду Балог (vicevayuoda Transilvaniae petrus dictus orrus filius nicolai de Balogh) // Галичина. 2013. Т. 22-23. С. 103-104.
[420] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristo. Budapest, 1990. T. 1: 1301-1305. P. 369.
[421] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristo. Budapest, 1994. T. 3: 1311-1314. P. 166.
[422] Op. cit. P. 441, 471.
[423] Documenta Res Hungaricas. T. 4. P. 329.

4) именно имение *Neek* (совр. местность близ с. Майцихов, Трнавского округа, Словакия) было названо в акте № 48 (1318 г.) в числе имений, разорённых упомянутым набегом; его владелец прямо не был назван, но мы имеем полное право полагать таковым владельца имения *Hrussó*, т.е. графа Владислава.

Д.Кристо также отождествил названия имения *Hrusowa* и *Hursoua*, уравняв их с названием *Rusevo*[424]. Тем самым, это подтверждает сделанное нами выше наблюдение о том, что прозвищем графа Владислава был эпитет *Русский*.

Дополнительное наблюдение о сущности имени *Ders* позволяет нам говорить о том, что оно может соответствовать общему родовому именослову Нискиничей. Имя *Ders* есть уменьшительное от *Darius*. Последнее, в свою очередь, происходит от греч. имени *Δαρείος*, как транскрипции персидского имени *Dārayavauš*. Вероятная этимология последнего: от др.-перс. *dāraya* (держать, обладать) + *vau-* (добро)[425]. В этом случае это имя хорошо коррелирует со славянским *Доброслав/Добрыня*. Таким образом, совладельца имения *Hrussó*, которое, по-видимому, было в рассматриваемой семье родовым, можно гипотетически именовать *Фомой (Томасом) Доброславичем*. М.М.Волощук, однако, предположил, «сын Дерса»: «*Сын Держа/Дерса/Дерза, может – Держикрая*»[426]. Как представляется, в отличие от строго этимологической версии, основанной на результатах С.Верба, вариант М.М.Волощука, основываемый только на *кажущемся созвучии*, вряд ли правомерен в данном случае.

Следует вернуться в нашем исследовании немного назад и допустить, что самым ранним упоминанием *Myko fia Lathka* является акт № 321 от 13 марта 1308 г.[427] Здесь приводится список из многих «благородных свидетелей» по земельной тяжбе между некоторыми дворянами. В числе этих свидетелей указывается дворянин (так он назван в документе) *Miklós fia László* serviens-eivel: Both fia Dénessel, György fia Péterrel, Simon fia Mihállyal, Vrus-i Mihály fia Mihállyal és serviens-ével, Istvánnal. Во-первых, здесь ясно указывается тождественность имён *Lathka* и *László*, т.е. *Владислав*. Во-вторых, здесь указываются сервиенты – мелкие дворяне, вассалы Владислава сына Николая, в числе которых мы видим фамилию *Vrus-i*, образованную от топонима. Как мы видели выше, топоним *Vrs* на территории Словакии принадлежал *Myko fia Lathka*. Вполне вероятно, что указанный Михаль сын Михаля, носитель этой фамилии, мог быть каким-то боковым родственником *Miklós fia László*. В-третьих, указывается территориальная принадлежность дворян-свидетелей рассматриваемого документа: сначала идёт

---

[424] Documenta Res Hungaricas. T. 1. P. 436, 501.

[425] *Werba C.* Die arischen personennamen und ihre träger bei den Alexanderhistorikern. Ph.D. diss. Vienna, 1982. P. 149-150.

[426] *Волощук М.М.* «Прозвані Руськими» в Угорському королівстві XIV століття: проеблеми ідентифікації // Ruthenica. 2014. Т. 12. С. 85, 90.

[427] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristo. Budapest, 1992. T. 2: 1306-1310. P. 143-145.

перечень дворян и их слуг из *Szerém* (совр. Срем в Сербии) и *Wolko* (совр. Вуковар в Хорватии). Дворянин *Miklós fia László* был отнесён к дворянству *Wolko*. В рассматриваемое время Сремский и Вуковарский комитаты то считались отдельными венгерскими графствами, то сливались воедино. Территориально эти земли полностью входили в своё время в домен Ростислава Михайловича и Белы Ростиславича, гранича с юга с Боснией (Вуковарский комитат) и Мачвой (Сремский комитат). Одно это уже позволяет видеть в рассматриваемой нами фигуре человека, род которого мог сохранить какие-то земли здесь ещё с тех времён. Но самым главным *топонимическим доказательством* принадлежности *Miklós fia László* 1308 года к исследуемому нами роду является, по нашему мнению тот факт, что принадлежностью комитата *Szerém* был населённый пункт *Nyek*[428]. В цитируемой работе Л.Кисс показал, что средневековый *Nyek* является в настоящее время городом *Nyékinca* (венг.), он же *Nikinci (*серб. *Никинци)* в совр. Сремском округе; в разное время в венгерских источниках название населённого пункта имело разночтения *Nyikinca, Nyékica, Nyék, Nikince, Nyékince*[429]. В традиционной сербской историографии считается, что этот населённый пункт как деревня впервые появился в истории в 1338 г., когда венгерский король дал эту землю хорватскому бану Миклошу, по имени которого новооснованное им поселение получило название *Mikinc*. При этом венгерские источники указывают, что село было впервые упомянуто в 1332 г. в перечне местных католических приходов.

Следует понимать, что легенда об основании хорватским баном села, затем превратившегося в город, Никиници, является не более чем легендой. Подробностей о жизни *Mikac Mihaljević Prodavić* (ум. 1343) (разночтения имени: *Michaz, Mykch, Mykecz, Mikcs*), бана Славонии и Хорватии [ок. 1324-1341] известно немного[430]. Предполагается, что он происходил из рода *Ákos*, а его жена была из рода *Aba*. В Хорватии он пытался проводить политику, выгодную Карлу I Венгерскому. Получил от короля во владение местный город *Prodavić* (совр. *Virje*) в Подравинье, название которого стало родовой фамилией его потомков. Никакой реальной информации об основании им каких-либо населённых пунктов нет. Таким образом, по нашему мнению, название *Никиници*, с учётом несущественного искажения, можно полагать тождественным названию *Нискиничи* и относить его основание к исследуемому нами роду. Единственным вопросом здесь может оставаться вопрос, связанный с тем, где находились родовые имения венгерских Нискиничей. По всей видимости, их первые владения возникают как пожалования Ростислава Михайловича, Михаила и Белы Ростиславичей. После их

---

[428] *Kiss L.* Ungarisch-slawische Wechselbeziehungen in der toponymie des Karpatenbeckens // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum / Ed. R. Visser. Amsterdam; Atlanta (GA), 1992. P. 80.

[429] *Lelkes G.* Magyar helységnév-azonosító szótár. Budapest, 1992.

[430] См., напр.: *Horvat R.* Povijesti Hrvatske. Knjiga I. Zagreb, 1924. P. 165.

ухода на службу к магнатам Чакам, они получают и вновь основывают имения в Нитранском княжестве и окрестных словацких землях. При этом возможно, что они обладали северными владениями ещё до 1272 года. Во всяком случае, вариант переноса названий южных имений на северные вовсе не может быть невероятным.

Дальнейшее исследование позволяет нам выявить отца братьев Владислава и Николая *Русских*. Граф Владислав, записанный как *Iwancha (Ivanka/Ivanca) fia László c.*, указан в акте № 332 от 29 марта 1308 г. кастеляном крепости *Preuge* (совр. г. Превидза, Тренчинского края, Словакия), каковая крепость находилась во владении ещё покорного королю *Máté III Csák*[431]. По мнению М.М.Волощука, в этом акте шла речь о Владиславе сыне Иванки из рода Печ[432]. Однако, как представляется, цитируемый автор был неправ в этом отождествлении. Он исходил из того, что дедом изучаемого им Петра из рода Балог был некий Иванка, как указывалось в документах[433]. Поэтому, поскольку в акте № 332 (1308 г.) шла речь о местности Печ (совр. с. Коярпейц, округа Паннохалма, Венгрия), которая поручалась в управление Владиславу, можно было бы думать об его принадлежности к роду Печ. Однако в акте № 332 (1308 г.) указывается, что без наследников умер владелец земли Печ *Bertalan Weche-i*, которому эту землю даровал ещё Бела IV. Указывается, что владелицей этой земли, а также имения *Bankezu* (совр. с. Банов, округа Нове Замки, Нитранский край, Словакия) осталась вдова. В то же время, по свидетельству местного священника, воля покойного состояла в том, чтобы отдать эти земли дворянину Владиславу сыну Иванки, теперь – графу и кастеляну крепости *Preuge*, который «*akit fiává fogadott*» (что буквально переводится как «*был приёмным ребёнком*»).

Уже упоминавшийся нами акт № 615 (1317 г.) упоминает графа Владислава и семейство Печ, состоящее из 5 человек. Здесь перечисляются все владения, которые «*когда-то без завещания*» (так в документе!) перешли во владение *Bertalan és Wrbanus Weche-i*. Здесь было, как уже указывалось, имение *Neek*, а также *Bankezu* и т.д. Королевским распоряжением все эти земли отдаются их прежним владельцам, т.е. в данном случае семейству Печ и графу Владиславу. При этом земля Печ здесь не указывалась. Упоминание о ней появилось позже, в акте № 463 от 08 ноября 1326 г. земля *Pech/Peeche/Weche/Weeche* окончательно перешла во владение семейства Печ[434]. Причём было указано, что она перешла сразу от *Bertalan és Wrbanus Weche-i*, как умершего без наследников.

---

[431] Documenta Res Hungaricas. T. 2. P. 149.
[432] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 111.
[433] Там же. С. 107-108.
[434] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. L.Blazovich. Budapest, 2000. T. 10: 1326. P. 278.

Крайне важно, по нашему мнению, что в акте № 463 (1326 г.) нет упоминаний о графе Владиславе. Это означает, что он на самом деле не относился к роду Печ. По-видимому, в ходе усобиц конца XIII в. некий *Bertalan és Wrbanus Weche-i* незаконно захватил ряд земель, принадлежавших Нискиничам и роду Печ. Умер он незадолго до даты, указанной в акте № 332 (1308 г.), т.е. до 29 марта 1308 г., причём достаточно близко к этой дате. Видимо, его вдова добилась передачи ей в управление как минимум земель Печ и имения *Bankezu*: решение, утверждающее эту передачу, было принято правительством г. Нитры. Вероятно, она же присвоила и иные земли, перечисленные в акте № 615 (1317 г.). После того как расслоение в среде крупного баронства и мелкого дворянства в ходе мятежа, начатого *Máté III Csák*, окончательно развело местную знать по разные стороны баррикад, король начал награждать своих уже определившихся сторонников. Именно поэтому в 1317 г. немалая часть земель Берталана-и-Урбана (ум. 1308) была возвращена семейству Печ и графу Владиславу. Семейство Печ названо владельцами своей родовой земли уже в акте от 13 июля 1323 г.[435], а в 1326 г. они окончательно получают свои земли в своё владение. Поскольку в этом случае упоминание о графе Владиславе отсутствует, следовательно, нельзя, как это делал М.М.Волощук, считать, что он получил эти земли ещё в 1308 г., а значит, был членом этого рода[436]. В противовес этому, вряд ли стоит сомневаться в том, что граф Владислав акта № 332 (1308 г.) и граф Владислав актов №№ 615 (1317 г.) и 48 (1318 г.) являются одинаковыми людьми. Во-первых, это видно из того, что основные владения графа Владислава в Словакии – замок *Hrussó* – оказывается в непосредственной близости от крепости *Preuge*: от совр. Скицова до совр. Превидзы всего лишь 33,35 км по прямой линии. Во-вторых, мы видим графа Владислава вассалом *Máté III* в 1308 г. Это не противоречит сделанному ранее допущению, что Нискиничи после 1272 г. перешли на службу к тренчинской ветви рода Чак. Разрыв графа Владислава с *Máté III* произошёл, судя по всему, после выступления последнего против короля в 1311 г. В-третьих, как оказывается, к землям рода Печ имел отношение дворянин по имени *Владислав*, но не тот, который указывался в акте № 332 (1308 г.). В акте № 700 от 21 июля 1309 г. говорится о тяжбе комеса *Miklós fia László* с бенедиктинским монастырём Св. Эгидия[437]. Здесь сказано, что часть земли *Peech* принадлежала указанному графу Владиславу сыну Миклоша, а ещё часть этой же земли – графам *Gergely bán, Synear-i Pungracius c.* и *Egyda-i Péter c.* Ещё раз граф Владислав сын Миклоша упоминался в акте № 595 от

[435] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. L.Blazovich. Budapest, 1991. T. 7: 1323. P. 167.
[436] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 117.
[437] Documenta Res Hungaricas. T. 2. P. 307.

27 марта 1309 г., но уже без упоминания в этом случае рассматриваемых нами территорий[438].

Таким образом, единственное, что заставляет серьёзно задуматься в данном случае, это именование графа Владислава сына Иванки «*приёмным сыном*» *Bertalan és Wrbanus Weche-i*, который, по сведениям местного священника, собирался передать земли Печ и имение *Bankezu* в 1308 г. именно Владиславу. Проверить достоверность этого сообщения невозможно. Поскольку во всех цитированных актах специально оговаривается, что *Bertalan* умер без наследников, это означает, что юридических прав на принадлежавшие ему до весны 1308 г. земли не имел никто. Поэтому, хотя город Нитра утвердил в правах наследования его вдову, уже в 1309 г. мы видим, что некоторые дворяне уже захватили части этих земель. Каким образом происходили «драки» за эти земли до королевских актов 1317 и 1326 гг., неизвестно. Вполне вероятно, что странное сообщение акта 1308 года, причём приводимое без документального обоснования, а лишь со ссылкой на слова местного священника, является отголоском происходивших вокруг этих земель «драк». В случае реальных документов, подтверждавших факт усыновления Берталаном Владислава сына Иванки, они должны были быть приведены, и Владислав получил бы эти земли. Раз этого не произошло, можно думать, что в 1308 г. с помощью местного священника Владислав пошёл на подлог, в котором, однако, не преуспел. Надо понимать, что факты усыновления знатными лицами иных знатных лиц, в том числе и взрослых, в истории известны. Однако глухое упоминание о возможности усыновления, не получившее продолжения, по нашему мнению, говорит о попытке со стороны Владислава сына Иванки незаконно овладеть всеми землями Берталана, среди которых были и земли, принадлежавшие до их захвата роду Владислава.

Очень интересно и ещё одно сообщение акта № 332 (1308 г.), где сообщается, что Берталан собирался отдать земли *дворянину* Владиславу, который *теперь* стал *графом* и *кастеляном* крепости, принадлежащей *Máté III*. В этих словах надо видеть, что Владислав сын Иванки ещё на рубеже XIII/XIV вв. был обыкновенным мелким дворянином, причём нетитулованным. Вероятно, именно его не слишком большая значительность и позволила некоему Берталану отнять земли у него или даже его отца. Только благодаря службе у *Máté III* Владислав стал *комесом*, т.е. *графом* и значительно упрочил своё положение. Причём контекст документа позволяет увидеть, что Владислав возвысился, т.е. перешёл на службу к *Máté III* совсем недавно. Следовательно, можно думать, что наше предположение о непрерывности службы потомков галицких Нискиничей у магнатов из рода Чак требует корректировки.

[438] Documenta Res Hungaricas. T. 2. P. 261.

Вряд ли следует сомневаться, что, как указывалось, переход Нискиничей на службу к магнатам рода Чак состоялся между ноябрём 1272 и летом 1274 гг. Отход Нискиничей с этой службы мог произойти тогда, когда позиции тренчинской ветви Чак ослабли. Это произошло сразу по смерти *Péter I Csák* ок. 1283/1284 гг.: часть земель, в том числе в районе Нитры, *Máté III* потерял в пользу противоборствующих кланов. Только в 1291 г. *Máté III*, усилившись, поддержал короля, а в 1292-1293 гг. сумел вернуть королю ряд замков, захваченных мятежными баронами. В результате король назначил *Máté III* сначала комесом Пожоньского графства [1293-1297], а затем и палатином [1296-1297]. Только в 1296 г. *Máté III* купил Тренчин и сделал его своей главной резиденцией. Но с помощью интриг противникам удалось оговорить его перед королём, и в 1297 г. *Máté III* был лишён всех постов. В 1298 г. в союзе с Чехией король начал войну с *Máté III*, а тот обратился к отцу будущего короля Карла I и заверил того в своей поддержке притязаний его сына. Андраш III [1290-1301] умер бездетным 14 января 1301 г., и в Венгрии началась анархия. В это время *Máté III* сделал правильную ставку на чешского короля, поддержал его, и тот после своей коронации в августе 1301 г. отдал ему Тренчинское и Нитранское графства, включая все королевские замки на их территории. После ухода Вацлава Чешского из Венгрии в августе 1304 г. в стране наступила полная анархия вплоть до окончательного утверждения на престоле Карла I (октябрь-ноябрь 1307 г.). Всё это время личная власть *Máté III*, а также размеры его домена постоянно росли. Военную силу в поддержку Карлу I палатин предоставил с декабря 1305 г., но до осени 1307 г., когда его кандидатуру поддержали бароны, положение будущего короля было ещё очень неопределённым.

Отсюда видно, что отойти от рода Чак Нискиничи могли между 1284 и 1293 гг. либо между 1297 и 1301 гг. Вероятнее всего, это произошло ещё при Ласло IV, т.е. до 1290 г. Это допущение мы делаем в свете того, что в упомянутом ранее благодарственном дипломе *Péter I Csák* король очень хвалебно отзывался о недавно убитом Беле Ростиславиче. Учитывая, что тренчинская ветвь Чак противопоставляла себя всем прочим баронам, а кроме того, все они так или иначе были причастны к убийству герцога Белы в 1272 г., Нискиничи не могли перейти на службу к кому-то из них. Перейдя к кому-то из них, вряд ли они в лице Владислава сына Иванки вернулись бы затем обратно на службу к тренчинским Чакам, учитывая злопамятность *Máté III*. Это означает, что они могли перейти только на королевскую службу.

Последнее предположение позволяет нам обнаружить в документах отца графа Владислава и его брата Миклоша/Николая. Акты № 155-157 от 22 сентября 1315 г. упоминают королевского чиновника *Orosz (Ruthenus) Iwanka*: здесь Иванка упомянут как чиновник, занимавшийся оцениванием дворянской земли[439]. В акте № 169 от 09

[439] Documenta Res Hungaricas. T. 4. P. 65.

октября 1315 года он же дал показания, что оценивание завершено, дворянскую земельную сделку удовлетворить можно[440]. М.М.Волощук допускал, что он мог бы быть предком семейства Печ, но сам же отвергал своё допущение из-за недостаточности материала[441]. Интересно, при этом, что он полагал Иванко 1315 года как человека, имеющего галицкое происхождение, т.к. в русских летописях смягчённые имена типа *Иванко, Василько* и т.д. были нередки[442]. Вспомним, кстати, что подобное имя уже наличествовало в родовом именослове галицких Нискиничей. По нашему мнению, обнаруженную персону можно рассматривать в качестве отца графа Владислава. Он вполне подходит под наши оценки: королевский чиновник, но незначительный, невысокого ранга. Он явно не мог претендовать на графский титул, и в эпоху усобиц до осени 1307 г. вряд ли мог сохранить значительные земельные владения. Поэтому не вызывает удивления, что дети такого королевского чиновника уходят на службу к крупнейшему магнату своего времени.

Вполне вероятно, что впервые Иванка встречается в документах в 1291 г. В акте № 44 указывается, что в окрестностях замка *Egri* (совр. г. Эгер) дворянин, владелец села *Talya*, продал городу свою мельницу. Имя дворянина: *Russia Jánosnak Tálya* или *a tályai vallon Jánosnak, akit Russiának* (по-латыни: *Iohanne Latino dicto Russia de Talya*)[443]. Совершенно непонятно, откуда латинский текст документа содержит прозвище человека в виде *Latino*. Тем более неясно, как это прозвище может сочетаться с прозвищем *Russia*? Поэтому первичным надо видеть венгерское написание имени: в этом виде перед нами *Иоанн Русский*. Причём последний эпитет можно читать двояко. Генетив *–nak* является родительным падежом, буквально означающим «сын такого-то». То есть *Russiának* можно рассматривать и как *сын Русского*, хотя такое прочтение, конечно, условно. Доказать тождество Иванки *Русского* 1315 г. и Ивана *Русского* 1291 г. нельзя. Но учёт их одновременного существование, одинакового имени, одинакового эпитета, одинакового отсутствия у обоих имени отца, одинаковой малозначительности, позволяет гипотетически их отождествлять.

Можно гипотетически оценить возраст всех рассмотренных нами лиц. Как мы уже указывали, из двух братьев, Миклоша и Владислава, Миклош должен быть старше. Подтверждением тому, помимо уже указанного, является и факт наличия у него взрослого сына уже в 1308 г. Поскольку его сын умер в 1318 г. без наследников, надо думать, что он не мог быть слишком старым. Но поскольку в 1308 г. у него уже были личные сервиенты, он в этом году не мог быть слишком молодым. Можно допустить,

---

[440] Documenta Res Hungaricas. T. 4. P. 69-70.

[441] *Волощук М.М.* О вопросе идентификации. С. 108.

[442] *Волощук М.М.* Віце-воєвода Трансільванії. С. 104.

[443] Árpád-kori oklevelek a Heves megyei levéltárban (Diplomata aetatis Arpadiana in archivo comitatus Hevesiensis conservata) / Ed. E. K. Látkóczki. Eger, 1997. P. 69.

что в 1308 г. Владиславу сыну Миклоша было около 20-25 лет, а умер он в возрасте около 30-35 лет. В таком случае условная граница его рождения смещается на середину 1280-х гг. Его отец – Николай *Русский* – должен был быть не моложе 20-25 лет к моменту рождения сына, т.е. условная граница его рождения относится не позднее чем к началу 1260-х гг. Если рассматривать графа Владислава братом Николая, то Николай явно старше: как показано выше, он указан графом уже в 1305 г. Помимо уже рассмотренных причин, можно видеть это и в том, что карьера Владислава сына Иванки резко идёт вверх практически одновременно с родным племянником. У последнего в 1308 г. были личные сервиенты, а Владислав сын Иванки перешёл на службу к *Máté III*, по всей видимости, только после того как магнат открыто встал на сторону Карла I, т.е. не раньше 1306/1307 гг. Можно допускать, что Николай и его сын могли не отходить от службы роду Чак и раньше, тогда как отец семейства с младшим сыном перешли на королевскую службу. Как представляется, Владислав, *князь Русский* 1338/1339 гг. не мог быть слишком старым человеком. Ему могло быть около 30-40 лет; его отцу к моменту его перехода к *Máté III* должно было быть не меньше, поскольку слишком молодой человек не получил бы сразу графского титула и должности кастеляна. В таком случае условная граница рождения Владислава сына Иванки отодвигается не позднее чем к рубежу 1260/70-х гг. Таким образом, условная граница рождения Иванки *Русского* отодвигается не позднее чем к рубежу 1230/40-х гг. В таком случае в 1315 году Иванке было около 70-80 лет.

Говорить о возрасте Фомы сына Дариуса/Доброслава *Русского* фактически не представляется возможным, поскольку источники не дают нам иных имён, могущих быть с ним связанных. Однако, поскольку он является в 1312 г. совладельцем тех же имений, что и Владислав сын Иванки, нужно видеть в нём старшего родственника графа Владислава. Гипотетически он мог бы быть его дядей, т.е. братом Иванки. В этом случае их возраста должны быть сопоставимы. В подобном допущении есть известная логика: 1) Иванко и Фома появляются в документах лишь единожды каждый; 2) оба эти упоминания рисуют их лицами, не участвующими в политике, - одного простым помещиком, второго – государственным нотариусом. Учитывая их безусловное родство, столь разительное сходство в судьбе позволяет предполагать в них родных братьев.

В этом случае оказывается возможным привязать их к известной нам генеалогической схеме общего рода Нискиничей. Учитывая специфическое отчество, Фома и Иванка могли быть сыновьями Доброслава Сбыславича/Судьича: они могли родиться не позднее 1241 г., т.к. затем Доброслав был арестован и убит. Разумеется, доказать это невозможно. Однако, как представляется, выдвинутое нами предположение имеет полное право на существование. Только в этих рамках можно

увязать родством всех найденных нами в средневековых венгерских актах лиц и построить генеалогию Лотки, *князя Русского*. Только будучи потомком двух галицких князей-бояр, Держикрая Володиславича или Доброслава Сбыславича/Судьича, Лотка мог в 1338/1339 гг. на вполне законных основаниях просить венгерского короля обеспечить ему западнорусский престол. Тот же факт, что в предлагаемой нами генеалогической схеме отсутствуют разрывы поколений, и прямое родство с Доброславом Сбыславичем/Судьичем для Лотки можно предполагать с большой степенью уверенности, говорит о внутренней непротиворечивости наших допущений.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на некоторые, достаточно важные данные, учёт которых гипотетически может скорректировать уже сделанные нами выводы. Следует вновь вернуться к фигуре *Orros (Nasutus) Ders fia Tamást*, владельца имений *Nyek* и *Hursou* в 1312 г.

В акте № 28 от 1294 г. (точной даты не приводится) указывается, что несколько дворян, а именно – *Alexander, filius Welk, Martinus et lvarolus, fily Petri, de genere Hunthpaznan (Huntpáznán nemzetségbeli Sándor, Márton és Károlg)* – утеряли часть своих земельных владений в пользу *Thomas, filius Ders (Tamásnak, Ders fiának)*, который *de eodem genere (felerészét ugyanazon nemzetségbeli)*; причём он не выкупил эти имения законным образом[444]. Дословный перевод последней фразы означает: *из того же рода*.

В акте № 18 от 1285 г. упоминаются *nobiles viri Ders et Demetrius, fily comitis Honth, de genere Honthpaznan (Hontpáznán nemzetségbeli Ders és Demeter, Honth comes fiai)*: приводится длинный список имений, находящийся в их совладении, в числе которых указывается имение *Huruso* (оно же *Hrussó*), *Veczke* (оно же *Vecze* или Печ)[445].

В акте № 11 от 1276 г. указывается, что подданные короля Ласло IV – *Ders et Demetrius, fily Honth, nepotes videlicet Lamperti (Ders és Demeter testvéreket, Hont fiait)* – некогда[446] незаконно и насильственно захватили замок *Német* и его окрестности; причём указано, что зачинщиком захвата был *Ders*, как старший из братьев. По решению суда, утверждённому королём, замок и прочие земли должны быть возвращены, а убытки оплачены за счёт зачинщиков[447].

В акте № 8 от 1274 г. король Ласло IV дарит братьям *Ders et Demetrius, fily Hunth (Ders és Demeter testvéreinek, Hunt fainak)* землю *Dragul (Daragul, Drégely)*[448].

В акте № 4 от 1266 г. указано всё семейство рассматриваемой ветви рода *Hunth: Petro et Desiderio comitibus, filys comitis Hunt, de genere Hunt Paznani ab une parte Petro,*

---

[444] Diplomatarium Hontense. Oklevelek hontvármegyei magán-levéltárakból. T 1: 1256–1399 / Ed. F.Kubínyi. Budapest, 1888. P. 41.
[445] Op. cit. P. 27-28.
[446] Видимо, в ходе анархии, последовавшей за смертью короля Иштвана V.
[447] Diplomatarium Hontense. T. 1. P. 17-19.
[448] Op. cit. P. 12-14.

Nicolao et Wlk, filys comitis Lamperti, Ders et Demetrio nepotibus eiusdem, ac Arnoldo villico, Hedrico et Rehmano fratre eiusdem, Iwan et Pertholdo, filys Saas, longo Hermanno et Helmano, filio Logueg de Olph, ciuibus de Bana (Huntpáznán nemzetségbeli Péter és Dezső comesek, Lampert comes fiaival és unokáival). Далее документ сообщает, что именно эти лица представляют собой т.н. ветвь *Bozók* общего рода *Hunt-Poznan* и говорит, что главными землевладельцами признаётся старшая семья этой ветви, а именно *Petrus, Nicolaus et Wlk, Ders et Demetrius*, причём преимущество отдаётся *Petri*, как старшему из отцов, и *Ders*, как старшему из сыновей[449].

В акте № 35 от 1302 г. упоминается *Nicolaus, filius condam comitis Ders, de Tur, de genere Hunthpaznan (Túri Miklós mester, a Huntpáznán nemzetségből)*, которому в числе прочего принадлежало имение *Nyék*; впрочем, редактор отождествляет этот населённый пункт не с теми местностями, с которыми ранее отождествляли его мы, а с селом *Felső-Nyék*, селом в центре совр. Венгрии, на землях древнего венгерского рода *Nyék*[450].

В акте № 36 от 1303 г. указывается семья Николая из акта № 35: *comitis Nicolai, de genere Hunthpaznan, Nicolao, Petro, Stephano, Choko et lohanne, filys suis*. Здесь же указывается брат Николая: *Thome, fily Ders*[451].

Оба брата упоминаются в акте № 45 от 1317 г.: *magistrorum Thome et Nicolai, filiorum Ders, fily Honth*[452].

В акте № 46 от 1318 г. упоминается *Thomas, filius Ders, de genere Honthpaznan*, который принимает наследство брата Николая[453].

В акте № 47 от 1320 г. упоминается он же: *Thomas, filius Ders, fily Hunth, de Ianuk, de genere Hunthpaznan*[454].

В акте № 49 от 1321 г. указан сын Томаса/Фомы: *Ladislaus, filius Thome, fily Ders*[455].

В акте № 50 от 1322 г. указывается ещё один сын Томаса/Фомы и его дети: *Petrus, lohannes, Elyas et Paulus, fily comitis Andree, magistrum Thomam, filium Ders*[456].

В актах №№ 49 и 53 (1322 г.) указывается, что Андрей сын Томаса имел прозвище: *dictu Loto* (*Látó*)[457].

В акте № 54 от 1322 г. говорилось, что родоначальник рассматриваемой ветви дворянского рода, *Lampertus (Lambert)* был графом *Chanadiensis et Nitriensis*[458]. В этом

---

[449] Diplomatarium Hontense. T. 1. P. 5-9.
[450] Op. cit. P. 50-52.
[451] Op. cit. P. 52-53.
[452] Op. cit. P. 64-65.
[453] Op. cit. P. 65-66.
[454] Op. cit. P. 66-67.
[455] Op. cit. P. 68.
[456] Op. cit. P. 69.
[457] Op. cit. P. 68, 75.
[458] Op. cit. P. 75.

же акте сказано, что Николай был сыном другого Дерса, чем Томас сын Дерса[459]. Почти то же говорилось в акте № 51 (1322 г.), но с уточнениями: *magister Nicolaus, filius comitis Ders, de Tur, de genere Hunthpaznan*, а несколько ниже по тексту шёл такой пассаж: *Nicolaum, filium Ders et Thomam, filium alterius Ders*[460]. При этом в обоих актах они продолжали считаться родственниками.

В акте № 69 от 1331 г. упоминались *Nicolao, filio Ders, de genere Hunthpaznan et Ladislao, filio Thome, fily Ders, de eodem genere*[461], т.е. они продолжали причисляться к одному и тому же роду.

В акте № 97 от 1344 г. вновь указывается тяжба между родственниками: *Ladislaus prepositus ecclesie sancti Georgy martyris de Strigonio* (венг. *Tamásfia László esztergomi prépost – B.T.*), *filius Thome, fily Ders, contra Petrum. filium Andree, dicti Loto et lohannem, filium eiusdem, item Ladislaum. Nicolaum et Thomam, причём dominus Ladislaus et Nicolaus fráter suus, fily Thome, fily Ders*[462].

В последующих актах потомков всех рассмотренных лиц можно отслеживать вплоть до 1399 г. Наиболее интересной здесь является информация, что имение *Nyék* принадлежало потомкам Андрея, прозванного *Loto* ещё в 1398 г.[463] Все упомянутые нами акты регистрировались в Эстергоме.

Рассмотренные акты, начиная с 1266 г. позволяют реконструировать генеалогию ветви *Bozók* общего знатного рода *Hunt-Poznan*. Традиционно считалось, что этот род основали два брата, немцы из Швабии, *Hont (Hunt)* и *Pázmány (Pazman)*, пришедшие на службу к князю Гезе [970-997]. Впервые под именем *Hontpaznan* род был упомянут в документах под 1226 годом, затем получил благоволение от Белы IV, поскольку предоставил свои замки в качестве королевских резиденций во время монгольского вторжения. После этого род разросся и впоследствии из его состава выделился ряд знатных венгерских фамилий. Однако ещё в 1946 г. было показано, что в действительности никаких братьев не было, а изначально существовали два знатных рода, которые объединились посредством браков только в конце XII в., а в начале XIII в. родовая (объединённая) фамилия была переделана на венгерский лад и изменён герб; оба рода были словацкого происхождения[464]. В работе 2010 г. были убедительно доказаны все предпосылки, сформулированные в 1946 году: 1) оба рода были

---

[459] Diplomatarium Hontense. T. 1. P. 76.

[460] Op. cit. P. 73. К сожалению, М.М.Волощук не заметил этого уточнения, считая Томаса *Русского* сына Дерса принадлежащим к роду Хонт-Пазнанов. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 126. На самом деле, Томас сын Дерса был действительно Хонт-Пазнаном, тогда как Томас *Русский* сын Дерса к этому роду не принадлежал.

[461] Diplomatarium Hontense. T. 1. P. 99.

[462] Op. cit. P. 136-137.

[463] Op. cit. P. 377.

[464] *Hodál J.* Pôvod, sídla a hodnosť predkov rodu Hunt-Pázmány // Historický sborník. 1946. T.4.

представителями знати Моравского государства; 2) оба рода были изначально раздельны; 3) оба рода выдвинулись в Венгерском королевстве, поскольку предоставили военную помощь Иштвану I для подавления в 997-998 гг. его оппозиционных родственников; 4) с 1030-х гг. члены рода *Poznan* были князьями Нитранскими; 5) их наследственные земли находились в срединной и северной частях Нитранского княжества, а до конца XII в. они приобретали территории только в Южной Словакии; 6) были построены родословные схемы рода *Poznan* (до 3-й четв. XII в.) и *Hont*[465]. В последнем случае автор довёл две линии рода *Hont* до 1230/40-х гг., а среднюю линию, основанную Ламбертом I (ум. ок. 1060) остановил на 1130-х гг.

Нетрудно увидеть, что благодаря актовым документам Венгерского королевства можно достроить среднюю ветвь рода *Hont*, которую Я.Лукачка остановил на графе Ламберте II (ум. 1132). Именно граф Ламберт Нитранский называется в приведённых нами актовых документах основателем этой ветви. Не позднее 1311 г. почти все владения рода в Нитранском крае и в иных словацких землях были захвачены *Máté III Csák*. После смерти последнего в 1321 г. эти земли отошли в королевский домен.

Нашей задачей, однако, не является построение генеалогического древа ни рода *Hontpaznan* в целом, ни его ветви *Bozók* в частности. Однако следует увидеть интересное совпадение ряда имён, уже нами исследованных, с именами членов рода *Hontpaznan* в эти же годы. Томас/Фома сын Дерса/Дариуса/Доброслава прямо, как видится, может быть отнесён к этому роду на основании принадлежности ему имений *Nyek* и *Hursou*, а также земли Печ ещё в 1280-е гг. Удивительным образом в составе ветви *Bozók* рода *Hontpaznan* присутствуют имена *Иван*, *Владислав*, *Николай*. Разница лишь в том, что Владислав является сыном Томаса/Фомы и в 1340-х гг. является священником и *прево (провостом)* Эстергома, Николай также является сыном Томаса/Фомы, Николай не умирает в 1318 г. В случае же нашего предыдущего рассмотрения фигура *Ders fia Tamást* остаётся без продолжения, а граф Владислав является сыном Иванки. Наконец, Владислав в роду *Hontpaznan* не был графом, тогда как в нашем предыдущем рассмотрении он им являлся. Наконец, как объяснить странные пассажи цитированных нами актов о том, что *Томас был сыном другого Дерса*? При этом факт того, что акты продолжали называть их родственниками, можно объяснить через свойство, т.е. перекрёстные браки, но вовсе не через происхождение от одного корня.

Возникают также явные несоответствия ранее рассмотренного нами имения *Nyék* и имения с тем же названием, принадлежавшего ветви *Bozók* рода *Hontpaznan*. Нет никакой возможности говорить о том, что Владислав сын Томаса был тем самым *князем*

[465] *Lukačka J.* K otázke etnického pôvodu veľmožského rodu Hont-Poznanovcov // Forum Historiae. 2010. T. 4. № 2. S. 1-13.

Русским в Вышеграде в 1338/1339 гг. Наконец, в рассмотренных нами документах нет никаких прозваний *Русский* для членов ветви *Bozók* рода *Hontpaznan*. Таким образом, если мы примем версию о том, что все ранее рассмотренные нами лица являлись членами ветви *Bozók* рода *Hontpaznan*, остаётся открытым вопрос: каким образом их можно связать с Русью? Через их служебные функции, по примеру вышецитированного предположения М.М.Волощука? Маловероятно. Однако можно допустить, что женой Дерса сына Петра/Николая/*Wlk* (точной информации об его отце нет) была русская женщина, поэтому его сын Томас получил прозвище *Русский*. Строго по аналогии с вышецитированным предположением М.М.Волощука, такое допущение возможно. Но если считать Владислава сыном Томаса, почему он сохраняет это прозвище? Если причислять Иванку *Русского* к роду *Hontpaznan*, возникает вопрос: с кем его отождествить, с Иваном сыном Сааса (1266) или с Иваном сыном Андрея (1322)? При этом с кем бы из них его ни отождествлять, почему он носил прозвище *Русский*? Тоже по праву брака? Наконец, обратим внимание на то, что в документах о ветви *Bozók* рода *Hontpaznan* нет никакого указания на участие кого-либо из них в мятеже против короля Карла I. Если полагать, что в обоих случаях речь идёт об одних и тех же людях, совершенно непонятно не только исчезновение их прозвища, но и исчезновение прямой информации о событиях 1316-1318 гг.

Единственным возможным выходом из этой ситуации, – если признавать, что наше рассмотрение, проведённое выше, якобы соответствует ветви *Bozók* рода *Hontpaznan*, – может быть предположение, что женой Дерса была княжна из рода русских Нискиничей. Только в таком случае представители этой ветви могли бы сохранять прозвище *Русский*, причём не только в прямой линии, но и в боковых ответвлениях, как символ претензий на территории соседнего государства. Однако, во-первых, факта такого брака доказать нельзя в принципе. Во-вторых, открытыми продолжают оставаться прочие вопросы, обозначенные нами. В-третьих, княжна – потомок Держикрая или Доброслава галицких – должна была родиться у кого-то. Принимая версию о роде *Hontpaznan*, мы не сможем предложить никакого генеалогического древа, в котором можно было бы разместить одиноко стоящую княжну из Нискиничей. Даже если мы, принимая версию о роде *Hontpaznan*, будем считать венгерскими Нискиничами хотя бы Иванку *Русского*, графа Владислава сына Иванки и *князя Лотку*, мы никак не предположим, в каком родстве с ними состояла бы эта женщина, вышедшая за Дерса (ум. 1285/1294) не позднее рубежа 1260/70-х гг.

Можно, наконец, предложить и вовсе экзотическую версию о том, что ранние Нискиничи и ранние *Hont*'ы были одним целым. Действительно, эта версия может иметь место в свете ранее высказанных нами соображений о тесной связи русских Нискиничей с Нитранским княжеством ещё в X в. Можно даже допустить, что

женитьба Михаля Нитранского была на славянке не из русских Нискиничей, и не из каких-то неизвестных их нитранских родственников, а именно на представительнице ранних *Hont*'ов. Тогда может получить объяснение и то, почему Иштван I затем попытался уничтожить нитранскую ветвь Арпадов: не столько потому, что там было много потомства, сколько из-за их тесной связи с родом *Hont*, помогшему самому Иштвану I захватить власть. Король мог рассуждать очень просто: кто помог получить власть лично мне, тот может затем помочь получить её кому-нибудь ещё. Однако, несмотря на известную логику в такой версии, на настоящем этапе исследований она является недоказуемой. Кроме того, в именослове ранних *Poznan* и *Hont* нет имён *Нискиня, Добрыня, Володислав*, тогда как в именослове Нискиничей мы видим их уже с середины X века.

Таким образом, исходя из нынешнего состояния источников, мы полагаем необходимость придерживаться нашей версии о происхождении венгерских Нискиничей 1250-х/1330-х гг. от Доброслава Сбыславича/Судьича, галицкого боярина/князя.

Интересно в этой связи обратить внимание ещё на некоторых персон, скорее всего являющихся представителями рассматриваемого нами рода. В упомянутом нами г. Эгер, где в 1291 г. было зафиксировано имение Иоанна *Русского*, был центр Эгерской архиепархии (по-русски – митрополии, которой были подчинены две епархии), созданной ещё Иштваном I. Возглавлял её архиепископ, который был упомянут в акте № 476 от 1331 г. При архиепископе одним из двух ближайших помощников был указан *Orros (Nasus) János klerikus*. В указанном году он перечислил на монастырь треть доходов от имения своих родителей, которое некогда унаследовал[466]. Следует заметить, однако, что этот человек мог и не быть монахом. Применительно для XIV века термин *klerikus* равновероятно использовался как для обозначения монахов, так и статских писцов, а также студентов[467]. Во всяком случае акт гласит, что архепископ Эгерский даровал в пожизненное владение Яношу тридцатую часть всех землевладений Эгерской архиепископии. Вне всяких сомнений отрёкшийся от мирской жизни монах получить такой дар, да ещё и от архиепископа, не мог.

Здесь несомненно говорилось об имении Ивана *Русского* 1291 года. Таким образом, клирика Иоанна 1331 года можно считать третьим сыном нотариуса Иванки *Русского*, помимо графа Владислава. Очень важно и другое: использование здесь дополнительного прозвища, которое мы уже видели ранее в форме *Nasutus*. В 1316 г. это прозвище было у старшего сына Иванки – Николая, а в 1312 г. – у Томаса/Фомы Доброславича. Последнее говорит о том, что поскольку прозвище *Nasutus* бытовало у

[466] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. I.E.Tóth. Budapest, 2004. T. 15: 1331. P. 276-277.
[467] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 178.

братьев – Фомы и Ивана, – то они должны были унаследовать его от своего отца, а не приобрести каждый самостоятельно. Здесь также любопытно разночтение этого дополнительного прозвища: в форме *Nasus* и даже *Naso*[468].

Обнаружение того факта, что клирик Иоанн был одним из ближайших помощников местного архиепископа, объясняет прозвище *Latino* у его отца в 1291 г. По-видимому, уже его отец помогал местной архиепархии денежными или земельными вкладами. Поскольку жаргонно католическая церковь всегда называлась *латинской*, это, судя по всему, и обусловило прозвище 1291 года.

Последнее в венгерских актах упоминание о двойном прозвище – *Русский* и *Nasutus* – встречается в акте № 419 от 06 сентября 1333 г. Здесь упоминается вдова дворянина *Feketh-i Orros (Nasutus) Éliás*, а также их дети: *István és Lőrinc, leányá Isalch* (Иштван, Лоренц и дочь Исалч). В документе шла речь о том, что представитель вдовы и её детей перед правлением г. *Kalocsa* показал, что в своё время отец – Элиас – обеспечил своей дочери достаточное свадебное приданое в размере 60 марок; поэтому семья ныне отвергает любые претензии и не собирается ничего доплачивать[469].

В этом случае тоже надо говорить о принадлежности указанного лица к рассматриваемому нами роду. Интересно и то, что город *Kalocsa* в XIII в. принадлежал иной ветви рода Чак, т.е. эта ветка Нискиничей могла уйти на службу к другим Чакам, нежели тренчинским. Интересно и имение, принадлежавшее покойному дворянину. Редактор цитируемого тома венгерских актов полагал, что *Feketh* соответствовал венгерскому комитату *Fejér* с центром в старой столице – Фехерваре (совр. Секешфехервар)[470]. Однако вряд ли мелкий дворянин мог иметь топонимическую фамилию, образованную от названия центрального графства, графом которого он никогда не был. Вероятнее всего *Feketh* – это совр. сербский г. *Feketić* (Воеводина), расположенный именно там, где находились владения Ростислава Михайловича, Белы Ростиславича и последующих Нискиничей.

Однако гораздо любопытнее латинское написание исследуемого акта, в котором можно найти важную информацию о происхождении рода в целом. Искомое лицо записано так: *Elias Orrus (Nasutus), iobagio Nusata genere rutenus*[471]. Так называемые *йобагионы* были средней прослойкой средневековой венгерской иерархии[472]. Их ранг был гораздо ниже комеса/графа, магистра или крепостного кастеляна. Фактически они

---

[468] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. P. 348.

[469] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia / Ed. G.Kristó. Budapest, 2002. T. 17: 1333. P. 187.

[470] Op. cit. P. 264.

[471] Regestum Varadinense examinum ferri candentis Ordine chronologico digestum descripta effigie editionis a. 1550 illustrantum sumptissimusque Capituli Varadiensis lat. rit. / Ed.: J. Karácsonyi, S.Borovszky. Budapest, 1903. P.180.

[472] *Волощук М.М.* «Прозвані Руськими». С. 86.

представляли собой служилую знать, т.е. дворян, имевших однозначный вассалитет к кому-либо, к королю или крупному магнату. Название сословной прослойки произошло от венг. *iobbágy* «лучший», иначе – «лучшие мужи», каковое название можно отождествить с древнерусской дружиной[473]. В XII-XIV вв. венгерские йобагионы делились на *замковых* и *сельских*, проживавших соответственно в замках и сельской местности. Часть йобагионов приписывалась лично к крупным феодалам или предствителям духовенства. Фактически их можно уподобить позднейшим русским *городовым чинам*. Как известно, они делились на *дворян выборных, детей боярских дворовых, детей боярских городовых*[474]. Эта категория была в русском дворянстве с 1610-х гг. низшей знатной прослойкой. Выборные дворяне представляли собой таких провинциальных дворян, которые отбирались для выполнения каких-то поручений и служб за пределами уезда своего проживания вплоть до столицы. Дети боярские дворовые были уездными дворянами, нёсшими службу только в пределах уезда своего проживания. Дети боярские городовые и вовсе были приписаны только к конкретному населённому пункту, проживая либо в нём, либо в ближайшей к нему сельской местности, для несения т.н. «городовой и осадной службы». В результате петровских реформ первой четв. XVIII в. практически все русские городовые чины не вошли в официальное дворянское сословие, попав либо в мещане, либо в казённое или крепостное крестьянство. Венгерские йобагионы также в течение XV в. лишь частично сохранили свою знатность, а частично трансформировались в крепостное крестьянство[475].

Также венгерские йобагионы дробились на две внутрисословных категории, согласно закону 1222 года: *iobagio habens honorem* и *iobagiones castrorum*[476]. В первую группу причислялись лица достаточно знатного происхождения, но не получившие ещё сколько-нибудь крупных должностей и не имевших крупных земельных владений. Вторая группа фактически отождествлялась с сервиентами, но в отличие от них имела личную свободу, хотя и была жёстко прикреплена к местам своей службы.

Таким образом, запись термина *iobagio Nusata genere rutenus* в 1333 г. даёт нам немало важной информации. Во-первых, мы видим, что рассматриваемый нами венгерский род, который мы определяем как потомков эмигрировавших из Западной Руси Нискиничей, изначально принадлежал к венгерской прослойке йобагионов. Это целиком понятно. Это венгерское их определение целиком совпадает с нашим предположением о том, что галицкие Нискиничи должны были поступить на службу к

---

[473] *Волощук М.М.* Русские йобагионы на службе венгерских Арпадов и Анжу в XIII-XIV вв. // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 136.
[474] *Таланин В.И.* Русские сословия: история и современность. Запорожье, 2006. С. 119.
[475] *Волощук М.М.* Русские йобагионы. С. 137.
[476] Там же. С. 139-140.

Ростиславу Михайловичу, и его детям, банам Ростиславичам. В этом случае, они, разумеется, попадали именно в категорию йобагионов. Уточнение же, что они относились к группе *iobagio* говорит о том, что их знатность была признана в средневековой Венгрии, т.е. русские предки рассматриваемого нами рода не были *неизвестными*. Этот пример вновь роднит их именно с Нискиничами, происхождение которых было известно достаточно неплохо. Наконец, важно осознать здесь тот факт, что посредством записи 1333 года принадлежность исследуемого нами рода к венгерскому роду *Hontpaznan* исключается. Последние изначально, с рубежа X/XI вв. находились в графском достоинстве и не могли быть йобагионами.

Во-вторых, обратим внимание на запись *genere rutenus*. Как показал М.М.Волощук: «*Обозначения типа – «Rutenes», «Ruthenes» с небольшими исключениями характерны для источников XII –XIII вв. В то же время, после прихода в Венгрии к власти династии Анжу в обозначении бывших жителей Руси прослеживается некоторая венгеризация термина, с абсолютно свободным использованием грамматической формы написания – «Oros», «Orosz», «Oroz», «Vrus», «Vruz», «Wrus», «Wrvs», «Wruz», «Wrwz» и др.*»[477] Это означает, что соответствующая запись говорит нам о древности рассматриваемого рода, а равно и о древности его записи в качестве *Русского рода*: ещё в эпоху Арпадов, т.е. до 1301 года.

Чрезвычайно любопытно имя, употреблённое в записи 1333 года: *Nusata*. В контексте записи оно означает буквально: *русский род йобагионов, потомков Nusata* или «*Нусатичей*». Очень важно, что искомое нами имя можно отыскать в венгерских документах. Человек по прозвищу *Nusata* был зафиксирован в венгерских актах в 1214 году: «*Castrenses de Carasna de villa Ban scilicet: Damang, Duh, Nusata, et omnes alii de eadem villa, coadiuvante eos Tumpa centurione, ut pristaldus astruxit, impetierunt quondam, scilicet: Iecur, filium Redea, Sol et Boutun, filios Sacicu, Syteci filium Babuci, dicentes, quod concives essent eorum. Illi autem dixerunt, se esse liberos et genere Ruthenos, et adduxerunt defensorem libertatis suae, nomine Chedur, genere Ruthenum, ioubagionem Barnabae, qui dicens illos cognates suos esse, tenuit libertatem eorum, iudice Tupa, curiali comite de Carasna, pristaldo Donca de villa Bogus. Chedur itaque, portato ferro, iustificatus est. Probavit illos liberos esse*»[478].

Приведём перевод этого текста, сделанный М.М.Волощуком, заменяя, однако, предложенные им славянские прочтения терминов, оригинальными: «*Замковые йобагионы Carasna из села Ban, а именно: Damang, Duh, Nusata, а также все остальные из этого же села* [просили – *М.В.*] *защиты сотника Tumpa, поскольку пристав* [из села Bogus – *М.В.*] *на основании предыдущих обвинений названных Iecur,*

[477] *Волощук М.М.* Русские йобагионы. С. 135.

[478] Regestum Varadinense. S. 180. Венгерский текст этого акта см.: Erdélyi okmánytár. T. 1: 1023-1300 / Ed. Z. Jakó. Budapest, 1997. P. 141.

filium Redea, Sol et Boutun, filios Sacicu, Syteci filium Babuci, доказывал, что те являются их сожителями [в селе Bogus – теперь Силадь-Багош, Румыния – *М.В.*]. *Они же* [йобагионы – *М.В.*] *говорили, что являются свободными русскими, и отправили на защиту своего статуса свободных граждан – йобагиона Barnabae* [совр. село Костылёвка Раховского района Закарпатской обл. – *В.Т.*] *по имени Chedur, genere Ruthenum, который назвавшись их родственником, защитил их свободный статус* [перед – *М.В.*] *судьей курии комеса Carasna – Tupa* [и – *М.В.*] *приставом из села Bogus – Donca. Chedur же оправдан был* [в результате – *М.В.*] *испытания калёным железом. Их же* [йобагионов – *М.В.*] *свободный статус был доказан*»[479].

Суть этого сообщения проста: местный управитель решил попытаться превратить некоторых йобагионов русского происхождения в крепостных крестьян, назвав их не русскими, а местными жителями. Те воспротивились, обратились к вышестоящим властям. Комес замка *Carasna* назначил пытку раскалённым железом для выборного от йобагионов лица. Пытаемый выдержал пытку достойно, что, согласно законодательству того времени, полностью оправдало обвиняемых и подтвердило их русское происхождение, а также статус свободных йобагионов.

В своей работе М.М.Волощук провёл максимально возможный обзор по вопросу этого акта 1214 года. Он показал, что с 1915 по 1999 гг. историография его обсуждения составляет всего лишь четыре публикации (в Румынии, Венгрии и Польше). Причём во всех публикациях этот документ только упоминался. Общий вывод исследователя выглядит так: «*Поселение Ban, согласно исследованиям венгерского учёного Дьордя Дьорффи, в качестве прикреплённого к крепости Красна села, указывается лишь на страницах нескольких актов от 1213, 1214, 1312, 1323 гг., на основании чего невозможно установить даже приблизительное время обоснования здесь русских йобагионов. Сам комитат, как отдельная политико-административная единица королевства впервые упоминается под 1169-1172 гг. Нам неизвестно, совпал ли момент его основания со временем переселения в село Бан указанных персон, хотя контекст изучения текста документа косвенно намекает, что castrenses Damang, Duh, Nusata, Chedur и др. могли появиться в Венгрии относительно недавно. Именно поэтому должны были доказывать свой свободный статус в судебном порядке. О каких-либо наследниках или земельных владениях исследуемых персон найти документальных подтверждений не удалось*»[480].

По нашему мнению, цитируемый автор совершенно прав, говоря, что упомянутые йобагионы, зафиксированные в 1214 году, появились в Венгерском королевстве недавно. Однако он совершенно неправ, говоря, что найти сведения об их потомках не

[479] *Волощук М.М.* Русские йобагионы. С. 142.
[480] Там же. С. 146.

удаётся. Проведённое нами исследование чётко указывает, что общее прозвище *Nasutus, Nasus, Naso, Nusata* принадлежало представителям одного и того же рода. При этом один из его представителей умерший в 1333 году, назван «*Нусатичем*», т.е. *родовым прозвищем*, именно *родовой* характер которого специально подчёркнут.

Сопоставление реальных исторических событий, происходящих около 1214 года в Галичине, говорит нам о том, что первая в венгерских документах (на что правильно обращал внимание М.М.Волощук) фиксация русских выселенцев имеет понятное объяснение. Поскольку, как указывалось, прозвище *Nusata* принадлежало Фоме и Ивану Доброславичам, родившимся не позднее 1241 года, то его носителем надо признать Доброслава Сбыславича/Судьича. Следует вспомнить, что он впервые появляется на летописных страницах в возрасте около 40 лет в 1233 году, лишь за 8 лет до своей гибели. Как указывалось, логичнее всего было видеть в нём одного из «галицких выгонцев» до 1233 года. Однако было показано, что именно та местность, которая обозначена в венгерском акте 1214 года как место компактного обитания первых исторически известных русских йобагионов, было регионом крайних юго-западных владений Галицкого княжества; Галич контролировал эти земли периодически, то покоряя их, то оставляя их независимыми, то отдавая их Венгрии[481]. Таким образом, нужно видеть, что участие новгородских Нискиничей в галицких усобицах первой половины XIII в. началось раньше, нежели этот факт подаётся летописями. Согласно таковым, как указывалось, новгородские Нискиничи уходят в Галич только в 1217 г. вместе с князем Мстиславом *Удатным*. Поскольку мы идентифицировали Доброслава Сбыславича как сына новгородца Сбыслава Степанича, нужно видеть, что на деле новгородцы оказались в Галиче значительно раньше. Как минимум в 1215 году, когда Мстислав *Удатный* впервые брал Галич, новгородцы уже были в его окружении. Однако тот факт, что сын новгородца Сбыслава Степанича уже в 1214 году фиксирует в Венгерском королевстве, говорит о том, что появление новгородских Нискиничей в Галичине произошло ещё *до вокняжения Володислава Константиновича* вне какой-либо связи с Мстиславом *Удатным*. Летопись же в 1217 году фиксирует это событие уже постфактум. Мы не можем сказать когда и как это произошло. Можно лишь допустить, что решение галицких Нискиничей о казни Рюриковичей – Игоревичей Северских – не было спонтанным, а принималось после серьёзного обсуждения как минимум в собственном роду, причём в том числе в его старшей – новгородской – линии. Учитывая, что Нискиничи были родом, власть которого в своё время была узурпирована именно Рюриковичами, такое решение, принятое сообща, было очень знаменательно: успех предприятия Володислава Константиновича действительно мог стать важнейшим прецедентом.

---

[481] *Nistor I.* Românii şi Rutenii in Bucovina. Studiu istoric şi statistic. Bucureşti, 1915. S. 6-7.

Таким образом, новгородцы могли оказаться в Галичине не позднее 1210/1211 гг. для обсуждения и подготовки к свержению Игоревичей Северских. Реальный возраст Доброслава Сбыславича в 1210 и 1214 гг. вовсе не препятствует нашему допущению: 20-25 лет. В этих летах действительно можно было быть только младшим дружинником, каковым он и предстаёт в венгерском замке.

Очень интересен и тот факт, что фиксация русских йобагионов и их тяжба за то, чтобы их не обратили в крепостное состояние, относится именно к 1214 году. Как мы помним, именно в 1214 г. Андраш II сверг в Галиче Володислава Константиновича, и Галицкое княжество было оккупировано венграми. Галицкое Понизье в это время ещё не отделилось от Галицкого княжества, поэтому именно в 1213/1214 гг. оно тоже подверглось венгерской оккупации. При этом, возможно, что именно рассматриваемый регион, как крайнее галицкое пограничье, мог быть занят венграми ещё раньше, сразу после свержения Игоревичей Северских. Очень характерно, что в 1214 г. венгры фактически присоединяют Галич к своему королевству. Совсем неудивительно, поэтому, что русских дружинников, вне зависимости от их происхождения, могли попытаться превратить в крепостное крестьянство преднамеренно. Неудивителен и тот факт, что достаточно знатное лицо, каким был Доброслав Сбыславич уже по праву своего рождения, в Венгерском королевстве был причислен к йобагионам самого низкого ранга – замковым. Наконец, если мы допускаем, что Доброслав обитал в той части Галицкого Понизья, которое после 1214 года то входило в состав Венгерского королевства, то становилось независимым, то его приход в Галич в 1233 и вокняжение в 1240 годах полностью сопоставимо с попыткой *князя Лотки Русского* столетие спустя: он также пытался прийти из Венгрии для занятия престола, на который имел право претендовать. Два идентичных события, разнесённых столетием, дополнительно подтверждают, что в обоих случаях ресь идёт о представителях одного и того же рода.

Таким образом, мы идентифицируем *Nusata* 1214 года с Доброславом Сбыславичем/Судьичем. В этом случае термин *Nusata* надо рассматривать как его прозвище. Если обратиться к латинскому языку, мы можем увидеть следующие значения[482]: 1) Nāso/Nāsonis, *носатый*. Соответствует историческому прозвищу *Назон* поэта Овидия (43 г. до Р.Х. – 17/18 г. от Р.Х.) 2) Nāsus = Nāsos, дорическое *остров*. Соответствует историческому названию части Сиракуз. 3) nāsus, *нос, обоняние, тонкое чутьё, остроумие, насмешливость, подтрунивание, носик*. 4) nāsūtē, *остро, колко, насмешливо, язвительно*. 5) nāsūtus, *носатый, остроумный, насмешливый*.

Отбрасывая «остров», а также «насмешливость, подтрунивание» и т.д., приличные в лучшем случае династии придворных шутов, а не йобагионов, потомки которых вышли в графское достоинство, нам остаётся только «носатое» значение прозвища. Учитывая,

[482] *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 661.

что текст акта 1214 года составлялся явно в древнеримских традициях (об этом говорит хотя бы архаичное упоминание *центуриона* применительно к ныне живущему воеводе), можно думать, что и прозвища здесь были скопированы из древнеримской традиции. В последней прозвища, как правило, давались всем знатным лицам при рождении либо в раннем детстве и впоследствии употреблялись всегда одновременно с родовой фамилией. В нашем случае прозвище – *Носатый,* – которое затем в той или иной форме присутствовало почти у всех представителей этого рода в записях. Тогда *родовой фамилией* здесь является эпитет *Русский*, каковой эпитет почти всегда в актах присутствует в форме *Orrus*. Однако лишь один раз – у Ивана *Русского* 1291 г. и Иванки *Русского* 1315 г. – эта фамилия выглядит в своей первичной форме: *Jánosnak Russia*, или *Jánosnak akit Russiának*, или *Iohanne dicto Russia*. Таким образом, *Лотка* выступал в 1338/1339 гг. не только под своим титулом (*Лотка, князь Русский*), но и под своей родовой фамилией (*князь Лотка Русский*).

Вероятно, сохранившиеся венгерские акты позволяют отыскать ещё одного потомка *Nusata*-Доброслава. Акт № 2 от 1251 г. сообщает, что некоторые представители знатного венгерского рода *Aba* купили землю в комитате *Gömör* у ряда местных дворян. В числе последних был некто *Natus fia Muhtun*[483]. Акт № 594 от 1324 г. вспоминал события 1251 года и подтверждал правильность совершённой тогда купчей[484]. В обоих документах приводятся разночтения имени *Muhtun = Muhton = Mvhtun*.

Можно говорить о том, что прозвища *Nusata* и *Natus* тождественны. Во-первых, они созвучны и очень редки. Во-вторых, комитат *Gömör* – это совр. Банско-Быстрицкий край Словакии, где и находились многие имения рассматриваемого нами рода впоследствии. В-третьих, оба прозвища можно сближать по смыслу. Можно предложить вариант об имевшем место ошибке в произношении, затем написании и чтении первоначального эпитета, лишь со временем превратившегося в *Носатый*. Есть, например, термин *notātus* «видимый, заметный», *notātu* «достойный»[485]. Фактически эти термины можно считать переводом имени *Вышеслав*. Латинское *nātus* имело ряд значений[486]: 1) рождённый, родившийся, происходящий; 2) прирождённый, врождённый, природный, коренной; 3) предназначенный, самой природой приспособленный; 4) устроенный, созданный, сделанный, сочинённый; 5) в возрасте, от роду; 6) сын, дети, детёныши; 7) старший (летами, годами); 8) рост, растущий. Как

---

[483] Az Abaffy család levéltára: 1247-1515. A Dancs család levéltára: 1232-1525. A Hanvay család levéltára: 1216-1525 / Ed. I. Borsa. Budapest, 1993. P. 28.

[484] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 8: 1324 / Ed. L. Blazovich. Budapest, 1993. P. 298-299.

[485] *Дворецкий И.Х.* Указ. соч. С. 676.

[486] Там же. С. 662.

видно, смысловое содержание эпитета *nātus* чрезвычайно близко по смыслу имени *Вышеслав/Вячеслав*.

Дополнительным преимуществом этой версии является информация о том, что к 1251 году дворянина *Натуса* уже не было в живых. Это соответствует тому, что отождествляемый нами с этим человеком Доброслав Сбыславич/Судьич погиб около 1241/1242 г. Недостатком этой версии является невозможность ответа на вопрос: почему венгерские Нискиничи согласились с искажением этого перевода на своё новое *носатое* прозвище?

Ещй одним недостатком обозначенной версии является тот факт, что имя *Muhtun* является древнейшим мадьярским языческим именем. Поэтому трудно объяснить, почему славянин, а в нашем случае представитель виднейшего русского боярского (и древнего княжеского) рода, назвал своего сына мадьярским языческим именем[487]. Единственное объяснение, которое могло бы здесь быть привлечено, заключается в том, что Натус имел жену-мадьярку и назвал одного из сыновей в честь предка из материнского рода. В этом допущении нет ничего невозможного, в т.ч. и для боярина Доброслава Сбыславича. В том, что *Muhtun* – имя языческое, тоже нет ничего непонятного: в XIII в. в старовенгерских документах ещё встречались, как и в русских источниках, языческие имена. Поскольку *Muhtun* – имя языческое, то в христианской стране, какой было Венгерское королевство, у дворянина-землевладельца должно было быть христианское имя. Можно предположить, что христианским именем *Muhtun* было имя *Miklós* (Миклош/Николай). Вспомним, что ранее мы допустили принадлежность к венгерским Нискиничам *Horussou-i Miklós fia Adrianus* 1272 года. Теоретически Адриан 1272 года мог быть сыном Миклоша/Мухтуна. Принятие нашего отождествления позволяет заполнить существующую лакуну в списке владельцев *Hrussó* рубежа XIII/XIV вв., а также определить именно тех представителей галицких Нискиничей, которые перешли в 1270-х гг. на службу к магнатам рода Чак.

Фигуру Миклоша – отца Адриана 1272 года, – который, вероятнее всего, является Мухтуном 1251 года, можно обнаружить в 1280 году, причём его фамильное прозвище – *Русский* – не оставляет сомнений в правильности нашей атрибуции. В 1280 г.

---

[487] В венгерском именослове с XIV в. имя Muhtun не встречается. Поэтому наш вывод мы делаем на основе анализа отечественный архивных материалов. В 1685 г. писцовые материалы фиксируют в Карсунском уезде Симбирской губернии двух человек с фамилией, образованной от этого имени: 1) конный казак *Пашка Елисеев сын Мухтун*; 2) казачий десятник *Гришка Мухтулов*, он же *Мухтал/Мухтул* из служилой станичной мордвы. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Лл. 88об; 120; 120об; 123. Как известно, мордва является потомками древнейших приуральских финнов. Именно в Приуралье обитали древние угры (мадьяры), которые в начале IX века начали своё выдвижение в Северное Причерноморье. Полная тождественность мордвинского имени 1685 года и мадьярского имени 1251 года говорит о том, что угорское происхождение следует признать за обоими именами.

упоминается Елизавета, аббатиса доминиканского монастыря Св. Марии на острове Маргариты (Заячьем острове; в черте г. Буды на Дунае). Этому монастырю, основанному в 1251/1252 гг. Белой IV в честь своей дочери-монахини Маргариты (1242-1270), было отдано во владение село *Telky/ Theluky* (совр. *Teleki*), на берегу озера Балатон, в комитате *Somogy*. Ранее это село принадлежало бенедиктинскому Тиханьскому аббатству (осн. в 1055), расположенному на другой стороне озера. В 1280 г. король утвердил владение селом за указанным монастырём. Однако, как и во всех случаях подобного рода, формально такие документы требовали свидетельских показаний о том, что искомые земли действительно принадлежали истцу. Таким свидетелем был указан сосед упомянутого села – *Nicolaum Orosz*[488]. Вероятнее всего, этот же человек был зафиксирован в комитате *Szepes* (*Spiš*, совр. части Прешовского и Кошицкого краёв, Словакия), в г. *Scepus* (собственно г. *Spiš*), под именем *Myculay filio Rutheni* в 1273 г.[489] В акте от 12 июня 1298 г. там же был зафиксирован его сын – *Myculaus filius Myculai filii Rutheni de Zeek* [490]. Крайне любопытно, что в акте 1298 года указано, что дед Николая – *Русский* (без личного имени) – уже владел имением *Zeek*. Это имение (совр. венг.: *Felsőszék*; рум.: *Sâg*, округ Селаж, Румыния) имело ряд разночтений в источниках XIV-XVI вв. (*Zeek, Zek, Zik, Zyk, Zeekh*). Однако главным здесь мы полагаем то, что это имение располагалось в окрестностях вышеупомянутого замка *Krasna*. Тем самым, можно полагать, что первым владельцем этого имения был пресловутый *Nusata*, Доброслав Сбыславич.

Косвенным подтверждением происхождения *Ruthen de Zeek* из рода Нискиничей можно полагать следующее. В нескольких актах от 1165-1166 гг. в окружении нового короля, Иштвана III [1162-1172], был указан *комес Ruthen*[491]. Поскольку он указывался после тогдашнего палатина сразу на втором месте, М.М.Волощук справедливо предполагал его весьма высокий статус, полагая в нём одну из опор нового короля[492]. Он же указывал, что появление этого лица в венгерской придворной иерархии объясняется русским браком Гезы II: т.е. *Рутен* изначально был в окружении королевы Ефросинии. В свете нашего исследования догадка М.М.Волощука замечательна сама по себе. Как мы помним, Евфросиния происходила из Нискиничей по материнской линии. Поэтому ещё когда её мать бралась замуж из Великого Новгорода, с нею в обязательном порядке отъезжали в Киев мужчины-Нискиничи. Из таковых мы знаем только Рагуила Добрынича, впоследствии с семьёй осевшего на Северщине. Однако он

---

[488] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 5. Vol. 3 / Ed. G. Fejér. Budae, 1830. S. 74-75.

[489] Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T. 8 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1891. S. 156-157.

[490] Op. cit. S. 378. Он родился до 1273 г., т.к. в акте 1273 года говорится о «наследниках» Николая.

[491] Monumenta Ecclesiae Strigoniensis. T. 1 / Ed. I. Simor. Strigonii, 1874. S. 117.

[492] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 145.

был приставлен к брату Евфросинии. Кто из рода Нискиничей были боярами при её матери и при ней самой, к сожалению, неизвестно. Однако *Рутена*, отправившегося с Евфросинией в Венгрию в 1146 г., следует полагать принадлежащим к роду Нискиничей. Это усматривается нами хотя бы и потому, что в бурных усобицах 1130-40-х гг. собственно киевские бояре, если таковые и были в своё время приставлены к Любаве Дмитриевне и её детям, не могли не отойти от них в пользу новых Государей. Остаться при вдовствующей княгине и её дочери могли только её ближайшие родственники. Кроме того, налицо характерное совпадение прозвищ: комеса *Рутена* в 1165-1166 гг. и Доброслава/Нусаты – *Рутена* 1214 года. Полная идентичность прозвищ в ту эпоху однозначно свидетельствовала об одинаковом происхождении. Наконец, важно заметить, что *Рутен*, отправившийся с Евфросинией в Венгрию в 1146 г., был новгородцем. Новгородцем же был и Доброслав Сбыславич. То есть тождественность прозвищ коррелирует в данном случае не только с одинаковым родовым происхождением, но и с происхождением территориальным.

К сожалению, недостаток источников не позволяет нам даже предположить настоящее имя венгерского *Рутена*. Равно невозможно предполагать, оставил ли он по себе потомство. Надо лишь допускать, что последнее маловероятно. Во всяком случае, венгерские источники после упоминания *Рутена* вплоть до йобагионов 1214-1217 гг. не сообщают ничего о русских на венгерской территории.

Интересно, что М.М.Волощук предлагал причислять *Nusata* 1214 года к венгерской межсословной категории т.н. «гостей» (*hospites*)[493]. Так назывались в средневековом Венгерском королевстве компактные группы иноземцев, приглашаемые для заселения неосвоенных земель. «Золотая булла» 1222 года указывала, что никто из таких переселенцев не мог занимать в будущем «высокого положения» и государственных должностей без согласия короля. Это подчёркивает, что, как мы указывали, происхождение венгерских Нискиничей было хорошо известно в XIII-XIV вв. и их возвышение до графского уровня произошло благодаря покровительству Короны.

По нашему мнению, можно обнаружить ещё одну ветвь исследуемого нами рода. Их представителей нужно, видеть в семье вице-комеса (ал-ишпана) Эстергомского комитата, зафиксированной в актах 1350 года. Следует подчеркнуть высокий статус этой семьи. Дело здесь даже не в том, что как комесы, так и вице-комесы назначались из числа крупнейших дворян, а в том, что до захвата Эстергома турками в 1543 г. комесом Эстергомского комитата всегда был архиепископ Эстергомский, глава Венгерской церкви. Надо понимать, что его заместителем по светской части, а фактически комесом Эстергома был ал-ишпан. В актах №№ 315 и 321 от 19 апреля 1350

[493] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 140-141.

года фиксируется *Orrus (dict.) István mr. Esztergom m.-i alispán*[494]. В акте № 185 от 06 марта 1350 г. упоминается его семья, которая принимала участие в разделе имения *Mon* и его окрестностей: *Orrus (dict.) István fia János lánya: Ilanch és annak lánya: Rusynth, valamint Ilanch szintén jelen lévő férje és fia: Miklós*[495]. Т.е. сын вице-комеса Иштвана – Янош/Иоанн – имел дочь Иланч (вероятно, Ilu(o)nch = Ilona), которая была замужем и имела дочь Русинт и сына Миклоша.

Интересно, что упоминается дочь с перечислением её детей, как внуков её отца, а не детей её мужа: это уникальный случай для старовенгерских актов. Уникально и то, что муж дочери не упоминается по имени и его родовой принадлежности. Нет сомнения, что внучка эстергомского вице-комеса вышла замуж за дворянина. Однако видимо, его ранг был настолько низок в сравнении с семьёй жены, что внести его в список членов семьи попросту «забыли»[496]. Это в сочетании с прозвищем *Русский*, каковое прозвище присуще отцу – вице-комесу – и сыну, т.е. является родовым, заставляет нас подозревать в обнаруженной семье потомков Нискиничей. Важным фактом является и имя *Rusynth*, прямо свидетельствующее об этническом происхождении её рода по материнской линии. Наконец, именно в Эстергоме и ближайших к нему комитатах, как указывалось выше, Нискиничи имели свои земельные владения.

Сын эстергомского вице-комеса, как оказывается, также занимал такую же должность. В акте № 986 от 19 октября 1347 г. указан *Orrus (dict.) János mr. pozsonyi alispán*, т.е. Янош *Русский*, ал-ишпан Пожоньского комитата[497] (венг. Пожонь – Братислава). Он же был вице-комесом Пожоньского комитата и ранее: *Orrus (dict.) János mester pozsonyi vicecomes* (акты 1346 года за №№ 1 (01 января), 223 (25 марта), 237 (29 марта), 439 (12 июня), 702 (29 сентября), 864 (02 декабря))[498].

---

[494] Anjou–kori oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. T. 34: 1350 / Ed. É.Teiszler. Budapest, 2013. P. 192, 194.

[495] Op. cit. P. 132.

[496] Мужья Илоны, которых было двое, указывались ранее, в акте от 28 июня 1341 г. См.: Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 25: 1341 / Ed. F.Sebők. Budapest, 2004. P. 207. Здесь говорится, что она была вдовой *Ders fia János*, а ныне её супругом был *Domokos fia Jakab*. На 04 июля 1348 г. Якоб был ещё жив. См.: Erdélyi Okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez. T. 3: 1340-1359 / Ed. Z. Jakó. Budapest, 2008. P. 186. Поскольку Якоб не упоминался в акте 1350 года, следовательно, до этого времени он тоже скончался, и именно Илона унаследовала имение *Mon*. Видимо, по этой причине, её дети причислялись к роду *Русских* в 1350 году. Интересно, что у неё было больше детей, нежели это указано в 1350 году. В цитированном акте 1341 года указываются её сыновья – *Domokos* и *Tamás*. Поскольку они не фигурируют в акте 1350 года, надо видеть их детьми от первого брака, не причислявшимися к материнскому роду. Русинт и Миклош были детьми от второго брака.

[497] Anjou–kori oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. T. 31: 1347 / Ed. F.Sebők. Budapest, 2007. P. 505.

[498] Anjou–kori oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. T. 30:1346 / Ed. F. Piti. Budapest, 2014. P. 21, 147, 154, 268, 394, 480.

Найти информацию, когда именно Янош *Русский* стал вице-комесом Пожоньского комитата, не удаётся. Однако можно сказать, что ему во властных структурах Братиславы предшествовал его близкий родственник. В акте № 373 от 03 июня 1345 г. говорится о ныне покойном владельце уже упомянутого нами имения *Mo/Mon*[499] по имени *Orrus (dict.) Péter mester pozsonyi alvárnagy*; здесь указывается, что он умер, не оставив наследника[500]. Записанный как *Zala-i Orros Péter alispán, alvárnagy* или *magister et castellanus Posoniensis Petrus dictus Orrus*, он упоминался в 22 актах в 1326-1337 гг.; последнее упоминание о нём относится к 17 июля 1337 г.[501] Это означает, что Петер *Русский* был ал-ишпаном комитата Зала, а затем – Пожони[502]: вице-комесом Пожоньского комитата он указан уже в актах №№ 328-330, 368, 463, 490, 591, 631 от 04 июня, 24 июня, 11 июля, 26 сентября, 13 октября, 26 декабря 1327 г.[503] В актах №№ 256 и 445 от 08 июля и 06 декабря 1331 г. он указывался кастеляном Пожоньской крепости и градоначальником Братиславы[504]. В 1329 году он был ал-ишпаном Пожоньского комитата и кастеляном Братиславы: акты №№ 51, 53, 76, 77, 176, 212, 231 от 27 января, 10 февраля, 09 апреля, 01 и 08 мая[505]. Его первая фиксация в 1326 г. (акты №№ 308, 309, 330, 535 от 25 июня, 10 августа, 11 декабря) уже показывает его вице-комесом Пожоньского комитата и кастеляном Братиславы[506].

В источниках можно отыскать ещё нескольких представителей этого рода. В 1328-1359 гг. упоминается *Orros Miklós* как *magister Nicolaus dictus Orrus castellanus Lednicze, homo regis*[507]. Как *королевский чиновник* он был кастеляном крепости *Lednicze* Тренчинского комитата (близ совр. села Леднице, округ Пухов, Тренчинский край, Словакия)[508]. В 1328 г. он впервые упоминается гражданином

---

[499] Это имение располагалось в одном из центральных венгерских комитатов – комитате Szolnok. См.: Documenta res Hungaricas. T. 34. P. 77, 289, 525.

[500] Anjou–kori oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. T. 29:1345 / Ed. F. Piti. Budapest, 2013. P. 243.

[501] *Engel P.* Magyarország világi archontológiája 1301–1457. T. 1. Budapest, 1996. Vármagyok és várbirtokosok, Pozsony.

[502] В акте № 476 от 06 октября 1327 г. он назван как *Duba-i Orrus (dict.) Péter*. См.: Anjou–kori oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. T. 11:1327 / Ed. T. Almási. Budapest, 1996. P. 224. Здесь его «фамилия» является производной от имения *Doba* (совр. одноимённое село в Румынии в 25 км от румыно-венгерской границы), либо от одноимённого замка в центрально-венгерском комитате Veszprém.

[503] Documenta res Hungaricas. T. 11. P. 155-56, 174, 218-219, 231, 276, 293-294.

[504] Documenta Res Hungaricas. T. 15. P. 145, 258.

[505] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 13:1329 / Ed. T. Almási. Budapest, 2003. P. 37, 38, 52, 53, 111, 138-139, 148.

[506] Documenta Res Hungaricas. T. 10. P. 199-200, 210, 319.

[507] *Engel P.* Magyarország világi archontológiája. Vármagyok és várbirtokosok, Lednic.

[508] Акт № 223 от 15 мая 1342 г. См.: Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 26:1342 / Ed. F. Piti. Budapest, 2007. P. 185.

Пожони (Братиславы), причём является помощником пожоньского комеса[509]. Интересно, что 21 сентября 1328 г. его имя упоминается в списке прелатов, баронов, графов и кастелянов, приносящих присягу королю[510]. Затем он был комесом *Hont* и одновременно кастеляном крепости *Dragul* [1328-1340]. Впервые он был назван комесом *Hont* актом от 27 февраля 1328 г.[511]; последний раз Миклош был назван комесом *Hont* и одновременно кастеляном крепости *Dragul* в акте № 41 от 20 января 1340 г.[512]. Акт № 142 от 02 апреля 1343 г. называет его *бывшим* вице-комесом комитата *Hont*[513]. С 1341 г. акты называют его ледницким кастеляном. Последний раз он упоминается в акте от 1359 г. дважды, как *Nicolaus de Wrs* и *Nicolaus sic dictus Oroz прокуратором* в Вышеграде[514].

Сюда же надо относить *comes Iohannus dictus Orrus filius Stephani de Mon*, который упоминается в 1318 г.[515] Его отец – *Stephanus dictus Orrus de Mon* – упоминается однократно 06 марта 1350 г.[516]

Поскольку *Stephanus dictus Orrus de Mon* явно следует отождествлять с эстергомским вице-комесом *Orrus (dict.) István*, то генеалогические связи этой семьи надо представлять себе следующим образом. Иштван *Русский*, венцом карьеры которого был пост эстергомского вице-комеса, был отцом Яноша *Русского*, пожоньского вице-комеса, которого надо отождествлять с комесом Иоанном. Миклоша *Русского*, кастеляна крепости Леднице, надо также рассматривать сыном Иштвана. Старшим из сыновей надо признать Иоанна, который, учитывая его первое упоминание в 1318 году, родился не позднее рубежа 1280/90-х гг. В этом случае Иштван *Русский* родился не позднее рубежа 1260/70-х гг. Таким образом, мы полагаем, что его можно считать одним из сыновей Иванки/Ивана Доброславича.

Помимо Яноша и Миклоша, сыновьями Иштвана *Русского* были также вышеупомянутый *Элиас*, а также *Demeter*: двое последних, как совладельцы имения *Mon*, вместе с двумя первыми упоминались братьями в акте № 82 от 2 марта 1325 г.[517]

---

[509] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 12:1328 / Ed. T. Almási. Budapest, 2001. P. 148. Акт № 284 от 28 мая 1328 г.

[510] Op. cit. P. 221-227. Акт № 423.

[511] Oklevéltár a gróf Csáky család történetéhez. T. 1:1229-1499 / Ed. S.L. Bártfai. Budapest, 1919. S. 55.

[512] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 24: 1340 / Ed. F. Piti. Budapest, 2000. P. 23.

[513] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 27:1343 / Ed. F. Piti. Budapest, 2007. P. 126.

[514] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 9. Vol. 3 / Ed. G. Fejér Budae, 1834. S. 127-129.

[515] Documenta Res Hungaricas. T. 5. P. 119. В акте № 290 от 14 октября 1318 г. *Kopus-i István fia János* назван кастеляном замка *Kopus*. Это – совр. село *Kapušany* в Прешовском округе Словакии, который на западе граничит с Банско-Быстрицким краем, а на востоке – непосредственно с Русью. См.: Op. cit. P. 456.

[516] Erdélyi Okmánytár. T. 3. P. 216.

Петера *Русского*, вице-комеса Залы и кастеляна Братиславы также можно было бы считать сыном Иштвана. Однако он был либо его внуком, либо племянником. В двух латиноязычных актах приводится уникальная информация об имени отца пожоньского кастеляна: *nobilis viri magistri Petri dicti Orrus filii Georgii* и *Petri dicti Orrus filii Georgii de Zala* (акты №№ 91 от 13 декабря 1334 и № 264 от 17 июля 1337 гг.)[518]. Поскольку в двух десятках иных актов, особенно во всех венгероязычных документах, имени «Георгия» не приводится, это можно считать опиской писца. Однако если принять эти две записи справедливыми, надо думать, что «Георгий» был либо сыном, либо братом Иштвана *Русского*. По нашему мнению, ошибки писца здесь не было, поскольку фигура «Георгия/Григория» (эти имена в рассматриваемую эпоху были взаимозаменяемыми), встречается нам в эти же годы. Акт от 11 марта 1333 г. повествует о земельных тяжбах дворян в комитате *Szerém*, т.е. именно там, где мы видели ранее древнейшие владения венгерских Нискиничей. В числе свидетелей одной из спорящих сторон указываются *Fabianus, Nicolaus et Gregorius nobiles de Wruzy* (венг. *de Oroszy*, по мнению составителя сборника актов)[519]. Здесь ясно видна фигура *Григория*, Миклоша *Русского* и выявляется ещё один член рода – *Фабиан*. По нашему мнению, этот человек имел достаточно высокий статус. Акт от 01 декабря 1340 г. указывает его как *комеса* и *дворянина палатина* (см. ниже) *Vilmos Druget* (см. ниже) под именем *Zeuleus-i Orrus (dict.) Gergely c. nádori ember*[520]. Установить, где он владел имением, не представляется возможным. По мнению составителя цитируемого сборника документов, это было совр. село *Sérsekszőlős* комитата *Somogy*. Однако эта точка зрения ничем не аргументируется, в то время как в Венгерском королевстве, помимо этого села, существовало как минимум 6 населённых пунктов с названием *Zeuleus*: 1) *Szőlőske* (совр. *Čečejovce,* Кошицкий край, Словакия) комитата *Zemplén*; 2) *Mátraszőlős* (совр. Венгрия) комитата *Nógrád* недалеко от Нитранской земли; 3) *Szőlőske* (совр. *Viničky*, Кошицкий край, Словакия) комитата *Zemplén*; 4) *Pozsonyszőlős* (совр. *Vajnory,* Братиславский край, Словакия) комитата *Pozsony*; 5) *Felsőszőlős/Nyitraszőlős* (совр. *Vinodol,* Нитранский край, Словакия) комитата *Nyitra*; 6) *Tiszaszőlős* (совр. Венгрия) комитата *Szolnok*.

Интересно, что документы дают возможность отыскать и следующее поколение этого рода. По женской линии – в лице детей Илоны, внучки эстергомского вице-комеса, – мы уже встречали это поколение. Однако есть информация и о сыновьях Яноша *Русского*. В актах №№ 364 и 365 от 23 июня 1335 г. указан один и тот же

---

[517] Codex diplomaticus Hungaricus. T. 3. P. 56.

[518] Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 3: 1333-1339 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1883. P. 125, 394.

[519] Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 1:1214-1457 / Ed. E. Varjú. Budapest, 1908. S. 74.

[520] Documenta Res Hungaricas. T. 24. P. 315.

дворянин, записанный дважды по-разному: *Iván fia János fia István királyi emberrel* (акт № 364) и *Rusas (dict.) János fia János, testvére Jakab* (акт № 365)[521]. Эти записи замечательны, во-первых, указанием деда, отца и сына одновременно. Во-вторых, - указанием прозвища не в форме *Orrus*, а в виде древнейшего варианта *Rusas*. Последнее говорит о том, что мы не ошиблись, причисляя все рассмотренные семьи к роду Нискиничей. Генеалогия здесь несомненна: дед – Иштван, эстергомский вице-комес, отец – Янош *Русский*, у которого, помимо Иоанна, указывается ещё один сын, Якоб[522]. Якоб указывается в двух актах: № 589 от 1324 г. и № 164 от 10 апреля 1328 г. под именем *Orrus (dict.) Jakab*[523]. Здесь он указывается владельцем имения *Legenye* (совр. *Luhyňa,* Кошицкий край, Словакия). Впервые братья Янош и Якоб указываются в акте № 555 от 21 декабря 1326 г. совладельцами имения *Chyliztu* (совр. *Čilistov* (венг.: *Csölösztő*), Словакия): *Rosas (dict.) János fia Jakab testvére János*[524].

Документы сохранили также упоминание о детях Миклоша *Русского*. Они указаны в актах №№ 439 и 668 от 10 июня и 06 октября 1344 г. как обитатели комитата *Bihar*: *Orrus (dict.) Miklós fia: János a királyi ember* и *Orros (dict.) Miklós fiai: Miklós és Tamás*[525]. Из них Янош сын Миклоша был старшим, поскольку в акте № 439 он вместе с отцом был свидетелем в дворянской тяжбе, а остальные его братья лишь упоминаются документами без отражения их активности. Вероятно, старше Яноша был ещё один сын Миклоша, упоминаемый в акте № 234 от 19 апреля 1340 г. (*Orrvs (dict.) Miklós fia: Mihály*), причём проживавший тоже в комитате *Bihar*[526].

Акт № 537 от 01 сентября 1335 г. упоминает совладельцами имения *Moki* в комитате *Komárom* одновременно *Orrus (dict.) Tamás és Jakab*[527].

Двое братьев, *Tamás* и *Mihály* впервые упоминаются совместно (что говорит об их старшинстве перед остальными, упоминаемыми в документах позднее) в 1322 и 1323 гг. Акт № 760 от 02 сентября 1322 г. говорит, что король направил их для оценки ситуации вокруг земельных споров дворян в районе г. Топольчани[528]. Акт № 472 от 20 сентября

---

[521] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T.19: 1335 / Ed. G.-M.F. Kristó. Budapest, 2004. P. 168.

[522] Судя по тому, что указанные акты свидетельствуют об участии братьев в споре между землевладельцами Пожоньского и соседнего Мошоньского комитатов, члены рода продолжали обитать в тех же местах.

[523] Documenta Res Hungaricas. T. 8. P. 296; Documenta Res Hungaricas. T. 12. P. 91-92.

[524] Documenta Res Hungaricas. T. 10. P. 331.

[525] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T.28: 1344 / Ed. F. Piti. Budapest, 2010. P. 252-253, 379.

[526] Documenta Res Hungaricas. T. 14. P. 110.

[527] Documenta Res Hungaricas. T. 19. P. 240-241.

[528] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 6: 1321-1322 / Ed. G. Kristo. Budapest, 2000. P. 279.

1323 г. сообщает о завершении этих процедур и о принятии решения по этим спорам[529]. Документ именовал их в следующем виде: *Uruz-i Mihály* и *Orrus (dict.) Tamás királyi emberrel*. Строго формально документ не даёт возможности считать их братьями, если не считать их совместную деятельность и объединение термином «королевские дворяне». Однако название имения, которым владел Михаль, соответствует не только топонимической фамилии, но и прозвищу *Русский*. Вновь подчеркнём: показано полное тождество названий и эпитетов *Ros, Rosia, Russia, Ruzia, Rutia, Ruscia, Rugia, Ruthia, Ruthenia, Rutczia, Orosz, Uruz, Russus*[530]. Также показано тождество таких названий топонимов как *Horosin, Hurusy, Huruzi, Hurusi, Uruzi*[531]. По мнению составителя седьмого тома Documenta Res Hungaricas, село *Uruz* находилось в комитате *Bácz*. Однако ещё V. Chaloupecký (1882-1951) показал, что впервые село *Uruz* (затем – *Orosz*) упоминалось в комитате *Bihar* в 1220 г.; более того, он напрямую связал его основание с теми русскими крепостными йобагионами, которые упоминались в акте 1214 года, т.е., в частности, с нашим *Нусатой*[532]. Обе позиции, о территориальной принадлежности села *Uruz* и его прямой связи с йобагионами 1214 года, были затем поддержаны рядом авторов[533]. Таким образом, с учётом всего сказанного, нужно видеть в *Tamás* и *Mihály* вышеупомянутых родных братьев.

Удаётся обнаружить следы следующего поколения исследуемого рода. В акте № 201 от 15 сентября 1358 г. упоминается *Johannes dictus Orrus* он же *Johannes filius Jacobi*, являющийся гражданином г. *Nagykálló* комитата *Szabolcs*[534].

Есть сведения о двоюродном брате Иоанна *Русского* из Надькалло. В акте № 278 от 12 декабря 1358 г. в г. Эгер упоминается *прокуратор* (в данном случае: представлял сторону обвинения от короля, защищая финансовые интересы Короны[535]) *Nicolaus dictus Oroz*[536].

В г. Эгер фиксируется и его племянник – сын его брата Яноша. Актом № 199 от 03 февраля 1416 г. упоминается *Petrus filius Johannis dicti Oroz de Chycher* (венг.: *Csicser*; совр. *Čičarovce*, Кошицкий край, Словакия), а также его жена – Клара, –

---

[529] Documenta Res Hungaricas. T. 7. P. 220.
[530] *Gyárfás I.* A jász-kunok története. T. 1. Kecskemét, 1870. P. 283.
[531] *Ţeicu D.* Geografia ecleziastică a Banatului medieval. Timişoara 2007. P. 130.
[532] *Chaloupecky V.* Stare Slovensko. Bratislava, 1923. S. 223, 274-275; *Ibid.* Dvě studie k dějinam Podkarpatska. II. Kdy bylo Horni Potisi připojeno k Uhram // Sbornik Filos. Fak. University Komenskeho v Bratislavě. 1925. Roč. III. Č. 30. S. 38.
[533] *Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии, 1391-1498 гг. Прага, 1930. С. 65-67; *Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. 1933. T. 6. S. 32.
[534] Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 7: 1358-1359 / Ed. G.N.Tasnádi. Budapest, 1920. S. 365.
[535] *Rady M.* Customary law in Hungary: courts, texts and the tripartitum. Oxford, 2015. P. 116-117.
[536] Anjoukori okmánytár. T. 7. S. 523.

которая была дочерью *Johannis Hangachy dicti de Alsogezthel* из г. *Lelesz*, бывшего там главным прокурором[537] (о потомках Нискиничей в этом городе см. ниже). Отец Петра сына Иоанна упоминается в акте от 01 февраля 1388 г.: во время дворянских тяжб в *Lelesz* туда были посланы королевские чиновники (homo regius) *Johannes dictus Oroz de Checher* и *Andreas filius Ladislai de eadem*[538]. Если первый идентифицируется достаточно ясно (*Johannes dictus Orrus* 1358 года, см. ниже), то второго надо рассматривать только в качестве сына *князя Лотки* (см. ниже). Он же – *Johannes dictus Oroz de Chycher* – упомянут в акте от 20 сентября 1413 г. как *прокуратор* в г. Эгер[539].

Тщательный анализ документов позволяет нам обнаружить фигуру пресловутого *Лотки, князя Русского*. Выше мы постулировали, что он должен был принадлежать к иной ветви рода, являясь сыном графа Владислава сына Иванки. Также было определено, что его отец – Иванка *Русский* – стал королевским чиновником, а сын вскоре после победы Карла I и резкого усиления тренчинских Чаков вновь вернулся *Máté III Csák*. После мятежа *Máté III* против короля, Владислав перешёл на королевскую сторону, за что понёс убытки и физические увечья от собственного брата и иных сторонников *Máté III*. Однако никакого *Владислава сына Владислава* в рассмотренной нами части рода Нискиничей – королевских чиновников – не наблюдается.

Можно было бы допустить, что пришедший «извне» с вооружённой свитой *Лотка* был приверженцем короля, но не служил ему прямо. Следовательно, *князя Лотку* надо было бы искать среди служилых дворян тогдашних венгерских магнатов. Учитывая же, что такой магнат должен был быть в глазах короля вне подозрений, нужно понимать, что для Карла I таковыми магнатами были представители только одного рода: Другет (*Drugeth*). После бурных событий первой четверти XIV века, Карл I Венгерский не особенно доверял венгерской знати. Поэтому он предпринял масштабное реформирование знатного сословия. На этом пути он оперся на ближайших к себе рыцарей, пришедших вместе с ним из Неаполя. Первым из них был француз *Fülöp Druget*, который командовал королевскими войсками во всех событиях 1310-х гг., т.е. во время войны с *Máté III* и прочими баронами. Вскоре король сделал Филиппа Другета палатином [1323-1327]. После него палатинами были наследственно его сын и внук – *János Druget* [1328-1333] и *Vilmos Druget* [1333-1342]. Таким образом, вся венгерская знать могла присягать либо королю, что и делало большинство, либо палатину, разделяясь, таким образом, на *királyi emberrel* и *nádor emberrel* (королевских и

[537] Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T. 1 / Eds.: I. Nagy, I. Páur, K. Ráth, D. Véghely. Győr, 1865. S. 310-311.
[538] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1 / Ed. G. Nagy. Budapest, 1887. S. 482.
[539] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 2 / Ed. G. Nagy. Budapest, 1889. S. 122.

палатинских дворян). Тщательный анализ документов не выявляет никакого *Владислава сына Владислава* среди «дворян палатина» эпохи Карла I.

Вместе с тем искомое лицо оказывается в числе «королевских дворян», но дворян особого рода. Известно, что Карл I отошёл от практики земельных пожалований знати, заменив их «пожалованиями чести», т.е. должностями[540]. Затем король создал специальную прослойку из представителей высшей знати, т.н. *knights-at-the-court* (*рыцарей Двора*) (венг.: *udvari lovag*, латин.: *aule regiæ miles*). Это были рыцари, подчинявшиеся лично королю и находившиеся, как правило, при Дворе на постоянной основе; в их состав вошли почти все бароны и ряд иных дворян[541]. Дети дворян, включённых в этот круг, до того, как сами получали право войти сюда же, должны были служить при Дворе пажами (венг.: *apród*, латин.: *parvulus*). Выходя из пажеского возраста, молодые дворяне должны были отслужить в составе *дворцовой молодёжи* (*juveniles-at-the court*) (венг.: *udvari ifjak*, латин.: *aule regiæ iuvenes*)[542].

В связи с этим представляется необходимым обратить своё внимание на акт № 740 от 16 декабря 1339 г., изданный в Вышеграде[543]. Приведём этот документ целиком: «*[I.] Károly király (H) a Kis-Lo.-i (Polonia Interior) János fia: Marochuk mr. Oldruh-i várnagy, a királyi aula lovagja (miles) kérésére az ő és az ország Szent Koronája iránt hadjáratokban és követségekben kifejtett hűséges szolgálataiért László fiának: Lászlónak, az átkos emlékezetű Felicián vérrokonának és consobnnus-ának – mely Felicián kardjával a király vérére szomjazott, s ezért kiérdemelte, hogy gyermekeivel, vérrokonaival és generacioja minden tagjával harmadíziglen kipusztítsák, s hogy birtokaik az ország prelatus-ainak és báróinak érett megfontolásával a király kezére háramoljanak – minden, az ország bármely részében v. megyéjében levő birtokát, azok összes jogával és haszonvételével neki és örököseinek adományozta, más jogának sérelme nélkül, s megparancsolja, hogy e birtokokba Marochuk mr.-t Kyznempze, a királyi aula apródja (parvulus) vezesse be*».

Смысл этого документа весьма прост. В связи с воспоминаниями о заслугах в уничтожении мятежника «проклятого Фелициана» и всего его потомства до третьего колена, а также в ознаменование того, что все прелаты и бароны в стране со всем имуществом находятся под рукой короля, по просьбе кастеляна крепости *Oldruh Marochuk сына Яноша*, а также по просьбе (рекомендации) лояльного Короне королевского рыцаря *Владислава сына Владислава*, король производит господина *Marochuk* в пажи.

---

[540] *Kontler L.* Millennium in Central Europe: a history of Hungary. Budapest, 1999. P. 89.
[541] *Fügedi E.* Ispánok, bárók, kiskirályok. Budapest, 1986. P. 11-27.
[542] Op. cit.
[543] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T.23: 1339 / Ed. F. Piti. Budapest, 1999. P. 339-340.

Фактическая сторона этого документа, т.е. то, что касается новоиспечённого пажа по имени *Marochuk*, нас мало интересует. Кастелян *Marochuk* возводился в пажи, т.е. вводился в круг ближайшей к королевской особе знати, за заслуги его отца в событиях 1330 года[544]. Корни этих событий восходят к сентябрю 1315 года, когда, как указывалось выше, король лишил земельных владений троих, наиболее активных и преданных сторонников *Máté III*. В число этих лиц входил знатнейший барон *Felician Záh* (р. до 1270). В 1318 г. Фелициан перешёл на сторону короля и вскоре стал кастеляном замка *Sempte* (совр. *Šintava*, Словакия) [1321-1328]. В июле 1320 г. Карл I женился третьим браком на Елизавете (1305-1380), дочери Владислава I Польского и сестре будущего польского короля Казимира III. Дочь барона *Záh* – Клара – ровесница юной королевы – стала её фрейлиной и ближайшей подругой. Таким образом, после семьи Другет, барон *Záh* стал третьим лицом в государстве, имея прямой доступ к королю в любое время и по любому поводу. Что произошло впоследствии, до их пор неизвестно доподлинно и все историки сходятся на том, что это никогда не станет известно. Согласно романтической версии, весной 1330 г. 20-летний наследник польского престола Казимир попытался добиться от Клары полового удовлетворения, но получил отказ, в ответ на что изнасиловал её. Согласно другой, более прагматичной версии, барон *Záh* возглавлял оппозицию королю, желая добиться его устранения. В связи с недостатком источников, согласно единодушному мнению современных историков, ни одна из этих версий не может быть признана единственно верной.

Во всяком случае, 17 апреля 1330 г. во время королевского ужина в Вышеграде барон *Záh* ворвался с оружием в обеденный зал и попытался убить королевскую семью. Благодаря самоотверженности молодой королевы, бросившейся на защиту двух сыновей и мужа, его первый наскок не увенчался успехом: два удара оказались скользящими, король был ранен в руку, а у королевы оказались отсечены четыре пальца на руке. После этого находящиеся на обеде бароны опомнились, и молодой кастелян крепости *Patak* (совр. г. *Sárospatak*) по имени *Sándor fia János* одним ударом убил барона *Záh*. Тело убитого было расчленено и разослано по городам, его дети были убиты весьма жестокими способами; всех родственников в трёх поколениях постарались истребить физически, а прочих родичей постарались уничтожить посредством отлавливания их детей и ссылки оных на о. Родос к крестоносцам. Уцелела лишь те члены рода *Záh*, которые на то время находились в Польше, а также некоторые, которых укрыли у себя представители родов *Marczaly* и *Póka*.

Возведённый в декабре 1339 г. в королевские пажи *János fia Marochuk* был сыном убийцы барона *Záh*. Именно поэтому в цитированном нами акте приводятся столь

[544] Об этих событиях см., напр.: *Kristó G., Makk F.* Károly Róbert emlékezete. Budapest, 1988. P. 78 et al.; *Almási T.* Záh Felicián ítéletlevele // Aetas. 2000. T. 15. P. 191-197; *Beihuber Á.* Borcseppek a kardélen. Gondolatok Záh Felicián merényletéről // Sic Itur Ad Astra. 2006. № 1-2. P. 109-125.

пространные отсылки к событиям 1330 года. Однако нас в данном случае интересует то лицо, которое, являясь *рыцарем Двора*, рекомендовало молодого дворянина в этот круг избранной знати. Мы полагаем, что *László fiá László* акта № 740 (1339) тождественен пресловутому *Lothka dux Ruthenorum* 1338/1339 гг. и является сыном ранее рассмотренного нами комеса Владислава сына Иванки. В любом случае это единственное упоминание человека такого ранга, находящегося в ближайшем королевском кругу и полностью соответствующего всем нашим ранее приведённым заключениям. Разумеется, что предлагаемая нами версия гипотетична. Нигде не существует документ, в котором было бы ясно сказано, что эти два лица тождественны. Однако, учитывая совпадение всех ранее рассмотренных нами характеристик *князя Лотки*, такое отождествление является правомочным. Во всяком случае, нам представляется, что наша аргументация в пользу этого отождествления весомее, нежели совершенно бездоказательное отождествление *князя Лотки* с Владиславом Добжинским, и уж тем более резоннее, нежели голословное выдумывание из воздуха некого «*князя Владимира Андреевича*».

Следует, кстати, привести некоторые соображения в пользу того факта, что попытка переворота 1330 года не была спонтанной, а действительно имела под собой баронский заговор. Внутриполитическая обстановка Венгерского королевства в этом году была такова, что после устранения основных магнатов, претендовавших на власть, в 1320-е гг., простое убийство короля не принесло бы желаемых плодов. Даже если бы барону *Záh* удалось убить и малолетних королевичей, палатины Другеты стали бы стеной в защиту того порядка, который гарантировал их собственную власть. Они, вне всякого сомнения, постарались бы пригласить на венгерский трон иных родственников Карла I, которые в 1330 году ещё были живы. Кроме того, в игру вмешалась бы Польша, тем более что в случае успеха переворота, венгерская королева также была бы убита. Польша вполне могла бы занять Венгрию, посадив на её трон своего ставленника, либо, как минимум, отторгнув в свою пользу какие-нибудь территории. Поэтому переворот барона *Záh* мог иметь смысл только в двух случаях: 1) либо он осуществлялся в пользу Польши, 2) либо у барона *Záh* уже был готов конкретный кандидат на венгерский трон, который был бы объявлен сразу по истреблении Анжуйской династии.

В пользу первой версии говорит тот факт, что именно на территории Польши смогли укрыться уцелевшие члены рода *Záh*, которых там не преследовали, несмотря на тесный союз Венгерского и Польского королевств. В пользу второй версии говорит неуспех предприятия *Lothka dux Ruthenorum* по добыванию себе галицкого и/или волынского престола(ов). Дело в том, что в 1316 г. мятежные бароны открыто предложили венгерскую корону Андрею Юрьевичу Волынскому, как родственнику Арпадов по

женской линии[545]. Однако летом 1316 г. отчаянными ударами войска Филиппа Другета сумели разбить баронов, позвавших на трон волынского князя. Впрочем, согласно нормам средневекового права, проблема не исчезла. Благодаря однажды полученному предложению, Андрей Волынский оставался претендентом на венгерскую корону до своей смерти в 1323 г., а затем эта претензия перешла по наследству к галицкому королю Юрию II. Таким образом, с одной стороны, появление собственного ставленника на престолы западнорусских княжеств было выгодно венгерскому королю, тем более что этим претендентом был полностью лояльный ему рыцарь. С другой стороны, Карл должен был отлично понимать, что *László fiá László* состоял с Арпадами в гораздо более близком родстве, нежели западнорусские Рюриковичи. Утвердив претензии *князя Лотки*, Карл своими руками создал бы ту же самую ситуацию, которая имела место двадцатью годами ранее: поскольку в конце 1330-х гг. в среде крупных баронов ещё происходили антикоролевские брожения, они могли сделать ставку на нового галицкого короля. Вероятно, именно это и стало причиной того, что Карл отдал все права на Галичину и Волынь Польше[546].

---

[545] *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 132; *Pop I.-A., Nägler T.* The history of Transylvania. Vol. 1. Cluj-Napoca, 2005. P. 252.

[546] Нужно понимать также и то, что если бы *князь Лотка* всё-таки утвердился в Западной Руси, он бы однозначно стал бы в очень скором времени независимым от Карла I геополитическим игроком. Тому свидетельством является прецедент, известный из истории собственно Венгерского королевства. Дело в том, что апофеозом войны Австрии с Чехией и Венгрией в 1245-1246 гг. стала битва на р. Лейта 15 июня 1246 г. В ходе этой битвы герцог Фридрих II Австрийский был убит. Согласно нескольким немецким источникам, он был убит лично *rege Ruscie* (*королём Руси*). См.: Annales Millicensium continuation Sancrucensis tertia / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 9. Hannoverae, 1851. P.559; Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1-1286 / Ed. W. Wattenbach // Ibidem. P.789; Annales Waldemarianis / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 29. Hannover, 1892. P.179. По мнению ряда авторов, под *королём Руси* в данном случае следует понимать Ростислава Михайловича. См.: *Wertner M.* Boris und Rostislaw. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889. S.45; *Lechner K.* Die Babenbergen: Mark-Grafen und Herzoge von Österreich 976-1246. Wien, 1994. S. 296; *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278. Racibórz, 2008. S.18; *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242-1250 (ze szczególnym uwzględneniem kwestii matrymonialnych) // Україно-угорські етюди. Львів, 2010. Вип. 1. С. 177; *Nagimyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 227-228; *Войтович Л.В.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012. С. 58; *Паршин І.Л.* Участь Данила Романовича у боротьбі за австрийську спадщину Бабенбергів // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2012. Вип. 16. С. 40. Их аргументация проста и убедительна: с февраля до конца лета 1246 г. князь Даниил находился в Орде. Попытка А.В.Майорова считать *королём Руси* в 1246 г. именно Даниила, говоря, что он уже успел якобы получить королевский титул, не выдерживает критики. См.: *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. С.668-671. В венгерской хронике указывается обобщённо, что австрийский герцог «был сбит» венгерскими войсками и «погиб». См.: Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 4. Vol. 3 / Ed. G.Fejér Budae, 1829. S. 198. Эта информация подтверждает данные австрийских хроник, т.к. даже если бы князь Даниил и успел бы прислать венгерскому королю свои вспомогательные

Таким образом, единственное, что может вызывать интерес, это сообщение Дубницкой хроники о том, что *князь Лотка* прибыл с вооружённой свитой и обещал венгерскому королю всяческую дружбу. Откуда вооружённая свита у *рыцаря Двора*, и какую дружбу он предлагал королю, являясь его вассалом? Строго говоря, такое поведение король имел полное право расценить как мятеж. Однако *рыцарь-князь Лотка* не только не получает никакого наказания, но имеет столь важный вес, что в декабре 1339 г. рекомендует нового пажа королю. Разумеется, учитывая заслуги отца нового пажа, последнего всё равно ввели бы в круг королевских дворян. Однако даже соблюдение формального политеса в данном случае весьма показательно. Таким образом, можно высказать подозрение в том, что ставшие составной частью венгерской знати, причём её высшего уровня (на тот момент времени), Нискиничи на самом деле не помышляли о возвращении себе западнорусских престолов, хотя и имели на них законные права. Можно думать, что попавшая в Дубницкую хронику демонстрация *князем Лоткой* своих притязаний была комбинацией, намеренно разыгранной венгерским королём для того, чтобы подтолкнуть Казимира III к окончательному решению о проведении в Западную Русь своего ставленника. Мы никогда не сумеем

отряды, хронистам не было бы нужды именовать их «венгерскими войсками». Конечно, строго формально, никакого *короля Руси* в июне 1246 года ещё не существовало. По мнению Л.В.Войтовича, такой титул Ростислава означал претензии последнего не только на Галич, но и на Киев с Черниговом. См.: *Войтович Л.В.* Князь Лев Данилович. С. 58. На наш взгляд, вряд ли. Скорее всего, титул *короля Руси* в 1246 г. означал то же самое, чем он стал в 1253 г.: *король Галиции*. Титулование Ростислава означает, что с момента Ярославской битвы 1245 года Ростислав не прекратил своих попыток по возвращению Галича. Вероятнее всего, именно он, а вовсе не князь Даниил, первым поставил вопрос о создании Галицкого королевства. Романовичи помирились с Белой IV в ходе переговоров, длившихся с осени 1246 по февраль/март 1247 гг. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 354. Следовательно, в 1245-1247 гг. Ростислав Михайлович считался *титулярным королём Галиции*, не являясь таковым в действительности. По-видимому, чтобы не потерять власть, Даниил Романович пошёл на любые уступки и сумел перехватить инициативу у Ростислава, надев галицкую корону на себя в 1253 г. Титул *короля* Ростислав и его дети не утеряли и впоследствии: таких титулярных королей, герцогов, князей и т.п. в западноевропейской истории было немалое количество. Примером тому является тот факт, что Кунигунда Ростиславна, чешская королева (1261-1278), именовалась в документах дочерью *regis Russie*, т.е. *короля Руси*. См.: Annales Frisacenses // Monumenta Germaniae historica scriptories. T. 24 / Ed. L. Weiland. Hannover, 1879. S. 66. Поэтому вплоть до убийства Белы Ростиславича в 1272 г. над Романовичами и х потомками всё время нависала угроза потери власти. Именно по этой причине они, как указывалось, и способствовали убийству Белы. Возможно поэтому Лев I Даниилович так и не принял королевского титула, хотя королями Галиции были его отец и сын. Однако Юрий I Львович уже был вновь официальным королём, что означало прекращение опасности из-за пресечения династии Ростислава Михайловича. *Князь Лотка* фактически принял на себя титул князя Галицкого, став зримой угрозой текущему князю и любому из его преемников. Однако в силу пресечения западнорусских Романовичей в мужской линии, любой законный претендент, утвердившись на опустевших тронах, имел полное право надеть на себя галицкую корону. То есть *князь Лотка* в одночасье мог стать независимым монархом, что на самом деле создало бы угрозу уже самому Карлу I и его потомкам.

узнать, как было на самом деле, но, - как и в случае с равноценными версиями о мятеже барона *Záh*, - обе версии о появлении *князя Русского Лотки* в Вышеграде имеют право на существование. Нужно также понимать, что обе эти версии объединяются генеалогическим происхождением *князя Лотки*, которое мы теперь полагаем установленным.

Вероятно, рассмотренное лицо упоминается в старовенгерских актах ещё как минимум один раз. В акте № 335 от 19 мая 1341 г. говорилось о дворянско-церковной тяжбе насчёт принадлежности поместий с 1320-х гг.[547] Суд был назначен на 01 июля того же года, причём судья постановил заручиться свидетельствами под присягой двух знатных дворян соответствующего региона (комитат *Sáros*, совр. г. *Veľký Šariš*, Прешовский край, Словакия). Однако гораздо интереснее, что поскольку в тяжбе участвовали священнослужители, интерес к делу был проявлен и с королевской стороны. Королевским наблюдателем в суде был назначен *szenterzsébeti (de Zenthelysabeth) László fia László királyi emberek*. Поскольку, как указывалось, *рыцари Двора* выполняли личные поручения короля, подобное назначение для несостоявшегося *князя Русского* выглядит вполне уместно. Однако интересно, что название принадлежавшего ему имения подтверждает факт его принадлежности к роду Нискиничей. По мнению составителя 25-го тома Documenta Res Hungaricas, село *Szenterzsébeti* относилось к комитату *Szepes* (*Spiš*, совр. части Прешовского и Кошицкого краёв, Словакия)[548]. Действительно, такое село существовало близ города *Késmárk* (совр. г. *Kežmarok*, Прешовский край, Словакия) и было уничтожено гуситами в 1441 г. Однако в Венгерском королевстве существовало и другое село с точно таким же названием: близ г. *Zalaegerszeg*, административного центра комитата *Zala*. По мере расширения города, в 1969 г. село вошло в его состав и ныне не существует. Таким образом, мы можем располагать имение *László fia László* в любом из двух комитатов: в обоих был ряд имений рассматриваемого нами рода, а комитат *Zala* и вовсе некоторое время фактически возглавлялся представителем этого рода.

Дополнительное изучение венгерских актов позволяет нам определить, что имение Владислава сына Владислава располагалось именно в комитате *Zala*, а также уточнить родословную несостоявшегося *князя Русского*. Акт № 244 от 11 июня 1326 г. приводит информацию обо всех ныне живущих членах рода Печ и их боковых родственниках[549]. Здесь указано, что семейство Печ получило назад все свои земли в результате того, что умер брат и дядя некоторых из них *Horossou-i László mr*. Этот тот самый *Владислав Русский*, который был отцом *Лотки, князя Русского*. Смутное, совершенно неконкретное его родство с семейством Печ, доказывает сделанное нами ранее

[547] Documenta Res Hungaricas. T. 25. P. 161-162.
[548] Op. cit. P. 556.
[549] Documenta Res Hungaricas. T. 10. P. 163.

предположение о том, что это родство было на самом деле свойством, т.е. родством по браку. Вероятнее всего, именно по этому браку Николай «Русский» из рода Печ получил своё прозвище: можно допустить, что он был женат на сестре Владислава сына Иванки (нередко лица, женатые на сёстрах друг друга, именовали себя «братьями»).

В том же году мы можем найти акты №№ 13 и 29 от 13 и 21 января, в которых присутствует дворянин, сын Владислава, чьё имя полностью совпадает с именем *князя Русского* из Дубницкой хроники: *László fiai: Mihály, Lotho és István* вели тяжбу с дворянами-соседями[550]. Уже на основании этих совпадений, – имени, тождественному имени из Дубницкой хроники, и подтверждения нашего предположения о том, что его отцом был тоже Владислав, – можно говорить о справедливости всех ранее нами сделанных допущений. Однако дополнительно они подтверждаются указанием на местность, где шла тяжба: в районе села *Sytkey* (совр. *Sitke*, Венгрия), которое в 1326 г. входило в состав комитата *Zala*, в котором в первой половине XIV в. было немало имений венгерских Нискиничей.

Наконец, сохранившиеся документы показывают, что *Владислав Русский* однажды упоминался под тем же сокращённым именем, под каким в Дубницкой хронике и одном из старовенгерских актов известен его сын. В акте № 88 от 13 апреля 1321 г. говорится о том, что в предшествующие годы баронских мятежей три дворянина насильственно захватили и поделили между собой имение *Pyr* (совр. *Šipice*, венг.: *Sipék*, Банско-Быстрицкий край, Словакия) в комитате *Hont*[551]. Одним из трёх упомянутых дворян был *Ivanka fia Lahck*. По нашему мнению, этого дворянина можно отождествлять с *Владиславом Русским*, иначе – *Владиславом сыном Иванки*. Мы усматриваем такую возможность как в совпадении отчества, так и в совпадении местности, в которой были владения *Владислава Русского*. Также важно, что Владислав *Русский* уже уличался нами в попытке незаконного присвоения чужих земель. Наконец, вряд ли случайным совпадением является идентичность имён *Lothka/Lotho/Lachk*, употребляемые отцом и сыном. Поэтому мы полагаем нашу гипотезу вполне правдоподобной.

Наконец, документы позволяют увидеть ещё одно доказательство того, что все рассмотренные нами представители *рода Русского* действительно были скреплены общим родством. В уже цитированных нами актах о последнем упоминании Петера *Русского* в 1337 г. и об его посмертном упоминании в 1345 г. оные упоминания тесно переплетены с фигурой *János fia Marochuk*. В 1337 г. *Marochuk* назывался, одновременно с должностью кастеляна *Oldruh*, ещё и кастеляном Нитры, а затем был комесом *Hont* и одновременно кастеляном *Dregely* [1340-1346]. В ранг *королевского рыцаря* он был возведён в 1345 г., также был комесом *Zarándi* [1346-1348], комесом

[550] Documenta Res Hungaricas. T. 10. P. 42, 49-50.
[551] Documenta Res Hungaricas. T. 6. P. 40.

Bereg [23.V.1343 – 28.II.1360]; также он занимал должность *királynéi lovászmester* [1345-1360], соответствующую французскому коннетаблю (главнокомандующий королевскими войсками, начальник королевских рыцарей)[552]. В актах 1337 и 1345 гг. *Marochuk* показан должностным лицом, действующим совместно с Петером *Русским*, а затем заботящимся об его посмертной памяти. Исходя из этого, можно допустить их дружеские отношения при жизни Петера. Фигура рыцаря *Marochuk* здесь является связующим звеном между потомками Иштвана сына Иванки и Владислава сына Иванки. И те и другие проходили под эпитетом *Русский*, поэтому можно говорить об общении с этим родом ещё убийцы барона *Záh* Яноша. В акте 1345 г. покойный Петер именовался одним из вернейших слуг короля, как ранее именовался в документах и Владислав *Русский*.

Второе, что можно понять из дружеских взаимоотношений рыцаря *Marochuk* с Петером *Русским*, что таковая дружба могла иметь место между людьми одного поколения. Учитывая, что отец *Marochuk* впервые фигурирует в документах в 1330 г., а сын, хотя и упоминается в 1337 г., но только в декабре 1339 г. вводится в ближний круг королевских рыцарей, сам *Marochuk* должен был быть относительно молод в 1330-х гг. Владислав/Лотка, *князь Русский*, давший ему рекомендацию, принадлежал к более старшему поколению: т.к. Владислав сын Иванки родился не позднее рубежа 1260/70-х годов, его сын (будучи землевладельцем в 1325 г.) родился не позже 1300/1305 гг. Поскольку, как указывалось, в XIV в. возраст «глубокой старости» начинался уже с 50 лет, то рыцарь почти 40-летнего возраста в 1339 г. был вполне зрелым, если даже не «пожилым» человеком. В то же время *Marochuk* в 1339 г. производится в пажи, следовательно, он был много моложе возраста рыцаря Владислава, его рекомендовавшего. Надо думать, что *Marochuk* вряд ли был старше 20/30-летнего возраста. Этот возраст, конечно, велик для пажа, но вполне достаточен для занятия должности кастеляна, которым и был *Marochuk* накануне своего производства в пажи. Производство же в пажи, а не напрямую в рыцари, было необходимо для выдерживания всей бюрократической процедуры, которую ввёл Карл I. В любом случае карьера *Marochuk* была достаточно быстрой: в 20-30 лет он кастелян и королевский паж, а уже через полгода становится комесом одного из центральных графств.

Таким образом, мы имеем возможность полагать, что Петер *Русский*, умерший между 1337/1345 гг., был приблизительно одного возраста с *Marochuk*, учитывая допустимое отклонение максимум в 3-5 лет в обе стороны. Если, таким образом, считать, что Петер *Русский* родился не позже 1305/1306 гг. (чтобы в 1326 г. уже быть вице-комесом и кастеляном), то он скончался в возрасте 31/40 лет. Новоиспечённому комесу *Marochuk* в 1340 году было не более 30 с небольшим лет, т.е. он был моложе Петера не более чем

[552] Bereg megye hatóságának oklevelei (1299-1526) / Ed. T. Neumann. Nyíregyháza, 2006. P. 15.

на 3-4 года. Эти расчёты позволяют нам говорить, что Петер был всё-таки внуком Иштвана *Русского*[553].

В актах 1326 года можно отыскать ещё одну генеалогическую линию исследуемого нами рода. Акт № 579 (точная дата не указана) упоминает о тяжбе дворянина в окрестностях г.Эгер по имени *Natus fia János fia Antal*[554]. Здесь указаны сын, отец и дед, и речь идёт об Антале сыне Яноша и внуке Натуса. Поскольку Натус встречается в актах единожды применительно к венгерским Нискиничам, ответвление которых проживало именно в районе Эгера, можно быть уверенными в том, что здесь говорится о сыне Иванки Доброславича. Тем самым подтверждается сделанное нами выше предположение о тождественности имё-прозвищ *Нусата* и *Натус*.

Ещё один член исследуемого рода отыскивается в городке *Lelesz* (совр. Кошицкий край, Словакия, близ русской границы), где он был клириком в местном монастыре. Акт № 534 от 28 ноября 1325 г. упоминает, что некий виновный в какой-то деятельности против монахов «дал полное удовлетворение» местному дворянину, а также *Orros (Nasutus) Pál klerikus*[555].

В 1324 г. упоминается член рода венгерских Нискиничей, расположение которого в общем генеалогическом древе, на первый взгляд, вызывает трудности. В комитате *Szepes* актом № 49 от 02 февраля перечисляется ряд «высоких» дворян, пострадавших от обмана других дворян. В числе первых назван *Natus fia Jakab*[556]. Каким имением он владел, не указано, однако он помещён в списке между дворянином, владевшим имением *Hysfolua* (совр. *Hôrka*; венг.: *Lándzsásötfalu*, Кошицкий край, Словакия) и дворянином, владевшим имением *Pyukfolua* (совр. *Abramová*, венг.: *Turócábrahámfalva*, Жилинский край, Словакия). То есть, можно полагать местонахождение его имения в Словакии.

Мы полагаем, что *Natus fia Jakab* однозначно принадлежит к роду венгерских Нискиничей. Это справедливо хотя бы потому, что всего из трёх имён *Natus*, упоминаемых в старовенгерских актах, два, ранее нами рассмотренные, относились именно к этому роду. Учитывая всё известное нам об этом имени, третье его упоминание должно также относиться к Нискиничам. Мы полагаем, что Якоба следует

---

[553] Хотя выше мы показали, что ошибки писца не было, такая ошибка могла быть. Так, можно вспомнить *Myko fia Lathka* 1318 года. В латиноязычном акте также есть упоминание о нём и перевод венгерского акта на латынь. Однако этот человек назван здесь совсем по-иному: *Lathka Myko dicti*. См.: Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 1: 1301-1321 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1878. S. 480. По нашему мнению, предпочтение следует отдавать венгероязычным актам.

[554] Documenta Res Hungaricas. T. 10. P. 348.

[555] Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas Tempore Regum Andegavensium. Illustrantia. T. 9: 1325 / Ed. L.Géczi. Budapest, 1997. P. 289.

[556] Documenta Res Hungaricas. T. 8. P. 33.

видеть третьим сыном Доброслава Сбыславича/Судьича. В противном случае нам пришлось бы выдумывать какого-нибудь другого Натуса, которого совершенно невозможно было бы разместить в общем генеалогическом древе. При выборе между чем-то невозможным и условно возможным, следует выбирать второе. Возраст Якоба также не препятствует нашему предположению. Учитывая всё, что нам известно о Доброславе/Нусате/Натусе, следует говорить об его двух браках. Первый брак был заключён им явно с представительницей какого-то венгерского рода. Языческое венгерское имя его сына – Мухтуна – прямо свидетельствует об этом. Выше мы говорили, что иные сыновья Доброслава родились не позднее 1241 года. Можно уточнить: максимум не позднее 1242 года. Однако они могли родиться не ранее появления и укрепления Доброслава в Галиче, что состоялось в 1233-1235 гг. Вне всякого сомнения, укреплению Доброслава в Галиче должно было способствовать не только его происхождение, но и кровная связь с местным боярством. То есть, надо полагать, что в середине 1230-х гг. он в Галиче женился вторично. Следовательно, все трое его сыновей, основавшие свои ветви венгерских Нискиничей, родились в период 1235-1242 гг. Поэтому, учитывая погрешность, возраст Якоба в 1324 году мог составлять от 80 до 90 лет, в каковом возрасте нет ничего невозможного.

Представляется возможным, по нашему мнению, определить ещё ряд начальных звеньев генеалогии исследуемого нами рода. Так, обратим внимание на существование рода *Русских*, основанного как минимум в 1235 году. В 1235 г. *Dominico Rutheno* получил от короля село *Libele* в окрестностях *Liptószentmiklós* (совр. *Liptovský Mikuláš*, округ Липтов, Жилинский край, Словакия) в комитате *Liptó*. Впоследствии это имение оказалось утраченным его потомками. Но, как показал анализ акта от 13 декабря 1340 г., король Андраш III [1290-1301] отдал это имение и часть иных земель *Orosz (Rutenus) Domokos*, у которого вследствие незаконности этой дачи, король Карл I отобрал эти земли в 1340 г. в пользу прежних владельцев. Как убедительно показал М.М.Волощук, корреляция имён и владений свидетельствует о том, что *Dominicus Rutenus* 1340 года был прямым потомком (очевидно, правнуком) *Dominico Rutheno* 1235 года[557]. Однако, по нашему мнению, разрыв поколений между двумя Доминиками следует сократить. Так, ясно говорится, что Доминик 1340 года получил земли при Андраше III. Следовательно, при этом короле он был вполне совершеннолетним. Поэтому нужно вернуться к уже цитированному нами акту от 13 марта 1308 г., в котором упоминался *Myko fia Lathka*, он же *Miklós fia László*, как дворянин *Wolko* (совр. Вуковар в Хорватии). В числе прочих дворян *Wolko* этим же актом упоминался *Vruz Domokos*. Учитывая разительное совпадение не только имён, но и указание Доминика в 1308 г. вполне совершеннолетним лицом, можно видеть в нём одно лицо с Домиником

[557] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 184-188.

1340 года. Тот же факт, что он относился в акте к дворянству той местности, где было зафиксировано село *Нискиничи*, да ещё и упоминание его в одном акте с несомненным Нискиничем, дают нам право полагать, что ветка Доминика 1235 года действительно принадлежала к этому роду. Также отождествление Домиников 1340 и 1308 гг. дают право говорить, что этот человек был не старше, нежели внуком Доминика 1235 года.

В 1262 г. упоминается богатый вельможа *Maladik/Mladik Ruthenus*, давший Беле IV 30 марок золота[558]. По мнению М.М.Волощука, вполне согласному с нашим, имя вельможи происходит от русского *Мал*[559], что само по себе уже серьёзно свидетельствует в пользу его происхождения из рода Нискиничей[560]. Интересно, что по акту 1262 года этот вельможа получил земли почти там же, где и *Dominico Rutheno* 1235 года, что может косвенно свидетельствовать в пользу их ближайшего родства[561]: село *Tornouch* (совр. *Liptovský Trnovec*, округ Липтов, Жилинский край, Словакия) в окрестностях *Liptószentmiklós* в комитате *Turóc*. Существует работа, где автор прослеживал его потомков[562]. У него было двое сыновей, имена которых не сохранились. У старшего сына был сын Иоанн, который имел двух дочерей – Анну и Елизавету. Младший сын имел сына Иштвана, у которого была дочь Катарина. Однако, по нашему мнению, эти данные подлежат коррекции. Запись в акте от 1262 г. гласит: *nobiles dominae Anna Iohannis, ac Elisabeth et Katarina filiae Stephani de Tarnouch*; ниже по тексту говорится, что их земли были даны *Маладику*[563]. Ясно видно, что *Анна, Иоанн, Елизавета, Катарина* – это дети *Иштвана*, которого, видимо, следует считать сыном *Маладика*. Поскольку этот акт датируется тем же 1262 годом, что и наделение последнего имением, это означает, что этим документом перечисляется вся наличная семья *Маладика*, потомки которой имеют право наследовать дарованное имение.

Очень непросто предположить в каком родстве состояли Доброслав Сбыславич и братья Доминик и Маладик. Можно говорить о том, что уровень родства был весьма близким. В пользу этого говорит тот факт, что внук Доминика 1235 года и правнук

---

[558] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 4. Vol. 3. S. 59.

[559] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 189.

[560] Очень важно и то, что *Маладик* мог напрямую общаться с королём. Если о других родах *Русских*, которые мы не можем сомкнуть с Нискиничами, такого факта неизвестно, то подобная характеристика *Маладика* является серьёзным доказательством его происхождения от Нискиничей (родственников Арпадов).

[561] Скорее всего, они были братьями. В акте 1262 года указывается, что *Маладик* бежал из татарского плена, прибыл к королю, дал ему золото и получил имение. Вполне резонно допускается, что *Маладик* попал в монгольский плен после битвы при Шайо в апреле 1241 г. См.: *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 188, 191. Столь малая разница в годах – 1235 и 1241, – а равно непосредственная близость имений обоих *Русских*, может говорить в пользу их братских связей.

[562] *Font M.* Einige raprazentanten des Kleinadels im polnisch-ungarischen Grenzgebieten im 13 Jh. und die Zukunft ihrer Familie. // Specimina nova universitatis quinqueecclesiensis. 1995. № 9. S. 246-250.

[563] Codex diplomaticus Hungariae. T. 4. Vol. 3. S. 65.

Доброслава в одно и то же время числились дворянами в одной и той же местности. Учитывая, что возраст Доминика 1235 года вряд ли был моложе 30/35-летнего, можно видеть, что время его рождения приблизительно соответствует времени рождения Доброслава Сбыславича. Очень осторожно можно допустить, поэтому, что Доброслав, Доминик и Маладик были родными братьями. На первый взгляд такому предположению противоречит латинское имя Доминика. Однако, как представляется, никакого противоречия на деле нет. Венгерское имя *Domokos* (Домокош), тождественное латинскому *Dominic*, имело ряд уменьшительных форм: *Domos* (Домош), *Domi* (Доми), *Dokus* (Докуш), *Domonkos* (Домонкош). Нетрудно увидеть здесь разительное сходство со славянским уменьшительным именем *Домаш* (от *Домажир* или *Домослав*), очень распространённым в Великом Новгороде, откуда родом и была рассматриваемая нами семья. Этой аналогии, по нашему мнению, уже достаточно, чтобы говорить о русском вообще и новгородском в частности происхождении Доминика 1235 года. Однако можно обратить своё внимание на ряд не менее интересных аналогий. Так, аналогом рассматриваемого имени в Италии было имя *Domenico*. Это имя видоизменялось от одного итальянского региона к другому. В частности в восточно-ломбардском (Крема) произношении оно выглядело как *Dumenech*, а в западно-ломбардском (Милан) – *Domenegh*. В двух последних именах нетрудно увидеть пресловутого йобагиона 1214 года по имени *Damang*, упоминавшегося в тесной связи с *Nusata* – Доброславом Сбыславичем. Интересно также, что польский вариант имени – *Dominik* – имел такие уменьшительно-сокращённые формы как *Domek, Domeczek, Dominiczek, Niczek, Nik*; в женском варианте уменьшительная форма выглядела как *Niczka*. Как представляется, в последнем случае искомое имя очень близко к варианту *Нискиня*, выглядевшему в польском написании в форме *Niszkina*. Таким образом, исходя из проведённого анализа имени, мы склонны полагать наше предположение справедливым (при текущем уровне состояния источников, разумеется).

Коснёмся также происхождения знатного венгерского рода – Tisza (Тиса), существующего доныне. Официальная генеалогия рода начинается с 1650-х гг., в графское достоинство он был возведён в 1883 г. Его известнейшими представителями являлись Кальман Тиса (1830-1902), премьер-министр Венгрии [1875-1890], и его сын – Иштван Тиса (1861-1918), премьер-министр Венгрии [1903-1905, 1913-1917], убитый австро-венгерскими большевиками. Их родословие можно проследить гораздо глубже в истории.

Показано, что в ряде актов 1312, 1317, 1318, 1322, 1324, 1341, 1344, 1347 гг. упоминается семейство Тис: 1) *Theza Rutenus aule nostre juvenus* (1312), он же *Magister*,

Aulae nostrae Tauarnicus (1318); 2) его сын *Iohannus filius Tyza* (1344, 1347); 3) его сын *Andreas filius Tysa* (1341).

Учитывая характерное прозвище Тисы 1312 года, его несомненно следует считать русским, однако у его сыновей это прозвище не указано. Само имя *Тиса* также не является именем, а лишь иным прозвищем по названию реки Тисы. Интересно также начало его карьеры. Тиса появляется в 1312 г. как представитель *дворцовой рыцарской молодёжи*, а в 1318 году он уже магистр и распорядитель хозяйственными делами Двора. Можно попробовать оценить его возраст. В акте 1318 года, где говорилось о награждении Тисы земельными владениями, использовалась следующая формулировка: «*Magistri Tysa, quae idem nobis a tempore pueritiae nostrae lateri nostro eontinue inhaerendo, in diuersis nostris et Regni nostri negotiis eum constantia summae fidelitatis, et sui sanguinis effusione fideliter et deuote exhibuit et impendit*»[564]. Перевести эту фразу можно следующим образом: *Магистр Тиса придерживается нашей стороны со времён нашего детства, держась постоянства безусловной верности королевства нашего и отцов наших, что он показал пролитием своей крови, верностью и преданностью*. Поскольку указывается, что Тиса придерживался стороны Карла I со времён детства последнего, нужно вспомнить, что Карла привезли в Венгрию в августе 1300 г. 12 лет от роду. Он был поддержан архиепископом Эстергомским *Gergely Bicskei* [1298/1299 – 1303] и магнатом *Ugrin Csák* (ок. 1240 – 1311). Отмечается, что барон Угрин Чак был первым и постоянным сторонником Карла I с момента его высадки в Сплите, а затем с момента его провозглашения королём в январе 1301 г.[565] Эта формулировка полностью совпадает с формулировкой о магистре Тисе диплома 1318 года. Следовательно, нужно думать, что Тиса стал сторонником Карла I ещё во второй половине 1300 г. Следовательно, в это время он был совершеннолетним, т.е. старше Карла. Вместе с тем, поскольку он появляется впервые в документах в 1312, а исчезает уже в 1324 гг., можно думать, что он скончался в 1320-х гг., т.е. не был слишком молод. Тем самым, можно допустить, что в 1300 г. ему было не менее 20/30-летнего возраста[566].

---

[564] Codex diplomaticus Hungariae. T. 8. Vol. 2. S. 150.

[565] *Sugar P.F., Hanák P., Tibor F.*A history of Hungary. Bloomington; Indianapolis (In.), 1994. P. 37. Стоит не забывать, при этом, что его ближайший родственник *Máté III Csák* также поддержал Карла с первых дней его высадки.

[566] Не следует видеть в том, что в 1312 г. Тиса причислялся к дворцовой молодёжи (оруженосцам) его молодости. Стандартные правила XIV-XVI вв. предписывали возводить в пажи мальчиков 7-10 лет, выводить их в оруженосцы около 14 лет, затем в рыцари около 21 года. На практике всё было по-разному. Именно в Венгрии *королевский паж* и *королевский оруженосец* могли остаться таковыми на всю жизнь без повышения статуса. Кроме того, всегда практиковались возведения в придворные чины возрастных лиц за их заслуги. Вспомним рыцаря *Marochuk*, ставшего пажом в 30-летнем возрасте за заслуги своего отца. Самым возрастным историческим примером такого рода является возведение в пажи на Руси в 1740 г. майора в отставке, князя М.А.Голицына (1687/1689-1775/1778), которому было за 50 лет. Таким образом, мы можем говорить, что в 1312 году Тиса,

Примкнуть к Карлу в 1300 г. он мог только будучи служилым дворянином барона Чака. Последнее существенно сближает фигуру Тисы с родом Нискиничей. И дальнейшая его карьера полностью совпадает с карьерой королевских чиновников Нискиничей, не примкнувших к мятежу Мате Чака. Поэтому на основании всех указанных признаков, он может относиться к роду Нискиничей.

Тот факт, что Тиса первой половины XIV в. был родоначальником позднейшего графского рода, серьёзно допускался некоторыми авторами[567]. Недавно опубликованные генеалогические заметки о роде Тис подчёркивают, что первым документально известным представителем рода, от которого родословная Тис идёт без перерывов, является *István Tisza de Borosjenő*, упоминаемый в 1649-1660 гг.[568] Здесь же показано, что ему предшествовал *Tamás Tisza* и его сыновья – *Mihállyal, Katával, László* – и дочь *Ilonával*, упоминаемые в 1578 г.; однако автор указал, что документов, позволивших бы связать Тису 1578 и Тису 1660 гг., нет. Затем цитируемый автор ясно показал, что к этому роду принадлежал Тиса 1312-1324 гг. Причём ему удалось выявить в документах двух других его сыновей: 1) в акте от 06 октября 1327 г. фигурировал *Tiza-i Pál*, член *szolgabíro* комитата *Csongrád* и владелец имения *Tisza* в комитате *Arad*[569]; 2) в акте от 01 мая 1341 г. фигурировали *Tycia-i (dict.) Jakab fiai: Beke és Lewkus*, владельцы имения *Süvegden* в комитате *Bihar*[570]. Затем, по словам цитируемого автора, никаких упоминаний этого имени вплоть до 1578 года нет.

Если продолжать анализировать документы, можно увидеть отца Павла Тисы, которого можно отождествить с магистром Тисой *Русским*; очень важно в этом случае указание личного имени, а не только прозвищ. В акте от 02 февраля 1306 г. указан *комес Tisza (Tycia) István*[571]. В акте от 10 апреля 1317 г. вновь упомянут Павел – как королевский дворянин: *Tyza-i (dict.) Pált*[572]. Факт того, что королевский дворянин Павел не мог быть слишком молодым человеком, т.е. ему было не менее 25/30 лет в 1317 г., отодвигают, с нашей точки зрения, приблизительное время рождения Иштвана Тисы не позднее рубежа 1260/70-х гг.

Таким образом, уже эти наблюдения свидетельствуют о том, что фамильное прозвание *Тиса* употреблялось до 1312 года. Поэтому вызывают недоумение слова

которому было около 30-40 лет, числился в оруженосцах, т.е. ступень пажа он прошёл задолго до 1312 года.

[567] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 195-198; *Bonkalo A.* The Rusyns. New York, 1990. P. 11.

[568] *Erdős P.* A borosjenői nemes és borosjenői és szegedi gróf Tisza család rövid története // Matrikula. 2014. T. 4. P. 1-2.

[569] Documenta res Hungaricas. T. 11. P. 223.

[570] Documenta res Hungaricas. T. 25. P. 122-123.

[571] Documenta res Hungaricas. T. 12. P. 12.

[572] Documenta res Hungaricas. T. 4. P. 167.

М.М.Волощука: «*До 1312 г. такое имя в актовом и нарративном материале Венгерского королевства не встречается*»[573]. Позволим себе обратить внимание на публикацию 1895 г. Автор указал, что род Тис был постоянен со средневековья, и их фамильное прозвание не менялось; однако и он не смог отыскать их следов со второй половины XIV до середины XVII вв.[574] Однако главным достоинством работы цитируемого автора стал скрупулёзный подсчёт носителей прозвания *Туса* в XIII в.[575]: 1) в 1277 г. в комитате *Somogy* в перечне замковых йобагионов *castrenses de villa Mogorey* (совр. *Pelişor,* Румыния) указан *Miklós, Tyza fia* или *Nycolaus filius Tyze*[576]; 2) в сентябре 1255 г. *Miklós fia Bálint, néhai Tyza unokája* или *Valentinus, filius Nicolai, filii Tisa* получил от короля имение в комитате *Turóc*[577].

Итак, мы видим генеалогическую линию: Тиса (дед), умерший до 1255 г., Миклош – его сын, Валинт/Валентин – его внук. Очень важным, по нашему мнению, является факт получения Валинтом имения в Словакии, в том же комитате, где имели владения Доминик и Маладик. Нам не удалось идентифицировать это имение в современной среде, однако можно думать, что оно находилось по соседству с двумя указанными. Это является очень существенным подтверждением предположения о принадлежности Тис XIII века к роду Нискиничей. Не менее важным является использование одинакового именослова: сын Жирослава и внук Тисы носили одинаковое имя. С точки зрения концепции родовой преемственности имён это является важнейшим фактом.

В 1288 г. документы зафиксировали существование имения *Tyse* (совр. *Tésa* на границе Венгрии и Нитранского края Словакии)[578]. В указанном году оно принадлежало *прево* (градоначальнику) Эстергома. Данных о том, что это имение принадлежало иным владельцам, нет. Однако это вполне могло быть. Мы не раз видели, что одинаковые названия имений существовали в разных районах Венгерского королевства. Нет ничего невозможного в том, что *Туса* первой половины XIII в. был держателем этого имения, получив от него своё фамильное прозвание. Затем это прозвание его потомками было перенесено на новое имение – в Румынии. Таким образом, вполне реально допускать, что название реки *Тисы* не имеет к венгерскому роду *Тис* никакого отношения.

Наконец, имя *Тисы*, отца Николая и деда Валентина, отыскивается в акте Андраша II, дарованном Тиханьскому аббатству[579]. В этом акте приводится подробнейшая перепись

---

[573] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 195.
[574] *Komáromy A.* A Borosjenei Tisza család ősei. Budapest, 1895. P. 9-12.
[575] Op. cit. P. 5.
[576] Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 4:1272-1290 / Ed. G. Wenzel. Pest, 1862. S. 94.
[577] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 4. Vol. 2 / Ed. G. Fejér Budae, 1829. S. 362.
[578] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 5. Vol. 3. S. 438-441.
[579] Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 1:1001-1235 / Ed. G. Wenzel. Pest, 1860. S. 106-126.

земель, прикреплённых к аббатству, а также даны поимённые списки обитателей этих земель. Важность этого документа в том, что здесь приводятся имена всех лиц, от чиновников до сервов. В числе прочих владений аббатства указывается ранее упомянутое нами село *Theluky*. В числе его насельников указана группа лиц, называемая *vdornici*. В число последних были включены два лица, одного из которых звали *Thyze, filius Suma*, а другого – *Tyza (Tize), filius Nuuhu*. По мнению цитированных нами P.Erdős и A.Komáromy, исходя из тождественности одного из этих имён с позднейшим фамильные прозванием владельцев имений XIV века, а также графского рода XVII-XXI вв., именно фигуру *Tyza (Tize), filius Nuuhu* следует рассматривать в качестве исходной точки существования этого рода.

На наш взгляд, эта точка зрения целиком верна. Существенным подтверждением её мы полагаем результаты, которые можно получить, подвергнув анализу имя отца Тисы 1211 года, человека по имени *Nuuhu/Nuhu*. Это имя встречается в тексте акта 1211 года несколько раз. Специальный анализ показал, что *Nuhu* тождественно *Beneh* и *Bene*[580]. Это нужно полагать справедливым, но, как и в случае с рассмотренным нами именем *Доминик*, надо понимать, что многое зависело от писца, его национальности и мировоззрения. Так, мы видели, что имя йобагиона 1214 года – *Damang* – появилось явно в записи латиницей имени *Dumenech/Domenegh* ломбардского диалекта итальянского языка. При этом имя *Доминик* не было первичным: оно возникло у писца-ломбардца из-за непонимания русских имён *Домажир/Домослав* и их уменьшительного варианта *Домаш*. То же самое, на наш взгляд, причём опять с участием писца-итальянца, имело место в акте 1211 года.

Действительно, имя *Nuhu* логичнее всего воспринимать как еврейское *Ной* (*Noe, Noah, Noë*); однако в таком виде *Ной* передаётся только в арабском – *Нух*. Поэтому ближайшим по смыслу переводом имени *Ной* «успокаивающий; отдых, покой» является *Бенедикт* «благословенный, блаженный, счастливый». Венгерскими вариантами имени *Benedictus* являются следующие: *Bence, Bene, Bende, Benke, Benkő, Benő, Benediktusz, Benedikt, Benedek*. Между тем в рейнском (рипуарском) диалекте немецкого языка это имя звучит как *Dickes, Diktes, (ж.) Dikta* (оттуда эти варианты проникли в чешский язык). От испанского варианта имени – *Benito* – идёт испанское уменьшительное *Nito(a)* и португальское *Dito(a), Ditão, Ditinha*. В пьемонтском диалекте итальянского – *Deto, Detin*; в сицилийском диалекте – *Nittu, Nittuzzu, Tuzzu(a), (ж.) Tuzziddra*.

Таким образом, можно сделать в некоторой степени парадоксальный вывод: имена-прозвища *Tyza* и *Nuhu* можно считать тождественными, если учесть их искусственное конструирование писцом итальянского происхождения. По нашему мнению, *Nuhu*

---

[580] *Gácser I.* Az 1211. évi tihanyi összeírás helyesírása és hangtani sajátságai // A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. 1941. T. 58. P. 1-33.

может быть отождествлён с йобагионом 1214 года по имени *Duh*. Поскольку в своём буквальном значении имени *Дух* не существовало, надо видеть в нём славянское *Духослав* (уменьш. *Dušan*: сербск., болгарск.). В значении *славный духом, славный дух, славящийся духом* это имя вполне реально рассматривать в *благословенном* значении имени *Бенедикт*.

Возможно, наше построение выглядит в известной степени громоздким. Однако, учитывая текущее состояние источников, нам представляется, что принятие нашей концепции позволяет не только объяснить происхождение третьего йобагиона 1214 года, но и твёрдо постулировать происхождение венгерского рода *Тис* от русского княжеского/боярского рода Нискиничей. Все три йобагиона, – оказывающихся, как видно, родными братьями, – были записаны жаргонизмами, по существу, *кличками*, образованными от их реальных имён писцами итальянского происхождения. Духослава Сбыславича надо, таким образом, рассматривать старшим из трёх братьев, поскольку его сын – *Тиса* – упоминается уже в 1211 году явно самостоятельным. При этом, он не мог быть слишком стар: мы полагаем его возраст около 15-20 лет (т.е. родился не позднее 1195 г.), тогда его отец родился не позднее 1175 г. Поскольку старшие братья троих галицко-венгерских Нискиничей – Юрий (воевода) и Алексей (боярин) – погибли ещё в Великом Новгороде в 1200 и 1207 гг. соответственно[581], его дата рождения выглядит целиком приемлемой.

Важным подтверждением происхождения рода *Тис* из рода Нискиничей мы – в свете нашего отождествления – усматриваем присутствие его основателя в имении *Theluky*. Ранее мы видели, что именно в окрестностях этого села в 1280 г. были какие-то владения у сына Доброслава Сбыславича – Мухтуна/Миклоша.

Надо также понимать, что сословная группа *vdornici* или *udvarniks* (венг.: *udvarnokok;* англ.: *royal serving people*) в буквальном смысле означало *придворные*. Фактически их статус был тождественен статусу замковых йобагионов, с той лишь разницей, что они не занимались военным делом, а ведали хозяйством и гражданским управлением населённого пункта и зависящих от него территорий. В условиях правления в Венгрии династии Арпадов, когда в стране не существовало постоянной королевской резиденции, такие лица становились реальными *придворными*, когда король или иные знатные персоны прибывали в то или иное место. Впоследствии, когда со второй половины XIV в. сословная группа замковых йобагионов начала исчезать, часть из них вместе с землями (основная часть замковых йобагионов вошла в ряды «законного дворянства») была закрепощена именно со стороны *vdornici*[582]. В то же время сословная

[581] Значит, они родились не позднее чем в 1170-х гг. Это вполне совпадает с тем, что их отец – новгородский боярин Сбыслав Степанич – родился около 1120/30-х гг. См.: *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 56 ,74.

[582] *Rady M.* Nobility, Land and Service in Medieval Hungary. London, 2000. P. 20.

группа *vdornici* влилась в состав «истинного дворянства», как представляется без особенных потерь[583]. Интересными являются наблюдения о том, что в составе группы *vdornici* был очень большой процент славянского населения Венгерского королевства[584]. Как видим, это подтверждается нашими наблюдениями (кроме того, в переписи 1211 года немало славянских имён, напр. *Микула, Ярослав* и т.д.). Очень интересно, что юридически прямым главой всей сословной группы *vdornici* был король, но фактически они контролировались напрямую тем лицом, которое занимало должность палатина[585]. По нашему мнению, это облегчало переход части Нискиничей на сторону Мате Чака в 1311 году.

Таким образом, Иштвана Тису (р. до рубежа 1260/70-х гг. – ум. после 1324) надо, по-видимому, считать сыном Валинта, упоминаемого в 1255 г. Учитывая, что Валинт, получая имение, не мог быть слишком молод, надо полагать его рождение не позднее 1230 года. В этом случае видеть Иштвана Тису единственным ребёнком своего отца маловероятно. Однако документы не дают нам возможности отыскать его прямых родственников. Однако можно предположить, что информация об одном из его ближайших родичах всё-таки сохранилась. Следует обратить внимание на фигуру прокуратора *Benedictus Ruthenus*, который был упомянут в акте от 1297 г.[586] По нашему мнению, он принадлежал к роду Нискиничей. Мы усматриваем этот факт в том, что в акте указывалось о том, что он улаживал земельные споры между двумя дамами из рода Чак. Это первое по времени и неоспоримое свидетельство нашего предположения о поступлении членов рода Нискиничей в XIII в. на службу к Чакам. Кроме того, разновидность имени *Бенедикт* уже существовала в роду Нискиничей, причём именно в ветви *Тис*. Можно полагать Бенедикта 1297 года старшим братом Иштвана Тисы.

Интересно, что *Nuuhu*, т.е. Духослава Сбыславича, можно отыскать ещё в одном венгерском документе. В 1220 г. в г. *Varad* выяснялось происхождение местных чешских *госпитов*. Их защищали замковые йобагионы *Ruska de villa Simon* и *Nuuhu de villa Mochule*[587]. Поскольку в тиханьской переписи 1211 года 8 раз упоминается имя *Nuhu*[588] и лишь 1 раз – в случае с *Тисой* – упоминается *Nuuhu*, можно думать, что вторичное упоминание одинакового имени у лица с одинаковым социальным статусом спустя всего лишь 9 лет, не может быть случайным совпадением. Интересно здесь

---

583 *Rady M.* Nobility, Land and Service. P. 88-89.
584 *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* Op. cit. P. 74.
585 Op. cit.
586 Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 10 / Ed. G. Wenzel. Pest, 1873. S. 255-256.
587 Regestum Varadinense. S. 273.
588 Из них 7 упоминаний относятся к славянам, т.к. дети, отцы или братья этих лиц носят славянские имена; только 1 раз сыном лица с этим именем назван носитель неславянского имени *Sebastiani*.

также не только упоминание второго исторического владения венгерских Нискиничей, но и места его расположения. Имение *Mocsolyás* – это совр. село *Járdánháza* (Венгрия); в XIII в. оно входило в состав комитата *Borsod*, находясь на исторической территории Словакии (продолжение Банско-Быстрицкого и Кошицкого регионов): именно в этих регионах затем были основные земельные владения венгерских Нискиничей. Интересно и то, что упоминание второго известного владения Нискиничей в Венгерском королевстве (1220) отстоит очень недалеко во времени от первого – владения Володислава Константиновича (между 1209 и 1217). Можно думать либо о том, что оба они получили свои владения одновременно, либо о том, что Духослав был наделён имением уже после свержения Володислава в Галиче, т.е. между 1214 и 1217 гг.

Таким образом, повторимся, что наши отождествления помогают выяснить русское происхождение венгерского графского рода *Тис*, а равно доказать его происхождение от русского знатнейшего рода Нискиничей. Если даже какие-то наши выводы и могут быть не слишком основательными, предлагаемая нами концепция является единственной в русской и зарубежной историографии. Мы полагаем, что с учётом текущего состояния источников предложение иной концепции происхождения трёх йобагионов 1214 года и венгерского рода *Тис* если не является невозможным, то представляет собой чрезвычайно непростую задачу[589]. Однако мы полагаем, что вряд ли нам удалось обнаружить все возможные ответвления Нискиничей в Венгерском королевстве. По нашему мнению, задачей генеалогов в будущем становится детальное исследование всех обнаруженных нами венгерских ветвей рода Нискиничей, в т.ч. и рода *Тис*.

8. Послесловие

В предыдущих параграфах нашей работы мы сумели довести непрерывное генеалогическое древо венгерских Нискиничей до 1410-х гг. Вести дальнейший поиск потомков венгерских Нискиничей не входит в цели настоящей работы. Тем более надо понимать, что этот поиск будет достаточно непростым. Вновь позволим себе упомянуть

[589] Не до конца прояснённым остаётся вопрос, каким образом оказались в Венгерском королевстве три брата Сбыславича? Этот вопрос тем важен, что в 1214 году все они оказываются в одинаковом социальном статусе, будучи при этом разного возраста. Если возраст Доброслава был не выше 20-25-летнего, то возраст Духослава был около 40 лет. Мы уже допускали выше, что это могло иметь место вследствие более ранеего захвата венграми галицкого Понизья (ок. 1210/1211 гг.). В таком случае можно допустить, что три брата, находившиеся в тот момент на захваченной венграми территории, какое-то время действительно были в неясном статусе военнопленных, и только в 1214 году сумели доказать своё происхождение, вновь получив свободу. Это вполне вероятно, тем более что Мал/Маладик не был вместе с братьями в 1214 году, следовательно, находился где-то в ином месте Галицкой земли, подобно собственному отцу и Володиславу Юрьевичу. Последнее является дополнительным, хотя и косвенным, подтверждением того, что трое Сбыславичей оказались в Венгерском королевстве между 1210 и 1214 гг., можно сказать, ситуативно, случайно.

слова М.М.Волощука о том, что с XIV в. эпитет *Orrus* (*Русский*) не являлся определяющим признаком русскости своего носителя. Этот эпитет мог появляться, как мы видели, *в наследство* от русской матери, или *по службе*, как профессиональная идентификация лица, отправлявшего свои чиновничьи функции в местах компактного проживания русских переселенцев.

Поэтому каждый случай упоминания такого эпитета в венгерских актах должен тщательно выверяться на предмет действительно русского происхождения его носителя, а также на предмет его связи с рассмотренным нами родом. В последнем случае, скорее следовало бы обращать внимание не столько на эпитеты *Orrus*, сколько на эпитеты *Ros/Rusas/Rosas/Russia* и т.п. Серьёзным же признаком принадлежности человека к рассмотренному нами роду могли бы быть эпитеты типа *Naso/Nasus* и их вариации. Однако и в этих случаях следовало бы дополнительно выверять их реальные генеалогические связи, не причисляя кого-либо к общему генеалогическому древу только на основании похожих прозвищ.

Вместе с тем поиск на этом направлении может оказаться вполне плодотворным. Позволим себе обратить внимание на некоторые фигуры, сразу бросающиеся в глаза.

В окрестностях Эгера фиксируется дворянин, явно принадлежавший к исследуемому роду. Акт от 05 июня 1347 г. упоминает, что *Emericus filius Symonis de Oroz* в союзе с другими дворянами вёл тяжбу за имение *Hene*[590] (существовало в нескольких километрах к северу от совр. *Nyírbogdány* комитата *Szabolcs*, к каковому комитату принадлежал и Эгер). Учитывая непосредственную границу этого комитата с Русью как в те времена, так и впоследствии, любопытно, что местная легенда гласит об основании *Nyírbogdány* (первое упом. 1220) славянином по имени *Богдан*. Отец Имре *Русского* может быть либо сыном Иванки Доброславича, либо его внуком от какого-то из сыновей. Однако в отсутствие какой-либо информации о Симоне *Русском*, однозначно идентифицировать его сына нельзя.

В 1384 г. в Буде встречается дворянин *Gregorius de Orosz*[591]. В комитате *Szabolcs* в акте от 06 февраля 1419 г. одним из свидетелей во время земельной тяжбы упоминается дворянин *Georgius Oros*[592]. Вполне вероятно, что эти лица могут быть тождественны.

В 1391 г. в г. *Scepus* (*Spiš*, Словакия) упоминается *magistro Michaele dicto Orrus*, который был секретарём местного суда[593]. Вероятно, это – ранее упомянутый брат *князя Лотки*; ему могло быть около 75 лет.

---

[590] Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 1. S. 146-147.
[591] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 1 / Ed. G. Fejér. Budae, 1834. S. 171.
[592] Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 1. S. 562.
[593] Op. cit. S. 709.

Принадлежат к исследуемому нами роду и дворяне, упомянутые в акте от 09 июля 1406 г.[594] Их звали *Jacobum et Ladislaum dictos Oroz de Cheb*. Они показаны как совладельцы села *Cheb* (совр. *Žbince*, Кошицкий край, Словакия). Они же упоминались в акте от 19 июня 1409 г. под именами *Ladislaus* и *Jacobus dicti Oroz de Cheb*, как королевские чиновники[595]. Они же упоминаются применительно к *Lelesz* в акте от 11 мая 1414 г. как *Csebi Orosz Mihály fiai: Jakab és László* (*Jacobi et Ladislai filiorum Michaelis dicti Oroz de Cheb*)[596]. Поскольку здесь приводится имя их отца, братьев Якоба и Владислава следует видеть внуками *князя Лотки*, детьми его брата, Михаля.

В 1397/1399 гг. в Пожоньском комитате существовало село *Szolgagyőr* (словац. *Posádka*; в наст. вр. вошло в состав города *Dvorníky*, Трнавский край, Словакия). Указывается, что в 1352 г. его совладельцем был *Iwanka*, местный замковый йобагион. В это же время он незаконно захватил 22 акра (8,91 га) пахотной земли, принадлежавшей селу *Dvorníky*, и со временем закрепил её за своими наследниками. На 1397 г. наследники его названы следующим образом: *Stephanus et Andreas, dicti Oros, filii Nicolai, filii Ivank*, т.е. Иштван и Андраш, дети Миклоша, внуки Иванки. Акт обо всём этом был составлен в 1399 г.[597]

Русские Трнавского округа Словакии могут быть, возможно, идентифицированы. Вероятнее всего, замкового йобагиона 1352 года Иванку следует отождествлять с внуком пожонького вице-комеса Яноша *Русского*: упоминаемым в 1358 г. (см. выше) *Johannes dictus Orrus* или *Johannes filius Jacobi*. По всей видимости, у него был брат, который, вероятно, продолжил родовую линию в г. *Lelesz* и комитате *Bereg*. Под 1401 г. в *Lelesz* упоминается *Ladislao filiorum Jacobi de Rkuska*[598]. Составитель цитируемого сборника документов приводил фамильное прозвище Владислава сына Якоба именно в этой форме, указывая на испорченность документа.

Документы от 26 сентября 1370 и 09 марта 1371 гг. фиксируют в *Lelesz* дворянина *Johanne dicto Oroz*[599]. Очевидно, его следует отождествлять с Иванкой Трнавского округа, т.е. с *Johannes dictus Orrus* 1358 года.

В *Lelesz* в 1416 г. в числе местной знати упомянут *Ladislaus, filius Fabiani de Oroz*, а также *Nicolaus de Vamos de eadem* (т.е. «его же» или «сын того же отца»)[600]. В том же городе в 1417 г. упоминаются сразу три брата: *Michael* и *Ladislaus filius Fabiani de Oroz*,

---

[594] Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 1. S. 508-509.
[595] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 2. S. 68.
[596] Op. cit. S. 132-133, 136.
[597] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 2 / Ed. G. Fejér. Budae, 1834. S. 720-734.
[598] Bereg megye hatóságának oklevelei. P. 61.
[599] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1. S. 373-374.
[600] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 5 / Ed. G. Fejér. Budae, 1842. S. 674.

и *Joannes filius Fabiani de eadem*; здесь же фиксируется фигура без упоминания отца – *Nicolaus dictus Thopus de dicta Oroz*[601]. В том же городе в 1420 г. упоминаются следующие члены семьи: *Michael, filius Fabiani de Oroz, Paulus, filius eiusdem Fabiani, Nicolaus, filius Thomae de eadem*[602]. Последняя запись помогает нам понять, что были – Фабиан и Тома/Фома *Русские* – и их дети: Владислав, Михаил, Иоанн, Павел (сыновья Фабиана), Николай (сын Фомы). Ещё раз в 1420 г. в том же городе упоминаются двое братьев: *Michael* и *Ladislaus de Oroz*[603].

Акт № 39 от 25 апреля 1422 г. упоминает в *Lelesz* следующих лиц: *Philippus, Mathias. Paulus, Emericus, Ladislaus de Orozy*[604]. В акте от 01 января 1421 г. упоминались *Philippus* и *Mathias*, а также *Thoma Orozy*[605]. В актах от 01 июня 1421 г. указывались *Philippus* и *Mathias*, в акте от 15 июля 1421 г. – *Mathias*[606]. Все они указывались как участники тяжб о земельных владениях в окрестностях села *Pósaháza* (совр. *Павшино*, Мукачевский район, Закарпатская обл.). В акте № 12 от 01 июня 1421 г. указан *Ladislaus filius Fabiani de Orozy*, владелец имения *Hegh* (*Hethe*, совр. *Csenyéte* близ границы с Кошицким краем Словакии)[607].

В акте от 30 июля 1416 г. указано, что дворянин *Sarángi Mihály fia Miklós* напал с вооружёнными людьми на двух братьев – *Pósaházi István* и *Orosz Pál*[608]. Если Павел *Русский* виден в предыдущих актах, то Иштван, владелец села *Pósaháza*, назван его братом по непонятной причине. В предыдущих актах, довольно полно показывающих состав *Русской* семьи, Иштвана нет. В актах 1421 года он указан, но не назван родственником *Русских*. Возможно, это описка, либо они были не кровными родственниками, т.е. по свойству.

Фабиан с сыном Владиславом упоминаются также в акте от 01 мая 1410 г. как *Fabianus de Orozy* и *Ladislaus filius eiusdem*[609]. Фабиан[610] и его сын Владислав оказываются также крупными должностными лицами комитата *Bereg* (на две трети состоял из земель Галичины и тяготевшего к нему Закарпатья). Они в разное время были членами местного управления (*szolgabíró*): специального комитета из четырёх

---

[601] Codex diplomaticus Hungariae. T. 10. S. 854.
[602] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 6 / Ed. G. Fejér. Budae, 1844. S. 261.
[603] Op. cit. S. 349-350.
[604] A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 8 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1895. S. 51.
[605] Op. cit. S. 52.
[606] Op. cit. S. 14.
[607] Op. cit. S. 15.
[608] Debrecen szab. kir. város levéltára diplomagyűjteményének regesztái / Ed. G. Herpay. Debrecen, 1916. S. 36.
[609] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 2. S. 81.
[610] Вероятно, Фабиан был сыном Якоба и братом Иванки 1352-1358 гг. и Владислава 1401 г.

человек. Чаще всего этот орган функционировал как дворянский трибунал: выносил решения по земельным сделкам и спорам, актам дворянского насилия. *Oroszi Fábián* упомянут членом этого комитета дважды: 19 февраля 1401 и в 1402 гг.[611] *Oroszi Fábián fia László* упоминался членом комитета дважды: 19 июля 1421 и 06 июня 1426 гг.[612] Сохранившиеся для 1486-1490 гг. данные о дворянских присяжных заседателях в комитате *Bereg*, упоминают под 16 сентября 1488 г. *Oroszi György*[613]. Наконец, *Orosz Mihály* был вице-комесом комитата *Bereg* (упоминается 29 марта и 19 апреля 1490 г.); являясь также судьёй королевского суда в Буде[614]. Под 02 июля 1492 г. членом *szolgabíró* комитата *Bereg* указан *Orozy István*[615].

Акт № 295 от 31 октября 1453 г. упоминает в г. *Lelesz* некоторых потомков этих дворян[616]. Здесь указана Доротея, вдова *Valentini filii Ladislai de Felsewnemti* и дочь *Petri de Orozy*.

В акте № 127 от 28 декабря 1478 г. в числе дворян г. *Lelesz* указываются *Thomas Nokos et Johannes Orros de Andrasfalva*[617]. Поскольку их фамилия здесь образована от имени отца (Андраш), то их надо видеть правнуками *князя Лотки*, т.к. только в его ветви рода присутствует имя *Андраш*. Здесь же указывается в акте от 10 июля 1476 г. *Georgius de Orozy*[618]; по всей видимости, его надо отождествлять с *Oroszi György* 1488 года. *Georgius de Orozy* упоминается также в акте от 16 марта 1487 г.[619] По-видимому, они же указываются в документах соседнего комитата *Ugocsa*. В акте от 22 сентября 1478 г. указаны *Andrasfalwa-i Orros János, Zeles Syle Márk (fia:) Tamás, Zeles Gergely* и *Orozy-i György, Tamás és Márton*[620]. Эта запись уникальна тем, что упоминает, судя по всему, внука *князя Лотки*, записанному здесь под именем *Марк*. Мы делаем этот вывод, исходя из того, что Иоанн и Томас в декабрьском акте 1478 года записаны братьями, а в сентябрьском акте 1478 года у Томаса указан отец. Георгий записан здесь дважды – сам по себе и как совладелец имения *Zeles*, брат Андраша и Томаса. Следовательно,

---

[611] Bereg megye hatóságának oklevelei. P. 21, 60.
[612] Op. cit. P. 22, 71.
[613] Op. cit. P. 23.
[614] Op. cit. P. 18, 101-102.
[615] Op. cit. P. 102.
[616] A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 9 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1899. S. 382.
[617] A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 11 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1915. S. 231. Современное имение *Andrasfalva* – это *Frătăuții Vechi* в округе Сучава (Южная Буковина, совр. Румыния). По местной легенде, румынское название произошло от того, что некогда расположенные здесь два села получили двое братьев, которые объединили их в одно село. Можно полагать, что исторические двое братьев в лице Фомы и Иоанна обнаружены.
[618] Máramarosi diplomák a XIV. és XV. Századból / Ed. J. Mihályi Máramaros, 1900. P. 531.
[619] Op. cit. P. 589.
[620] Ugocsa megye hatóságának oklevelei (1290-1526) / Ed. C. Tóth Norbert. Budapest, 2006. P. 62.

Мартина мы тоже имеем все основания причислять к указанным лицам в качестве их брата. Интересны имения, принадлежавшие их отцу – Марку, – одно из которых унаследовал Георгий: 1) *Zeles* – это совр. *Sľažany* (венг. *Szelezsény*) Нитранского округа, Словакия; 2) *Syle* – это совр. *Šuľa* (венг. *Süllye*) Банско-Быстрицкого округа, Словакия.

Их потомков можно обнаружить в начале XVI в. Акт от 09 ноября 1520 г. фиксирует присутствие в *Lelesz* дворян по имени *Stephanus* и *Johannes de Orozy*[621]. Кроме того, в этом же акте упомянут *Johannes de Hethe*. У него нет прозвища *Русский*, но в 1421 г. имение *Hethe* принадлежало именно роду *Русских*. Поэтому вопрос о происхождении владельца этого имения в 1520 г. требует дополнительного изучения.

Сохранившийся в очень плохом состоянии с многочисленными нечитаемыми местами акт, датированный мартом 1566 г., упоминает в комитате *Bereg* следующих лиц: *Stephanus* и *Georgius de Orozy*[622]. Также одновременно с ними упоминаются *Paulus* и *Franciscus de Hethe*. Первые однозначно принадлежат к исследуемому нами роду, однако для них необходимо найти недостающие генеалогические звенья. Вторые, дворяне *de Hethe*, требуют дополнительного генеалогического исследования.

Анализ документов позволяет восстановить родовую линию Томаса/Фомы из *Lelesz*, чьи сыновья были зафиксированы актах 1416-1420 гг. Он происходил от вышеназванного брата Фабиана – Георгия. В акте от 04 апреля 1370 г. упоминаются *Nicolaus filius Georgii de Orozy* и его брат *Thoma*[623].

С севера с комитатом *Bereg* граничил комитат *Ung*, где актом от 20 июля 1391 г. зафиксирован член *szolgabíró* по имени *Johannem Oroz dictum de Riche*[624]. Вероятно, он же упоминается в акте от 12 июня 1394 г. применительно к *Lelesz* под именем *Johannem dictum Oroz de Kecheu*[625].

В архивах *Lelesz* в акте от 01 мая 1450 г. упоминаются *Johannes, Nicolaus, Franciscus, Ladislaus Oroz de dicta Fekeshaza*[626] (венг.: *Fekésháza*; словац.: *Fekišovce*, Кошицкий край, Словакия). В акте от 31 декабря 1449 г. упоминались homo regius *Ladislaus Oroz* и *Franciscus de Fekeshaza* без указания родства между ними[627].

В акте № 340 от 09 марта 1415 г. упоминается *Falkosnyenye-i Rusas János mester*, которому вместе с несколькими иными дворянами, король поручает управление рядом земель в комитате *Nógrád* с правом получения всех доходов от них, включая и доходы

---

[621] Oklevéltár a gróf Csáky család történetéhez. T. 2:1500-1818 / Ed. S.L. Bártfai. Budapest, 1919. S. 545.
[622] Op. cit. S. 586.
[623] Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia, usque ad annum 1400 p. Christum / Ed. N.Fekete, L.Antonius-Makkai. Budapest, 1941. P. 225.
[624] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1. S. 504.
[625] Op. cit. S. 532-533.
[626] Op. cit. S. 467.
[627] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1. S. 438-439.

от деятельности местных мастеров[628]. Имение *Falkosnyenye* в настоящее время представляет собой крупное село *Nenince*, находящееся почти на границе совр. Банско-Быстрицкого и Нитранского регионов Словакии. То есть в данном случае мы видим совпадение родового прозвища/фамилии и места обитания обнаруженного лица со всеми предыдущими членами рода венгерских Нискиничей. Поэтому *János Rusas* 1415 года (разночтения прозвища – *Rosas/Rozsas*) можно с большой степенью вероятности считать принадлежащим к этому же роду. Скорее всего, этот же человек упоминается в 1423 году: в акте № 1528 от 16 декабря упоминается королевский нотариус *Rosas János mester*[629]. Он же, судя по всему, упомянут в 1420 году: чиновник в Буде, по имени *Iohannis Rosas*, своей подписью 06 июня заверил документ о принадлежности ряда земельных владений некоему дворянину[630]. Возможно этого человека надо отождествлять с членом правления комитата *Ung* 1391 года.

Следует также присмотреться к фигуре *Rwz (dictus) Jakab, Wissegrad civitas bírája*, т.е. вышеградского гражданского судьи Якоба *Русского*, упомянутого в акте № 826 от 05 июля 1415 г.[631]

По нашему мнению, все упомянутые нами *Русские* из Спиша, Лелеса, Ненинце, Буды, Вышеграда и комитата Берег 1384-1566 гг. принадлежат к роду венгерских Нискиничей. Это видно как в специфическом их прозвище/фамилии, так и в их именах, которые полностью соответствуют родовому именослову исследуемого рода. Однако в связи с отсутствием дополнительных документов, с помощью которых можно было бы заполнить недостающее поколение между Нискиничами 1350-х гг. и 1410/20-х гг., надо говорить о необходимости дальнейшего исследования тех из них, кого пока нельзя увязать в рамках единого генеалогического древа.

Акт № 231 от 23 декабря 1487 г., изданный Матьяшем I, королём Венгрии и Хорватии [1458-1490], королём Чехии [1469-1490; в реальности управлял Силезией и Моравией, без Богемии] герцогом Австрии [1487-1490], упомянул ещё одного потомка исследуемого нами рода. Этим актом король подтвердил дворянство и привилегии для *Michaelis Oroz de Gezthel*[632]. Учитывая название имения, которым он владел, надо видеть в нём потомка *Petrus filius Johannis* 1416 года из Эгера, который унаследовал это имение через супругу. Именно это и указано в этом акте, где отцом Михаила 1487 года назван *nobilem Johannem Oroz* (из Буды). Актом также указывается, что Михаил имел братьев – *Thome* и *Grisogono*: дворянство и привилегии подтверждались королём всем

[628] Zsigmondkori oklevéltár. T. 5: 1415-1416 / Ed. I.E.-B. Mályusz. Budapest, 1997. P. 146; A Balassa család levéltára (1193-1526). P. 87.
[629] Zsigmondkori oklevéltár. T. 10: 1423 / Ed. C.N. Tóth. Budapest, 2007. P. 587.
[630] Zsigmondkori oklevéltár. T. 7: 1419-1420 / Ed. I.E.-B. Mályusz. Budapest, 2000. P. 414.
[631] Zsigmondkori oklevéltár. T. 5. P. 250.
[632] Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T.2 / Eds.: I. Nagy, I. Páur, K. Ráth, D. Véghely. Győr, 1865. S. 368-369.

троим. Причина, по которой братьям понадобился этот королевский акт, заключается, по-видимому, в их переезде из Венгрии в Австрию: указано, что братья проживали в *Sankt Pölten* (центр Нижней Австрии).

Иоанн *Русский* из Буды отыскивается в документах, и его земельное владение подтверждает факт его происхождения от *Petrus filius Johannis* 1416 года из Эгера. В акте № 7 от 24 марта 1469 г. в Буде упоминается *Johanni Oroz de Chychyr*[633]. Вместе с тем надо видеть, что ветка рода из Эгера была тесно связана с веткой рода из Лелеса. В акте № 145 от 29 декабря 1479 г. приводится список лиц, переехавших в иное место жительство в течение последнего года из г. *Lelesz*. В их числе указывается то же самое лицо: *Johanni Oroz de Chychyr*[634]. Брата этого дворянина также можно отыскать в документах. Акт № 406 от 24 сентября 1436 г. указан судья из г. *Lelesz* по имени *Jacobus Oroz de Chychyr*[635].

Следует обратить внимание на важный аспект, который мы намеренно не упоминали ранее. Лелес, видимо, был связан с Нискиничами издревле. Когда на рубеже августа-сентября 1213 г. Андраш II начал вторжение в галицкие земли против Кормильчичей, он, согласно летописной информации, успел остановиться в «*манастыре Лелесове*», который стоял близ с. Лелес[636]. Разумеется, надо понимать, что королевские войска заняли не только монастырь, но и село, и все окрестности. Именно находясь в Лелесове, король получил известие об убийстве королевы и спешно повернул назад. Здесь возникает резонный вопрос: зачем, идя на Галич, король занимает Лелес и окрестности, да ещё и останавливается там на неопределённое время? Не потому ли, что либо само село, либо ряд земель в его округе были вотчиной Володислава Константиновича? По мнению М.М.Волощука, Лелес и окрестности занимали и войска Белы III при походе на Галич в 1188 г.[637] Итак, если наше предположение справедливо, последующее тяготение венгерских Нискиничей к Лелесу и Кошицкому краю вполне объяснимо.

Возможным, наиболее далёким, потомком исследуемого рода является *Oroszi György*, упомянутый в Братиславе в акте от 22 декабря 1646 г.[638] В акте, датированном 1574 годом, в комитате *Szepes* упоминается *Orosz János*[639].

Можно привести также несколько упоминаний о лицах с весьма специфическими прозваниями, которые могут быть членами исследуемого нами рода. Однако если в предыдущих случаях эту принадлежность можно постулировать однозначно, хотя и в

---

[633] Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 11. S. 10-11.
[634] Op. cit. S. 266.
[635] Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 8. S. 591.
[636] От совр. Лелеса до Чопа (Закарпатская обл.) по прямой 13,65 км, до Галича (Ивано-Франковская обл.) – 210,70 км.
[637] *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві. С. 178.
[638] A márkusfalvi Máriássy család levéltára. T. 1:1243-1803 / Ed. B. Iványi. Lőcse, 1917. P. 119.
[639] Op. cit. P. 111.

отсутствие некоторых поколений в родословных линиях, то здесь единичные сообщения не дают нам такой возможности. Однако вполне возможно, что дальнейшее исследование указанных лиц выявит их отношение к венгерским Нискиничам.

Так, в 1375 г. упомянуто, что в комитате *Tolna* скончался дворянин *Demetrii de Dob*, по завещанию которого два его имения – *Dob* и *Bikal* – унаследовали его дочери: Клара, жена *Dousae de Oroszi*, и Елизавета, жена *Mathaei de Kéz*[640].

В акте № 197 от 22 февраля 1421 г. в перечне дворян, принимавших участие в земельной сделке, упоминался некто *Benedicto Rossas dicto*, обладавший земельными владениями близ г. *Sárosd* в комитате *Fejér*[641]. Учитывая концепцию родовой преемственности имён, в этом лице – теоретически – можно видеть потомка фамилии *Tuc*, отпочковавшейся от Нискиничей.

В акте № 103 от 24 августа 1476 г. указывается, что Анна, дочь покойного *Emerici Jánossá de Zerdahel* и вдова *Benedicti de Zych*, уходит в монастырь *sancti Egidii de Simigio*[642]. Всё это происходило в родовом гнезде *Zics* комитата *Somogy* дворянского рода *Zych*. В перечне лиц, дававших ей рекомендацию о благопристойности, указан *magistr Petrum Rosas de Bogka*. Учитывая его специфическое прозвание, к фигуре этого дворянина следует присмотреться внимательнее.

В упомянутом г. *Prodavić* актом № 88 от 20 ноября 1444 г. зафиксирован дворянин *Anthonius* (венг. *Antal*) *de Oros*[643].

Акт № 259 от 12 сентября 1452 г. называет в Буде одним из королевских судей по дворянским судебным тяжбам лицо по имени *Nicolai de Orosi*[644].

Акт № 355 от 19 июня 1433 г. указывает, что в местечке *Kormos* (совр. *Hromoš*, Прешовский край, Словакия) был «должностным лицом» (чем-то вроде судебно-полицейского чина), арестовавшим местного дворянина-бузотёра, *Demetrii Orros*[645].

Акт от 1422 г. указывает о земельных спорах в окрестности села *Kiskereskény* (совр. *Krškany*, Нитранский край, Словакия)[646]. Здесь упоминается *Pauli filii Mikcse de Oroszy* и его жена *Osanka*.

Можно привести также несколько выявляемых в документах *родов* лиц, записанных *Русскими*. Однако эти роды не находят в настоящее время никаких точек соприкосновения с выявленным нами родом венгерских Нискиничей. Вместе с тем не следует думать, что таковых точек соприкосновения не может обнаружиться впоследствии. С одной стороны документы не содержат в себе сведения абсолютно обо

---

[640] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 9. Vol. 7 / Ed. G. Fejér. Budae, 1842. S. 374.
[641] Zsigmondkori oklevéltár. T. 8: 1421 / Ed. I.-T. Borsa. Budapest, 2003. P. 81.
[642] Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 11. S. 188-189.
[643] Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 9. S. 89.
[644] Op. cit. S. 333.
[645] Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 8. S. 525.
[646] Palásthyak. T. 1 / Ed. P. Palásthy. Budapest, 1890. S. 254.

всех ответвлениях рода Нискиничей. С другой стороны, не все документы могут быть выявлены и опубликованы в настоящее время. Кроме того, нам удалось выявить род венгерских Нискиничей, который происходит от новгородских переселенцев в Галичину. Да, эти переселенцы тоже были Нискиничами, но они не были собственно галичанами. Мы не обнаружили потомков Держикрая Володиславича. Кроме того, согласно летописной информации, у Володислава Константиновича было, по меньшей мере, двое сыновей, о втором из которых неизвестно даже имени. Неизвестна судьба Ярополка Константиновича. Неизвестны потомки Жирослава Сдеславича. Каждый из названных лиц мог оставить своё потомство, не говоря уже о боковых линиях галицких Нискиничей в XII веке. Поэтому, по нашему мнению, необходимо тщательное исследование родословий всех лиц в средневековом Венгерском королевстве, так или иначе могущих иметь русское происхождение: вероятность их принадлежности к общему роду очень высока.

Например, в акте от 27 июня 1329 г. упоминается *Orosz Ivánka* (*Iwanka dictum Vruz*), владелец имения *Serién* в комитате *Csanád*[647]. Его потомки видны в акте от 09 сентября 1343 г., где указан *magister Nicolas Orrus*, владелец имения *Méra* в комитате *Kolozs* (совр. *Mera*, Румыния)[648]. Акт от 19 января 1473 г., повествующий о земельных тяжбах, указывает в числе свидетелей одной из сторон дворянина *Stephanus Oroz* (г. *Kolozsvár* комитата *Kolozs*; совр. Румыния)[649].

Родословная этих румынских *Русских* начинается с йобагиона Иванки (*Albert fia János*) 1329 г. У него было четверо сыновей, от троих из которых известны 10 внуков, от двоих из которых известны четверо правнуков. Эта родословная была доведена до 1370-х гг., тогда как первые упоминания детей Иванки отмечались в 1270-х гг.[650] Миклош из *Méra* являлся внуком Иванки. Их топонимическими фамилиями с 1329 г. стали *Serjéni* и *Szuhai*; в первом случае эпитет *Orros* добавлялся всегда, во втором – изредка. В 1391-1398 гг. здесь упоминался *János fia Miklós*, который имел сыновей *Dániel, István, András, György, Demeter, József, Ankó,* дочь *Margit*. *Orros György* известен как ал-ишпан комитата *Csanád* (упом. с 1442 по 1445), кастелян *Szeged* (1443). Последние упоминания рода в документах относятся к 1488 г.[651]

С юга с комитатом *Bereg* граничил комитат *Ugocsa*. Здесь в акте от 17 сентября 1388 г. упоминались *György fia: Fábián, Ladislaus filius Egidi* и *Symon filius Thome de*

---

[647] A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1. S. 59-60.
[648] Documenta historiam Valachorum. P. 99.
[649] Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 2:1458-1526 / Ed. B. Iványi. Budapest, 1928. S. 155.
[650] *Borovszky S.* Csanád vármegye története 1715-ig. Budapest, 1897. P. 4-6.
[651] *Szeremlei S.* Hód-Mező-Vásárhely története. T. 5. Budapest, 1913. P. 234.

eadem Orozy[652]. *Oruzy-i György fiá Fábián* упомянут здесь в актах от 31 июля 1399 и 14 октября 1406 гг.[653] В акте от 24 апреля 1427 г. здесь упомянут *Goiyasfalva(?) Orros Miklós*[654]. В акте от 26 апреля 1436 г. указывается член *szolgabíró* по имени *Uruzy-i Mihály*[655]. В акте от 24 марта 1462 г. указан *Oroszy-i Fülöp*[656]. В акте от 16 июля 1521 г. указан *Orozy-i Ferencnek*[657]. Учитывая концепцию родовой преемственности имён, возможно, они являются потомками ранее упомянутого *Имре сына Симона* 1347 года.

В заключение обратим внимание на очень интересную историческую фигуру, какой, в свете нашего исследования, являлся Иоганн IV, князь-епископ *Chur* (Кур, Граубюнден, Швейцария) [1418-1440]. Его полное имя – *Johannes Naz/Naso/Nasonis* de Praga (Пражский) или de Boemia (Богемский) (р. до 1391 – ум. 24.I.1441); его отцом был королевский чиновник в Праге *Heinricus (*Heinrich*) Naso*; его дядя – брат отца – *Nikolaus*, был священником (kanoniker) церкви St. Stephan в *Konstanz* (совр. город на границе Германии и Швейцарии)[658]. По нашему мнению, учитывая весьма специфическое родовое прозвище отца и сына, они принадлежали к изученному нами в настоящей работе роду. Вместе с тем авторы цитированных нами биографических справок сообщают, что о роде Иоганна IV ничего не известно. Поэтому биография его и его отца нуждается в обязательном дополнительном изучении. Фиксация потомков Нискиничей в Германии и Швейцарии в указанные годы не должна смущать исследователя. Монарх, при котором подвизался епископ Иоганн, правил всеми этими территориями: Сигизмунд, курфюрст Бранденбурга [1378-1388, 1411-1415], король Венгрии и Хорватии [1387-1437], король Германии [1410-1437], король Чехии [1419-1437], король Ломбардии [1431-1437], император Священной Римской империи [1433-1437]. Если полагать, что будущий епископ Иоганн родился в Праге, где его отец был королевским чиновником, то в предшествующие годы чешским королём был брат Сигизмунда – Вацлав IV [1378-1419], который был королём Германии [1376-1400].

В связи с появлением семейства *Naso* в Чехии и Германии на рубеже XIV/XV вв. следует, по нашему мнению, обратить внимание на существующую в Германии с середины XVI в. баронскую фамилию *Naso*. Первым известным представителем рода считается *Bernhard von Naso* (1550), основатель рода в Тюрингии[659]. К сожалению, этот

---

[652] Ugocsa megye hatóságának oklevelei (1290-1526). P. 20.
[653] Op. cit. P. 33.
[654] Op. cit. P. 34.
[655] Op. cit. P. 36.
[656] Op. cit. P. 49.
[657] Op. cit. P. 78.
[658] *Frenken A.* Naso, Johannes // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 6. Herzberg, 1993. S. 462-464; *Seibert H.* Naz (Naso), Johannes (IV) // Neue Deutsche Biographie. Bd.19. Berlin, 1999. S. 8.
[659] *Zedler J.H.* Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschafften und Künste. Bd. 23. Leipzig, 1740. S. 715.

род пресёкся в мужской линии: последний его представитель *Christian Friedrich Wilhelm von Naso* умер 03 ноября 1843 г. Однако эта фамилия существует в Германии доныне. Кристиан-Фридрих-Вильгельм имел приёмного сына по имени *Karl Gustav Hartwig*, который 29 октября 1828 г. был утверждён в правах наследственного прусского дворянства и унаследовал фамилию приёмного отца в виде *Hartwig von Naso*. Известно также о продолжении кровных *von Naso* по женской линии в Вюртемберге[660]. Пришедший сюда на военную службу подполковник *Gottlob Friedrich von Naso* (1742-1811) имел двух дочерей: *Caroline* (1780-1844) была выдана за *Friedrich Notter* (1777-1812) и её сыном стал *Friedrich Notter* (1801-1884). Её сестра *Wilhelmine* (1781-1842) была выдана за *Friedrich Karl von Schmid(t)* (1773-1812), родив двух сыновей.

По нашему мнению, род *von Naso* из Тюрингии может происходить от выходцев из Венгрии с той же фамилией *Naso*; т.е. этот род может быть потомком русских/венгерских Нискиничей. Уточнить эту посылку необходимо посредством детального генеалогического анализа вероятных связей пражско-немецких *Naso* (1-я пол. XV в.) и тюрингийских *von Naso* (1-я пол. XVI в.).

Мы намеренно не касались некоторых лиц, имевших прозвание *Русских* в Венгерском королевстве, в том случае, если их нельзя даже гипотетически связать с исследуемым нами родом. Например, когда речь шла о неких сервиентах, убитых местными жителями, или *госпитах*, впервые упоминаемых в 1337 г. и т.п. Упоминание о таких малозначительных персонажах неоправданно увеличило бы объём нашей работы и затруднило её восприятие, тем более, что, как указывалось, не всякий *прозванный русским* был действительно *Русским*. Кроме того, *русскими* безусловно были и иные обитатели Венгерского королевства, в т.ч. новопоселенцы середины XIV в. Поэтому, повторимся, не всякого *прозванного русским* можно только на этом основании причислять к Нискиничам.

* * * * * * *

Все полученные нами генеалогические результаты представлены на схемах 1-5. На схемах 1-2 показана общая генеалогия рода Нискиничей X-XIII вв., восстановленная нами в предыдущей работе. Эти схемы откорректированы по результатам, полученным нами в настоящей работе: обычным шрифтом на них показаны наши предыдущие результаты, жирным шрифтом – конъектуры, предлагаемые в настоящей работе.

На схеме 1 показана дополнительная генеалогическая линия, которая, по нашему мнению, доказывает историчность былинного персонажа «Василия Буслаевича», по родовой принадлежности относящегося к потомкам Добрыни Нискинича[661]. Сюжет

---

[660] *Pietsch F. von.* Familienarchiv Schmidt-Alberti. 1795-1935 // Findbücher zu Beständen des Bundesarchivs. 2004. Bd. 104. Bestand Q 3/48.

[661] Эта идея и приводимые здесь соображения были впервые высказаны нами в находящейся сейчас в предпечатной обработке нашей статье. См.: *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в

былины «О Василие Буслаевиче» сводится к двум аспектам: 1) разгульное удальство главного героя, сына боярыни, его ссора с новгородцами, драка с ними, убийство многих новгородцев; 2) поездка главного героя на богомолье в Иерусалим и смерть. Здесь можно лишь увидеть судьбу богатыря, нарушающего нормы и правила, не верящего в предсказания и назидательно гибнущего. Однако Никоновская летопись, содержащая ряд уникальных сведений, не повторяющихся в иных летописях, указала под 1171 г., что «*преставися в Новегороде посадник Васка Буславич*»[662]. Как бы ни относиться к уникальным известиям этой летописи, сам факт летописного упоминания заставляет хотя бы гипотетически допускать в упомянутом персонаже реальную историческую личность.

Однако считается, что в этом аспекте Никоновскую летопись можно игнорировать, поскольку в реальных списках новгородских посадников имени *Василия Буслаевича* нет, а равно не сохранилась археологическая информация о нём[663]. Однако мы показали, что термин «посадник» не следует воспринимать только как должность/титул высшего властного лица древнего Новгорода[664]. Например, родовая легенда Амосовых именовала своего родоначальника «неревским старейшиной». Под «старейшиной» здесь следует понимать любого боярина. Существование боярина с титулом «старого посадника», как главы новгородского конца, известно только с 1354 г., а с 1291 г. такое лицо именовалось «*постоянным представителем в посадничестве N-ского конца*»[665]. До 1291 г. такие лица неизвестны. Однако всегда, в каждом боярском роду, был тот его представитель, глава клана, который в любой момент мог претендовать на занятие посадничьей должности. Такой претендент в каждом из родов существовал и до 1291 г. Можно полагать, что поскольку Никоновский свод составлялся в XVI в., в раннюю часть летописи проникло более позднее название. Тогда летописного *Василия Буслаевича* можно видеть одним из глав боярских кланов 1170-х гг., который не успел занять официальных должностей, по какой причине не сохранился в истории.

К какому из боярских кланов XII в. мог принадлежать летописный Василий Буслаевич? По нашему мнению, к неревским боярам. Причин для такого допущения несколько. Во-первых, следует руководствоваться концепцией родовой преемственности имён. Особенно характерны, в рамках этой концепции, примеры использования редких имён: можно быть уверенными, что их носители принадлежат к одному роду. И здесь важно обратить внимание на записи былины, которые трактуют

развитие средневековой литературы. Однако, поскольку в этой статье нами не было показано непосредственное место этого человека в родословном древе, мы полагаем необходимым сделать это в настоящей работе.

[662] Никоновская летопись. С. 247.

[663] *Азбелев С.Н.* Новгородские былины и летописи // Русский фольклор. 1962. Т. 8. С. 44-51.

[664] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 137.

[665] Там же. С. 18, 21.

отчество героя в виде «*Богуславевич/Богуславьевич*», откуда в XVII-XVIII вв. именно это отчество использовалось в прозаической сказке, сочинённой по мотивам былины[666]. Чрезвычайно характерно, таким образом, что только в среде неревских бояр Нискиничей, на рубеже XII/XIII вв., используется имя «*Богуслав*» в лице боярина Богуслава Прокшинича (ум. после 1228), который в одном из летописных списков назван «*Буслав*»[667].

Во-вторых, ещё С.М.Соловьёв (1820-1879) считал былинного Василия Буслаева «*предводителем новгородских ушкуйников*»[668], каковую идею разработал и укрепил И.Н.Жданов (1846-1901)[669]. Характерно, что путь былинного героя в Иерусалим лежал по Ильменю и Каспийскому морю, что соответствует не паломничеству, а именно ушкуйническим походам XIV в.[670] Первый исторически известный поход ушкуйников в 1320 г. возглавлял неревский боярин Лука Варфоломеевич. Кроме того, мы установили род занятий брата упомянутого боярина Богуслава – Нездилы Прокшинича «*пьхичиниця*» (см. выше). Совпадение не только родового имени «*Буслав*» у былинного и летописных героев, а также реальной профессии реального боярина и предполагаемой профессии былинного героя, таким образом, перерастает в закономерность.

В-третьих, в одной из версий былины, где герой назван «*Богуславьевичем*», записанной на беломорском *Зимнем берегу*, в районе бывших вотчин неревских бояр, его отец назван «*богатым князем*», а детские игры героя – «*дворянскими забавами*»; герой дрался с новгородцами на Днепре[671]. Здесь можно увидеть корреляцию с княжеским происхождением новгородских Нискиничей, действительно из региона, граничащего с Днепром.

Сюда же нужно отнести наблюдение В.А.Брима (1893-1939). Он показал, что русская былина о *Василии Буслаевиче* стала основой для создания не позднее XIV в. исландской саги о викинге *Боси*[672]. В исландской саге имя «*Бусла*» носит приёмная мать *Боси*, а имя самого *Боси* есть уменьшительно-ласкательное от «*Василий*» типа «*Васенька, Васятка*». Помимо того, что исландская сага отлично коррелирует с русской былиной в описании разгульного поведения главных героев, она помнит новгородское происхождение *Боси*. Он назван в саге сыном дочери «*новгородского короля*». В

---

666 *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Новгородские былины. М., 1978. С. 383-388.

667 *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 55, 59. Конечно, былинное «отчество» может происходить от разговорного *буслай* «разгульный; мот» гуляка» разбитной малый». См.: *Даль В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 145. Однако, подчеркнём, что реальное отчество могло равновероятно произойти как от такого прозвища, так и от указанного имени.

668 *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 91-93.

669 *Жданов И.Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 341 и сл.

670 *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Новгородские былины. С. 384.

671 Там же. С. 385-386.

672 *Брим В.А.* Былина о Василии Буслаеве в исландской саге // Язык и литература. Т. 1. Л., 1926.

«*новгородском короле*» можно увидеть корреляцию с «*богатым князем*» русской былины, а равно с исторической памятью о положении Нискиничей в Новгороде до 1130-х гг., т.е. когда их власть была фактически «королевской». Также здесь, хотя и с большой натяжкой можно усмотреть и историческую память о доваряжской княжеской династии, потомками которой были Нискиничи, что могло отразиться в «королевском» титуле деда *Боси* по матери. В любом случае, подмеченный В.А.Бримом факт литературного влияния Руси на скандинавов (а не наоборот) сам по себе весьма знаменателен. В контексте наших заметок он, кроме прочего, явно говорит о сочинении былины о *Василии Буслаевиче* отнюдь не в народной среде, а в среде знати. Также заметим, что гипотеза В.А.Брима не была развита, и не считается подтверждённой. Думается, что наши наблюдения могут свидетельствовать в её пользу.

В-четвёртых, можно увидеть, что смерть летописного *Василия Буслаевича* в 1171 г., как смерть одного из глав неревских бояр, имеет вполне исторические объяснения. Около этой даты в Новгороде происходили ожесточённые столкновения противоборствующих кланов[673]. В 1167 г. посадник-неревлянин Захария Неверонич [1161-1167] был свергнут и убит. В 1171 г. новгородский князь сверг оппозицию и вернул к власти неревлян в лице посадника Иванки Захарьинича [1171, 1172-1175]. Но в этом же году оппозиция свергла его, вернув себе власть и утеряв её годом позже (посадник Жирослав [1170-1171, 1171-1172, 1175]). Таким образом, именно в 1171 г. в Новгороде произошло два переворота: один в пользу неревлян, другой – против них. Поэтому смерть или гибель в этом году одного из крупных неревских бояр, особенно имевшего отношение к профессиональным воинам, не является чем-то невозможным.

Таким образом, по нашему мнению, *Василий Богуславич*, как реальное историческое лицо, погибшее или умершее в 1171 году, должен быть размещён в родословном древе максимально близко к семье Малышевичей. Во-первых, потому, что только в этой семье присутствует имя *Богуслав*. Во-вторых, поскольку в этой семье можно найти корреляцию с былинным иерусалимским паломничеством героя. Именно среди Малышевичей был реальный иерусалимский паломник – Добрыня Ядрейкович, он же архиепископ Антоний. Вполне вероятно, что этот факт неким образом отразился в былинном «паломничестве» главного героя. В-третьих, с точки зрения концепции родовой преемственности имён мы полагаем важным тот факт, что именно в среде прямых потомков Малышевичей – ветви Мишиничей – в XIV-XV вв. активно используется родовое имя *Василий*. Однако, поскольку реального *Василия Богуславича* разместить в древе Малышевичей (см. схему 2), невозможно, мы предлагаем рассматривать его двоюродным дядей боярина *Богуслава Прокшинича*. К сожалению, это допущение заставляет нас ввести в родословие новое звено в лице «*Богуслава*

[673] *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 57-58.

Добрынича», реальное существование которого на сегодняшний день не подтверждается ни фактически, ни косвенно. Введение такого звена, разумеется, снижает достоверность наших выводов[674]. Однако наше допущение является первой в историографии попыткой представления былинного *Василия Буслаева* историческим лицом и размещения его в родословном древе исторического боярского рода. Тем самым, мы вправе выдвинуть подобную гипотезу. Будущие исследования определят необходимость и уровень её корректировки.

На схеме 3 представлено восстановленное нами родословие галицкой ветви рода Нискиничей. На схемах 4-5 представлено восстановленное нами родословие венгерской ветви рода Нискиничей.

9. Выводы

В настоящей работе нами было предпринято первое в отечественной и зарубежной историографии историко-генеалогическое исследование южнорусского ответвления рода Нискиничей, потомков Нискини/Мала, последнего наследственного князя Древлянского [ок. 944 – 945/946], и его сына Добрыни Нискинича (ок. 935 – ок. 997/1001).

Отталкиваясь от наших предыдущих исследований, посредством анализа широкого круга источников, вкупе с привлечением необходимого количества литературного материала, нам удалось восстановить генеалогию галицкой ветви рода Нискиничей в XI-XIII вв.[675], а также венгерское продолжение галицких и новгородских Нискиничей в XIII-XV вв. Наиболее важным нашим результатом мы полагаем тот факт, что

---

[674] Вместе с тем, доказательство принадлежности родового имени *Богуслав* в форме *Буслав* к семье Малышевичей даётся Никоновской летописью. См.: Никоновская летопись. Т. 10. С. 78. Здесь говорится, что Мстислав *Удатный* в 1217 г. ушёл в Киев (а не в Галич), взяв с собой бояр Юрия Ивановича, *Буслава Степановича*, Алексея Путиловича. В новгородских летописях, как известно, вместе с князем ушёл боярин *Сбыслав Степанич*. Учитывая тот факт, что трое сыновей этого боярина затем упоминаются как *Сбыславичи*, мы отдаём предпочтение форме написания его имени, приводимой новгородскими летописями. В таком случае в имени *Буслав Степанович* можно видеть брата боярина Сбыслава. Однако мы не склонны вносить соответствующие изменения в родословную схему, поскольку *Буслав Степанович* упоминается лишь однократно, и явно ошибочно, поскольку речь в данном случае шла о боярине Сбыславе. Поэтому, если у последнего и был брат Буслав, то на данном этапе исследований это недоказуемо. Следовательно, можно думать, что *Бусла* было личным прозвищем боярина Сбыслава. Оба варианта с учётом текущего состояния источников являются равновероятными.

[675] По нашему мнению, дополнительное подтверждение того, что реконструированный нами галицкий боярский род сводится именно к Нискиничам, можно увидеть в наблюдениях Н.Ф.Котляра. См.: *Котляр Н.Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013. С. 147-151. Он усмотрел в том факте, что галицкое боярство появляется своего рода «внезапно» и оказывается могущественнее галицких князей уже в 1140-50-х гг., свидетельство того, что именно галицкое боярство происходило «*только из родоплеменной знати*». Как видно, Нискиничи представляли собой именно такую знать.

восстановленное родословие XI-XV вв. не имеет разрывов поколений. Помимо этого, основными результатами нашего исследования являются следующие:

1) Выдвинуто предположение, что Володислав из русско-византийского договора 944 г. был князем Древлянским, вероятно, отцом Нискини/Мала. Тем самым, известная сейчас родословная Нискиничей и их потомков удревняется на одно поколение (до 32-х поколений).
2) Выдвинуто предположение, что женой польского князя/короля Болеслава II [1058-1079] была дочь новгородского боярина Вышеслава Остромирича.
3) Показано, что галицкая ветвь рода Нискиничей была основана новгородским боярином Вышеславом Остромиричем.
4) Показано, что правнуком Вышеслава Остромирича был галицкий боярин Константин Серославич.
5) Показано происхождение Володислава «кормильчича» и его братьев, как сыновей Константина Серославича.
6) Показано, что Нискиничи находились в близком родстве с Арпадами: а) дочь новгородского посадника Константина Добрынича была матерью венгерских королей Андраша I [1046-1060] и Белы I [1060-1063]; б) внучка новгородского посадника Дмитрия Завидича была женой венгерского короля Гезы II [1141-1162]. Тем самым Геза II приходился своей жене шестиюродным племянником, а Володислав Константинович-«кормильчич» и венгерский король Андраш II [1205-1235] были пятиюродными братьями.
7) Выдвинуто предположение, что *болоховские князья*, возглавляемые сыном Володислава Константиновича-«кормильчича» Держикраем Володиславичем, являются собирательным термином для галицких Нискиничей.
8) Показано происхождение галицкого боярина Жирослава (1221/1226).
9) Показано, что галицкий боярин Володислав Юрьевич (ум. 1245) был сыном новгородского посадника Юрия Иванковича из рода Нискиничей.
10) Показано, что галицкий боярин Доброслав «судьич» был сыном новгородского боярина Сбыслава Степанича из рода Нискиничей.
11) Показано, что русские йобагионы крепости *Carasna* 1214 года – *Duh, Damang, Nusata* – являются сыновьями новгородского боярина Сбыслава Степанича.
12) Выдвинуто предположение, что йобагион *Nuuhu* (1220) может быть отождествлён с йобагионом 1214 года по имени *Duh*. Показано, что от него произошёл венгерский род *Tisza*. Реконструирована начальная генеалогия этого рода с 1190-х до 1340-х гг.
13) Показано, что Доброслав Сбыславич, он же йобагион *Nusata* 1214 года, имел не менее пятерых детей, основавших в Венгерском королевстве венгерскую ветвь рода Нискиничей. Реконструирована генеалогия этого рода до 1480-х гг.

14) Показано, что *Lothka dux Ruthenorum* (1338/1339) Дубницкой хроники был правнуком Доброслава Сбыславича и *рыцарем Двора* при венгерском короле Карле I. Установлены некоторые аспекты биографии этого вельможи, а также его потомки.
15) Идентифицирован ряд лиц, именовавшихся в Венгерском королевстве XIII-XV вв. *Русскими* или *прозванными Русскими*, в качестве представителей рода Нискиничей.
16) Выдвинуто предположение об историчности былинного *Василия Буслаева* и показано его наиболее вероятное размещение в родословном древе общего рода.

Повторимся, что не все наши выводы могут представляться однозначными. Именно поэтому мы не стремились всех, именуемых в средневековом Венгерском королевстве *Русскими*, только на этом основании зачислять в род Нискиничей. В связи с этим, повторим приводившиеся в нашей предыдущей работе слова крупнейшего отечественного египтолога, акад. М.А.Коростовцева (1900-1980): «*В науке чувство нового призвано играть огромную роль, оно необходимо для науки. Но всякая научная инновация должна быть строго аргументирована, либо зиждиться на уже принятых положениях науки, либо опровергать их, опять-таки логически и обоснованно. И гипотезы, этот важнейший инструмент научного прогресса, должны исходить из каких-либо твердо установленных данных, или в какой-то степени соответствовать им*»[676]. На наш взгляд, мы сумели в своей работе соблюсти эти положения. Предложенное нами родословие, а также вытекающее из неё влияние причисляемых к нему лиц на исторические процессы, позволяет, как представляется найти объяснение ряду вопросов, до сегодняшнего дня остававшихся спорными или неясными. Вместе с тем, вне всякого сомнения, какие-либо аспекты нашей работы могут быть и будут подвергнуты необходимой критике. Продолжающаяся публикация средневековых венгерских документов, как представляется, поможет в будущем восстановить дополнительные ветви реконструированного нами рода или уточнить уже имеющиеся наши результаты. Таким образом, нашу работу следует рассматривать лишь начальным этапом необходимых дальнейших изысканий. Можно в самых общих чертах оценить возможности этих изысканий.

По нашему мнению, после восстановления нами генеалогии южнорусской (галицкой) ветви Нискиничей основной задачей в этом направлении является отыскание боковых линий этой ветви в XI-XIII вв. В некоторых случаях нам удалось восстановить лишь одного сына у отца, что в указанную эпоху было крайне редким явлением. Таким образом, реальных ответвлений галицких Нискиничей могло быть значительно больше.

То же следует сказать о венгерской ветви Нискиничей, основанной детьми боярина/князя Доброслава Сбыславича. Она нуждается в дополнительной проработке и

---

[676] *Коростовцев М.А.* О транскрипции и вокализации египетских антропонимов и топонимов // Вестник древней истории. 1973. № 2. С. 109.

выявлении незамеченных нами линий, либо открытии с помощью новых документов новых линий. Важно, на наш взгляд, постараться довести все линии венгерской ветви рода до сегодняшних дней, чтобы ныне живущие потомки знали о своих предках. Несколько направлений такого поиска мы обозначили в предыдущем параграфе.

Продолжение генеалогического поиска на Руси следует вести по ряду вполне определённых направлений. Разыскать потомство старших братьев Вышатичей – Яна (ум. 1106) и Путяты (ум. после 1113), – как представляется, невозможно. В отечественных источниках нет никакой информации, которая могла бы быть сопоставлена с этими боярами. По-видимому, разгром восставшими киевлянами имения Путяты Вышатича в 1113 г. привёл к эмиграции боярина и его потомков из Киева, если не к гибели в ходе этого восстания. Таким образом, мы полагаем, что киевская ветвь Нискиничей осталась без продолжения[677].

В противовес этому мы видим перспективы в исследовании смоленского боярства. Как указывалось, смоленская ветвь Нискиничей была основана новгородским посадником Завидом Невероничем, эмигрировавшим в Смоленск в 1186 г., а также галицким боярином Яволодом Константиновичем-«кормильчичем», эмигрировавшим туда же в 1214 г. Смоленскому княжеству удалось сохранить независимость от поглощавшей русские земли Литвы до 1386 г. Затем Смоленск был вассалом Литвы, утерял свою независимость в 1395 г., восстановил в 1401 г., но окончательно был присоединён к Литве в 1404 г. Поскольку оба вышеназванных боярина переселялись в Смоленск со своими семьями, их потомки вполне могли обитать там как минимум до вхождения его в состав Литвы.

Вторым важнейшим направлением поисков мы полагаем черниговское, а конкретнее – Новгород-Северское и Путивльское княжества. Они были присоединены Литвой в 1362 г., но в 1500 г. Путивль, а в 1503 г. Новгород-Северск были возвращены в состав

---

[677] Впрочем, можно допустить, что потомки старших братьев Вышатичей подвизались впоследствии при потомках Святополка II. Из четырёх его сыновей потомство оставил по себе один: от чешской княжны (первой жены отца) – Ярослав Святополчич (ок. 1072 – 1123), князь Волынский [1097, 1110-1118], Туровский и Вышгородский [1110-1118]. У него было двое сыновей. Вячеслав Ярославич (ум. после 1127) был князем Клёческим (Клёцким) [ок. 1123 – после 1127]. Юрий Ярославич (ум. 1168) был князем Пинским [1142-1148, 1154-1157], Туровским [1148-1150, 1151-1154, 1157-1168]. О потомстве Вячеслава Ярославича ничего не известно. У Юрия Ярославича известны пять сыновей: 1) Иван Юрьевич, князь Туровский [1168 – после 1170]; 2) Святополк Юрьевич, князь Туровский [до 1184 – 1190]; 3) Ярослав Юрьевич, князь Пинский [до 1183 – до 1190]; 4) Глеб Юрьевич, князь Дубровицкий [1182-1190], Туровский [1190-1195]; 5) Ярополк Юрьевич, князь Пинский [до 1190 – ?]. Их потомки княжили в Пинске, Турове, Дубровице, Степани по меньшей мере до 1290-х гг. Таким образом, вероятные потомки Яна и Путяты Вышатичей могли продолжить своё служение детям, внукам и т.д. Святополка II, оказавшись, тем самым, в Турово-Пинской земле.

Русского государства[678]. Как мы видели, южнорусские Нискиничи имели отношение к обоим княжествам: на Северщине были земельные держания галицких Нискиничей-«кормильчичей», и как минимум в районе Путивля были владения рода Нискиничей (неизвестной нам ветви). Вспомним и то, что в Новгород-Северске, так же как и в Смоленске, известны конкретные представители Нискиничей: новгород-северский тысяцкий Рагуил Добрынич и его сын, участники похода против половцев в 1185 г.[679]

Перспективы в разработке черниговского направления мы полагаем весьма серьёзными. После выхода в 2015 году нашей работы о генеалогии Нискиничей в X-XVI вв., была получена информация о том, что именно на Черниговщине сохранились предания об обитании там потомков Добрыни Нискинича. Информация была предоставлена нам потомком русского дворянского рода Добрыня-Конюховых Еленой Леонидовной Зелениной (Харьков). Она является правнучкой потомственного дворянина Якова Яковлевича Добрыня-Конюхова (ум. ок. 1922), имевшего поместье в с. Невкля Городнянского уезда Черниговской губ. Он имел четверых детей: Ивана (окончил юридический факультет Киевского Императорского университета Святого Владимира (КИУСВ), эмигрант (Румыния)), Петра (окончил химический факультет КИУСВ, эмигрант (Египет)), Василия (окончил гимназию, бесследно пропал с семьёй в 1930-х гг. в Ростовской обл.), Веру (1896-1949, окончила Киевский институт благородных девиц). Супругом Веры Яковлевны был сын Е.К.Чигирика (1858 – после 1907), депутата II Государственной думы [февраль – июнь 1907], Григорий Евменович Чигирик (ум. 1943), подпоручик, кавалер Георгиевского оружия (1916). Семейные предания, рассказанные Верой Яковлевной, гласили, что род Добрыня происходил от Добрыни Нискинича. Согласно легенде, в XVII в. род Добрыня породнился с казачьим атаманом Дмитрием Ивановичем Конюховым, откуда и произошла двойная фамилия.

Трудно сказать, насколько справедливыми являются эти легенды. В нашей книге 2015 года мы сумели развенчать несколько родовых легенд лиц, некогда пытавшихся причислять себя к потомкам новгородского боярства. Однако характерно, что атаман Д.И.Конюхов оказывается вполне исторической фигурой. Он был командиром гарнизона (200 казаков) Долгомосского острога, стоявшего на дороге от Смоленска к Ельне; после того как г.Дорогобуж в октябре 1617 г. был без боя сдан полякам,

---

[678] В 1618-1667 гг. Чернигов, Новгород-Северск, Стародуб, Почеп и Трубчевск вновь были оккупированы Речью Посполитой.

[679] Следует заметить, что известных по именам Нискиничей здесь могло быть больше. Вспомним, что при Владимире Мстиславиче Дорогобужском в 1169 г., помимо Рагуила Добрынича, состояли бояре Михаль и Завид. Как указывалось, Завида нужно причислять к Нискиничам по причине его новгородского имени. Оба они могли повторить тот же путь, что и Рагуил Добрынич – через попытку службы у сына Владимира Дорогобужского к уходу на Северщину. Следовательно, для будущих изысканий в рамках черниговского направления отправными точками следует полагать не только фигуру Рагуила Добрынича и его сына, но и боярина Завида, а также, возможно, Михаля.

Конюхов с гарнизоном также перешёл к полякам, однако в феврале 1618 г. он вернулся на сторону Романовых и был прощён[680]. Дополнительные документы указывают, что впервые Д.И.Конюхов упоминается в 1613 г., когда его отряд участвовал в начавшейся осаде русскими войсками Смоленска (1613-1617); его денежный оклад в 27 руб. говорил о том, что его служба была длительной и успешной[681]. В январе 1618 г. атаман стоял со своими казаками в Фёдоровском остроге в 15 верстах от Вязьмы, возглавляя авангард польских интервентов. Его супруга – Анна – и дочь – Акулина – жили в это время у тёщи и братьев жены в Волоке; с их помощью в Посольском приказе была составлена грамота атаману от имени жены и дочери. Эта грамота вместе с прощением была ему отправлена, и он вернулся на московскую службу[682].

Историчность атамана Конюхова и наличие у него единственной дочери позволяет поверить в возможность соединения его рода с родом Добрыня. Однако происхождение последнего подлежит обязательному выяснению, тем более что в списке дворянских родов Черниговской губернии род Добрыня-Конюховых отсутствует[683].

Таким образом, мы полагаем, что наша настоящая работа, как в части исследования рода Нискиничей в целом, так и в части исследования его южнорусской (галицкой) и венгерской ветвей, является не *завершением темы*, а, напротив, её *открытием*. Необходимость дальнейших исследований очевидна, поскольку исторические процессы наилучшим образом познаются через исследование генеалогических связей людей, являющихся как субъектами, так и объектами этих процессов. Именно посредством изучения генеалогии безликие *производительные силы* и *производственные отношения* вначале приобретают черты реальных сословий, затем внутрисословных категорий, а затем перед нами явственно встают конкретные люди, *личности*, которые и делают собственно *историю*. Практически всегда деятельность той или иной личности обуславливается её наследственностью, которую, поэтому, знать категорически необходимо.

За последнюю сотню лет произошло очень много событий, преимущественно печальных, русские и иноземные сословия погибли. Но, несмотря на гибель сословий, остались роды, осталась генеалогия и осталась история. Быть может, именно это

---

680 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 171, 175-177.

681 *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Об одном «частном» письме XVII в. // История русского языка. Исследования и тексты. М. Наука. 1982. С. 367.

682 *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 368-370.

683 Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии, внесённых в родословную книгу // Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. Т. 1. С. 93-128. Вместе с тем, сохранившийся паспорт Веры Яковлевны, выданный 07 мая 1916 г. в местечке Фастов Васильковского уезда Киевской губ., указывал, что она – дочь «*местного земского страхового агента – дворянина Черниговской губ. Якова Яковлевича Добрыни*».

обстоятельство будет способствовать тому, что сплочение людей на базе старых сословий и, прежде всего дворянского, всё же вновь начнётся. Но начнётся не в рамках богоборческой безрасовой, безнациональной, бессословной и даже бесполовой глобализации, а, напротив, в рамках формирования новых сословий и восстановления *исторических национальных* европейских государств, от Французского до Русского включительно. Именно в этом случае вновь возникнет необходимость знания истории собственных дедов, прадедов и пращуров, сам факт земного существования каждого из которых неоспоримо свидетельствует об их служении на благо своей Родины. Мы надеемся, что наши скромные труды будут способствовать этому процессу.

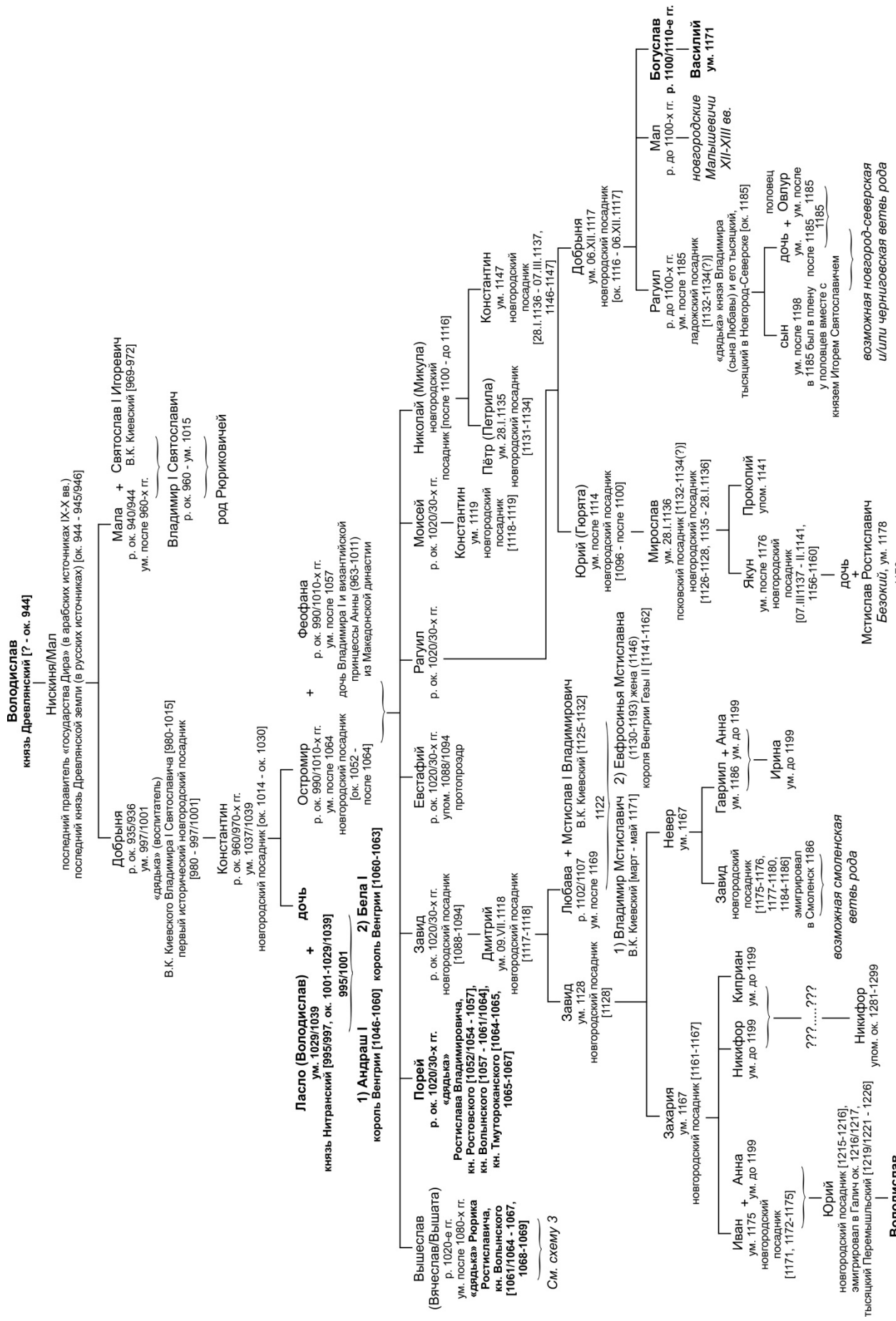

Володислав
князь Древлянский [? - ок. 944]
последний правитель «государства Дира» (в арабских источниках IX-X вв.)
последний князь Древлянской земли (в русских источниках) [ок. 944 - 945/946]
Никиня/Мал
Добрыня
р. ок. 935/936
ум. 997/1001
«дядька» (воспитатель)
В.К. Киевского Владимира I Святославича [980-1015]
первый исторический новгородский посадник
[980 - 997/1001]
Мала + Святослав I Игоревич
р. ок. 940/944 В.К. Киевский [969-972]
ум. после 960-х гг.
Владимир I Святославич
р. ок. 960 - ум. 1015
род Рюриковичей
Константин
р. ок. 960/970-х гг.
ум. 1037/1039
новгородский посадник [ок. 1014 - ок. 1030]
Ласло (Володислав) + дочь
ум. 1029/1039
князь Нитранский [995/997, ок. 1001-1029/1039]
995/1001
1) Андраш I 2) Бела I
король Венгрии [1046-1060] король Венгрии [1060-1063]
Остромир
р. ок. 990/1010-х гг.
ум. после 1064
новгородский посадник
[ок. 1052 - после 1064]
+
Феофана
р. ок. 990/1010-х гг.
ум. после 1057
дочь Владимира I и византийской принцессы Анны (963-1011) из Македонской династии
Вышеслав (Вячеслав/Вышата)
р. 1020-е гг.
ум. после 1080-х гг.
«дядька» Рюрика Ростиславича, кн. Волынского
[1061/1064 - 1067, 1068-1069]
См. схему 3
Пореи
р. ок. 1020/30-х гг.
«дядька»
Ростислава Владимировича, кн. Ростовского [1052/1054 - 1057], кн. Волынского [1057 - 1061/1064], кн. Тмутороканского [1064-1065, 1065-1067]
Завид
р. ок. 1020/30-х гг.
новгородский посадник
[1088-1094]
Дмитрий
ум. 09.VII.1118
новгородский посадник
[1117-1118]
Евстафий
р. ок. 1020/30-х гг.
упом. 1088/1094
протопроэдр
Рагуил
р. ок. 1020/30-х гг.
Моисей
р. ок. 1020/30-х гг.
Константин
ум. 1119
новгородский посадник
[1118-1119]
Николай (Микула)
новгородский посадник [после 1100 - до 1116]
Пётр (Петрила)
ум. 28.I.1135
новгородский посадник
[1131-1134]
Константин
ум. 1147
новгородский посадник
[28.I.1136 - 07.III.1137, 1146-1147]
Завид
ум. 1128
новгородский посадник
[1128]
Любава + Мстислав I Владимирович
р. 1102/1107 В.К. Киевский [1125-1132]
ум. после 1169
1122
1) Владимир Мстиславич 2) Евфросинья Мстиславна
В.К. Киевский [март - май 1171] (1130-1193) жена (1146) короля Венгрии Гезы II [1141-1162]
Захария
ум. 1167
новгородский посадник [1161-1167]
Иван + Анна
ум. 1175 ум. до 1199
новгородский посадник
[1171, 1172-1175]
Никифор
ум. до 1199
Киприан
ум. до 1199
???.....???
Юрий
новгородский посадник [1215-1216], эмигрировал в Галич ок. 1216/1217, тысяцкий Перемышльский [1219/1221 - 1226]
Никифор
упом. ок. 1281-1299
Володислав
галицкий боярин, ум. 17.VIII.1245
Невер
ум. 1167
Завид
новгородский посадник
[1175-1176, 1177-1180, 1184-1186]
эмигрировал в Смоленск 1186
Гавриил + Анна
ум. 1186 ум. до 1199
Ирина
ум. до 1199
возможная смоленская ветвь рода
Юрий (Гюрята)
ум. после 1114
новгородский посадник
[1096 - после 1100]
Миронеж
ум. 28.I.1136
псковский посадник [1132-1134(?)]
новгородский посадник
[1126-1128, 1135 - 28.I.1136]
Якун
ум. после 1176
новгородский посадник
[07.III1137 - II.1141, 1156-1160]
Прокопий
упом. 1141
дочь + Мстислав Ростиславич
Безокий, ум. 1178
1176
Добрыня
ум. 06.XII.1117
новгородский посадник
[ок. 1116 - 06.XII.1117]
Рагуил
р. до 1100-х гг.
ум. после 1185
ладожский посадник
[1132-1134(?)]
«дядька» князя Владимира (сына Любавы) и его тысяцкий, тысяцкий в Новгород-Северске [ок. 1185]
Мал
р. до 1100-х гг.
новгородские Малышевичи XII-XIII вв.
Богуслав
р. 1100/1110-е гг.
Василий
ум. 1171
сын
ум. после 1198
в 1185 был в плену у половцев вместе с князем Игорем Святославичем
дочь + Овлур
ум. после 1185
половец
ум. после 1185
1185
возможная новгород-северская и/или черниговская ветвь рода

Схема 1.

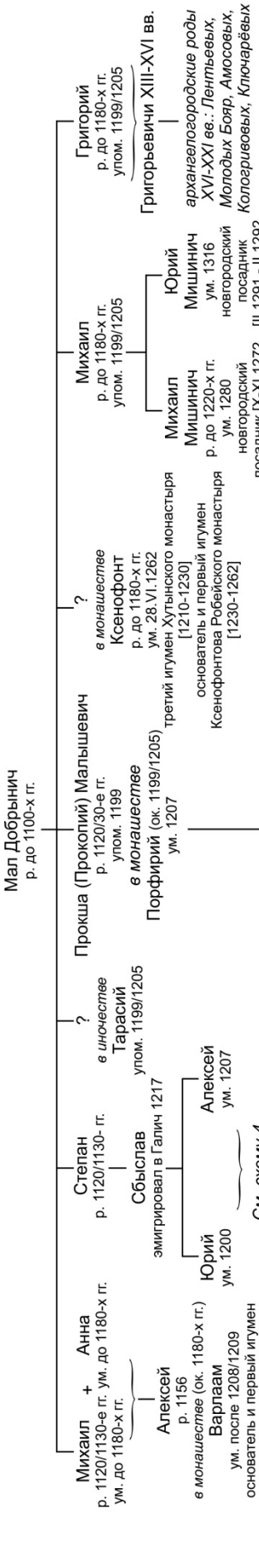

Мал Добрынич
р. до 1100-х гг.
Михаил
р. 1120/1130-е гг.
ум. до 1180-х гг.
+
Анна
ум. до 1180-х гг.
Алексей
р. 1156
в монашестве (ок. 1180-х гг.)
Варлаам
ум. после 1208/1209
основатель и первый игумен
Хутынского монастыря
[ок. 1180-х гг. - 1208/1209]
местночтимый новгородский святой (кон. XIII в.)
общерусский святой (1461)
Степан
р. 1120/1130- гг.
Сбыслав
эмигрировал в Галич 1217
Юрий
ум. 1200
Алексей
ум. 1207
См. схему 4
?
в иночестве
Тарасий
упом. 1199/1205
Прокша (Прокопий) Малышевич
р. 1120/30-е гг.
упом. 1199
в монашестве
Порфирий (ок. 1199/1205)
ум. 1207
Ядрей (Ядрейко, Яков, Яковец)
р. до 1160-х гг.
ум. 1193
воевода 1193 при походе на Югру
Добрыня
в монашестве (ок. 1208/1209) Антоний
ум. 08.X.1232
второй игумен Хутынского монастыря
[не раньше 1208/1209 - 1210]
архиепископ Новгородский
[1210-1218, 1226 - весна 1228,
осень 1228 - V.1229],
епископ Перемышльский [1219-1225]
Рагуил
ум. 1200
Алексей (Олекса)
ум. 1200
Несда (Нездила)
воевода в г. Луки [с 1200]
посол [1229-1230]
Константин
ум. 27.I.1219
?
в монашестве
Ксенофонт
р. до 1180-х гг.
ум. 28.VI.1262
третий игумен Хутынского монастыря
[1210-1230]
основатель и первый игумен
Ксенофонтова Робейского монастыря
[1230-1262]
Вячеслав
ум. 04.V.1243
новгородский
тысяцкий [1228-1229]
Константин
упом. 1236
ум. 1247
Богуслав
упом. 1228
Михаил
р. до 1180-х гг.
упом. 1199/1205
Михаил Мишинич
р. до 1220-х гг.
ум. 1280
новгородский
посадник [X-XI.1272,
1273-VIII.1280]
Юрий Мишинич
ум. 1316
новгородский
посадник
[II.1291 - II.1292,
II.1304 - II.1305]
Мишиничи-Онцифоровичи XIII-XVI вв.
богородские (нижегородские) роды
XVI-XXI вв.: Поповых, Третьяковых,
Таланиных, Пономарёвых,
Проскуряковых/Проскурниковых
Григорий
р. до 1180-х гг.
упом. 1199/1205
Григорьевичи XIII-XVI вв.
архангелогородские роды
XVI-XXI вв.: Пентьевых,
Молодых Бояр, Амосовых,
Кологривовых, Ключарёвых

Схема 2.

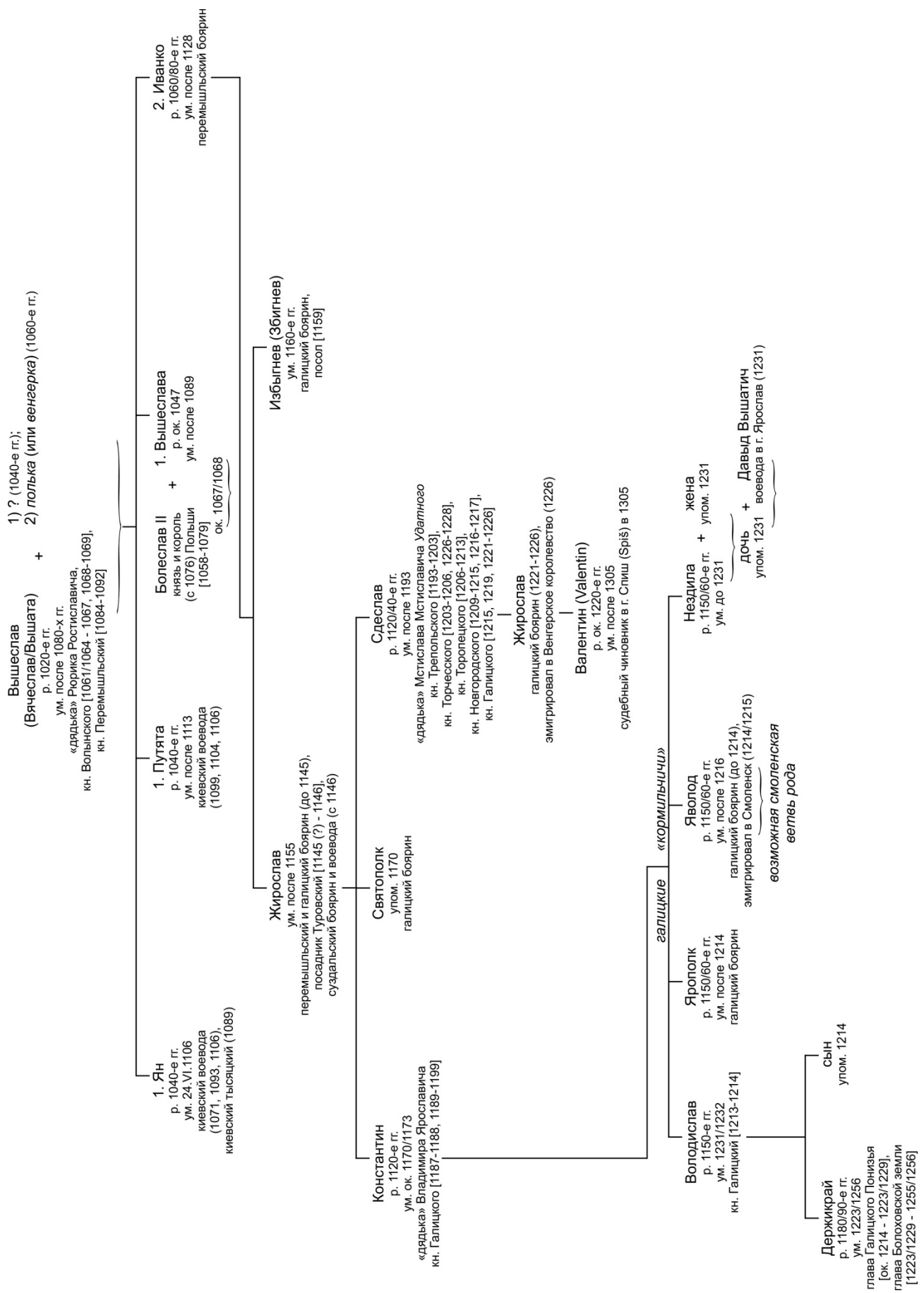
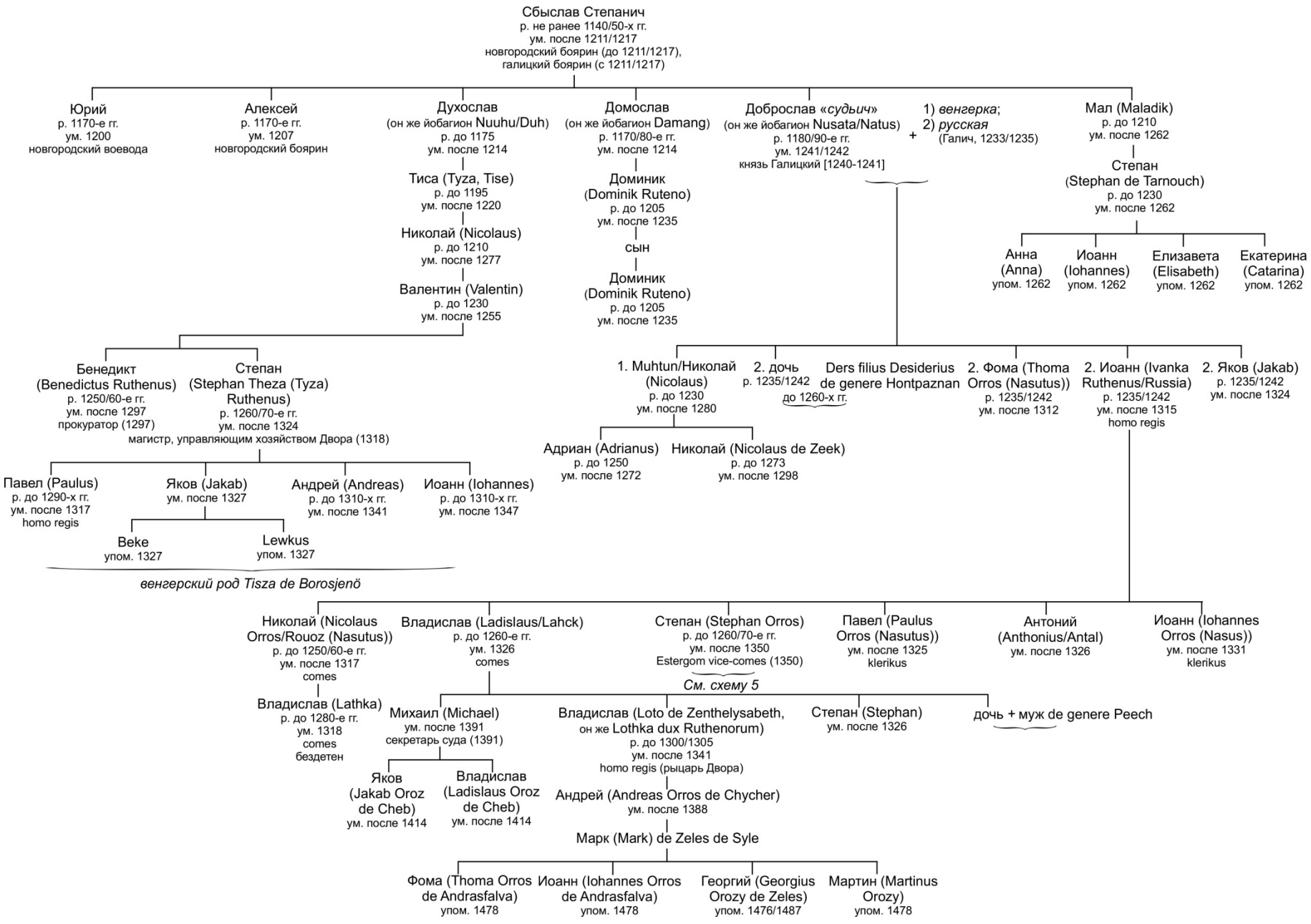

Вышеслав
(Вячеслав/Вышата)
р. 1020-е гг.
ум. после 1080-х гг.
«дядька» Рюрика Ростиславича,
кн. Волынского [1061/1064 - 1067, 1068-1069],
кн. Перемышльский [1084-1092]
+
1) ? (1040-е гг.);
2) полька (или венгерка) (1060-е гг.)
1. Ян
р. 1040-е гг.
ум. 24.VI.1106
киевский воевода
(1071, 1093, 1106),
киевский тысяцкий (1089)
1. Путята
р. 1040-е гг.
ум. после 1113
киевский воевода
(1099, 1104, 1106)
Болеслав II
князь и король
(с 1076) Польши
[1058-1079]
ок. 1067/1068
+
1. Вышеслава
р. ок. 1047
ум. после 1089
2. Иванко
р. 1060/80-е гг.
ум. после 1128
перемышльский боярин
Избыгнев (Збигнев)
ум. 1160-е гг.
галицкий боярин,
посол [1159]
Жирослав
ум. после 1155
перемышльский и галицкий боярин (до 1145),
посадник Туровский [1145 (?) - 1146],
суздальский боярин и воевода (с 1146)
Константин
р. 1120-е гг.
ум. ок. 1170/1173
«дядька» Владимира Ярославича
кн. Галицкого [1187-1188, 1189-1199]
Святополк
упом. 1170
галицкий боярин
Сдеслав
р. 1120/40-е гг.
ум. после 1193
«дядька» Мстислава Мстиславича Удатного
кн. Трепольского [1193-1203],
кн. Торческого [1203-1206, 1226-1228],
кн. Торопецкого [1206-1213],
кн. Новгородского [1209-1215, 1216-1217],
кн. Галицкого [1215, 1219, 1221-1226]
Жирослав
галицкий боярин (1221-1226),
эмигрировал в Венгерское королевство (1226)
Валентин (Valentin)
р. ок. 1220-е гг.
ум. после 1305
судебный чиновник в г. Спиш (Spiš) в 1305
галицкие
«кормильничи»
Володислав
р. 1150-е гг.
ум. 1231/1232
кн. Галицкий [1213-1214]
Ярополк
р. 1150/60-е гг.
ум. после 1214
галицкий боярин
Яволод
р. 1150/60-е гг.
ум. после 1216
галицкий боярин (до 1214),
эмигрировал в Смоленск (1214/1215)
возможная смоленская
ветвь рода
Нездила
р. 1150/60-е гг.
ум. до 1231
+
жена
упом. 1231
дочь
упом. 1231
+
Давыд Вышатич
воевода в г. Ярослав (1231)
Держикрай
р. 1180/90-е гг.
ум. 1223/1256
глава Галицкого Понизья
[ок. 1214 - 1223/1229],
глава Болоховской земли
[1223/1229 - 1255/1256]
сын
упом. 1214

Схема 3.

Схема 4


Сбыслав Степанич
р. не ранее 1140/50-х гг.
ум. после 1211/1217
новгородский боярин (до 1211/1217),
галицкий боярин (с 1211/1217)
Юрий
р. 1170-е гг.
ум. 1200
новгородский воевода
Алексей
р. 1170-е гг.
ум. 1207
новгородский боярин
Духослав
(он же йобагион Nuuhu/Duh)
р. до 1175
ум. после 1214
Тиса (Tyza, Tise)
р. до 1195
ум. после 1220
Николай (Nicolaus)
р. до 1210
ум. после 1277
Валентин (Valentin)
р. до 1230
ум. после 1255
Бенедикт
(Benedictus Ruthenus)
р. 1250/60-е гг.
ум. после 1297
прокуратор (1297)
Степан
(Stephan Theza (Tyza)
Ruthenus)
р. 1260/70-е гг.
ум. после 1324
магистр, управляющим хозяйством Двора (1318)
Павел (Paulus)
р. до 1290-х гг.
ум. после 1317
homo regis
Яков (Jakab)
ум. после 1327
Андрей (Andreas)
р. до 1310-х гг.
ум. после 1341
Иоанн (Iohannes)
р. до 1310-х гг.
ум. после 1347
Beke
упом. 1327
Lewkus
упом. 1327
венгерский род Tisza de Borosjenö
Домослав
(он же йобагион Damang)
р. 1170/80-е гг.
ум. после 1214
Доминик
(Dominik Ruteno)
р. до 1205
ум. после 1235
сын
Доминик
(Dominik Ruteno)
р. до 1205
ум. после 1235
Доброслав «судьич»
(он же йобагион Nusata/Natus)
р. 1180/90-е гг.
ум. 1241/1242
князь Галицкий [1240-1241]
+
1) венгерка;
2) русская
(Галич, 1233/1235)
Мал (Maladik)
р. до 1210
ум. после 1262
Степан
(Stephan de Tarnouch)
р. до 1230
ум. после 1262
Анна
(Anna)
упом. 1262
Иоанн
(Iohannes)
упом. 1262
Елизавета
(Elisabeth)
упом. 1262
Екатерина
(Catarina)
упом. 1262
1. Muhtun/Николай
(Nicolaus)
р. до 1230
ум. после 1280
Адриан (Adrianus)
р. до 1250
ум. после 1272
Николай (Nicolaus de Zeek)
р. до 1273
ум. после 1298
2. дочь
р. 1235/1242
до 1260-х гг.
Ders filius Desiderius
de genere Hontpaznan
2. Фома (Thoma
Orros (Nasutus))
р. 1235/1242
ум. после 1312
2. Иоанн (Ivanka
Ruthenus/Russia)
р. 1235/1242
ум. после 1315
homo regis
2. Яков (Jakab)
р. 1235/1242
ум. после 1324
Николай (Nicolaus
Orros/Rouoz (Nasutus))
р. до 1250/60-е гг.
ум. после 1317
comes
Владислав (Lathka)
р. до 1280-е гг.
ум. 1318
comes
бездетен
Владислав (Ladislaus/Lahck)
р. до 1260-е гг.
ум. 1326
comes
Михаил (Michael)
ум. после 1391
секретарь суда (1391)
Яков
(Jakab Oroz
de Cheb)
ум. после 1414
Владислав
(Ladislaus Oroz
de Cheb)
ум. после 1414
Степан (Stephan Orros)
р. до 1260/70-е гг.
ум. после 1350
Estergom vice-comes (1350)
См. схему 5
Владислав (Loto de Zenthelysabeth,
он же Lothka dux Ruthenorum)
р. до 1300/1305
ум. после 1341
homo regis (рыцарь Двора)
Андрей (Andreas Orros de Chycher)
ум. после 1388
Марк (Mark) de Zeles de Syle
Фома (Thoma Orros
de Andrasfalva)
упом. 1478
Иоанн (Iohannes Orros
de Andrasfalva)
упом. 1478
Георгий (Georgius
Orozy de Zeles)
упом. 1476/1487
Мартин (Martinus
Orozy)
упом. 1478
Степан (Stephan)
ум. после 1326
дочь + муж de genere Peech
Павел (Paulus
Orros (Nasutus))
ум. после 1325
klerikus
Антоний
(Anthonius/Antal)
ум. после 1326
Иоанн (Iohannes
Orros (Nasus))
ум. после 1331
klerikus

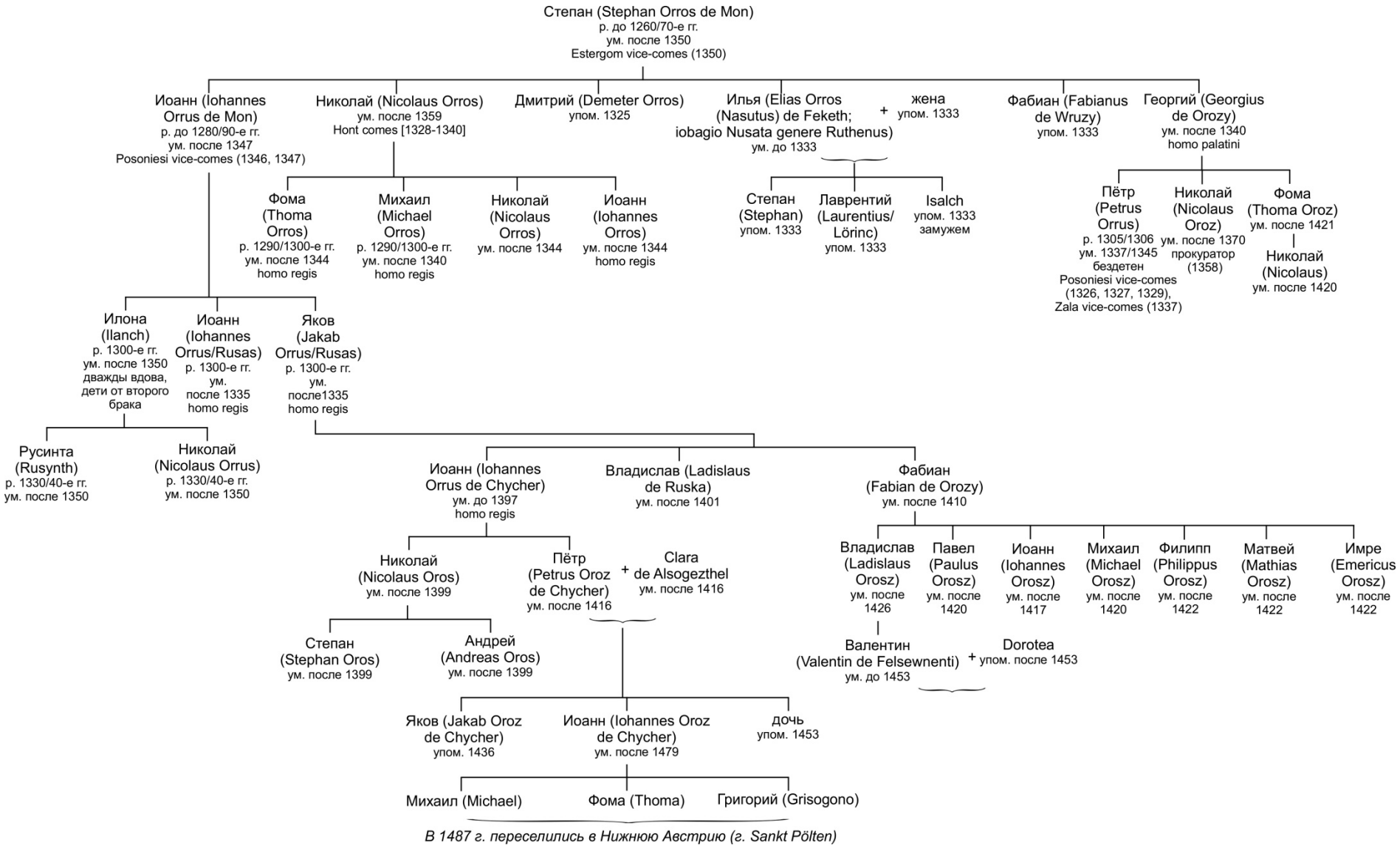

Степан (Stephan Orros de Mon)
р. до 1260/70-е гг.
ум. после 1350
Estergom vice-comes (1350)
Иоанн (Iohannes Orrus de Mon)
р. до 1280/90-е гг.
ум. после 1347
Posoniesi vice-comes (1346, 1347)
Николай (Nicolaus Orros)
ум. после 1359
Hont comes [1328-1340]
Дмитрий (Demeter Orros)
упом. 1325
Илья (Elias Orros (Nasutus) de Feketh; iobagio Nusata genere Ruthenus)
ум. до 1333
+
жена
упом. 1333
Фабиан (Fabianus de Wruzy)
упом. 1333
Георгий (Georgius de Orozy)
ум. после 1340
homo palatini
Фома (Thoma Orros)
р. 1290/1300-е гг.
ум. после 1344
homo regis
Михаил (Michael Orros)
р. 1290/1300-е гг.
ум. после 1340
homo regis
Николай (Nicolaus Orros)
ум. после 1344
Иоанн (Iohannes Orros)
ум. после 1344
homo regis
Степан (Stephan)
упом. 1333
Лаврентий (Laurentius/ Lörinc)
упом. 1333
Isalch
упом. 1333
замужем
Пётр (Petrus Orrus)
р. 1305/1306
ум. 1337/1345
бездетен
Posoniesi vice-comes (1326, 1327, 1329), Zala vice-comes (1337)
Николай (Nicolaus Oroz)
ум. после 1370
прокуратор (1358)
Фома (Thoma Oroz)
ум. после 1421
Николай (Nicolaus)
ум. после 1420
Илона (Ilanch)
р. 1300-е гг.
ум. после 1350
дважды вдова, дети от второго брака
Иоанн (Iohannes Orrus/Rusas)
р. 1300-е гг.
ум. после 1335
homo regis
Яков (Jakab Orrus/Rusas)
р. 1300-е гг.
ум. после1335
homo regis
Русинта (Rusynth)
р. 1330/40-е гг.
ум. после 1350
Николай (Nicolaus Orrus)
р. 1330/40-е гг.
ум. после 1350
Иоанн (Iohannes Orrus de Chycher)
ум. до 1397
homo regis
Владислав (Ladislaus de Ruska)
ум. после 1401
Фабиан (Fabian de Orozy)
ум. после 1410
Николай (Nicolaus Oros)
ум. после 1399
Пётр (Petrus Oroz de Chycher)
ум. после 1416
+
Clara de Alsogezthel
ум. после 1416
Степан (Stephan Oros)
ум. после 1399
Андрей (Andreas Oros)
ум. после 1399
Владислав (Ladislaus Orosz)
ум. после 1426
Павел (Paulus Orosz)
ум. после 1420
Иоанн (Iohannes Orosz)
ум. после 1417
Михаил (Michael Orosz)
ум. после 1420
Филипп (Philippus Orosz)
ум. после 1422
Матвей (Mathias Orosz)
ум. после 1422
Имре (Emericus Orosz)
ум. после 1422
Валентин (Valentin de Felsewnenti)
ум. до 1453
+
Dorotea
упом. после 1453
Яков (Jakab Oroz de Chycher)
упом. 1436
Иоанн (Iohannes Oroz de Chycher)
ум. после 1479
дочь
упом. 1453
Михаил (Michael)
Фома (Thoma)
Григорий (Grisogono)
В 1487 г. переселились в Нижнюю Австрию (г. Sankt Pölten)

Схема 5

Перечень источников

1. Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии, внесённых в родословную книгу // Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. Т. 1.
2. Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7.
3. Грамоты Великих Князей Литовских с 1390 по 1569 год / Под ред. В. Антоновича, К.Козловского. Киев, 1868.
4. Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2.
5. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910.
6. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 2.
7. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962 . Т. 1.
8. Никоновская летопись // ПСРЛ. Тт. 9-10. М., 1965.
9. Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 1.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441.
12. Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911.
13. Стоглав 1551 г. // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 2.
14. Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965.
15. Троицкая летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. Ч. 2.
16. *Щавелёва Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
17. A Balassa család levéltára (1193-1526) / Ed. I. Borsa. Budapest 1990.
18. A márkusfalvi Máriássy család levéltára. T. 1:1243-1803 / Ed. B. Iványi. Lőcse, 1917.
19. A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 1 / Ed. G. Nagy. Budapest, 1887.
20. A nagymihályi és sztárai gróf Sztáray család oklevéltára. T. 2 / Ed. G. Nagy. Budapest, 1889.
21. A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 8 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1895.
22. A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 9 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1899.
23. A zichi és vásonkeői gróf Zichy-család idősb ágának okmánytára. Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy de Zich et Vasonkeo. T. 11 / Ed. F.E.-D. Kammerer. Budapest, 1915.
24. Annales Frisacenses // Monumenta Germaniae historica scriptories. T. 24 / Ed. L.Weiland. Hannover, 1879.

25. Annales Millicensium continuation Sancrucensis tertia / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 9. Hannoverae, 1851.
26. Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1-1286 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 9. Hannoverae, 1851.
27. Annales Waldemarianis / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 29. Hannover, 1892.
28. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 1: 1301-1305 / Ed. G. Kristo. Budapest, 1990.
29. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 2: 1306-1310 / Ed. G. Kristo. Budapest, 1992.
30. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 3: 1311-1314 / Ed. G. Kristo. Budapest, 1994.
31. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 4: 1315-1317 / Ed. G. Kristo. Budapest, 1996.
32. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 5: 1318-1320 / Ed. G. Kristo. Budapest, 1998.
33. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 6: 1321-1322 / Ed. G. Kristo. Budapest, 2000.
34. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 7: 1323 / Ed. L. Blazovich. Budapest, 1991.
35. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 8:1324 / Ed. L.Blazovich. Budapest, 1993.
36. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 9: 1325 / Ed. L.Géczi. Budapest, 1997.
37. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 10: 1326 / Ed. L. Blazovich. Budapest, 2000.
38. Anjou–kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 11:1327 / Ed. T. Almási. Budapest, 1996.
39. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 12:1328 / Ed. T. Almási. Budapest, 2001.
40. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 13:1329 / Ed. T. Almási. Budapest, 2003.
41. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 15: 1331 / Ed. I.E.Tóth. Budapest, 2004.
42. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 17: 1333 / Ed. G.Kristó. Budapest, 2002.

43. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 19: 1335 / Ed. G.-M.F. Kristó. Budapest, 2004.
44. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 23: 1339 / Ed. F. Piti. Budapest, 1999.
45. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 24: 1340 / Ed. F. Piti. Budapest, 2000.
46. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 25: 1341 / Ed. F. Sebők. Budapest, 2004.
47. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 26:1342 / Ed. F. Piti. Budapest, 2007.
48. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 27:1343 / Ed. F. Piti. Budapest, 2007.
49. Anjou-kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 28: 1344 / Ed. F. Piti. Budapest, 2010.
50. Anjou–kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 29:1345 / Ed. F. Piti. Budapest, 2013.
51. Anjou–kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 30:1346 / Ed. F. Piti. Budapest, 2014.
52. Anjou–kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 31: 1347 / Ed. F.Sebők. Budapest, 2007.
53. Anjou–kori oklevéltár. Documenta Res Hungaricas tempore regum andegavensium illustrantia. T. 34: 1350 / Ed. É.Teiszler. Budapest, 2013.
54. Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 1: 1301-1321 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1878.
55. Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 3: 1333-1339 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1883.
56. Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. T. 7: 1358-1359 / Ed. G.N. Tasnádi. Budapest, 1920.
57. Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwow, 1887. T.1.
58. Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 1:1001-1235 / Ed. G. Wenzel. Pest, 1860.
59. Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. T. 10 / Ed. G.Wenzel. Pest, 1873.
60. Árpád-kori oklevelek a Heves megyei levéltárban (Diplomata aetatis Arpadiana in archivo comitatus Hevesiensis conservata) / Ed. E. K. Látkóczki. Eger, 1997.
61. Az Abaffy család levéltára: 1247-1515. A Dancs család levéltára: 1232-1525. A Hanvay család levéltára: 1216-1525 / Ed. I. Borsa. Budapest, 1993.

62. Bereg megye hatóságának oklevelei (1299-1526) / Ed. T. Neumann. Nyíregyháza, 2006.
63. *Borovszky S.* Csanád vármegye története 1715-ig. Budapest, 1897.
64. Chronici Hungarici composition saeculi XIV, cap. 87 // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque ex stripe Arpadiana gestarum. Budapest, 1937. T. 1.
65. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislava, 1971. T. 1.
66. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 4. Vol. 2 / Ed. G. Fejér Budae, 1829.
67. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 4. Vol. 3 / Ed. G. Fejér Budae, 1829.
68. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 5. Vol. 3 / Ed. G. Fejér. Budae, 1830.
69. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 8. Vol. 2 / Ed. G. Fejér. Budae, 1832.
70. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 9. Vol. 3 / Ed. G. Fejér Budae, 1834.
71. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 9. Vol. 7 / Ed. G. Fejér. Budae, 1842.
72. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 1 / Ed. G. Fejér. Budae, 1834.
73. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 2 / Ed. G. Fejér. Budae, 1834.
74. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 5 / Ed. G. Fejér. Budae, 1842.
75. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 10. Vol. 6 / Ed. G. Fejér. Budae, 1844.
76. Debrecen szab. kir. város levéltára diplomagyűjteményének regesztái / Ed. G. Herpay. Debrecen, 1916.
77. Diplomatarium Hontense. Oklevelek hontvármegyei magán-levéltárakból. T 1: 1256–1399 / Ed. F. Kubínyi. Budapest, 1888.
78. Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia, usque ad annum 1400 p. Christum / Ed. N. Fekete, L.Antonius-Makkai. Budapest, 1941.
79. Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez. T. 1: 1023-1300 / Ed. Z. Jakó. Budapest, 1997.
80. Erdélyi Okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez. T. 3: 1340-1359 / Ed. Z. Jakó. Budapest, 2008.
81. *Gyárfás I.* A jász-kunok története. T. 1. Kecskemét, 1870.

82. Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T. 1 / Eds.: I. Nagy, I. Páur, K. Ráth, D.Véghely. Győr, 1865.
83. Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T.2 / Eds.: I. Nagy, I. Páur, K. Ráth, D.Véghely. Győr, 1865.
84. Hazai okmánytár. Codex diplomaticus patrius. T. 8 / Ed. I. Nagy. Budapest, 1891.
85. Historiae Hungaricae Fontes Domenici / Ed. M. Florianus. Vol. 3. Lipsiae, 1884.
86. Máramarosi diplomák a XIV. és XV. Századból / Ed. J. Mihályi Máramaros, 1900.
87. Monumenta Ecclesiae Strigoniensis. T. 1 / Ed. I. Simor. Strigonii, 1874.
88. Oklevéltár a gróf Csáky család történetéhez. T. 1:1229-1499 / Ed. S.L. Bártfai. Budapest, 1919.
89. Oklevéltár a gróf Csáky család történetéhez. T. 2:1500-1818 / Ed. S.L. Bártfai. Budapest, 1919.
90. Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 1:1214-1457 / Ed. E. Varjú. Budapest, 1908.
91. Oklevéltár a Tomaj nemzetségbeli losonczi Bánffy család történetéhez. T. 2:1458-1526 / Ed. B. Iványi. Budapest, 1928.
92. Palásthyak. T. 1 / Ed. P. Palásthy. Budapest, 1890.
93. Regestum Varadinense examinum ferri candentis Ordine chronologico digestum descripta effigie editionis a. 1550 illustrantum sumptissimusque Capituli Varadiensis lat. rit. / Ed. J.Karacsonyi, S. Borovszky. Budapest, 1903.
94. Regesta diplomatica nec non epistolaria Slovaciae / Ed. V.Sedlák. Bratislava, 1987. T.2.
95. *Szeremlei S.* Hód-Mező-Vásárhely története. T. 5. Budapest, 1913.
96. The Hungarian illuminated chronicle: chronica de gestis Hungarorum / Ed. by D.Dercsényi. New York, 1970.
97. Ugocsa megye hatóságának oklevelei (1290-1526) / Ed. C. Tóth Norbert. Budapest, 2006.
98. Zsigmondkori oklevéltár. T. 5: 1415-1416 / Ed. I.E.-B. Mályusz. Budapest, 1997.
99. Zsigmondkori oklevéltár. T. 7: 1419-1420 / Ed. I.E.-B. Mályusz. Budapest, 2000.
100. Zsigmondkori oklevéltár. T. 8: 1421 / Ed. I.-T. Borsa. Budapest, 2003.
101. Zsigmondkori oklevéltár. T. 10: 1423 / Ed. C.N. Tóth. Budapest, 2007.

Перечень литературы

1. *Азбелев С.Н.* Новгородские былины и летописи // Русский фольклор. 1962. Т. 8.
2. *Баженова А.* Славян родные имена. Словарь исторических родокоренных имён и прозваний славян и русов за два тысячелетия. М., 2006.
3. *Баумгартен Н.А.* Первая галицкая династия // Летопись историко-родословного общества. 1907. Т. 3.
4. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

5. *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: тексты, перевод, комментарий. М., 1997.
6. *Брим В.А.* Былина о Василии Буслаеве в исландской саге // Язык и литература. Т. 1. Л., 1926.
7. *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
8. *Веселовский С.Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
9. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
10. *Войтович Л.В.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011.
11. *Войтович Л.В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Довідник. Київ, 1992.
12. *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000.
13. *Войтович Л.В.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012.
14. *Войтович Л.В.* Королівство Русі: реальність і міфи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. 7.
15. *Войтович Л.В.* Перша Галицька династія // Генеалогічні записки. 2009. Вип. 7.
16. *Войтович Л.В.* Польща, Мазовія, Литва та Угорщина у боротьбі за спадщину Романовичів // Проблеми слов'янознавства. 2010. Вип. 59.
17. *Войтович Л.В.* Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 2 (8).
18. *Войтович Л.В.* Тевтонський орден у політиці Галицько-Волинського князівства // Укр. істор. журн. 2010. № 6.
19. *Войтович Л.В.* Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII – XVI ст. Львів, 1996.
20. *Волощук М.М.* Віце-воєвода Трансільванії Петро, син Миколи, прозваний руським, з роду Балог (vicevayuoda Transilvaniae petrus dictus orrus filius nicolai de Balogh) // Галичина. 2013. Т. 22-23.
21. *Волощук М.М.* «Вокняжение» галицьке Володислава Кормильчича (1210-1214 рр., з перервами): міфи та реальність // Вісник Прикарпатського університету. Історія. 2009. Вип. 15.
22. *Волощук М.М.* До питання про етнічне та соціальне походження Судислава (Бернатовича?) // Прикарпатський вісник Наукового товариства ім. Шевченка. 2008. № 1 (1).
23. *Волощук М.М.* Доброслав Суддич: спроба біографічного нарису // Карпати: людина, етнос, цивілізація. Івано-Франківськ, 2010. Вип. 2.

24. *Волощук М.М.* Неизвестные страницы биографии галицкого боярина Володислава Кормильчича (1214-1232 г.) // Древняя Русь. 2010. № 3 (41).
25. *Волощук М.М.* О вопросе идентификации «прозванных Русскими» в королевстве Венгрия XIV в. Magister Nicolaus «dictus» Orrus de genere Pech // Rossica Antiqua. 2013. № 1 (7).
26. *Волощук М.М.* «Прозвані Руськими» в Угорському королівстві XIV століття: проеблеми ідентифікації // Ruthenica. 2014. Т. 12.
27. *Волощук М.М.* Русские йобагионы на службе венгерских Арпадов и Анжу в XIII-XIV вв. // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6).
28. *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ, 2014.
29. *Волощук М.М.* «Русь» в чешских землях (Богемия, Моравия, Силезия) XI-XIV вв.: избранные проблемы // Rossica Antiqua. 2014. № 2 (10).
30. *Волощук М.М.* Судислав de genere ludan. Спроба генеалогічно-біографічної реконструкції // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 2010. Т. 260. Кн. 1.
31. *Гарданов В.К.* «Дядьки» древней Руси // Исторические записки. 1962. № 71.
32. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
33. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1881. Т. 1.
34. *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.
35. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 3. Киев, 1993.
36. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1, 4. М., 2001.
37. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
38. *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
39. *Диба Ю.Р.* Батьківщина Малковичів – «страна своя» преподобного Варлаама Печерського // Волинський благовісник. Луцьк, 2013. № 1.
40. *Диба Ю.Р.* Батьківщина святого Володимира. Волинська земля у подіях X століття. Львів, 2014.
41. *Диба Ю.Р.* Історично-географічний контекст літописного повідомлення про народження князя Володимира Святославовича: локалізація Будятиного села // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2012. Вип. 6.
42. *Диба Ю.Р.* Літописне Будятино (про місце народження князя Володимира Святославовича та розташування найдавнішої церкви Пресвятої Богородиці) // V «Ольжині читання». Львів; Броди, 2011.
43. *Диба Ю.Р.* Урбаністично-адміністративні реформи княгині Ольги (3) // Студії мистецтвознавчі. 2012. № 4 (40).

44. *Жданов И.Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895.
45. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990.
46. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
47. *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1854. Т. 2.
48. *Киселёва Г.Н.* Киевский воевода Свенельд // Вопросы истории. 2006. № 8.
49. *Киселёва Г.Н.* Славянская империя Инглингов. М., 2009.
50. *Коган В.М.* История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993.
51. *Коновалова И. Г.* Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы 2009. М., 2010.
52. *Кордуба М.М.* Болеслав-Юрий II. Останній самостійний володар Галицько-Волинської держави з нагоди 600-ліття його смерті. Львів, 1940.
53. *Коростовцев М.А.* О транскрипции и вокализации египетских антропонимов и топонимов // Вестник древней истории. 1973. № 2.
54. *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989.
55. *Котляр М.Ф.* Данило Галицький. Київ, 1979.
56. *Котляр Н.Ф.* Княжеская администрация в Древней Руси // Древняя Русь. 2010. № 2 (40).
57. *Котляр Н.Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013.
58. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985.
59. *Красносельцев Н.Ф.* О пещном действе (чин воспоминания сожжения трёх отроков). Замечания и поправки к статье М. Савинова // Русский филологический вестник. 1891. Т. 26.
60. *Куза А.В.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968.
61. *Кузьмин А.В.* Происхождение и генеалогия служилых князей из Западной и Центральной Руси и Великого княжества Литовского в Пскове в XIV – начале XV в. (в свете данных письменных источников и древнерусской сфрагистики) // Древняя Русь. 2015. № 3 (61).
62. *Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11.
63. *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1. Киев, 1884.
64. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

65. *Лукомський Ю.В.* Загадкове жіноче поховання в Успенському соборі давнього Галича // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.
66. *Мавродин В.В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
67. *Мазур О.К.* «Лотка князь Руський прибув до Вишеграда»: гіпотетична ідентифікація особи // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. 7.
68. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
69. *Майоров А.В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь. 2010. № 1 (39).
70. *Майоров А.В.* К спорам о времени возникновения Молдавского княжества // Русин. 2013. № 3 (33).
71. *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времён Романа Мстиславича // Древняя Русь. 2008. № 4 (34).
72. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011.
73. *Макагонова Н.* Легенда и быль о Добрыне Рязанском // «Дом. Строй». 2015. № 32 (19 авг. 2015).
74. *Мезенка Г.М., Дзервяга Г.М., Ляшкевіч В.М., Семянокова Г.К.* Беларуская антрапанімія. Вучэбні дапаможнік. Брест, 2009. С. 61.
75. *Милютенко Н.И* Древлянская земля в IX-XI вв. (по летописным источникам) // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
76. *Мицько І.З.* Давній унівський пом'яник // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20). Львів, 2011.
77. *Мицько І.З.* Українсько-чеські зв’язки та історія Підгір’я X-XI століть // V «Ольжині читання». Львів; Броди, 2011.
78. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Об одном «частном» письме XVII в. // История русского языка. Исследования и тексты. М. Наука. 1982.
79. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001.
80. *Назаренко А.В.* Рюриковичи и Арпады в XI-XII веках // Россия и Венгрия на перекрёстках европейской истории: альманах. 2014. Вып. 1.
81. *Несин М.В.* Галицкое вече в 1235-1240-х гг. // Русин. 2012. № 4 (30).
82. *Парфентьев Н.П.* Из истории древнерусской церковно-обрядовой культуры: «певцы» и «халдеи» в чине архиерейского поставления XV-XVII веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 10 (269).

83. *Паршин І.Л.* Участь Данила Романовича у боротьбі за австрийську спадщину Бабенбергів // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2012. Вип. 16.
84. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
85. *Петрик А.М.* Боярські двори та економічне становище бояр Галицько-Волинської держави // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2008. Вип. 11-12.
86. *Петрик А.М.* До історії боярства та боярських родів Перемишльської землі // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2002. Вип. 6.
87. *Петрик А.М.* До історії боярських родин Кормильчичів, Доброславичів та Дядьковичів // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2001. Вип. 5.
88. *Петрик А.М.* Ідеологія галицького боярства та її вплив на трансформацію Галицько-Волинської держави // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2004. Вип. 8.
89. *Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии, 1391-1498 гг. Прага, 1930.
90. *Плахонин А.Г.* Потомство Владимира Ярославича и Волынь // Вестник Удмуртского университета: серия «История». 2003.
91. *Плахонін А.Г.* Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X – перша половина XI ст.) // Укр. істор. журн. 2000. № 4.
92. *Поппэ А.* Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011.
93. *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16).
94. *Прозоровский Д.И.* О родстве Св. Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1.
95. *Пятнов А.Н.* Борис Жидиславич // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 4.
96. *Пятнов А.П.* Киев и Киевская земля в 1167-1169 гг. // Древняя Русь. 2003. № 1 (11).
97. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
98. *Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. 1933. Т. 6.
99. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
100. *Рыбаков Б.А.* «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10.
101. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
102. *Свердлов М.Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11.
103. *Священник М.Я. Морошкин*. Славянский именослов. СПб., 1867.
104. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1978. Вып. 14.
105. *Слядзь А.Н.* Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII века). СПб., 2014.

106. *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Добрыня Никитич и Алёша Попович. М., 1974.
107. *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Новгородские былины. М., 1978.
108. *Соловьёв А.В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1964. Т. 20.
109. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. 1-2. М., 1988.
110. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
111. *Стефанович П.С.* Кого представляли послы «от рода рускаго» в договоре руси с греками 944 г.? // Древняя Русь. 2011. № 3 (45).
112. *Стефанович П.С.* Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института Российской истории РАН. 2013. Вып. 11.
113. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М., 1998.
114. *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён. Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.
115. *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Л., 1991.
116. *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.
117. *Таланин В.И.* К вопросу о вкладе русской знати в развитие средневековой литературы // Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы V науч. конф. 28 апреля 2016 года. Н. Новгород, 2016 (в печати).
118. *Таланин В.И.* К вопросу о происхождении богородских родов Третьяковых и Поповых // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. 2016. Вып. 14.
119. *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015.
120. *Таланин В.И.* Русские сословия: история и современность. Запорожье, 2006.
121. *Таланин В.И.* У истоков Руси. Очерки истории IX-XI вв. Запорожье, 2001.
122. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 2.
123. *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А.* «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI - XIII вв. Кишинев, 2002.
124. *Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. 2007. Вып. 7.
125. *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб., 2011.
126. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб., 1903.
127. *Усачёв А.С.* «Старость глубокая» в XIV-XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. 2014. № 1 (55).

128. *Флоровский А.В.* Русское летописание и Я.А.Коменский // Летописи и хроники. М., 1974.
129. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
130. *Черненко О.Є.* Династичні імена нащадків Святослава Ярославича (XI – середина XIII ст.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.
131. *Членов А.М.* Древлянське походження князя Володимира // Укр. істор. журн. 1970. №№ 9-11.
132. *Членов А.М.* По следам Добрыни. М., 1986.
133. *Ширинский С.С.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Русь и славяне. М., 1978.
134. *Шушарин В.П.* «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990.
135. *Юсупович А.* Галицкие «выгнаньцы» или «выгонци»? // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6).
136. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
137. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
138. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту… М., 1998.
139. *Almási T.* Záh Felicián ítéletlevele // Aetas. 2000. T. 15.
140. *Bakács I.* Hont vármegye Mohács előtt. Budapest, 1971.
141. *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. 1927. N 35.
142. *Beihuber Á.* Borcseppek a kardélen. Gondolatok Záh Felicián merényletéről // Sic Itur Ad Astra. 2006. № 1-2.
143. *Bonkalo A.* The Rusyns. New York, 1990.
144. *Bubak J.* Księga naszych imion. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993.
145. *Chaloupecky V.* Dvě studie k dějinam Podkarpatska. II. Kdy bylo Horni Potisi připojeno k Uhram // Sbornik Filos. Fak. University Komenskeho v Bratislavě. 1925. Roč. III. Č. 30.
146. *Chaloupecky V.* Stare Slovensko. Bratislava, 1923.
147. *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwszepokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008.
148. *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242-1250 (ze szczególnym uwzględneniem kwestii matrymonialnych) // Україно-угорські етюди. Львів, 2010. Вип. 1.
149. *Dimnik M.* The dynasty of Chernigov. 1146-1246. Cambridge, 2003.

150. *Engel P.* Magyarország világi archontológiája 1301–1457. T. 1. Budapest, 1996.
151. *Engel P., Pálosfalvi T., Ayton A.* The Realm of St Stephen. A history of Medieval Hungary, 895-1526. London, 2001.
152. *Erdős P.* A borosjenői nemes és borosjenői és szegedi gróf Tisza család rövid története // Matrikula. 2014. T. 4.
153. *Fine J.V.A.* The Late Medieval Balkans: a critical survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor (Michigan), 1994.
154. *Font M.* Einige raprazentanten des Kleinadels im polnisch-ungarischen Grenzgebieten im 13 Jh. und die Zukunft ihrer Familie. // Specimina nova universitatis quinqueecclesiensis. 1995. № 9.
155. *Frenken A.* Naso, Johannes // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 6. Herzberg, 1993.
156. *Fügedi E.* Ispánok, bárók, kiskirályok. Budapest, 1986.
157. *Gácser I.* Az 1211. évi tihanyi összeírás helyesírása és hangtani sajátságai // A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. 1941. T. 58.
158. *Györffy G.* István király és műve. Budapest, 2000.
159. *Györffy G.* King Saint Stephen of Hungary. New York, 1994.
160. *Hodál J.* Pôvod, sídla a hodnosť predkov rodu Hunt-Pázmány // Historický sborník. 1946. T.4.
161. *Horvat R.* Povijesti Hrvatske. Knjiga I. Zagreb, 1924.
162. *Kiss L.* Ungarisch-slawische Wechselbeziehungen in der toponymie des Karpatenbeckens // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum / Ed. R. Visser. Amsterdam; Atlanta (GA), 1992.
163. *Komáromy A.* A Borosjenei Tisza család ősei. Budapest, 1895.
164. *Kontler L.* Millennium in Central Europe: a history of Hungary. Budapest, 1999.
165. Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Eds.: G. Kristó, P. Engel, F. Makk. Budapest, 1994.
166. *Kovács W. A.* Széczényi Tamás erdélyi vajda familiárisairól (Néhány kiegészítés az Archontológiához) // Erdélyi Múzeum. 2005. № 67. Füz. 3-4.
167. *Körmendi T.* A Gertrúd királyné elleni merénylet a külhoni elbeszélő forrásokban // Történeti Szemle. 2009. Vol. 51.
168. *Kristó G.* Csák Máté. Budapest, 1986.
169. *Kristó G., Makk F.* Az Árpád-ház uralkodói. Budapest, 1996.
170. *Kristó G., Makk F.* Károly Róbert emlékezete. Budapest, 1988.
171. *László M.* A magyar állam főméltóságai Szent Istvántól napjainkig: Életrajzi Lexikon. Budapest, 2006.

172. *Lechner K.* Die Babenbergen: Mark-Grafen und Herzoge von Österreich 976-1246. Wien, 1994.
173. *Lelkes G.* Magyar helységnév-azonosító szótár. Budapest, 1992.
174. *Louda J. MacLagan M.* Lines of Succession: Heraldry of the Royal Families of Europe. London, 1999.
175. *Lukačka J.* K otázke etnického pôvodu veľmožského rodu Hont-Poznanovcov // Forum Historiae. 2010. T. 4. № 2.
176. *Lukačka J.* The beginnings of the nobility in Slovakia // Slovakia in History. Cambridge, 2011.
177. Magyarország történeti kronológiája. Vol. 1 / Ed. L. Solymosi. Budapest, 1981.
178. *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278. Racibórz, 2008.
179. *Nagimyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011.
180. *Niesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1840. T. 5.
181. *Nistor I.* Românii şi Rutenii in Bucovina. Studiu istoric şi statistic. Bucureşti, 1915.
182. *Onciul D.* Scrieri istorice / Ed. A. Sacerdoţeanu. Bucureşti, 1968. Vol. 1.
183. *Pietsch F. von.* Familienarchiv Schmidt-Alberti. 1795-1935 // Findbücher zu Beständen des Bundesarchivs. 2004. Bd. 104. Bestand Q 3/48.
184. *Pop I.-A., Nägler T.* The History of Transylvania. Vol. 1. Cluj-Napoca, 2005.
185. *Rady M.* Customary law in Hungary: courts, texts and the tripartitum. Oxford, 2015.
186. *Rady M.* Nobility, Land and service in medieval Hungary. London, 2000.
187. *Satała Z.* Poczet polskich królowych, księżnych i metres. Szczecin, 1990.
188. *Segeš V.* Nitra Appanage Duchy // Slovak history: chronology & lexicon. Bratislava, 2002.
189. *Seibert H.* Naz (Naso), Johannes (IV) // Neue Deutsche Biographie. Bd.19. Berlin, 1999.
190. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / Eds.: F.Sulimierski, B. Chlebowski, J. Krzywicki, W. Walewski. Warszawa, 1895. T. 14.
191. *Sokop B.* Stammtafeln europäischer Herrscherhäuser. Wien; Köln; Weimar, 1993.
192. *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo: počiatky stredovekého Slovenska: rozprávanie o dejinách nášho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12 storočia. Bratislava, 2004.
193. *Steinhübel J.* The Duchy of Nitra // Slovakia in History. Cambridge, 2011.
194. *Sysyn F.E.* Between Poland and the Ukraine: the dilemma of Adam Kysil, 1600-1653. Harvard, 1985.
195. *Sugar P.F., Hanák P., Tibor F.*A history of Hungary. Bloomington; Indianapolis (In.), 1994.
196. *Swoboda W.* Andrzej I // Słownik Starożytności Słowiańskich. 1986. T. 7. Cz. 2.

197. *Ţeicu D.* Geografia ecleziastică a Banatului medieval. Timişoara 2007.
198. *Vaníček V.* Velké dějiny zemí Koruny české III. 1250-1310. Praha, 2002.
199. *Vattai F.E.* A Margitszigeti korona és gyürü // Folia Archaeologica. 1966/1967. Vol. 18.
200. *Werba C.* Die arischen personennamen und ihre träger bei den Alexanderhistorikern. Ph.D. diss. Vienna, 1982.
201. *Wertner M.* Boris und Rostislaw. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889.
202. *Zakrzewski S.* Bolesław Śmiały // Rocz. Pam. Uniwersytetu Lwowskiego. l901.
203. *Zedler J.H.* Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschafften und Künste. Bd. 23. Leipzig, 1740.
204. *Zsoldos A.* Családi ügy – IV. Béla és István ifjabb király viszálya az 1260-as években. Budapest, 2007.

Научное издание

В.И. Таланин

Русская и русско-венгерская знать X-XV вв.:

историко-генеалогическое исследование

Редактор *Е.Н. Михеева*

Ответственный за выпуск *Н.З. Олейник*

Технический редактор *Е.В. Ткаченко*

Подписано в печать 27.05.2016. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Times.

Усл. печ. лист. 14. Тираж 300 экз. Зак. № 217.

Запорожский национальний университет

69600, м. Запорожье, ГСП-41

ул. Жуковского, 66

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей полиграфической продукции

ДК № 2952 от 30.08.2007